ВЕЧНЫЙ КРОЛИК

ДЖАСПЕР ФФОРДЕ

Роман похож на безумную смесь «Обитателей холмов» и «1984».
The Guardian

fanzon

Вечный кролик
Джаспер Ффорде

Аннотация
Джаспер Ффорде. Вечный кролик
Скоростное Библиотекарство
Тосты и «Две ноги – хорошо»
Опознаватели и опознание
Фадды и Ушастые
Росс и кролики
Грисвольд и сплетни
Пиппа и листовки
В воскресенье по соседству
Бесплодные поиски и поход по магазинам
Старший Руководитель
Ужин и бренди из одуванчиков
Фотография Лабораторного кролика
Кроличий бунт
Поход по магазинам и Салли Ломакс
Пересуды и завтрак
Гнев и ярость во «Всех Святых»
Копы и котенок
Разговор по ролям
Рваная футболка Тоби
Конни и осторожность

Невеселое утро
Мегакрольчатник
Машина и арест
Искусство заключать сделки
Подсадная утка для подсадной крольчихи
Попрыгунья Констанция
Кролик на прослушке
Ужин и божественное начало
Кризис дружелюбия
Кролик-адвокат и Леминстерская тюрьма
Защитник Ланселот де Ежевичный
Кроличья Колония № 1
Начало конца
Битва за Мей Хилл
Последствия
Благодарности

Аннотация

55 лет назад в полнолуние выпал снег, потом начался самый жаркий из дней лета, который закончился зеленым закатом. В радиусе 16 миль заржавела вся алюминиевая фольга, а стекло стало блестеть, как нефтяная пленка на воде. Тогда очеловечились 18 кроликов – изменились, выросли и приобрели человеческие формы.

Почему? Это шутка высших сил? Или средство, чтобы заставить возгордившихся своей уникальностью людей задуматься?

Но наша история начинается, когда семья Кроликов переселяется в городок, где им не рады.

Джаспер Ффорде
Вечный кролик

Не будет лишним чаще повторять: все живое едино.

«Краткая история почти всего на свете», Билл Брайсон

Для человеческого глаза всякий кролик выглядит почти так же, как и любой другой.

«Частная жизнь кролика», Р. М. Локли

Скоростное Библиотекарство

Кто-то однажды сказал, что на самом деле доминирующая форма жизни на нашей планете – это библиотеки. А люди существуют лишь для того, чтобы помогать им плодиться и размножаться.

— Вы все еще смотрите вестерны, баронесса Тэтчер? — спросил я, медленно прохаживаясь перед шеренгой волонтеров, стоявших наготове снаружи нашей библиотеки — небольшого здания в псевдонеотюдоровском стиле, расположившегося в центре Муч Хемлока, что посреди графства Херефордшир, которое, в свою очередь, находится почти в самом сердце Великобритании.

Муч Хемлок был, во всех смыслах этого слова, середнячковым местечком.

— Самые лучшие вестерны это те, которые совсем на вестерны и не похожи, — сказала баронесса Тэтчер, — например, когда они больше смахивают на древнегреческий эпос. Как «Железная хватка», к примеру.

— Мне больше по вкусу «Шейн», — сказал Стэнли Болдуин, который, как мне казалось,

воображал себя сладкоречивым человеком, обладающим недооцененной властью и влиянием. Уинстон Черчилль заявила, что они оба неправы и что фильм «Случай в Окс-Боу» гораздо лучше, поскольку в нем поднималась в целом поучительная тема внесудебной расправы. Невилл Чемберлен попыталась примирить их и найти какой-нибудь компромисс, в то время как Дэвид Ллойд Джордж просто молча сидела рядом и отдыхала, морально готовясь к напряженным шести минутам Скоростного Библиотекарства, которые нам предстояло пережить.

Пожалуй, мне стоит пояснить. Созданная и расхваленная правительством АКроПаСК «Рабочая группа по стратегической разработке и внедрению библиотек в сельской местности» в соответствии с предвыборными обещаниями партии оставила библиотеки открытыми, но сократила число библиотекарей ровно до одного, при этом еще и урезав ему рабочие часы. А это означало, что каждая из двенадцати библиотек графства могла открываться лишь раз в две недели ровно на шесть минут.

И вот тут-то на сцене появлялся отряд лжеполитиков, отобранных лично мною. Благодаря тщательному планированию, быстрым пере-

движениям, четкому пониманию десятичной классификации книг Дьюи и жесткому следованию инструкции мы могли за отведенные нам триста шестьдесят секунд принять, выдать, отложить и продлить двухнедельный объем книг. Все и вся называли это мероприятие не иначе как *Блицкниг*.

Меня зовут Питер Нокс, но в ближайшие шесть минут для вас я — Джон Мейджор.

— Вы готовы, Стэнли? — спросил я мистера Болдуина, который отвечал за возврат и отложенные книги. На самом деле его звали мистер Слокомб, и он был отставным подполковником королевских ВВС Великобритании. Он был знаменит тем, что потерял ухо, катапультируясь из своего «Хантера» над Аденом. Что примечательно, среди обломков бомбардировщика нашли одно-единственное ухо, которое потом пришили на место. Что еще примечательнее — ухо оказалось не его.

— Всегда готов, командир.

— Мистер Мейджор? — позвала меня миссис Грисвольд, которая обычно заведовала магазином Муч Хемлока, почтовым отделением, местными сплетнями и пабом. — Я не могу вспомнить, кто я — Уинстон Черчилль или Дэвид Ллойд Джордж.

— Вы — Дэвид Ллойд Джордж, — ответил я. — Вы берете книги с полок и передаете их мистеру Чемберлену, который относит их на стойку к миссис Тэтчер, которая передает их Единственному Библиотекарю, чтобы та их проштамповала. Это же *так просто*.

— Точно, — сказала миссис Грисвольд. — Дэвид Ллойд Джордж. Поняла.

Для Скоростного Библиотекарства я разработал систему экстренных кодов, и миссис Грисвольд точно подходила под код 3–20: «Лицо, приглашенное в команду *Блица* из дипломатических соображений, но не приносящее совершенно никакой пользы». Увы, но никто, кроме меня, не знал, что означает код 3–20, поскольку система пока еще не получила того внимания, которое, как мне казалось, она заслуживала. Кстати, у такого положения дел тоже был свой код — 5–12: «Недостаточный интерес к эффективным методикам».

Часы на церкви пробили без четверти одиннадцать, и болтовня затихла. Началось молчаливое ожидание. Мы уже видели, что Единственный Библиотекарь готовится к открытию. Она разрешала нам ставить книги на полки, записывать бронь в журнал и даже пользоваться карточками,

но вот ее печати были священны — их могла касаться лишь она. Именно поэтому миссис Тэтчер должна была раскладывать книги и карточки перед Единственным Библиотекарем, чтобы та могла проштамповать как можно больше. Ритмичный стук резиновой печати о бумагу был лакмусовой бумажкой, говорившей об успешности *Блицкнига*.

А еще Скоростное Библиотекарство быстро становилось зрелищным видом спорта. Телевидение, к несчастью, к нам пока не приезжало, но на каждый *Блиц* приходили местные зеваки, готовые морально поддержать нас и обеспечить после *Блица* чаем, печеньками с тмином, полотенцем, чтобы утереть пот, и массажем. Впрочем, не все зрители приходили, чтобы помочь. Норман и Виктор Маллет были де-факто старейшинами нашего поселка и занимали главенствующее положение почти в каждом собрании, от приходского совета до церковного фонда. Даже когда Муч Хемлок принимал участие в конкурсе от компании «Спик и Спан» «Самый красивый и аккуратный поселок Херефордшира», и тут они были главными. Они не очень-то любили библиотеки и считали, что те «лишь попусту тянут деньги из государственного бюджета».

На этот раз они заявились якобы для того, чтобы поддержать текущего Невилла Чемберлена, роль которого играла супруга Виктора Маллета. Но на самом деле они пришли, чтобы всласть повозмущаться всем, что не вмещалось в рамки их узкого мировоззрения, и забрать иллюстрированную копию «Побед и достижений британской колониальной системы», которую Норман просил для себя отложить.

За две минуты до открытия мистер Черчилль, которая должна была заниматься продлением, аудиокнигами и заменой старых журналов на чуть менее старые, дала нам понять, что ей нужно отлучиться в туалет и в ближайшие пятнадцать минут она вряд ли вернется. К счастью, эта проблема не была неразрешимой, ведь мистер Битон, мой давний друг и сосед, был еще и дублером, готовым взяться за любую роль.

— Сможешь изобразить Черчилля? — спросил я.

— «Мы никогда не сдадимся», — широко улыбаясь, ответил он, а затем глубоко, с надрывом закашлялся.

— Вы хорошо подумали? — негромко сказал мне Стэнли Болдуин. — Мне кажется, ему нездоровится.

— Мистер Битон в превосходном здравии! — как можно более обнадеживающе заявил я, хотя в действительности оснований для этого у меня не было: у мистера Битона было столько болячек, что его скорее следовало называть не пожилым человеком, а ходячей медицинской загадкой. За всю свою долгую жизнь ему посчастливилось избежать лишь двух недугов: «теннисного локтя» и смерти.

Так мистер Битон, ставший Уинстоном Черчиллем, послушно занял свое место у тачки, в которую были аккуратно сложены сорок шесть книг, отсортированных по номерам полок, чтобы их было удобнее туда возвращать. Я кивнул Дэвиду Ллойду Джорджу, обращая ее внимание на неожиданную замену в составе команды, и она кивнула мне в ответ. Затем мы увидели, как Единственный Библиотекарь подходит к главному входу в библиотеку и смотрит на часы, чтобы убедиться, что она не откроет двери ни на секунду раньше срока.

А это было действительно важно. Снаружи стояли два сотрудника Отдела по контролю времени открытия библиотек Херефордшира, вооруженные планшетами и секундомерами. Работа обоих оплачивалась — причем достойно

— Рабочей группой по стратегической разработке и внедрению библиотек в сельской местности, в которой на данный момент трудилось чуть менее четырех тысяч человек. По чистой случайности, *ровно* столько же библиотекарей оказались не нужны для выполнения предвыборных обещаний АКроПаСК.

Я посмотрел на собственные часы.

— Стрелки говорят, пора начинать наше шоу.

Единственный Библиотекарь сдвинула щеколду в сторону, и дверь распахнулась. Мы вошли внутрь по-военному четко, Уинстон Черчилль толкал перед собой тачку с книгами на возврат, а Мэгги Тэтчер тем временем запустила секундомер.

— Доброе утро, — поприветствовал я Единственного Библиотекаря.

— Доброе утро, мистер Мейджор, — нараспев ответила она. — Как думаете, мы успеем сегодня выполнить план?

— С такой же легкостью, с какой заключили Маастрихтский договор, — ответил я, стараясь излучать уверенность, хотя на самом деле я думал, что мы справимся с возвратами и выдачей, но не успеем оформить продления и отложенные книги. Наша команда быстро разошлась по своим

местам: мистер Черчилль, миссис Тэтчер и Стэнли Болдуин отправились прямиком к стойке и передали книги Единственному Библиотекарю. Через несколько секунд воздух наполнился ритмичным стуком — тук-тук-тук, — говорившим о том, что работа пошла.

В то же время Дэвид Ллойд Джордж и Невилл Чемберлен заспешили к полкам и начали перекладывать заранее заказанные читателями книги на тачку, готовясь передать их на стойку в тот же миг, когда с возвратами, продлением и бронью будет покончено. И тогда же мистер Болдуин вместе с Невиллом Чемберленом смогут поставить возвращенные книги на полки.

— Время? — громко спросил я.

— Прошло девяносто секунд, мистер Мейджор, — ответила миссис Тэтчер.

Все шло как по маслу, пока стук печати Единственного Библиотекаря вдруг не прекратился. Это означало, что в системе произошел сбой, и одновременно с этим Невилл Чемберлен объявила, что не может найти экземпляр «Планеты людей».

— Поищите в «Авиации», отдел три-восемь-семь, — сказала Единственный Библиотекарь, демонстрируя свое глубочайшее знание класси-

фикации Дьюи.

Пока Невилл разбиралась, на своем ли месте стоит Антуан де Сент-Экзюпери, я подошел посмотреть, из-за чего застопорилась обработка возвратов. Оказалось, что произошел код 2–76: миссис Дибли задержала книгу «Генри Форд и другие примеры для подражания для озлобившейся молодежи» на восемнадцать недель дольше положенного, и Единственный Библиотекарь заполняла бланк для штрафа.

— Эта леди явно не собиралась ничего возвращать, — сказала миссис Тэтчер, указывая на задержанную книгу. Я поморщился. Сегодняшний *Блиц* точно будет не из простых, но пока что ситуацию еще можно было спасти.

— Как у вас дела с «Планетой людей», мистер Чемберлен? — крикнул я в сторону полок. В тот же миг Дэвид Ллойд Джордж подкатила к стойке тележку, полную книг на выдачу.

— С «Планетой людей»? Да я принесла вам мир для всех людей![1] — ответила Невилл Чемберлен, победно поднимая нужную книгу.

---

[1] Примечания: 1

Отсылка к заявлению Н. Чемберлена от 30 сентября 1938 года, в котором он, демонстрируя толпе бумагу с подписью Адольфа Гитлера, заявил о том, что Германия в ближайшее время не будет представлять военную угрозу. (*Прим. пер.*)

Единственный Библиотекарь переключилась с возвращенных книг на выдаваемые, и ее печать застучала по-другому: тук-*тук*, тук-*тук*. Один удар приходился по библиотечной карточке, а второй — по графе «вернуть до…» в читательском билете, вложенном в начало книги. Следующим этапом была расстановка книг по полкам, и к тому моменту, когда миссис Тэтчер объявила, что «осталось две минуты», мы уже почти закончили, и наш небольшой отряд смог немного расслабиться. Этот *Блиц* мы наверняка закончим даже раньше срока. Я как раз возвращал экземпляр пугающе популярных «Величайших речей Сесил Родс в пересказе Освальда Мосли» в раздел «Аудиокниги», когда услышал позади себя:

— Я могу задать вам вопрос?

Я мгновенно замер, поскольку узнал этот голос. Я уже давно его не слышал, да и не думал, что когда-нибудь услышу снова. Негромкий, но с отчетливым юго-западным акцентом и легкой вопросительной интонацией. Я медленно повернулся, не зная, что сказать или сделать, и увидел перед собой Конни. Она смотрела на меня так же пронзительно, как и раньше, когда мы, будучи первокурсниками университета Барнстапла, засиживались вместе до ночи и пили кофе.

— Конечно, — сказал я, не понимая, узнала она меня или нет.

— Это вопрос о книге, — просияв, добавила она. Похоже, она совсем меня не узнала. Как ни странно, я почувствовал облегчение. Когда-то она мне нравилась, хотя я этого и не показывал, и, думаю, она чувствовала ко мне то же самое. Но после нескольких свиданий — она их таковыми, конечно, не считала, зато я мысленно называл их именно так, — ее попросили покинуть колледж, поскольку суд пересмотрел правовой статус ее приема. На этом все и закончилось. Я всегда хотел снова повидаться с ней, и в ближайшие недели мне предстояло частенько ее видеть. И через три месяца, во время битвы у Мей Хилл, я буду стоять рядом с ней, вдыхая запах паленой резины и бездымного пороха и слушая далекие отзвуки артиллерийской канонады. Но в тот момент я, конечно же, об этом не догадывался, да и она, наверное, тоже.

— Ну, вы же все-таки в библиотеке, — сказал я, надеясь, что она не заметит внезапно охватившего меня замешательства. — Что вы хотели узнать?

По правилам, она вообще не могла здесь находиться, и вовсе не потому, что была крольчихой.

Несмотря на то что жители городка *формально* имели право входить в библиотеку в рабочие часы, на практике этого никто не делал. Все-таки мы всего лишь исполняли свой гражданский долг, помогали обществу, а общество, в свою очередь, нам не мешало и разрешало продолжать трудиться от его имени. Так что я решил, что Конни — не просто моя старая знакомая, но еще и код 4–51: «Неопознанная гражданка в библиотекарском пространстве».

— Я ищу книгу «Крольчиха и предубеждение», — сказала она. — Она похожа на классический роман Остин, но действие происходит в крольчатнике и завязано на ушах, сексе, морковках, рытье норок и сексе.

— Вы сказали про секс дважды.

— Да, — сказала Конни, два раза моргнув. — Я знаю.

В отличие от людей, кролики почти не старели с возрастом — если им, конечно, вообще давали состариться. Вот и Конни практически не изменилась за те тридцать с лишним лет, что я ее не видел. Она была самой обыкновенной Дикой крольчихой с коричневой шубкой, хотя ниже ростом и более хрупкого телосложения, чем большинство других представителей ее вида. На

ней было коротенькое летнее платье в горошек, а поверх него — бледно-голубой кардиган на пуговицах. Ее длинные изящные уши были украшены маленькими сережками-гвоздиками — четыре посередине правого уха и три у основания левого. Сейчас, как и прежде, ее самой яркой чертой были глаза — большие и выразительные, один — ореховый, а второй — бледно-лиловый, цвета колокольчиков.

— Вы в порядке? — спросила она. Наверное, я слишком долго пялился на нее.

К счастью, именно в этот момент подала голос Невилл Чемберлен.

— «Крольчиха и предубеждение» должна быть в разделе шесть-три-два точка шесть-шесть, — сказала она, имея в виду номер из классификации Дьюи, относившийся к разделу «Техника (прикладные науки)/Сельское хозяйство и родственные отрасли/Уничтожение вредителей». Ответ был оскорбительным и предсказуемым. Все-таки она была замужем за Виктором Маллетом, а все хорошо знали, что их семейство враждебно относилось к любым чуждым им социальным и видовым группам. Поговаривали, что Маллеты приучали своих детей кормить уток лишь для того, чтобы они видели, «как эти твари дерутся

между собой».

— Вообще-то, мистер Чемберлен, — возразил Стэнли Болдуин, — скорее всего, это раздел шесть-три-шесть точка девять-три, — а вот это уже было менее оскорбительно. Раздел «Техника (прикладные науки)/Сельское хозяйство и родственные отрасли/Домашние животные/Кролики». Но снова мимо. Конни пришла сюда не за книгами *о* кроликах, а за серией британской классики, адаптированной *для чтения* кроликами. Серия была издана после события, известного как Спонтанное Очеловечивание. Тогда с финансированием таких адаптаций все было намного проще, поскольку интеграция кроликов в общество все еще считалась основным политическим курсом, а не несбыточными фантазиями идеалистичных либералов.

— Восемь-девять-девять точка девять-девять, мистер Мейджор, — прибавила Единственный Библиотекарь. Она не испытывала к кроликам никаких нежных чувств, но куда больше ее раздражало неправильное использование десятичной классификации Дьюи. — «Литература на других языках». Девятая полка.

— Я вас провожу, — сказал я, передавая возвращенные книги Невиллу, и она торопливо

направилась к полкам, наверняка чтобы поскорее вернуться и продолжить высказывать свои шовинистические взгляды. Я же быстро повел Конни в секцию иностранной литературы.

— Слушайте, — сказала она, хихикнув, — а когда вы называли свою команду именами бывших премьер-министров, вы стянули эту идею из того фильма Кэтрин Бигелоу про неудавшееся ограбление?

— Я… не понимаю, о чем вы.

— Да все вы понимаете, — сказала она. — Там еще Патрик Суэйзи и Киану Ривз снимались. Как же он назывался?

— «На гребне волны», — ответил я, вдруг вспомнив, что впервые посмотрел тот фильм с ней в студенческом кинотеатре. Мы заняли места в последнем ряду, где обычно садились влюбленные парочки, но мы там оказались вовсе не поэтому. Кролики, ходившие в кино, прекрасно понимали, что их уши, шевелившиеся от переизбытка эмоций, мешали зрителям сзади, и поэтому они из вежливости уходили на последний ряд. Помню, когда мы сели, наши плечи соприкоснулись, и мне это тогда очень понравилось, ведь никакой иной физической близости у нас не было.

— И я не стянул, — завершая свою мысль, доба-

вил я, — а скорее позаимствовал.

— Точно, — улыбнувшись, сказала она. — «На гребне волны». Вы могли еще резиновые маски на всех надеть, прямо как в кино.

— В них неудобно, да и скрываться нам не нужно, — ответил я. — И потом, если найти маски миссис Тэтчер и Джона Мейджора еще можно, то Невилла Чемберлена и Дэвида Ллойда Джорджа днем с огнем не сыщешь.

— Я слышала, что маску Уильяма Шетнера[2] можно раскрасить так, что он станет похож на кого угодно.

Я тоже слышал что-то такое, но вместо этого сказал:

— В масках, к тому же, очень трудно что-либо увидеть.

— Девяносто секунд! — объявила миссис Тэтчер.

— Вам повезло, — сказал я, доставая с полок два пыльных тома. — Эти книжки вам подойдут?

Я показал ей обложки, названия на которых были написаны на кроличьем языке. Ни я, ни

---

[2] Примечания: 2

Уильям Шетнер — канадский актер и писатель. Стал известным благодаря роли Джеймса Тиберия Кирка, капитана звездолета «Энтерпрайз» в сериале «Звездный путь». Раскрашенная маска Шетнера использовалась в хорроре «Хеллоуин». (*Прим. ред.*)

любой другой представитель человеческого рода не мог разобрать эти письмена[3]. Даже по прошествии пятидесяти пяти лет ни один человек не смог в совершенстве освоить ничего сложнее самых базовых правил кроличьего языка, как устного, так и письменного. Любые попытки людей заговорить на родном языке кроликов обычно вызывали у последних приступ истерического смеха и до сих пор оставались одной из главных тем для острот их комиков, наряду с шутками про уши, размер потомства, широкий этимологический смысл латинского слова *cuniculus* и анекдотами про пьяного кролика, по ошибке вошедшего не в ту норку во время брачного сезона.

— Ух ты! — воскликнула Конни, хватая одну из книг. — «Планета зайцеобразных». Вот это находка.

Я не был большим знатоком «Проекта по адаптации литературы для кроликов» начала восьмидесятых годов, но я точно знал, что из почти сотни книг только на одну был наложен запрет. В пересказе «Планеты обезьян» доминиру-

[3] Примечания: 3

Кроличья письменность похожа на подтеки грязи вроде тех, что остаются на крыльце после сильной непогоды. К слову, в кроличьем алфавите всего шесть букв: Н, И, Р, Х, У и Ф. (Здесь и далее без спец. уточнений прим. автора.)

ющей формой жизни на планете стали кролики. А сама книга стала горячей темой для обсуждения среди политиков, но, что важно, не среди самих кроликов. Антикроличья партия Соединенного Королевства, тогда еще только становившаяся на ноги, заявила, что главная сюжетная линия романа «не способствует добрососедским отношениям между людьми и кроликами», и добилась того, чтобы тираж изъяли и уничтожили.

— Наверное, судейские ищейки ее упустили, — сказал я.

— Я прочту ее семье, — улыбнувшись, сказала Конни. — Может, в ней будет над чем подумать.

Кролики редко читали в одиночестве. Они считали чтение книг зрелищным представлением, а не индивидуальным занятием. «Зачем делать что-то в одиночку, если можно поделиться этим с другими?» — говорили они.

— Запрещенная книга? — спросила Невилл Чемберлен, завершившая расстановку книг на полках и вернувшаяся к нам. Она схватила книгу и попыталась ее отобрать, но Конни не ослабила хватку. Так они и встали, обе держась руками и лапами за книгу, перетягивая ее туда-сюда между собой.

— Она стояла на полке, — сказала Конни Кро-

лик. — Значит, ее можно выдавать читателям. Так же и работают библиотеки.

— Вот только *мне* не надо рассказывать, как должна работать библиотека. — Тон Невилла Чемберлена перестал быть любезным, и перед нами оказалась ретроградка миссис Маллет. — Я была библиотечным волонтером, когда ты еще не знала, что такое морковка.

Насмешка была глупой, и они обе это понимали.

— Ух ты, — сказала Конни. — Как вы меня припечатали.

— Сорок пять секунд! — объявила миссис Тэтчер, и передо мной встала дилемма. Если Конни *теперь* была той же Конни, что я знал *тогда*, то она ни за что не примет отказ. А если мы выйдем за рамки дозволенного времени, то попадем под код 4–22: «Нехватка рабочего времени», и превышение будет вычтено из времени открытия следующей библиотеки. Я бросил взгляд в сторону двух надзирателей из Отдела по контролю времени открытия библиотек. Они внимательно смотрели на нас с порога, похожие на стервятников, приметивших раненую зебру.

— Мистер Мейджор, — обратилась ко мне Невилл Чемберлен строгим тоном, каким разго-

варивали со своими воспитанницами мадамы из женских пансионов семнадцатого века. — Наша библиотека — особое место, к которому нужно проявлять должное уважение.

— И как же это я проявила неуважение? — спокойно спросила Конни. — Нет, правда, просветите меня.

— Ты еще и *хамишь* мне, — возмутилась миссис Маллет, оскорбившись от того, что какое-то животное стало ей перечить.

— Ах, простите, — сказала Конни. — Так как же я проявила неуважение к библиотеке… *мэм*?

Внезапно повисла напряженная тишина. Смятение, предвкушение драки, недоумение — кто-то, возможно, испытал все сразу. Я набрал в грудь побольше воздуха. Достаточно возмутить одного Маллета, и возмутятся все они. Я уже не говорю о том, что Маллеты *всегда* находили повод повозмущаться, будь то политика, местные депутаты, социалисты или цена на лук. Когда передачу «Способы готовки дикорастущей картошки» перенесли с «Би-би-си» на «Четвертый канал», они не умолкали об этом несколько месяцев. Как бы там ни было, я серьезно относился к Библиотекарству и недолюбливал Маллетов… так что не мог упустить шанс позлить их, имея на

руках столь обоснованное оправдание. Я выждал секундную паузу и повернулся к Конни.

— У вас есть читательский билет?

— Конечно, — сказала она.

— Тогда можете пройти и оформить выдачу.

— Ну замечательно, — произнесла миссис Маллет, окончательно выходя из образа Невилла Чемберлена. — Мы что, теперь будем выдавать книги всем зайчикам, что заскочат к нам в дверь?

— Мы же в библиотеке, Исадора, — сказал я. — Мы выдаем книги. И в наше время неприлично называть их «зайчиками».

Она издевательски рассмеялась.

— Да ну брось, Питер, это же всего лишь название, слово, ярлык. Вроде «шляпы», или «машины», или «авокадо», или еще чего-нибудь. Оно ничего дурного не значит.

— А как тебе слово «лепорифобия»? — спросил я. — Оно тоже ничего не значит?

Я почувствовал, что мой выпад задел Исадору. Мне не стоило этого говорить, но, как ни странно, в присутствии Конни мне захотелось покрасоваться. Впрочем, на деле я был прав. Служба по надзору за кроликами рьяно следила за соблюдением принятой терминологии в отношении

своих подопечных, и, хотя отношения между Крольнадзором и кроличьим сообществом были натянутыми, мы должны были казаться беспристрастными и непредвзятыми. Даже те, кто называл всю совокупность кроликов «эти кролики», сегодня порицались.

— Двадцать пять секунд! — с растущим беспокойством объявила миссис Тэтчер. — Мистер Мейджор, нам пора уходить.

Прежде чем миссис Маллет успела возразить, я подвел Конни к стойке. Единственный Библиотекарь посмотрела на ее читательский билет, а затем перевела взгляд на Конни.

— Вас зовут Клиффорд Кролик?

— Это билет моего мужа.

— Вот и нарушение! Код 4–20, — восторжествовала миссис Маллет. Оказалось, что она все-таки *учила* мои коды. — «Ненадлежащее использование библиотечной собственности».

— Я беру книгу своему мужу, — сказала Конни. — Посетители ведь имеют право брать книги для других, верно?

Она обращалась к Единственному Библиотекарю, и та подтвердила свое согласие, опустив печать на читательский билет, а затем на книгу.

Потом она передала книгу обратно Конни[4].

— Десять секунд! — провозгласила миссис Тэтчер, и мы все поспешили к двери. Остальные члены нашего отряда уже ждали снаружи, и, как только дверь захлопнулась и щелкнул замок, миссис Тэтчер и надзиратели из Отдела по контролю сверили секундомеры. На них оставалось всего лишь три секунды.

— Отличная работа, — сказал я, стараясь добавить бодрости в нашу рутину, но рядом со мной уже никого не было, кроме Стэнли Болдуина и миссис Тэтчер. Остальные окружили наших зрителей, в особенности Нормана и Виктора Маллетов. Наверняка всем хотелось узнать, как Маллеты позволили крольчихе проскочить мимо них в библиотеку, и решить, что делать дальше. Я видел, как побагровела шея Нормана и как несколько горожан бросили в мою сторону неприязненные взгляды.

Я посмотрел по сторонам в поисках Конни и увидел, что она энергично скачет по улице в сто-

---

[4] Примечания: 4

В целях сокращения расходов в библиотеках Херефордшира снова была введена старая карточная система. У каждого посетителя имелся читательский билет. Библиотека забирала его и вкладывала внутрь карточки из каждой одолженной книги. На самих книгах, как и на остававшихся в библиотеке карточках, ставился штамп с крайней датой возврата книги. А читательские билеты хранились в глубоких картотечных ящиках. Но на деле все гораздо проще, чем кажется.

рону Леминстер-роуд. В одной руке она держала библиотечную книгу, а другой прижимала к уху мобильный телефон.

Она меня так и не узнала.

— Откуда в нашем поселке взялась крольчиха? — спросила миссис Тэтчер, проследив за направлением моего взгляда.

— Не знаю.

— Что ж, Питер, сегодня *Блиц* удался, — сказала она, а затем, увидев направившихся к нам Виктора и Нормана Маллетов, заспешила прочь.

— А теперь, — надменно заговорил Норман, искренне веривший в свое моральное превосходство, несмотря на все доказательства обратного, — мы с тобой побеседуем о том, стоит ли пускать зайчиков в библиотеку.

Но он не успел выпустить пар. Ровно в ту же секунду мистер Битон негромко застонал и свалился с ног. Мы вызвали «Скорую», а Ллойд Джордж и миссис Тэтчер начали по очереди делать ему непрямой массаж сердца и искусственное дыхание, но все было тщетно. Позже мы узнали, что у него случился сердечный приступ. Тогда мне в первый и в последний раз пригодился код 2–22: «Неизбежная смерть во время Библиотекарства».

— Говорил же я вам, что ему нехорошо, — ска-

зал Стэнли Болдуин.

Тосты и «Две ноги – хорошо»

Крольнадзор, или «Служба по надзору за кроликами», изначально назывался «Отделом по расследованию кроличьих преступлений». Но такое название сочли слишком агрессивным, и отдел по-тихому переименовали, чем сильно досадили мистеру Сметвику. Он-то хотел, чтобы название давало понять, что люди не потерпят «кроличьего криминала».

— Так мистер Битон просто взял и окочурился? — спросила Пиппа за завтраком в понедельник. Ее не было весь прошлый день и всю ночь, и я не слышал, когда она вернулась, но в этом не было ничего необычного. Я люблю ложиться пораньше, чтобы почитать, а ее спальня находилась на первом этаже. Да и вообще, она могла о себе позаботиться. Порой лучше не знать, ночуют дочери дома или нет. Ей было уже двадцать лет, но все равно. Лучше не знать.

— Ага, — сказал я. — Упал как кегля. Только ему, на минуточку, было восемьдесят восемь лет, так что это было вполне ожидаемо.

Я выглянул из окна кухни и посмотрел на стоявший по соседству Хемлок Тауэрс, где до прошлой субботы на протяжении многих лет проживал мистер Битон. Мы жили в здании, в котором когда-то находились конюшни этого старого дома, но, в отличие от самого Хемлок Тауэрс, их давно модернизировали, и жить здесь было гораздо приятнее.

— Интересно, кто туда теперь въедет? — задумчиво произнес я. Внушительное здание с башенками было жемчужиной обширной коллекции аккуратных домиков Муч Хемлока. Часть дома была возведена еще в четырнадцатом веке, и поговаривали, что сколы на фасаде были следами шальных мушкетных пуль времен Гражданской войны. Видимо, войска Парламента стреляли не намного точнее имперских штурмовиков из «Звездных войн».

— Кто-нибудь вроде мистера Битона, наверное, — сказала Пиппа. — С мешком денег, иммунитетом к холоду…

— …и с нездоровым подозрением к современному трубопроводу, — добавил я. — А еще с любовью к мышам и сырости из подвала.

Пиппа улыбнулась и передала мне тост с джемом, а потом налила себе еще одну чашку кофе.

— Я вчера была в гостях у Тоби, — сказала она.

— Понятно.

Мои взаимоотношения с Маллетами, и без того натянутые, стали намного сложнее с тех пор, как Тоби Маллет — младший сын Виктора — начал встречаться с Пиппой. Несмотря на его непростое семейство, Тоби был привлекательным и в целом благовоспитанным молодым человеком, но я так и не смог проникнуться к нему симпатией. На словах он придерживался довольно свободных взглядов, но мне казалось, что он притворяется ради Пиппы. Ведь я точно знал, что на самом деле его воззрения были близки к взглядам его отца. Когда в нашем поселке собрались ставить мюзикл «Звуки музыки», Тоби больше других просился на роль Рольфа. Всем он говорил, что просто хочет спеть «Шестнадцать, будет семнадцать» вместе с Пиппой, которая играла Лизль, но я, когда у меня бывало дурное настроение, думал, что ему просто хотелось вырядиться в нацистскую форму.

И все-таки, как бы я сам к нему ни относился, Пиппа могла спутаться и с кем похуже. Точнее, раньше она *уже* встречалась с ребятами намного хуже. Однако существовало Правило Общения с Дочерью № 7: не высказывать мнения о ее пар-

нях, если тебя не спрашивают, а если спросили — перестрахуйся и скажи что-нибудь нейтральное.

— Они что-нибудь говорили о кончине мистера Битона? — спросил я.

— Тебя никто не винил, — ответила она. Маллеты часто использовали Пиппу, чтобы передавать мне через нее свои мнения. — Он как минимум пятнадцать раз участвовал в *Блице* и понимал, насколько опасным может быть Скоростное Библиотекарство.

— Надеюсь, все остальные думают так же.

— Кроме нас, мистера Битона никто особенно не любил, — заметила Пиппа. — Ты помнишь, как все возмущались, когда он заявил: «Бедные не такие уж и плохие люди»?

— Да, поэтому-то он мне и нравился, — сказал я, вспомнив ту историю и усмехнувшись.

— Мне тоже. Но через пару недель его уже забудут. В нашем поселке такого не прощают. Помнишь, когда бабуля Уоткинс склеила ласты? Готова поспорить: в церковь народ пришел лишь для того, чтобы лично убедиться, что она мертва.

Пиппа села за стол и отпила кофе.

— Зато Маллеты сказали пару ласковых слов о том, как ты, по их мнению, чересчур вежливо

обошелся с той крольчихой, — прибавила она. — Причем я была рядом, так что они наверняка хотели, чтобы эти слова дошли до тебя.

— Да ну? — сказал я, ждавший чего-нибудь в этом духе.

— Ага. Они сказали что-то насчет того, что всегда терпели твои левацкие взгляды, но если ты начнешь мутить воду и вести себя «столь неоднозначно» по отношению ко всяким нежелательным личностям, то будь готов к последствиям.

Я отвернулся от окна и посмотрел на дочь.

— А ты сама как считаешь, я похож на левака?

Если честно, я сам считал себя центристом. Или просто никем. У меня не было времени на политику.

— По сравнению со всем остальным поселком, — с улыбкой сказала Пиппа, — я бы сказала, ты вообще почти марксист.

Муч Хемлок всегда был рассадником правых убеждений. Так уж сложилось исторически. Когда-то городок отличился тем, что осудил и сжег больше ведьм, чем любой другой город за всю историю Англии. Тридцать одну, причем все были оболганы, вплоть до зловещей ночи в 1568 году, когда они случайно сожгли настоящую. В течение сорока восьми часов после этого у ее обвините-

лей выскочили мерзкие черные пустулы, и все они умерли ужасной, мучительной смертью. Судьей тогда был Софония Маллет, но, к несчастью для эволюции, еще *до* своей смерти он успел породить нескольких детей, так что четыре века спустя на свет появились Виктор и Норман. Они старались сохранить семейные традиции, пусть даже пока им никто не разрешал сжигать ведьм.

— Я ведь не мучу воду, правда, Пип? — спросил я.

Она подняла глаза и улыбнулась. В этой улыбке я увидел ее мать. Прошло уже десять лет с тех пор, как она покинула нас, но я до сих пор так и не смог к этому привыкнуть.

— Нет, пап, ты не мутишь воду. А вот Маллеты мутят. Думаю, Виктор решил, что ты был слишком любезен с крольчихой, и теперь кролики решат, будто здесь им рады. А ты ведь знаешь, как Маллеты пекутся о том, чтобы сохранить «культурные основы» нашего поселка.

«Сохранение культурных основ нашего поселка» было одновременно девизом, миссией и священным долгом Маллетов, а также оправданием их радикальных взглядов. Своими речами о «культурных основах» Виктор и Норман на самом деле просто обосновывали свое желание

изгнать всех «нежелательных личностей». Причем эта категория была настолько широкой, что в ней приходилось выделять множество подкатегорий, каждая из которых по-своему досаждала им. И дело вовсе не ограничивалось чужаками или кроликами — они терпеть не могли всех, кого называли «паразитами». Впрочем, этим словом можно было заклеймить очень многих, хотя, как ни странно, в эту категорию почему-то не входили все те, кто рано ушел на пенсию. Были и другие группы, к которым они относились с подозрением. Например, к владельцам «Фольксваген Пассат» — «машины напыщенных леваков». А еще прибавьте к ним вегетарианцев, тех, кто ходит в босоножках, мужчин с «чересчур ухоженной» бородой и женщин, которые носили джинсовые комбинезоны, громко разговаривали и имели дерзость считать, что их взгляды кого-то интересуют или — о ужас! — могут оказаться правильными.

— Мне кажется, я разрешил Конни взять ту книжку просто для того, чтобы их позлить, — сказал я.

— За что тебе честь и хвала. — Она помолчала секунду, а затем спросила: — Откуда ты знаешь, как ее зовут?

— А… Ну… Прочитал в читательском билете.

Я придумал достаточно убедительную ложь, хотя и сам не понял, почему вдруг решил скрыть нашу дружбу.

— Наверное, ее полное имя Констанция. Они любят викторианские имена. Косят под персонажей Беатрис Поттер[5], наверное.

Пиппа кивнула, и с улицы до нас донеслись два автомобильных гудка. Салли Ломакс и Пиппа были неразлучны с тех пор, как они впервые встретились в яслях, и стали друг другу ближе сестер. Салли тоже училась в медицинском колледже — правда, на педиатра, а не на менеджера, — и могла подвозить туда Пиппу. Моя дочь допила кофе и взяла свои вещи.

— Я заступилась за тебя перед Маллетами, — сказала она, целуя меня в щеку. — Сказала им, что тебе пришлось проявить такую оскорбительную терпимость исключительно из-за Библиотечных Правил и что ты любишь кроликов не больше их самих.

— Спасибо, — сказал я.

---

[5] Примечания: 5

Очеловеченные кролики, по всеобщему мнению, сильно смахивали на тех, что были описаны в сказках Беатрис Поттер. Никто не знал, почему так вышло, но сами кролики очень полюбили дух, стиль и колорит этих произведений.

— Увидимся вечером.

И она вышла из дома.

Я убрал со стола, включил посудомойку, ровно в девять взял свой портфель, пиджак, ключи от машины и вышел на улицу. Тоби Маллет уже ждал меня у гаража — мы работали в одном и том же офисе в Херефорде, и я частенько подвозил его. К моему неудовольствию — хотя этого следовало ожидать, — рядом с ним стоял его отец, Виктор Маллет. Все мы вежливо поприветствовали друг друга.

— Доброе утро, — сказал Виктор.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе утро, — сказал Тоби.

Когда эта наисложнейшая церемония завершилась, Виктор спросил:

— Ты не подбросишь меня до города? А то моя машина сейчас в мастерской — клапаны заржавели.

Я согласился, ведь я не мог *не* согласиться, хотя было очевидно, что Виктору не столько нужно было добраться до Херефорда, сколько хотелось сделать мне выговор за случай с Конни. Мы даже не успели выехать из поселка, когда он заговорил:

— Прости, что вышел из себя у библиоте-

ки, — сказал Виктор. — Еще и благоверная моя обозлилась на тебя из-за этого неблагонадежного члена общества. Ты прав, той крольчихе можно было там находиться.

— Все в порядке, — сказал я, зная, что он обычно так и начинает. Любезность, лесть, притворное дружелюбие, а сразу за ними — попытка добиться своего. Виктор был предсказуем как часы, хотя пользы от него было гораздо меньше. Дальше он наверняка спросит меня, не знаю ли я, что это была за крольчиха.

— Кстати, — сказал он, — а ты не знаешь, что это была за крольчиха?

— Какая крольчиха?

— Та, что пришла в библиотеку.

Я думал о Конни почти все выходные. В универе мы только пили кофе и ходили в кино. Да и виделись всего лишь раз десять. Мы никогда не говорили о том, чтобы начать встречаться, и уж тем более не делали никаких шагов к этому. Но она оставила у меня неизгладимое впечатление, и я думаю, что, может быть, тоже хоть чуточку впечатлил ее. Когда университет пересмотрел правила приема абитуриентов и задним числом запретил ей посещать занятия, некоторые студенты вышли на демонстрацию. На них на-

бросилась АКроПаСК — тогда еще не серьезная политическая сила, а всего лишь кучка агитаторов. Антикроличье сообщество попыталось подать документы на различные факультеты от имени восьми коз, четверых земляных червяков и одного пони по имени Дидди. Они утверждали, что раз уж кролики могли учиться, то, по логике, на это были способны и другие животные, причем даже глупые, неочеловеченные. Верховный Суд согласился с их доводами, и Конни вместе со всеми остальными кроликами-студентами были отчислены. Мы с ней даже не попрощались и перестали поддерживать связь. Я подумывал о том, чтобы разыскать ее по базе данных на работе, но так и не сделал этого.

— Она не представилась.

— А раньше ты ее видел?

— Нет… кажется, нет.

— Будет лучше, — сказал Виктор, — если мы будем точно знать, единичное ли это явление или часть какой-то закономерности. Так проще следить за общественным порядком в нашем поселке. Особенно это важно сейчас, когда с недели на неделю к нам приедут судьи из «Спик и Спан». Я не хочу, чтобы с нами произошло то же самое,

что случилось в Россе[6]. Там теперь шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на какого-нибудь зайчика, весь город пропах капустой, и ты ни единого слова на английском не услышишь.

— Я на днях зашел в «Паундленд», — прибавил Тоби, — и он был битком набит кроликами. Они только на своем языке и болтали. Клянусь, они нарочно делали вид, что не понимают меня, чтобы я поскорее ушел.

Я ничего не ответил. Да и что тут скажешь? То, что произошло в Россе, не нравилось никому, но все было законно. Уж я-то знал — на работе только об этом и говорили.

— Ты не мог бы сделать для нас несколько запросов, когда доедешь до Крольнадзора? — продолжал Виктор. — Я слышал, что крольчиха говорила, будто берет книгу своему мужу, Клиффорду. Наверняка за пределами кроличьих колоний не так много кроликов с таким именем, которые еще и посещают библиотеки.

— По-моему, это не самое подходящее использование рабочих ресурсов, — сказал я. Мне вовсе не хотелось быть мальчиком на побегушках у Маллетов. — И потом, мы всего лишь работа-

---

[6] Примечания: 6
Росс-он-Уай, третий по численности населения город Херефордшира.

ем в бухгалтерии. И если крольчиха и ее муж покинули колонию на законных основаниях, то Крольнадзору нет до них никакого дела.

Я скосил глаза на Виктора. Он сверлил меня пустым, немигающим взглядом, что обычно предвещало потерю самообладания.

— Что ж, хорошо, — сказал он. — Мы всегда можем попросить «Две ноги — хорошо» навести справки.

На тот момент в Британии существовало три организации, продвигавшие идеи «превосходства гоминидов». «Две ноги — хорошо» была крупнейшей из них, самой организованной… и самой жестокой. Я сразу догадался, чего добивается Виктор Маллет.

— «Две ноги — хорошо» — самые обыкновенные бандиты, — сказал я. — Не стоит обострять ситуацию.

— Они вовсе не бандиты, а патриоты своего вида, — высокомерным тоном ответил Виктор. — И хотя мы восхищаемся их рвением и политической борьбой, я соглашусь, что иногда им стоит проявлять сдержанность. Стоит потушить одного кролика, и они становятся больше похожи на

правых радикалов и лепорифобов[7], а они ими *не являются*. Нет, они всего лишь реалисты, обоснованно беспокоящиеся за многовидовое общество.

Я вздохнул и сказал:

— Сделаю, что смогу.

Виктор Маллет широко улыбнулся. Ему нравилось добиваться своего, и, когда это случалось, он даже мог недурно изобразить из себя приятного человека. Через полчаса мы добрались до Херефорда, и я высадил Виктора в районе Боблсток.

— Всего хорошего, старина! — сказал он, выбравшись из машины. — Тебе и Пиппе стоит как-нибудь зайти к нам на ужин.

Приглашение было неискренним, и я точно так же неискренне ответил, что мы обязательно зайдем.

— Вы уж извините папу, — сказал Тоби, когда мы отъехали и направились дальше в город. — Он всего лишь хочет как лучше для нашего поселка.

— Я уверен, Пол Пот[8] тоже хотел как лучше

---

[7] Примечания: 7

Лепорифобы — те, кто боится кроликов, не доверяет им или просто терпеть их не может. Но вы, наверное, и сами уже об этом догадались.

[8] Примечания: 8

Пол Пот — камбоджийский политический и государственный деятель, лидер движения Красных Кхмеров. Правление Пол Пота, сопровождавшееся массовыми репрессиями и голодом, привело к гибели, по разным оценкам, от 1 до 3 млн человек. (*Прим. ред.*)

для Камбоджи, — ответил я, — но получилось как всегда. *Шучу*, — прибавил я, когда заметил, что Тоби приготовился устроить театр одного оскорбленного актера. С Маллетами часто такое случалось, когда им хоть чуточку перечили.

— Как думаешь, — сказал я, желая сменить тему, — кто заменит Дэниелса?

Дэниелс был сотрудником нашей службы безопасности, причем, пожалуй, самым приятным из всех, что у нас работали. Но его работа была незавидной, а «приятные» люди в Крольнадзоре надолго не задерживались.

— Понятия не имею, — сказал Тоби. — Кто бы это ни был, надеюсь, с ним будет легко работать.

Я припарковался прямиком у местного отделения Крольнадзора. Он находился в приземистом здании, построенном в тридцатые годы в стиле халтурного псевдомодерна и переименованном в Сметвик-центр. Сделал это сам премьер-министр Найджел Сметвик, желавший оставить после себя хоть какое-то наследие, пока в его руках еще было достаточно власти для этого.

Сметвик начал свой подъем по крутой политической лестнице пятнадцать лет назад, став министром кроличьих дел. В те времена АКроПаСК была еще всего лишь партнером

по коалиции, и, чтобы отметить собственное повышение, новоиспеченный министр в разы увеличил число запретов для кроликов. Он лично составил «Нормативы регулировки строительства подземных сооружений» и «Закон об обязательном лицензировании овощей с оранжевыми корнеплодами». Естественно, новые законы увеличили число арестов и тюремных заключений кроликов, а Сметвик обвинил во всем этом «растущую кроличью преступность». На этом основании он, как и следовало ожидать, безо всякого зазрения совести увеличил бюджет и штат сотрудников Крольнадзора.

— Ну и ну, — сказал я, заметив у входа в главный офис небольшое сборище людей. — Похоже, «Две ноги — хорошо» опять чем-то недовольны.

Их было всего четверо, и, судя по всему, они собрались здесь не для того, чтобы устроить пикет, а для того, чтобы просто обозначить свое присутствие. Несмотря на то что эта шовинистическая организация нередко бывала замешана в нападениях на кроликов, чаще всего она оказывалась на шаг впереди закона. Наперекор распространенным стереотипам, ее члены вовсе не были необразованными хулиганами в татуировках и с IQ ниже плинтуса. Напротив,

они преимущественно были представителями среднего класса: владельцами мелких магазинов, менеджерами средней руки, фундаменталистами англиканской церкви, безработными скорняками и шапочниками. Были среди них и несколько докторов, адвокатов, а также ярых защитников окружающей среды, считавших, что увеличение популяции кроликов «угрожает разнообразию биологических видов сильнее, чем человечество»[9].

— Доброе утро, джентльмены, — сказал один из активистов, когда мы прошли мимо. — Пожалуйста, продолжайте все так же неколебимо следовать праведному пути антропоцентризма.

Другой держал в руках плакат, кричавший о том, что скоро откроется «Мегакрольчатник», а третий высказал мнение, что зарплатный потолок для кроликов слишком высок и создает «запредельную нагрузку на промышленность». Мы ничего не ответили, поскольку сотрудникам Крольнадзора запрещалось вступать в подобные шовинистические группировки или водиться с ними. Если честно, Крольнадзор, АКроПаСК и «Двуногие» придерживались почти одних и тех

[9] Примечания: 9

Они частенько вспоминали про остров Маккуори. Можете почитать о нем в Википедии, если найдется свободная минутка.

же взглядов, а различие состояло лишь в законности, степени ответственности и вменяемости их действий.

— Простите! — послышался голос из второй группы, поменьше. Они стояли на другой стороне улицы, и до этого момента мы их не видели. — Вы не могли бы обсудить с нами работу Агентства по поддержке кроликов?

Этих активистов было всего двое, и стояли они в ста метрах от Сметвик-центра — по закону они просто не имели права подойти ближе. Человека звали Патрик Финкл, он был основателем АгПоК и на данный момент занимал должность регионального руководителя. Он выглядел зажатым и напуганным, словно все последние двадцать пять лет ждал, когда за ним придут. Я о нем слышал, да и частенько видел, но мы никогда не разговаривали. Это тоже было запрещено.

— Не хотите поговорить о Кроличьем Пути? — спросил второй, хорошо известный в Кроль-надзоре кролик по имени Фентон ДГ-6721. Он был высоким, с белоснежной шубкой и пронзительными красными глазами, присущими всем Лабораторным кроликам. В его ушах было с полдюжины дырок от пуль, а одет он был, как обычно, в джинсовый комбинезон. Его благотворительная

деятельность говорила о многом, и Фентона могли бы счесть «приемлемым примером успешной интеграции кроликов в человеческое общество», если бы не его стремление публично обсудить кроличьи проблемы с различными высокопоставленными гостями страны. Из-за этого его заклеймили «проблемным».

— Фуфло этот твой Кроличий Путь, — крикнул им через дорогу один из «Двуногих». — Можешь взять свою дрянную религию, веганские заскоки и тупой идеализм и засунуть их себе поглубже под хвостик.

— Что мне всегда нравилось в сторонниках превосходства гоминидов, — непринужденно бросил в ответ Фентон, — так это их красноречивость.

— Мы верим в *исключительность* гоминидов, а не в *превосходство*, — ответил активист, цитируя постановление, согласно которому использовать второе слово стало незаконно, а вот первое было признано приемлемым и точно отражающим действительность, ведь, по сравнению с кроликами, представителей семейства гоминидов на планете было и правда исключительно много. — Почувствуй разницу.

— Та же редька, но под другим соусом, — сказал Фентон. — Что ж, наши устои хотя бы дают

нам осознать себя, свое место в биосфере и наши отношения с другими представителями нашего же вида. А как там поживает ваша Декларация прав человека?

Декларация с самого начала была объектом жарких споров между людьми и кроликами, которые с издевкой высмеивали самый восхваляемый из документов, принятых людьми за последние полстолетия. Кроличий Путь основывался не на личных правах, а на личной ответственности, согласно которой каждый индивид был обязан заботиться о других. Кролики считали, что глупо возлагать на каждого обязанность требовать от окружающих, чтобы те уважали их права.

Отвечая на выпад, «Двуногий» разразился тирадой об иерархии приматов и о важности заботы о планете, осуществляемой в виде благородного патернализма[10], ведь такой подход «столь блестяще работал на фабриках викторианской эпохи». Мы не слышали, что ответили Финкл и Фентон, поскольку уже отошли достаточно далеко. Споры, пикеты и полное игнорирование нами обеих сторон было для нас обычным

[10] Примечания: 10

Патернализм — (от *лат.* paternitas — отцовство) система отношений, основанная на покровительстве, опеке и контроле старшими младших (подопечных), а также подчинении младших старшим. (*Прим. ред.*)

делом.

— Вы видели руки Финкла? — спросил Тоби.

— У него нет больших пальцев, — ответил я. Речь шла о том, что некоторые сторонники кроликов отрубали себе большие пальцы, чтобы показать свою бескомпромиссную и безоговорочную приверженность их делу. — Я слышал, он хранит их дома в банке с уксусом.

Эта скандальная практика вызывала у многих неописуемый ужас и отвращение, но своего Финкл добился и завоевал доверие Большого Совета и всех кроликов. А вот АКроПаСК, Найджел Сметвик, Министерство кроличьих дел и Крольнадзор относились к нему ровно наоборот и считали мерзким олицетворением опасных взаимоотношений между кроликами и людьми.

— Я однажды показал кучке кроликов-подростков большой палец, — сказал Тоби. — Я тогда еще не понимал, что для них это оскорбление. Они гнались за мной семь миль, пока не догнали.

— Тебе нужно было попытаться сбежать на своей машине.

— Так я и *был* на машине. Они скачут очень быстро, когда этого хотят.

— И что они с тобой сделали? Обсмеяли, обругали и обозвали мерзким человечишкой?

— Нет, просто устроили что-то вроде круглого стола, во время которого посоветовали мне признать недостатки своего вида, а потом рассказали мне об устройстве кроличьего общества. Мол, оно основано не на законах, как мы их понимаем, а на общепринятых нормах и правилах, нарушение которых больше вредит нарушителю, поскольку не дает ему мирно сосуществовать с другими.

— А ты что об этом думаешь? — спросил я, желая понять, не изменились ли взгляды Тоби.

— По-моему, это какой-то высокопарный кроличий бред.

Я отметил, что его взгляды *совсем* не изменились.

Мы вошли в здание через главный вход на Гаолстрит и показали наши пропуска охраннице. Она прилежно их проверила, как делала каждое утро на протяжении пятнадцати лет для меня и двух для Тоби. Затем внутренние стеклянные двери отворились, и мы прошли мимо оперативников, работавших в просторном опенспейсе на первом этаже. По приблизительным подсчетам, в стране проживало чуть меньше миллиона человекоподобных кроликов, и лишь около ста тысяч из них имели законное право жить не на специально отведенной им территории. Остальные, согласно

принятым законам, должны были оставаться в колониях, а их право на свободное передвижение жестко контролировалось путем выдачи специальных разрешений.

— Вы не знаете, Старший Руководитель сегодня будет на месте? — спросил Тоби.

— Не знаю, — ответил я, — но, если он появится, вести наверняка разлетятся быстро.

— Я его побаиваюсь, — сказал Тоби.

— Я слышал, что его даже Найджел Сметвик побаивается, а его так просто не испугаешь.

Это было чистейшей правдой. Даже самые непримиримые и крикливые лепорифобы в здании считали Старшего Руководителя «чуточку склонным к бесконтрольной ярости». Впрочем, это не мешало им поддерживать его.

Здесь, в Службе по надзору за кроликами Западного региона, мы отвечали за 150 000 кроликов, проживавших на холме приблизительно в двадцати пяти милях от Росса. Кроличья Колония № 1 представляла собой большой, простирающийся во все стороны лабиринт из туннелей, над которым располагались огороды, прачечные, заводы по производству сэндвичей, вездесущие

колл-центры и сборочные цеха[11] электроники. И все это было огорожено противокроличьей изгородью, призванной, по заявлению Крольнадзора, «оберегать беззащитных кроликов от опасных сторонников превосходства гоминидов».

Мы прошли по соединительному коридору в более новую часть здания и очутились в нашем просторном и безупречно чистом офисе. Его стены были выкрашены в успокаивающий зеленый цвет, вокруг стояли растения в горшках, и рядом висел большой постер в рамке, на котором была изображена гора в Новой Зеландии, отражающаяся в озере. Постер должен был «мотивировать», но я не видел в нем ничего, кроме горы и озера. Несмотря на большие окна, в офисе было душновато и немного темно. Окна не открывались и были затонированы так, чтобы нас не видели снаружи. Поговаривали, что они пуленепробиваемые — их устанавливали в то время, когда люди еще верили, что кролики способны на массовые силовые акции.

Агент Куницын еще не прибыл, но заведующая сектором Флемминг уже сидела в своем кабинете

---

[11] Примечания: 11

На таких заводах все производилось из деталей размером не меньше игрушечных шариков. Когда у работника нет больших пальцев, о ловкости рук не может быть и речи.

— одной из двух огороженных стеклом комнат. Из них просматривался весь остальной офис, но при необходимости Флемминг и агент Куницын могли в них уединиться. Сьюзан Флемминг была улыбчивой и хорошенькой, из-за чего *казалась* намного более приятной личностью, чем была на самом деле. Из-за своих резких взглядов, веры в превосходство гоминидов, полного отсутствия любознательности и моральной отмороженности она почти идеально подходила для долгой и успешной карьеры в сфере надзора за кроликами. На стене ее кабинета висела не фотография семьи, а ее собственное фото с премьер-министром Найджелом Сметвиком и Старшим Руководителем. Скорее всего, снимок сделали, когда Флемминг повысили до заведующей сектором. Но, несмотря на свою миловидность, лицо Флемминг всегда было бесстрастным, а ее единственный глаз — она никогда не рассказывала, как потеряла второй, — почти не моргал и не двигался. Вместо этого она, чтобы смотреть по сторонам, поворачивала голову, чем напоминала мне неумело управляемую марионетку.

— Доброе утро, мистер Нокс, — сказала она.

— Доброе утро, мэм.

— Сегодня вы работаете в Оперативном отде-

ле, — без предисловий сказала она. — Наш новый безопасник принес с собой одно текущее дело. Он все выходные разрабатывал его вместе с Куницыным, так что не разочаруйте.

Мне это совсем не понравилось.

— У меня отвод от Оперативного отдела. Плоскостопие.

Я немного качнулся вперед-назад, как бы подтверждая сказанное.

— Чушь, — сказала Флемминг.

— Нет, правда. Справку выдавал наш штатный врач.

— Я сказала «чушь» не потому, что у вас нет справки, — пояснила Флемминг. — А потому, что плоскостопие — это полнейшая чушь. Слушайте, у Тоби недостаточно опыта и знаний, а все остальные уже заняты. Крольнадзору нужны толковые опознаватели, способные работать в полевых условиях, а не сидеть сутки напролет в четырех стенах.

— Да, но…

— …вам нужно проявить инициативу, Нокс. Некоторые из нас считают, что ваше рвение к работе начинает угасать. Если вы не начнете действовать, то мы можем решить, что нужно провести проверку эффективности вашей работы.

— Я ее проходил меньше двух месяцев назад.

— Я говорю о более *тщательной* проверке, которую проведет лично Старший Руководитель.

Она постучала своими длинными ноготочками по столу и склонила голову набок.

А вот это было уже серьезно. «Проверка эффективности» Старшим Руководителем представляла собой не вежливую беседу о проделанной работе, а скорее продолжительный и очень обидный нецензурный монолог.

— Вы на такое не пойдете.

— Пойду. Он уже сказал, чтобы вы зашли к нему на разговор, если откажетесь работать в Оперативном отделе.

Я почувствовал, как у меня вспотели ладони и скрутило живот. Расстраивать Старшего Руководителя не хотелось никому. Сотрудники старше меня предпочитали увольняться, лишь бы не получить от него выволочку, и смелые мужчины и женщины не раз выходили из его кабинета в состоянии травматического шока от его словесных угроз. Лишь немногие храбрецы осмеливались встретиться с ним взглядом, и я точно знал, что Тоби однажды взял выходной, после того как столкнулся с разозленным Старшим в лифте.

— Я пойду в Оперативный отдел, — сказал я.

Мне нужно было проработать еще как минимум десять лет, прежде чем я мог хотя бы *подумать* о пенсии.

— Хорошо, — сказала Флемминг. — Встреча с нашим новым безопасником назначена на полдень. Он пояснит, что вам нужно будет сделать.

Я сел за свой стол и собрался было работать, когда в офис вошел Адриан Куницын.

Из хорошего о нем можно было сказать лишь то, что в удачные дни он почти переставал быть несносным и, в сравнении со Старшим Руководителем и Найджелом Сметвиком, начинал казаться таким же добродушным, как Джули Эндрюс. Он работал в нашем отделе, расследовавшем кроличье мошенничество с использованием персональных данных, куда его переманили из службы безопасности Крольнадзора. Вдобавок у Куницына была полезная черта, позволявшая ему справляться с зачастую напряженной работой в Надзоре: он до глубины души ненавидел кроликов.

— Доброе утро, — сказал Куницын.

Мы тоже поприветствовали его, причем Тоби сделал это куда более радостно, ведь они вместе играли в сквош, или ракетбол, или еще во что-то в этом духе. Куницын был высоким и темным,

худым как швабра, с длинными руками и ногами, которыми он постоянно шаркал по полу, как какой-нибудь неуклюжий подросток. Его острые черты лица не выражали почти никаких эмоций, а маленькие черные глазки все время бегали по комнате. К тому же через всю его щеку шли два мясистых шрама, заканчивавшиеся на его недоразвитой челюсти. То был след кроличьего укуса, который он получил во время одного неудачного задержания. После Очеловечивания острые зубы кроликов увеличились, а челюсти стали настолько сильными, что разодрать ими чью-либо плоть не составляло труда.

Все считали, что Куницыну повезло, раз он отделался всего лишь шрамами.

— Кто-нибудь хочет чашечку чаю? — спросил Куницын, понимавший всю важность офисного этикета.

— Я хочу, — сказал Тоби.

— Пит?

— Не откажусь.

Он жестом спросил то же самое у Флемминг, и она ответила ему, подняв большой палец. Куницын собрался уже было уйти, как вдруг остановился и спросил меня:

— Ты ведь сегодня с нами, в Оперативном?

— Похоже, что так.

— Молодчина.

И он ушел.

— Не повезло, — сказал Тоби. — Но посмотрите на это с другой стороны — у вас здорово получается опознавать кроликов, так что они не станут подвергать вас опасности.

— Может, и так, — сказал я, но не стал вслух говорить о том, что именно меня беспокоило. Работа в Оперативном отделе была опасной. Причем опасность состояла не в угрозе моей жизни, а в том, что я мог увидеть нечто, чего видеть совсем не хотел. Если у меня и был какой-то принцип в работе на Крольнадзор, то звучал он так: «Не высовывайся, не отсвечивай и никогда, ни за что не соглашайся работать в Оперативном отделе».

Опознаватели и опознание

Кролики всегда с трудом отличали людей друг от друга. Цвет волос, кожи, одежда, походка, украшения и голос им в этом немного помогали, но чаще всего они просто действовали наугад. А во время исследований восемьдесят два процента кроликов не смогли отличить Брайана Блессида[12] от одетой ему под стать гориллы.

Установление личности отдельных кроликов с самого начала представляло непростую задачу. Сканеры отпечатков пальцев не работали, поскольку подушечки их лап были жесткими и кожистыми, а анализ ДНК оказывался бесполезен, потому что кроличий генофонд был плачевно мал. Взрослых самцов, побывавших в нескольких пистолетных дуэлях, можно было распознать по уникальному расположению дырок от пуль в их ушах. Некоторые даже шутили, что они похожи на IBM-овские перфокарты. Но в большинстве

[12] Примечания: 12

Брайан Блессид (родился 9 октября 1936 г.) — английский актер кино, театра, радио и телевидения.

своем подростки, самки и не дравшиеся на дуэлях самцы выглядели почти одинаково. Любого кролика, задержанного полицией или Крольнадзором, — неважно, произошел он от диких или от лабораторных, — нужно было изолировать от других, потому что, как только они оказывались среди себе подобных, их становилось невозможно отличить друг от друга.

Но далеко не *все* люди были неспособны замечать тонкости кроличьей физиогномики. Тоби, я и другие — никто точно не знал, сколько нас, — обладали генетической аномалией, позволявшей нам различать кроликов почти так же хорошо, как сами кролики различали друг друга. Как вы уже, наверное, догадались, Тоби и я были вовсе не простыми бухгалтерами на службе Крольнадзора. Мы были важной частью его механизма. Официально наши должности назывались так: «Специалист по опознаванию кроликов», но внутри Крольнадзора нас называли просто опознавателями. Как ни странно, эту способность люди находили в себе достаточно поздно. Я сам понял, что у меня есть такой дар, лишь когда обратил внимание на кролика, игравшего вместе с Патриком Стюартом главную роль в спектакле «В ожидании Годо». Я вспомнил, что уже видел

его раньше, в 1982 году. Он играл пажа в одной постановке с Лес Деннисом, где тот изображал вдову Твенки. После этого мне также вспомнилась реклама, обещавшая «головокружительные карьерные возможности» всем, кто мог отличать кроликов друг от друга. Я связался с Крольнадзором и прошел у них тест на сравнение кроликов, после чего служба безопасности тщательно проверила мое прошлое, дабы убедиться, что у меня не было «нездорового доброжелательного отношения к кроликам». Так меньше чем за две недели я сменил профессию и из сортировщика почтовых отправлений (посылок) переквалифицировался в опознавателя Крольнадзора. Если честно, мне не очень-то хотелось работать в Службе по надзору за кроликами, ведь лепорифобом я никогда не был. Но меня подкупил высокий оклад и пенсия в размере последней зарплаты в будущем. И самое важное: эта работа была надежной. Я мог опознавать кроликов до тех пор, пока их нужно было опознавать, то есть, как всем тогда казалось, *вечно*.

Поэтому восемь часов в день, пять дней в неделю, Тоби и я сравнивали фотографии кроликов, которым по какой-то причине понадобилось подтвердить их личность. Причин было множество:

устройство на работу, получение водительского удостоверения, задержание, бракосочетание, смерть, заявление о страховом случае, смена места жительства, судебные тяжбы, сбор сведений. Чаще всего проблем не возникало, поскольку кролики либо знали, что мы их отслеживаем, и поэтому не пытались подменить свои личные данные, либо просто были честны по природе своей. Однако иногда нам попадался кролик, пытавшийся притвориться каким-нибудь другим ушастым. Между собой опознаватели называли таких *Миффи*.

Я вошел в систему и начал работу. Передо мной начали парами возникать изображения под заголовками «Сравнить» и «Оригинал». Я вводил вероятность того, что это был один и тот же кролик: сто процентов в случае, если я в этом уверен, ноль — если это точно разные кролики, ну и промежуточные значения в случае сомнения. У меня это хорошо получалось. Сейчас я мог опознать Миффи с точностью в девяносто два процента, а когда начинал — всего лишь в шестьдесят шесть процентов. Но никакой точной науки в этом не было. Всякий кролик, получавший менее семидесяти пяти процентов, отправлялся к другим опознавателям, а потом все оценки обрабатыва-

лись алгоритмом, который и выносил итоговый вердикт[13].

— А вот и чай, — сказал Куницын, вернувшийся с кружками. — Внимательно смотрите в свои мониторы, ребята, мы перехватили множество разговоров, где упоминается Ниффер. И хотя мы понятия не имеем, о чем речь, судя по возрастающей интенсивности передвижений, творится что-то неладное. Будьте бдительны.

Мы приняли его сведения — и кружки с чаем, — а затем продолжили свою работу, которая, хоть и казалась простой, вовсе не была *такой уж* элементарной. Восемнадцать очеловечившихся в самом начале кроликов можно было строго разделить на три группы: Дикие, Лабораторные и Домашние. Проще всего опознавались Домашние, у которых имелись различные отметины, заметные даже простому обывателю. Различить коричневых Диких было намного труднее, а Лабораторных — совсем сложно, поскольку их мех всегда был белым, а глаза — красными. Я даже пробовал сравнивать рисунок вен на ушах Лабораторных кроликов, и этот сторонний проект на протяжении последних семи лет завоевывал

[13] Примечания: 13

Алгорим иногда чуточку менялся в зависимости от того, выполняли мы план по задержаниям и приговорам или нет.

мне ежегодную награду «За надлежащее отношение к работе», а также редкое доброе слово от Старшего Руководителя. Несмотря на все плюсы, у «метода опознавания по ушным сосудам» был один существенный недостаток — уши кролика должны были просвечиваться лампой сзади, а такие фотографии к нам практически никогда не поступали.

— Вот же зараза, — сказал Тоби, словно услышав мои мысли. — Этих Лабораторных фиг различишь.

Мы продолжали работать и целый час лишь подтверждали полное сходство. Затем появилось несколько с вероятностью в районе пятидесяти процентов. Лишь около половины двенадцатого мне попался первый за день Миффи.

— Бинго, — сказал я, глядя на две фотографии, почти наверняка изображавшие двух разных кроликов. — Один Домашний заявляет, что он — Рэндольф де Ежевичный, проживающий в Берике.

Всего в момент Очеловечивания разумными стали три Домашних кролика — домашние питомцы, которых звали Геракл, Ежевичка и Лютик. Лишь у двух последних еще оставались прямые потомки. Семейство Гераклидов вымер-

ло во время Великого обмена нелюбезностями с династиями Домашних[14], произошедшего в 1980–88 годах, и, хотя несколько сотен кроликов и обладали характерной для этой семьи черной шубкой — полностью или отчасти, — ни один из них больше не носил эту фамилию. Де Ежевичные одержали победу в борьбе между знатными семьями, но всеобщей любви им это не принесло. Дикие и Лабораторные члены кроличьего сообщества с подозрением относились к большинству Домашних, говоря, что в прошлом они были слишком близки к людям.

Белоснежные Мак-Лютиковые, в свою очередь, обычно держались сами по себе, и их это устраивало.

Я поставил своему Миффи четыре процента. Флемминг спросила Тоби, согласен ли он — а он был согласен, — подписала ордер, и Куницын взялся за телефон, чтобы отдать приказ об аресте кролика на основании подделки документов, удостоверяющих личность. Куницын уже много раз делал это, основываясь на моих показаниях,

[14] Примечания: 14

Почти что настоящая война среди кроликов, наивысшей точкой которой стала четырнадцатичасовая «беспардонная» тирада Антона фон Гераклида, которая была встречена залпом саркастических комментариев, о которых говорят по сей день, и обычно вполголоса.

так что последствия ареста, которого я не видел, и всего, что за ним следовало, меня уже не сильно волновали. В первый месяц я еще переживал, но теперь — нет. Кролики тоже могли быть преступниками.

Когда суматоха закончилась, Флемминг вернулась к себе в кабинет, и Куницын занялся оформлением документов — а их было много. Я устроил себе перерыв и, движимый собственным любопытством и мыслями о Конни, а не просьбой Виктора Маллета, ввел в базу данных Крольнадзора запрос: «Клиффорд Кролик». Система выдала две тысячи результатов, и я сузил поиск до тех, кто проживал вне колонии в Херефордшире. Тогда совпадений осталось лишь три: один был не женат, второй в данный момент отбывал срок за «незаконную торговлю инсайдерской информацией о залоговых морковных облигациях»[15], а третий проживал в Леминстере по временному адресу для кроликов, законно покинувших колонию. Я выяснил, что этот последний кролик уже почти год был женат, и, наконец, нашел ее

[15] Примечания: 15
Вот здесь я и сам не в курсе, о чем речь.

— Констанцию Грейс Иоланту[16] Кролик. Чтобы перепроверить и убедиться, что это действительно она, я запросил ее фотографию в базе данных Агентства по трудоустройству кроликов.

Читая дальше, я узнал, что она была на два года старше меня и принадлежала ко второму поколению после Очеловечивания. Для того чтобы достичь ограничения, установленного кроличьей демографической политикой, — десять детей на семью, — ей не хватало целых восьми отпрысков. А еще она дважды становилась вдовой, что было довольно обычным делом — обычай взрослых самцов драться на дуэлях перед брачным сезоном нередко заканчивался их гибелью.

— Что это у тебя там? — спросил Куницын, глядя на меня со своего места. Я объяснил, что в нашем поселке объявилась крольчиха, и я хотел узнать, кто она.

— Что за поселок? — спросил он.

— Муч Хемлок.

Он хмыкнул.

— Политика сосуществования видов никогда не работала. Разные интересы, понимаешь ли.

---

[16] Примечания: 16

Кролики обожали оперы Гилберта и Салливана, хотя сами не очень-то умели петь. Лишь немногие могли хотя бы *попытаться* исполнить что-нибудь из «Микадо».

И я вовсе не лепорифоб, когда я говорю, что им не нравится интеграция, — это факт. У нее были приводы, на которые можно сослаться, чтобы ее выселить?

— Она не живет в поселке, — сказал я и, чтобы оправдать свой интерес к ней, добавил: — Я просто хотел убедиться, что она не из этих… ну вы знаете, не из кроличьих разведчиков.

— Мудрое решение, — сказал Куницын, согласно кивая. — С кроликами всегда нужно держать ухо востро. — Он посмотрел на свои наручные часы. — Нам пора на вводную, Нокс. Тоби, сегодня отработаешь два часа сверхурочных, чтобы выполнить план Питера.

— Хорошо, — радостно ответил Тоби. Благодаря профсоюзу опознавателей, нам платили двойную ставку за сверхурочные и щедро возмещали дни, когда приходилось работать без перерыва на обед.

— Флемминг сказала, что ты не очень-то хотел идти в Оперативный отдел, — сказал Куницын, когда мы стали спускаться по лестнице к залу совещаний. — Даже какую-то липовую справку у медиков выпросил. В чем дело-то?

Куницын, как и Флемминг, говорил то, что думал.

— Я работал с оперативниками в ту ночь, когда мы неправильно опознали Дилана Кролика, — сказал я, пытаясь получить от него хоть капельку сочувствия. — Это было два года назад. Последнее дело Старшего Руководителя перед его повышением.

— Да, с Диланом Кроликом действительно нехорошо получилось, — задумчиво сказал Куницын, наверняка думая об имидже наших органов, а не о Дилане, которого в итоге потушили. — Но если мы хотим поддерживать высокую эффективность Надзора, то небольшой сопутствующий ущерб будет всегда. Это неизбежно. Кроме того, Дилан Кролик наверняка был *хоть в чем-нибудь* виноват… или впутался бы во что-нибудь со временем.

— Газеты только об этом и говорили, — сказал я.

— Нет, — ответил Куницын. — «Ехидный левак» и «В свете фар»[17] только об этом и говорили. Остальные едва упомянули тот инцидент. И потом, не ты был главным опознавателем в том

[17] Примечания: 17

Самая популярная (и политически заряженная) ежедневная газета для кроликов. У нее нет интернет-издания, а распространение вне колоний запрещено из-за того, что «ее чернила не соответствуют стандартам индустрии».

деле. Против тебя даже обвинений не выдвинули.

Так и было. Я не участвовал в деле и нужен был лишь для того, чтобы подтвердить личность кролика. После неудачи разразился такой громкий скандал, что Сметвику пришлось отвечать за него перед Парламентом, а Крольнадзор обязали «тщательно разобрать и пересмотреть критерии опознавания». Впрочем, до нас дошла лишь единственная служебная записка, в которой нас просили «в ближайшие несколько месяцев повнимательнее относиться к процессу опознавания». Но дело было в другом. Я *знал*, что во время автомобильной погони мы взяли не того кролика, и я сказал об этом, но мой протест был отклонен. Меня не послушал не только главный опознаватель, уволившийся сразу же после того, как общественность узнала об ошибке, но и Старший Руководитель, пригрозивший «вышибить мне мозги к чертовой матери», если я не соглашусь подтвердить опознание. И я согласился.

— Опознание — это всегда та еще головная боль, — сказал Куницын, открывая дверь в комнату совещаний. — И пока Агентство по поддержке кроликов, Большой Кроличий Совет и все остальные мохнато-либеральные оппозиционеры не

согласятся ввести RFI-чипирование или небольшие татуировки в виде штрихкодов на ушах, нам и дальше придется полагаться на опознавателей. А они всего лишь люди и могут совершать ошибки. И потом, — добавил он, — если бы эти зайцы подколодные не пытались время от времени обойти систему, ничего такого бы не случилось. Так что они сами виноваты.

Когда мы вошли, Флемминг уже была на месте и мило беседовала с пятью оперуполномоченными. Я знал их всех в лицо, но по именам только троих. Опознаватели считали оперов воинственными отморозками, отличавшимися от бандитов из «Две ноги — хорошо» лишь офицерским значком и адвокатом от профсоюза. А сами опера считали опознавателей бесхарактерными трусами, лишь из-за своего везения получавшими чересчур высокую зарплату.

По указанию Куницына они все представились мне и вели себя вежливо, хотя я все равно видел — им не нравится, что меня включили в команду. Ведь я избегал Оперативного отдела не только из-за своего плоскостопия. Если вы собираетесь стать частью политически мотивированной группы, то вам нужны общая цель, согласие и *взаимопонимание*.

Наш новый сотрудник службы безопасности уже был здесь, но *такого* безопасника наша контора еще никогда не нанимала ни на постоянную службу, ни на временную.

Он был кроликом.

Фадды и Ушастые

Фадд – от имени Элмер Фадд – так кролики обычно уничижительно называли людей. Среди других ругательств были: розовокожий, хомо, бинго, лысый и Руперт. В кроличьем языке имелись и другие оскорбления, чаще всего касавшиеся эволюционно невыгодной частоты овуляции и постыдно маленького размера потомства.

Кролик, оказавшийся нашим новым сотрудником службы безопасности, имел слегка изумленный вид, словно еще в семидесятых его напугал свет автомобильных фар, и он до сих пор не отошел от шока. Его белая шубка — неухоженная, со спутавшимися клочьями шерсти, — указывала на его Лабораторное происхождение, а одет он был в украшенную вышивкой жилетку, поверх которой был наброшен длинный плащ, неоднократно залатанный вельветовыми заплатками. Кролики терпеть не могли выбрасывать вещи и частенько носили их до тех пор, пока они не начинали разваливаться.

К моему потрясению, когда кролик снял свой помятый коричневый котелок, на месте, где из его головы должны были торчать длинные уши, я увидел два уже зарубцевавшихся обрубка. Как говорили сами кролики, он был «обрезанным». Собственные сородичи приговорили его к самому суровому наказанию за совершенное им некое, вероятно, чудовищное преступление и изгнали из кроличьего сообщества. После такого большинство кроликов выбирали достойную смерть, выкапывали себе где-нибудь уединенную норку и оставались там умирать. Но другие, будучи не в состоянии смириться с унижением и утратой, становились отшельниками и бродили по стране, стараясь всеми средствами заслужить прощение. А некоторые, вроде этого кролика, зная, что возненавидеть их еще больше уже невозможно, переходили на другую сторону. Но даже так им все равно приходилось носить бремя своих грехов у всех на виду, каждый день, *вечно*.

«У пустого места больше права называться кроликом, чем у кролика без ушей», — гласила кроличья поговорка.

Один из оперов смотрел на него дольше, чем того позволяла вежливость, и безухий кролик низко и на удивление угрожающе прорычал:

— На что уставился, Фадд?

— Ни на что, — ответил опер.

— Знакомьтесь — агент Дуглас АЙ-002, — сказала Флемминг, с теплотой представляя кролика. Присутствующие тихо ахнули, поняв, кто он такой. — Он перешел к нам из Суиндонского офиса, и за него поручился сам Старший Руководитель. Относитесь к нему так, как относились бы к человеку, — прибавила она, явно пребывая в восторге от того, что на нашей стороне против кроликов будет работать кролик. — У него безупречный послужной список, а его нелюбовь к другим кроликам всем хорошо известна.

Я тоже раньше уже слышал о нем, хотя и никогда не встречал. Все кролики, предавшие свой вид, были обрезанными, но этого было недостаточно. Чтобы заслужить полное доверие, кролики на службе Надзора должны были продемонстрировать свои антикроличьи наклонности, и в этом АЙ-002 снискал себе страшную славу. Поговаривали, что чаще всего он заставлял своих сородичей говорить при помощи молотков. Они у него были разных размеров, от совсем крошечных до массивных гвоздодеров, на все случаи допросной жизни.

— Агент Куницын, — представился Адри-

ан. — Отдел мошенничества с использованием персональных данных. Мы встречались в прошлом году, на семинаре по проведению допросов. Мне очень понравился ваш доклад, тот, где вы подробно изложили свою методу извлечения информации — «засунуть подозреваемого в пыльный мешок и избить его палками».

— Палками для танца Моррис, — поправил его Дуглас. — Это важно. И спасибо. Ваш совместный доклад со Старшим Руководителем о том, что проект «Мегакрольчатник» сэкономит до ста миллионов фунтов в год, объединив все пять колоний в одну, показался мне весьма содержательным и своевременным.

— Благодарю, — сказал Куницын. — Вы очень добры.

— А это Питер Нокс, — сказала Флемминг, жестом подзывая меня. — Наш опознаватель.

Дуглас АЙ-002 с подозрением зыркнул на меня.

— Видел я твое досье, — произнес он после недолгого молчания. — Говорят, ты способный опознаватель, но обремененный излишним чувством справедливости.

— Я считаю, что нам важно действовать осторожно, — с трудом выдавил я. — Чтобы Кроль-надзор не выглядел глупо в глазах общества.

Несколько секунд он просто смотрел на меня.

— И все?

— И все.

Он еще немного посверлил меня взглядом, а затем зажал мою ладонь в обе свои лапы. Так выглядело человеко-кроличье приветствие, поскольку пожать кому-то руку без большого пальца было затруднительно.

— Я вас не подведу, мистер АЙ-002.

— Я уж надеюсь, — сказал безухий кролик. — Кстати, можешь называть меня Безухий. Все Фадды так делают.

— Я буду рад обращаться к вам так, как вы пожелаете, — сказал я, пытаясь проявить любезность.

— А я буду рад, если ты вообще не будешь ко мне обращаться, — ответил Безухий. — Но что-то мне подсказывает, что этому не бывать. Старший Руководитель сказал, чтобы я сразу же докладывал ему, если ты вдруг станешь распускать нюни из-за наших маленьких пушистых друзей.

— Безухий — прямодушный парень, — сказала Флемминг, когда неловкая пауза затянулась. — Агент АЙ-002, позвольте мне представить вам всех остальных.

— У вас отличные рекомендации, — сказал сержант Боскомб, когда они пожали руки и ла-

пы. — Ваши сородичи вас ненавидят.

— Они мне *не* сородичи, — безразлично ответил Безухий. — Они все у меня отняли, и я им ничего не должен.

— Рад это слышать, — сказал Боскомб и представил ему остальных. Безухий поздоровался со всеми деловито и отстраненно, но больше ни с кем не был резок. Я вдруг с беспокойством осознал, что сегодня меня отправили сюда для того, чтобы проверить. И если к концу дня моя преданность Надзору все еще будет под сомнением, то меня наверняка уволят, даже несмотря на опознавательские способности.

— Присаживайтесь, — сказал Безухий, включая подвешенный к потолку проектор и вытаскивая из своего портфеля коробку с пленочными слайдами. Кролики — все, а не только те, что работали в Надзоре, — терпеть не могли делать презентации в PowerPoint, и не потому, что для этого им приходилось пользоваться неприспособленными для лап клавиатурами и мышками. Нет, все дело было в том, что кролики практично подходили к технологиям. Если какая-то вещь прекрасно работала и не было *необходимости* ее менять, то они продолжали ею пользоваться. В большинстве колоний все еще использовали факс, старые

печатные станки и телефонные коммутаторы на ручном управлении. Хотя последние, скорее всего, сохранялись вовсе не из-за технологических преимуществ — кролики обожали сплетни, а на ручном коммутаторе подслушивать было так легко, что они просто не могли удержаться.

— Неопознанный Лабораторный кролик, — сказал Безухий, вставляя в проектор первый слайд, — похожий на тысячи таких же. На время операции мы будем называть его Джон Ушастый[18] 7770.

На экране появилось изображение, и мы уставились на ничем не примечательного белого кролика.

— И что он натворил? — спросил один из оперов.

— Дело не в том, что он натворил, — сказал Безухий. — И не в том, что он может натворить. Дело в том, что он знает. Судя по добытой нами информации, где-то в Колонии № 1, всего в двадцати пяти милях от нас, скрывается Банти.

«Банти», которую он упомянул, на самом деле

---

[18] Примечания: 18

«Джон Ушастый» — так обычно называли неопознанного кролика, по тому же принципу, что людей обозначали «Джон Доу». Крольчих, соответственно, называли «Джейн Ушастая». Из-за частого употребления слово «Ушастый» превратилось в жаргонное обозначение кролика с преступными наклонностями или, нередко, вообще любого кролика.

называли «преподобная Банти»[19]. Последние десять лет она была духовным лидером кроликов и обладала значительным влиянием. Ее местонахождение тщательно скрывалось из-за того, что однажды Сметвик сказал на публике: «Если бы в наших руках была Банти, кролики бы сделали все, что мы им сказали». Власти были очень заинтересованы в этой крольчихе, но она постоянно избегала поимки. Как ей это удавалось, оставалось загадкой, поскольку она регулярно перемещалась из колонии в колонию, дабы наставлять кроликов как в духовном, так и кулинарном развитии — а Лаго, Великая Прародительница, ценила домашнюю кухню не меньше духовного благополучия. Что хуже, никто не знал, как она выглядит, и, поскольку Банти всегда читала проповеди в маске, лишь немногие кролики знали ее в лицо. Эта предосторожность была на случай, если какой-нибудь кролик переметнется на сторону Крольнадзора.

— Она обладает пагубным влиянием на кроличье сообщество, — сказала Флемминг, — и Стар-

---

[19] Примечания: 19

На самом деле ее духовное имя звучало как «Б'аантии», но все, в том числе и кролики, звали ее Банти. Ее имя приблизительно переводилось как «теперь я вижу ясно», что повторяло первую строчку кроличьего гимна, а также песню Джонни Нэша, хотя, скорее всего, эти два произведения не связаны между собой.

ший Руководитель хочет взять ее под стражу, чтобы более полно установить ее мотивы.

Скорее всего, имелось в виду, что это Сметвик хотел, чтобы ее допросили, но сам премьер-министр старался держаться подальше от столь скандальных событий.

— Мы собираемся взять Банти, когда она будет в колонии? — спросил Боскомб. Ему явно понравилась эта идея, ведь для такого им наверняка пришлось бы задействовать несколько вертолетов, кучу техники, к тому же они получили бы крутые кодовые имена.

— В перспективе, — сказал Куницын. — Но на самом деле до нас дошли лишь *слухи* о том, что она в Колонии № 1, где пытается найти способ «завершить Круг».

— Что это значит? — спросил Боскомб.

— Мы *считаем*, — сказала Флемминг тоном человека, привыкшего работать с домыслами, а не с фактами, — что это может быть связано с планами кроликов на агрессивное использование своих репродуктивных способностей с целью захватить Соединенное Королевство.

— Да уж, — сказал Куницын. — Сейчас нам как никогда нужен Мегакрольчатник, чтобы запереть их в одном месте и избавиться от дамоклова

меча Взрывного Размножения.

Все присутствующие серьезно кивнули. Эта теория давно беспокоила Надзор, но пока у нас практически не было никаких доказательств, чтобы ее поддержать. Кроличий Совет назвал идею Взрывного Размножения «просто смешной», причислив к другим теориям кроличьего заговора вроде желания установить «Всемирный Веганский Порядок», заставить всю страну следовать «Кроличьему Пути» и начать поклоняться Лаго — богине кроликов.

— Дело в том, — продолжала Флемминг, — что общая длина лабиринтов под колонией превышает пятьдесят миль, и нам нужно сократить область поиска. Кроличье Подполье наверняка все время поддерживает связь с Банти, и поэтому нам так важно поймать и допросить этого Ушастого. Если возьмем его, сможем взять и Банти. А если возьмем ее, то прижмем вообще всех кроликов.

После того как мы несколько минут впустую разглядывали Ушастого, Безухий переключил проектор на другое изображение — на одну из главных улиц Росса.

— Нам известно, что Ушастый 7770 каждый вторник заходит в это почтовое отделение

в Росс-он-Уай, чтобы отправить письма в другие колонии. Он пользуется уличным почтовым ящиком и всегда приходит к четырем часам, когда происходит выемка почтовых отправлений, чтобы лично положить письма в почтовый мешок. Это, конечно, не на горячей морковке[20] попасться, но я считаю, что Ушастый 7770 ведет себя достаточно подозрительно, чтобы его допросить.

— Лабораторных же фиг расколешь, — пробормотал Боскомб.

Это было действительно так. Еще до Спонтанного Очеловечивания этих кроликов препарировали для экспериментов, так что любое «продолжительное применение грубой силы для давления на подозреваемого» их мало пугало. Именно поэтому любой носитель ценной информации, выходивший за пределы колонии, почти всегда оказывался Лабораторным.

— Я еще не встречал кролика, которого не смог бы переубедить, — зловеще произнес Безухий. Раньше собирать информацию было проще, поскольку кролики тогда были очень доверчивыми, но с годами они поумнели и научились «моргать с пустым выражением лица», отвечая на вопросы

[20] Примечания: 20

Кроличий жаргон, означающий «неопровержимую улику», «бесспорное доказательство» или «закрытый вопрос».

правоохранительных органов. И такой подход оказался крайне эффективным. Однако сами кролики знали, как разговорить других кроликов, особенно если они могли принять грозный вид и были безухими, — а для кроликов это было настолько же мерзко и жутко, как для нас человек с изуродованной половиной лица.

— Итак, — сказал Безухий, переключая проектор на следующий слайд, на котором был подробно изображен его план, — теперь разберем, как будет проходить операция.

Операция была самой обыкновенной — арест на месте. Всегда неожиданный и всегда стремительный. Взятому врасплох кролику было нужно от трех до пяти секунд, чтобы разбежаться и совершить первый прыжок. После этого остановить его мог лишь опер с мощным сетеметом, а это оружие обладало очень невысокой дальностью стрельбы, да и требовало целой команды загонщиков, не дававших кролику отскочить в сторону. В общем, задача почти невыполнимая. Так что Надзор обычно придерживался принципа «бей до первого прыжка».

Пока Безухий рассказывал свой план, остальные внимательно его слушали. Все оперативники должны были переодеться в гражданское и быть

готовы наброситься на Ушастого 7770 в тот же миг, когда он оставит письма. Затем кто-то задал вопросы, выслушал ответы, и наконец все сотрудники остались довольны планом. Куницын не мог участвовать, поскольку его было слишком легко узнать, но вот Безухий собирался пойти с нами и руководить захватом. Правда, он сказал, что замаскируется, и мне стало интересно как. Обычно кролики не могли притвориться никем, кроме кроликов.

— А какова моя роль во всем этом? — спросил я.

— Ты — наш план Б, — ответил Безухий. — *Перед* арестом ты хорошенько рассмотришь Ушастого на тот случай, если ему удастся ускользнуть. Так что потом ты сможешь его опознать.

— Я не могу этого гарантировать, — сказал я. — Он ведь Лабораторный.

Безухий очень недобро на меня посмотрел.

— …но я постараюсь, — прибавил я.

— Я очень на это надеюсь, — сказал Безухий. — Ради твоего же блага.

Через десять минут инструктаж закончился.

Росс и кролики

«Кроличьим» кроличий язык называли люди, а в их языке он назывался «Нифф» – одно из немногих произносимых слов кроличьего языка. К нашему разочарованию, слово «Нифф» могло также, в зависимости от контекста, означать: «кролик», «жизнь», «целостность», «морковка (прямая)», «тепло», «небо», «храповая отвертка», «самолет», «повозка», «морковка (изогнутая)», «сыр Венслидейл», «игра в классики» и «шестицилиндровый двигатель».

До кроликов в Росс-он-Уай проживало восемь тысяч людей, и только людей. Сегодня его население выросло до двадцати тысяч, причем преимущественно кроликов. Большинство из них жили здесь уже давно и были частью раннего эксперимента по интеграции кроликов и людей, проведенного в семидесятые Крольтрудом. Крольтруд был основан как общественная организация, призванная помогать кроликам с трудоустройством. Но за прошедшие годы орга-

низация выросла, заматерела и подмяла под себя *весь* кроличий труд, а сейчас и вовсе стала частью Министерства кроличьих дел.

Эксперимент по интеграции в Россе был невероятно успешным и до сих пор считается золотым стандартом мирного сосуществования видов. Однако, несмотря на это, дальше дело не пошло. АКроПаСК отнеслась к идее интеграции с презрением, облила проект грязью и подала массу жалоб о том, что «невообразимо распутный образ жизни кроликов наверняка развратит нашу молодежь». Несмотря на отсутствие каких-либо доказательств тому, что молодежи для собственного развращения требовалась чья-то помощь, АКроПаСК смогла добиться того, чтобы к дальнейшей интеграции стали относиться скептически. Когда их затея сработала и планы по интеграции были отменены, партия удивилась этому не меньше общественности. Она воспользовалась этим как основой для продвижения своей антикроличьей повестки. Никто не мог и предположить, что четыре десятилетия спустя эта партия возглавит страну.

— До Росса мы лишь терпели неудачи, — сказал один из официальных представителей АКроПаСК, — а после нас ждал лишь успех.

Несмотря на антикроличий настрой политиков, некогда сонный рыночный городок Росс превратился в оживленный коммерческий центр, где процветали торговля, ремесла, писательское и художественное искусства. Также здесь появились две высшие школы, в которых изучались философия, высокая кухня и экология. Некоторые жители поначалу жаловались на кроликов, но насыщенная ночная жизнь, жизнерадостный настрой новых соседей и, конечно же, новые возможности для торговли, расположили людей к ним. Несмотря на то что кроликам платили мало, они любили быстро тратить заработанное. Особенно хорошо шли дела у баров, продававших деликатесы из листьев салата, а также у многочисленных овощных магазинов, одного успешного книжного магазина и нескольких кальянных. Кролики собирались там, чтобы обсудить политику, экономику и выведение новых разновидностей морковки, пока их кальяны бурлили и источали ароматы разных сортов кроличьего табака — он делался из щавеля, кошачьей мяты, лопуха, сельдерея или одуванчика. По утрам в кальянных проводились публичные чтения — в той, мимо которой мы проехали, всю неделю читали «Собор Парижской Богоматери».

Крольнадзору было также важно то, что Росс имел статус «открытого города»: открытого для торговли, жительства и — самое важное — для тех, у кого был однодневный пропуск на выход из Колонии № 1, находившейся на востоке в восьми милях от города. Благодаря постановлению местных властей, принятому из самых благих побуждений сорок лет назад, автобусы с кроликами могли перемещаться между колонией и городом безо всяких проверок документов. Это стало своеобразной головной болью для Крольнадзора, поскольку члены запрещенного Кроличьего Подполья теперь могли свободно передвигаться. Ни в одной другой колонии таких свобод не было, поэтому считалось, что Подполье базируется именно в Колонии № 1.

Уже была половина четвертого, и я вместе с Безухим АЙ-002 сидел в его «Кадиллаке Эльдорадо» напротив почты.

— Фадд-Один, где вы сейчас? — спросил Безухий. На глазу у него была повязка, а на голове — набитый газетами тэм-о-шентер, скрывавший отсутствие у него ушей. Опер с соответствующим позывным доложил, что стоит напротив почты в дверях мастерской, где ремонтировали лампочки. Оперативники заняли позиции по

всей округе: кто-то пил желудевый кофе в кафе на улице, кто-то оживленно разговаривал по мобильнику, а кто-то просто спрятался и ждал, готовясь оказаться рядом и наброситься на Ушастого 7770, когда тот появится.

— Вас понял, — сказал Безухий в микрофон, принимая сообщение сержанта Боскомба, что с севера к нам направляется Лабораторный кролик с портфелем в руках. Безухий посмотрел на часы, а затем уточнил у оперативника, преследовавшего почтовый грузовик, время их прибытия. Мы получили ответ, что грузовик прибудет через двадцать минут. Приняв оба доклада, Безухий вытащил из коричневого бумажного пакета морковку и стал громко ею хрустеть.

— Так, значит, вы — АЙ-002? — спросил я, стараясь не обращать внимания на хруст морковки.

— Ага, — ответил Безухий, явно не желая продолжать разговор.

Так как его фамилия состояла из букв и цифр, он явно произошел от трех лабораторных кроликов, попавших под воздействие Очеловечивания. Из-за проводившихся над их предками экспериментов у всех Лабораторных кроликов были проблемы со здоровьем. Исключение составляли потомки АЙ-002, который, к стыду своих

отпрысков, был контрольным подопытным и не подвергался никаким тестам. По этой причине многие АЙ-002 испытывали чувство вины, которое нередко проявлялось в антисоциальном поведении. Вот только этого было недостаточно, чтобы объяснить обрезание ушей. Безухий наверняка совершил какое-то серьезное прегрешение. Либо совращал крольчих, либо занимался тем же, чем и сейчас. Кролики терпеть не могли коллаборационистов, равно как и тех, кто принуждал других к близости.

Еще пять минут мы сидели молча.

— Меня что, хотят проверить? — спросил я.

— Не знаю, — сказал Безухий, поднимая глаза от кроссворда, который он пытался разгадать. — А тебя надо проверять?

— Я был в составе группы, арестовавшей Дилана Кролика, — сказал я. — Старший Руководитель хотел, чтобы я подтвердил личность кролика, а я засомневался. Мой протест отклонили, но я все-таки оказался *прав*, и потом все пошло к чертям собачьим…

— Ты мне это сейчас для чего рассказываешь? — спросил Безухий. — А то ты начинаешь очень по-человечески распускать сопли и заниматься саможалением.

— Наверное, ни для чего, — сказал я. — Но из-за того, что я не настоял на своем, ни в чем не повинного кролика потушили, и мне показалось, что это хороший…

— Слушай, — сказал Безухий, — невиновных кроликов не бывает. Просто есть те, кто уже совершили преступление, и те, кто его совершат. Ты слышал, что сказали Куницын и Флемминг — высока вероятность того, что кролики собираются запустить кампанию по Взрывному Размножению. И тогда менее чем через пять лет кроликов в этой замечательной стране станет в три раза больше, чем Фаддов. Ты хочешь оказаться меньшинством в своей собственной стране?

— Ну конечно же, нет.

— Правильно, — сказал Безухий. — Тогда почему бы тебе не захлопнуть варежку, не провести опознание, которое каким-то чудесным образом поручили именно тебе, и не оставить глобальную стратегию Найджелу Сметвику и Старшему Руководителю?

Я замолчал. АКроПаСК уже лет тридцать раздувал свою любимую теорию заговора о Взрывном Размножении, но если вспомнить, что кролики жили среди нас уже пятьдесят пять лет и едва достигли численности в миллион, то они скорее

проявляли «похвальную сдержанность» в своем размножении[21].

Мой наушник зашипел и включился.

— Ушастый 7770 прибудет через минуту, — послышался голос Боскомба, за которым последовал доклад о том, что почтовый грузовик направился в центр города, чтобы совершить выемку. Безухий заерзал на своем сиденье и внимательно уставился на дорогу. Я поступил так же, и вскоре из-за угла вышел Лабораторный кролик, направившийся к почтовому ящику. У него, как и у других человекоподобных кроликов, была необычная походка — они ходили прямо и на задних лапах, но шагали до смешного неуверенно и вразвалочку. Кролик держал кожаный портфель, прикованный к его запястью, и был одет в удобную твидовую охотничью куртку поверх клетчатой рубашки с галстуком. Промеж его ушей примостился такой же плоский берет, небрежно сдвинутый набекрень.

— Узнаешь его? — спросил Безухий.

— Нет.

---

[21] Примечания: 21

Учитывая то, что кролики могут начинать плодиться с трехлетнего возраста, рожать до шести раз в год, а в одном помете у них может рождаться около восьми детишек, то, даже при скромных 15 % детской смертности, кролики могли превзойти по численности людей в Британии всего лишь за четыре года.

— Я тоже. Вылезай и подойди к нему поближе.

Несмотря на то что опознавать Лабораторных кроликов было труднее всего, вблизи это частенько становилось проще благодаря морщинкам на носу, отметинам на радужке глаза, расположению усов. А если бы мне удалось встать против солнца, то я смог бы разглядеть сосуды в его ушах, чтобы потом сравнить. Но для этого мне было нужно чуточку везения — в тот день солнце то выходило, то пряталось за облака.

Я перебросил через плечо кожаную сумку и нацепил на голову берет. Поскольку кролики различали людей с таким же трудом, с каким обычный человек различал кроликов, они старались запоминать одежду и манеру двигаться и общаться. Поэтому агенты Крольнадзора либо старались изобразить неуклюжую походку, либо, чаще всего, одевались под стать региональным или культурным стереотипам. Я решил притвориться йоркширцем и на ближайшие полчаса стать Эриком Альтвейтом, рабочим из Харрогита.

Я выбрался из машины, взял под мышку живого уиппета, чтобы завершить свой образ, и, зажав в руке несколько открыток, уверенно перешел дорогу, говоря случайным прохожим, что я из

Йоркшира[22]. Ушастый 7770 уже ждал у почтового ящика, и я брел среди пешеходов — почти все они были кроликами, — которые либо неторопливо прогуливались, либо шли, либо бежали вприпрыжку по улице. Я, пожалуй, никогда прежде так не нервничал, но понимал, что не мог себя выдать. Моя будущая карьера и платежеспособность зависели целиком и полностью от меня. Я должен был сделать все правильно.

Подошел я вовремя, поскольку по улице к нам уже направлялся ярко-красный почтовый грузовик. Если Ушастый 7770 и нервничал, он этого не показывал. Он не смотрел на часы, не оборачивался, чтобы посмотреть на приближающийся грузовик, да и вообще, казалось, ничего не делал. Просто непринужденно стоял с пустым выражением лица, подергивая носом. Что досадно, у него не было никаких приметных черт, по которым я мог бы опознать его, если увижу снова. Так что я подошел поближе и купил в автомате несколько марок, а затем невозмутимо наклеил их на открытки. В тот же миг солнце вышло из-за облаков, и я повернулся, чтобы посмотреть на Ушастого, надеясь, что мне наконец повезло. Увы,

---

[22] Примечания: 22
Йоркширцы и правда так делают.

между солнцем и Лабораторным кроликом встал почтовый грузовик. Пока кролик оставался на месте, я не мог разглядеть сеть тончайших сосудов в его ушах. Я ощущал присутствие рядом и других агентов под личинами Деревенского Простака, Перламутрового Короля и Шотландца. Они были готовы схватить его в тот же миг, когда почтальон откроет ящик и Ушастый передаст ему свою сумку с письмами. Но, пока я смотрел, случилось кое-что необычное. Из ниоткуда появились *еще три* Лабораторных кролика похожего роста и телосложения, одетые точно так же и с точно такими же портфелями, пристегнутыми к их запястьям. План Безухого провалился, Кроличье Подполье решило перестраховаться. Вероятно, они знали, что обычно арест совершают три опера, так что даже если они *смогут* схватить троих кроликов, то наверняка упустят четвертого. И все кролики были Лабораторными, чтобы запутать вероятных опознавателей.

В моем наушнике послышалась ругань Безухого, а затем он приказал:

— Хватайте их. Хватайте всех.

Оперативники бросились арестовывать Лабораторных. Если бы кролики решили сопротивляться, то исход захвата был бы совершенно

иным, поскольку одного удара задней лапой было достаточно, чтобы переломать человеку кости, разорвать внутренние органы и запустить несчастного в витрину магазина, а прицельный укус мог и вовсе оказаться смертельным, если жертва успевала истечь кровью.

Но ничего такого не произошло, ведь кролики гораздо лучше людей осознавали последствия своих действий. Когда оперативники приказали им «Стоять! Не двигаться!», Лабораторные захихикали, перемешались друг с дружкой, чтобы запутать нас, а затем разбежались в разные стороны, словно хотели поиграть с нами в догонялки.

— Нокс, не стой столбом! — раздался у меня в ухе голос Безухого. — Бегом за четвертым!

До этой секунды я стоял, обмерев от неожиданного поворота событий. Все-таки я был всего лишь опознавателем, а не оперативником. Я такими вещами не занимался. Однако я все равно огляделся и заметил четвертого Лабораторного кролика, не спеша шагавшего к старинному зданию городского рынка, стоявшему в начале главной улицы.

— Слушайте, — сказал я в микрофон, прикрывшись тем, что якобы решил потереть рот. — Меня этому не учили. У меня, кажется, даже нет ника-

кого права его арестовывать.

— Идиот, мне не нужно, чтобы ты его арестовывал, — сказал Безухий. — Мне нужно, чтобы ты его хорошо рассмотрел.

Приказ был разумным, и я пошел по улице вслед за кроликом. Я потерял его из виду, когда он свернул направо от здания рынка, а затем, подойдя к книжному магазину «Росситерс»[23], увидел, как он поднимается по ступеням к церковному кладбищу. Когда я подошел к кладбищу, то успел заметить, как он исчезает за дверью церкви. Я неторопливо подошел к церкви, остро ощущая, что вокруг меня одни кролики. И хотя они не смотрели в мою сторону, периферическое зрение кроликов было настолько широким, что можно было с уверенностью сказать: если ты видишь кролика, значит, и он видит тебя.

Я остановился, чтобы привязать уиппета у входа и, воспользовавшись возможностью, прошептал в микрофон:

— Подозреваемый Ушастый зашел в церковь, но там может быть ловушка. Возможно, они все это подстроили, чтобы схватить опознавателя.

---

[23] Примечания: 23

Магазин очень хороший и продает кроликам книги по принципу обратного лизинга. Кролики считали бессмысленным покупать что-то, чем ты воспользуешься один раз в шесть-семь лет.

А такое тоже могло быть. Именно поэтому опознавателям запрещалось посещать колонии, хотя мои личные данные и должность в Крольнадзоре были засекречены, а в качестве прикрытия я говорил, что работаю бухгалтером.

— Не имеет значения, — сказал Безухий. — Мне нужно, чтобы к вечеру все эти жирные, мохнатые ублюдки сидели в кутузке.

Я глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, а затем отворил дверь и вошел в церковь. Она была приятного размера — внушительная, но не грандиозная, с двумя нефами и высокими витражными окнами. Священник, что-то напевавший себе под нос, поправлял разложенные на небольшом столике буклеты, открытки и путеводители по городу.

Я посмотрел по сторонам в поисках моей цели. Внутри находились два кролика — один Дикий и один Лабораторный — и на обоих была бледно-голубая накидка вроде тех, что носят церковные волонтеры. Я сначала подумал, что это другой Лабораторный кролик, но затем заметил, что в ризнице на крючке висит точно такая же охотничья куртка, какая была на 7770. Ее явно повесили впопыхах, и она все еще раскачивалась. Я только собирался притвориться, будто рассматриваю

старинные гробницы, и подойти к кролику, как мой взгляд вдруг упал на священника.

— Добрый день, — сказал он.

— Добрый день, — сердечно ответил я. — Смотрю, сегодня вам помогают наши пушистые друзья[24].

Кроличья религия разрешала им молиться где угодно, когда угодно и кому угодно, однако видеть их в церкви все равно было непривычно. Наверное, потому, что церкви были совсем не похожи на уютные крольчатники, устланные мхом и шерстью.

— Истинно так, — сказал священник. — Двери церкви Святой Марии открыты всем и каждому, независимо от их биологического вида.

Я не мог подобраться ближе к Лабораторному кролику, не отведя от себя подозрения хотя бы коротким разговором, да и сам кролик, похоже, не спешил никуда уходить.

— У нас дома, в Харрогите, — а я как раз оттуда, из Йоркшира, — совсем нет кроликов, — сказал я. — А что о них думает церковь?

Священник задумчиво качнул головой.

---

[24] Примечания: 24

Так люди — сторонники кроликов называли их между собой. И хотя термин сам по себе окрашен положительно, он мог означать и совершенно обратное. Все зависело от контекста.

— У церкви нет единого мнения. Несмотря на то что мы, простые священники, считаем кроликов одними из многих благословенных творений Божьих, доктрина церкви гласит, что они — низшие создания. Когда они явились в наш мир, их сочли дьявольским отродьем, грешным плодом связи с сатаной. Когда это было опровергнуто тестами ДНК, наша позиция смягчилась. Думаю, главная проблема состоит в том, что, хотя они *очеловечены*, они на самом деле не *человечны*, и, согласно писанию и учению церкви, человек был сотворен по образу и подобию Бога, а кролики — по образу и подобию их Великой Прародительницы Лаго. Церковь не дает кроликам принимать участие в ее внутренних делах, но мы не изгоняем их из дома Божьего… пока они, конечно, не начинают громко хрустеть капустой и не оставляют за собой какашек.

Он призадумался, а затем выдал следующий пассаж так, словно читал его по шпаргалке:

— Мы обязаны любить *все* творения Божьи, но перемены и их принятие должны происходить медленно, в приемлемом для наших норм и обычаев темпе.

— Понятно, — сказал я и, сославшись на желание посмотреть на красивые скульптуры,

направился туда, где Лабораторный кролик все еще отряхивал себя от пыли. Если он и знал, что я из Крольнадзора, то не подал виду, и даже кивнул мне, здороваясь. Но я так и не смог найти у него никаких особых примет, ни на шубке, ни в усах, ни в глазах, нигде.

— Будем через пять минут, Нокс, — раздался у меня в ухе голос Безухого. — Подтверди, что подозреваемый все еще в церкви.

Я два раза постучал по микрофону на моем запястье и с деланым интересом уставился на впечатляющий ряд захоронений. Я был рад, что оперативники скоро снимут с меня бремя активных действий. Я хорошо отработал и проявил себя перед начальством. Моя карьера была в безопасности.

Я услышал, как с двух сторон распахнулись двери церкви, и повернулся, думая, что прибыли оперативники. Но внутрь вошли не они, а кролики — *и все они были Лабораторными.* Всего их было девять, и они быстро похватали волонтерские накидки, которые им выдал священник. Через несколько минут они могли безнадежно перемешаться друг с другом. Я посмотрел на нужного нам кролика, и он, безмятежно улыбаясь, посмотрел на меня в ответ. Он *точно* был тем, кто

нам нужен, но он вот-вот должен был оказаться в толпе других Лабораторных, и я ни за что не смог бы ни отличить его, ни узнать, кто он такой.

Однако я ошибся. В ту же секунду засияло солнце, его лучи проникли через окно церкви, и пучок белого света озарил Ушастого 7770, отчетливо просветив его уши. Слева, на высоте примерно в две трети от основания уха, я увидел запоминающийся узор из сосудов, похожий на приплюснутую розу Тюдоров.

Не успел я ничего сказать, как новоприбывшие кролики-волонтеры окружили нас. Они, не останавливаясь, двигались, поворачивались и менялись местами, так что я очень быстро запутался, кто из них кто. Я был впечатлен. 7770 оказался умным и проворным, он всегда шел на шаг впереди Безухого. Кроличье Подполье явно существовало, и этот Лабораторный кролик, кем бы он ни был, в нем состоял. И если я увижу его вновь, то точно смогу его опознать.

Если, конечно, в этот миг за ним будет гореть яркий свет.

Грисвольд и сплетни

Поскольку кролики не любили менять устаревшие вещи, они выбирали бытовую технику, которая могла проработать как минимум полвека. В ходу были тостеры «Дуалит», стиральные машины «Хуверматик», винтажные миксеры «Кенвуд Шеф», стационарные телефоны из семидесятых, швейные машины с педалью и крупноформатные камеры. Они обожали сами проявлять свои снимки и считали, что чем старее технология, тем лучше.

— Как дела на работе? — спросила Пиппа, когда я вернулся домой после подведения итогов задания. Даже своей дочери я всегда говорил, что я всего лишь обыкновенный расчетный бухгалтер. Я лишь однажды признался кое-кому, что работаю опознавателем, и последствия были печальными. Повторять такое мне не хотелось.

Поэтому я не мог рассказать ей, что у всех трех арестованных Лабораторных кроликов была правдоподобная легенда и подлинные

документы, и нам так и не удалось убедить их изменить показания. Я не мог рассказать ей, что в портфелях у них оказались сэндвичи, девять йо-йо, пакетики клубничного десерта «Энжел Делайт» и кроличья версия журнала «Вог». Я не мог рассказать ей, что Безухий пытался получить у Старшего Руководителя добро на использование «более жестких методов допроса», но ему отказали, потому что операция должна была остаться в секрете. Я не мог рассказать ей, что теперь я *один* мог опознать Ушастого 7770; не мог рассказать ей, что завтра я буду разглядывать физиономии всех Лабораторных кроликов, какие только были в нашей базе, пока не найду нужного; и не мог рассказать ей, что задержался на работе, потому что хозяин уиппета поздно за ним вернулся. Мне пришлось час сидеть с ним, пока он трясся и смотрел на меня своими печальными, выпуклыми глазами, похожий на тощую собачью копию Петера Лорре[25].

Я мог сказать ей лишь одно:

— На работе… все как обычно. А как твои дела?

— У нас сегодня был однодневный курс под названием «Почему электронные таблицы — это

[25] Примечания: 25

Одна из ныне забытых звезд большого экрана, он играл Ургате в «Касабланке».

не скучно», так что тоже все ровно.

Затем Пиппа приготовила ужин, и, как и следовало ожидать, к нам заявился Виктор Маллет. Он хотел узнать, выяснил ли я, откуда взялась «эта крольчиха». Я сказал ему, что, судя по всему, она была тут просто проездом.

— Она наверняка что-то затевает, — тяжело вздохнув, сказал Виктор. — Кролики всегда что-нибудь затевают.

— Ты хоть слово правды ему сказал? — спросила Пиппа, когда Виктор ушел.

— Не-а. Она живет в Леминстере со своим третьим мужем. Тоби ни слова.

— Как скажешь.

Две последующие недели я все свои рабочие часы посвящал тому, что пытался опознать Джона Ушастого 7770, и по прошествии этого времени, просмотрев лишь тридцать пять процентов имевшихся у нас фотографий Лабораторных самцов, так ничего и не добился.

— Может быть, 7770 даже нет у нас в базе, — говорила Флемминг, желавшая, чтобы я поскорее вернулся к своим обычным обязанностям. Однако Безухий обратился к Старшему Руководителю, и мне пришлось продолжить разглядывать кроличьи морды, отвергая лишь те фотографии, где

я как минимум на семьдесят шесть процентов был уверен, что это не он. Безухий, обведенный вокруг пальца своими же сородичами, воспринял это как личное оскорбление, особенно после того, как кто-то, чтобы окончательно раздразнить его, привязал на задний бампер его «Эльдорадо» два длинных серых чулка. Шутник явно намекал на его отрезанные уши и высмеивал попытку замаскироваться, хотя лично мне казалось, что глазная повязка и тэм-о-шентер выглядели настолько ненарочитыми и странными, что никак не могли броситься в глаза.

В те выходные во время *Блицкнига* мы почтили мистера Битона двадцатисекундным молчанием, достойным памяти надежного члена нашей команды. Пока мы библиотекарствовали, Норман и Виктор Маллет с предвкушением ожидали возвращения Конни, но она так и не появилась. Поэтому братья решили, что я прав и она была в городке всего лишь проездом.

Еще одну неделю я безуспешно искал хоть что-то похожее на приплюснутую розу Тюдоров в ушных сосудах кроликов. Тем временем из Хемлок Тауэрс вывезли пожитки мистера Битона. Все хорошие вещи разобрали его ближайшие родственники, а книги были проданы в магазин

«Эддиманс Букс» в Хэй-он-Уай. В оставшихся никчемных безделушках покопались его дальние родственники, надеявшиеся найти там что-нибудь ценное, а его проект по производству МДФ, тщательно разрабатываемый на протяжении двадцати лет, выбросили в контейнер и, по иронии судьбы, увезли, чтобы переработать в МДФ.

После этого Хемлок Тауэрс опустел, и скоро соседи начали судачить, кто же туда въедет. Несколько раз они брали ложный след: говорили об аргентинской парочке, скрывающейся от полиции; о мужчине, похожем на Рика Эстли; о фотографе из National Geographics; об адвокате, осужденном за присвоение чужих денег; об акробате-пенсионере; о мужчине, похожем на Рика Эстли, а на самом деле оказавшемся Риком Эстли; и об еще одном фотографе из National Geographics, который каким-то чудом оказался никак не связан с первым. Однако все эти ожидания не оправдались, и лишь через две недели я услышал о новых жильцах от миссис Грисвольд. Когда она не изображала из себя невероятно невыразительную копию Стэнли Болдуина, она заведовала небольшим магазинчиком, почтовым отделением, а также городскими сплетнями. Однако она никогда не расставалась с добытой тяжким и

умелым трудом информацией просто так, а меняла ее по ею же установленному специальному курсу. Положив на ее алтарь пересудов какую-нибудь очень интересную сплетню, вы на многие недели оставались в ее милости, но устаревшие слухи не ценились вообще. К счастью, я-то как раз был в милости — мне довелось подслушать подробности завещания мистера Битона. Судя по всему, его домохозяйка миссис Сильвер должна была получить немалые деньги, а это наводило на подозрения. Вероятно, ее многолетняя работа заключалась не только в том, чтобы вытирать пыль и подогревать мистеру Битону молоко.

Когда миссис Грисвольд получила эту информацию, переварила ее, вдоволь поохала и мысленно убрала в архив, она поманила меня к себе и прямо прошипела:

– *Они идут!*

Я выглянул в окно, чтобы посмотреть, нет ли там какой-нибудь сиюминутной угрозы, но улица была пуста. Я решил, что она говорит о чем-то смутном и неосязаемом, а по-моему, ничего страшнее и быть не могло.

— Кто?

– *Они*, — добавила она, ничего этим не прояснив.

— Веганы?

— Нет, не веганы, — сказала она, широко выпучив глаза. — Хуже.

— Иностранцы? — спросил я, взглянув на свежий выпуск газеты «Чистая Правда», главный колумнист которой ежедневно возмущался тем, что немытые попрошайки-мигранты отнимали рабочие места у трудолюбивых британских попрошаек.

— Хуже.

— Иностранцы-веганы… да еще и социалисты?

— Нет, — сказала она, понизив голос. — *Кролики*!

Эти слова заставили вздрогнуть мистера Уэйнрайта. Этот человек, взявший на себя тяжкий обет прочитать все выпуски ежемесячника «Чемпионы до мозга костей» за восемнадцать лет и при этом ни разу не заплатить, тихонько пролистывал журналы у стойки.

— Что вы сказали? — спросил он.

— Кролики, — повторила миссис Грисвольд. — В нашем поселке.

Мистер Уэйнрайт выглядел потрясенным и, как мне показалось, слегка напуганным.

— Надеюсь, они будут не из этих современных воинственных кроликов с большевистскими

наклонностями, которые только и могут что ввязываться в неприятности из-за своих несбыточных мечтаний о всеобщем равенстве.

Я про себя подумал, что в Муч Хемлоке тепло не приняли бы *никаких* кроликов, даже покладистых и добродушных, живших сами по себе и не плодивших слишком много детей.

— Им официально разрешили жить за пределами колонии, — сказала миссис Грисвольд. — Майор Кролик — военный в отставке. У них двое детей, но я не в курсе, чем занимается миссис Кролик. Честно говоря, я даже не знаю, говорит ли она по-английски — когда они вошли сюда, то болтали на кроличьем.

— И как вам кроличий? — спросил мистер Уэйнрайт.

— Сплошное шушуканье, — сказала миссис Грисвольд. — Сопят, шмыгают, фыркают и всякое такое. А еще много шевелят носом и усами, вот так.

Они оба рассмеялись над тем, как миссис Грисвольд изобразила кролика: сморщенный нос, верхние зубы над нижней губой, руки вместо ушей. Вот только миссис Грисвольд была неправа — все кролики разговаривали на английском, и из-за того, что многие из них работали в колл-

центрах, частенько знали дополнительно три или четыре других языка[26].

— Я слышала, они собираются въехать в дом мистера Битона, — сказала миссис Понсонби, которая вошла и услышала самый конец разговора. — Такой хороший дом пропадет, хотя кто-то же должен в нем жить. Здравствуй, Питер.

Миссис Понсонби была моей тетушкой и имела странную привычку противоречить самой себе в каждом предложении. Пиппа называла это «проявлением двойственности нашего вида». Я же считал, что это «просто раздражает».

— Видимо, они где-то раздобыли немало денег, — сказал мистер Уэйнрайт, — раз смогли позволить себе такой дом.

— Даже если и так, то они наверняка спустят все на капусту, — сказала миссис Понсонби, а затем добавила: — Но это их личное дело.

— Кажется, миссис Кролик зовут Констанция, — сказала миссис Грисвольд.

— Что? — спросил я.

— Констанция, — повторила она. — Я еще ни

---

[26] Примечания: 26

Кролики с легкостью осваивали языки, как и другие науки — IQ среднестатистического кролика был выше человеческого на двадцать процентов. Возможно, это указывает на то, что Очеловечивание было по природе своей актом сатиры.

разу не слышала, чтобы крольчиху звали Констанция.

Зато я слышал. Было резонно предположить, что Конни и Констанция — это одна и та же крольчиха, и я вдруг испытал смешанные чувства. С одной стороны, мне было любопытно, ведь после стольких лет я смогу часто видеться с ней. А с другой, меня парализовало от страха — вдруг она узнает, кем я работаю? Однако через несколько секунд мой внутренний конфликт обострился.

— Я слышала, что она вдова того кролика, которого по ошибке потушили «Две ноги — хорошо», — сказала миссис Грисвольд, и я почувствовал, словно в мои жилы впрыснули лед. Я никогда не связывал Конни с тем происшествием. Да и откуда мне было знать? Но правда заключалась в том, что я был отчасти виновен в смерти Дилана Кролика, хотя убило его вовсе не наше ведомство. Крольнадзор выпустил его в течение двадцати четырех часов после задержания, а еще через пять он был мертв. Активисты из «Две ноги — хорошо» выволокли его из собственного дома посреди ночи и потушили живьем в полуторатонной бочке дешевого жидкого соуса, приправленного лавровым листом, тмином, можжевельником и красным вином. Ошибку обнаружили лишь

три месяца спустя, когда кролик, за которым мы на самом деле охотились, умер от миксоматоза. Разразился скандал, когда в новостях по Би-би-си предположили, что Крольнадзор тайно выдал «Две ноги — хорошо» сведения и выпустил кролика лишь для того, чтобы его убили «в назидание другим». Старший Руководитель возмущенно отрицал все обвинения, называя их «еще одной ложью, сфабрикованной пристрастными СМИ, продвигающими кроличью повестку».

Как оказалось, семье Дилана — в которую, как я теперь знал, входила и Конни, — выплатили компенсацию и даже разрешили проживать вне колонии. Как сказал потом Старший Руководитель: «Семья этого несчастного вряд ли могла рассчитывать на лучший исход. Кролик-водопроводчик *никогда* не смог бы купить себе возможность выбраться из колонии». Как бы там ни было, наши с Конни университетские годы были в далеком прошлом, так что она, скорее всего, уже про меня и забыла. В библиотеке же она меня не узнала. Но даже если она меня все-таки вспомнит, то никогда не узнает, что я опознаватель, да к тому же тот, который приложил руку к смерти ее второго мужа.

— Они будут пытаться отдать детей в местную

школу? — спросила миссис Понсонби, а затем добавила: — По-моему, это пустая трата времени… хотя, конечно, всем нужно образование.

— Думаю, для этого они сюда и приехали, — ответила миссис Грисвольд, — чтобы все выяснить. Сколько детей в классе, есть ли в школьном меню веганские блюда и все такое.

— Морковные вредители, которых нужно было придушить, когда они еще только вякнули первое слово, — проворчал мистер Уэйнрайт, совсем переставший фильтровать то, что говорил. Хотя он и раньше не особо-то старался. — Это же неестественно.

Тут он был прав. Спонтанное Очеловечивание действительно было *совершенно* неестественным и беспрецедентным явлением. 12 августа 1965 года ночью в полнолуние неожиданно выпал снег, после чего начался самый жаркий из дней того лета, который закончился жутковатым зеленым закатом. В радиусе шестнадцати миль от места Очеловечивания заржавела вся алюминиевая фольга, а стекло стало блестеть, как нефтяная пленка на воде. Всего за ту ночь очеловечились восемнадцать кроликов. Они изменились, выросли и приобрели человеческие очертания, потянулись, зевнули, а затем попросили стакан

воды и морковку, прибавив: «Если вам не трудно, конечно».

Пятьдесят пятая годовщина того события должна была наступить этим летом, но вряд ли кто-нибудь собирался праздновать, и в особенности кролики, у которых Очеловечивание вызывало смешанные чувства. Некоторые считали свою человечность благом, другие — несчастьем. Но почти все соглашались: лучше обладать разумом, способным задумываться над собственным существованием, чем не иметь его. И шоколадными эклерами — ими *точно* стоило обладать.

— Что ж, — сказал я, набирая в грудь побольше воздуха и собираясь уходить, — смею заверить, мистер Маллет и его брат уже наверняка организовали комитет по борьбе с ними.

— Ах, эти Маллеты, — с теплотой сказала миссис Грисвольд, опуская глаза и поправляя прическу. — Они всегда *так* заботятся о нашем благополучии.

Пиппа и листовки

«Кроличье Подполье» – так в широком смысле называли всякое тайное кроличье сообщество, занимавшееся организацией протестов. Многие считали, что никакого «Подполья» может и не быть и что его просто выдумало Министерство кроличьих дел, чтобы еще больше очернить кроликов… и обосновать усиленное финансирование Крольнадзора.

— Это та же крольчиха, что нахамила моей драгоценной женушке в библиотеке? — спросил Виктор Маллет, когда я наткнулся на него в баре «Единорог». Он раздавал там плохо отксеренные листовки.

— Похоже, что да.

— Говорил я тебе, что-то с ней неладно. Мы должны посчитать ту книгу, которую она взяла в библиотеке, украденной. Это явно указывает на ее склонность к преступному поведению, а такое нельзя игнорировать. Разве ты не говорил, что она здесь проездом?

— Я так и думал. Между прочим, майор Кролик

служил в британской армии, — прибавил я, надеясь умаслить Виктора. Я знал, что он поддерживает наши войска, хотя сам и не служил. — Они оба кажутся мне вполне порядочными кроликами.

– *Естественно,* мы благодарны ему за службу и защиту нашей родины, — сказал мистер Маллет, — и да, возможно, они *сами* окажутся хорошими соседями и внесут положительный вклад в наше сообщество. Все-таки хорошие кролики тоже встречаются. Но ты не видишь всей картины. Стоит впустить одну семью, как все идет под откос. За ними приходят менее благонадежные кролики, а потом и вовсе уголовники.

— Уголовники? — спросил я. — И что же они будут делать?

— Ну, например, красть библиотечные книги, — сказал он. — Но можешь не сомневаться, — снова напирая, прибавил он, — это все только начало. Дадим дорогу одной семье, и скоро они все окажутся здесь, заполнят школы, попытаются навязать нам свои веганские порядки, подкосить нашу благочестивую и совершенно логичную религию своей развратной, бессмысленной верой, а затем еще лягут невыносимым бременем на нашу и без того слабую инфраструктуру. К тому же, — добавил он, немного подумав, — это

может отрицательно сказаться на наших шансах выиграть конкурс «Спик и Спан».

— И когда они здесь укоренятся, — прибавил Норман Маллет, до этого молча сидевший за барной стойкой, — сюда начнут стекаться их друзья и родственники. Скоро в Муч Хемлоке шагу нельзя будет ступить, чтобы не наткнуться на кролика. Цены на жилье упадут, и мы окажемся чужаками в собственном городе. Все будет прямо как в Росс-он-Уай.

— Да, — сказал Виктор, качая головой. — Хуже чумы.

— Вы подумываете о том, чтобы создать петицию? — спросил я, зная, что обычно Маллеты именно так и поступали.

— Уже создали, — радостно ответил он, помахав передо мной одной из листовок, на которой крупными буквами говорилось о «потенциальной катастрофе невообразимого масштаба».

— Будучи сотрудником Службы по надзору за кроликами, — сказал я, пытаясь их хоть немного утихомирить, — я должен заметить, что кролики, получившие разрешение покинуть колонию, имеют право проживать где угодно, и мы получим ворох проблем, если сами нарушим закон. А нападки на вдову кролика, потушенного по

ошибке отморозками из «Две ноги — хорошо», точно не понравятся газетчикам, если они об этом узнают.

— Я прекрасно тебя понимаю, Питер, — сказал Маллет, что на самом деле означало: «я бы с тобой не согласился, даже если бы слушал, а я не слушаю», — и я всего лишь хочу проинформировать общественность, — а это на языке Маллетов значило: «я собираюсь поднять бучу и надеюсь, что во всеобщей суматохе смогу добиться своего, но так, чтобы мне за это ничего не было». Он продолжал: — Мы должны всегда оставаться бдительными. И, честно говоря, Питер, я никогда не думал, что ты у нас такой любитель кроликов.

— Вовсе нет, — сказал я. — Я всего лишь хочу тебя предостеречь: не стоит совершать опрометчивых поступков, которые могут плохо отразиться на городе.

— Но есть и хорошие новости, — сказал Норман, который тоже меня не слушал. — Мегакрольчатник будет сдан вовремя, и кролики наконец получат то, что им больше всего нужно: свой собственный уголок. Если повезет, все, кто живет вне колоний, тоже захотят туда переселиться. Я слышал, кто-то назвал это место кроличьим раем. Они там смогут свободно копать норки, растить

капусту и… что они еще там любят делать. Думаю, ты согласишься, что переселение кроликов в Уэльс — это лучшее долгосрочное решение кроличьей проблемы. Кроме того, эту инициативу поддержали на референдуме, а затем тщательно обсудили в Палате. Народ изъявил свою волю.

Вокруг Мегакрольчатника всегда велись споры, но после референдума никто не сомневался, что его построят. И это несмотря на то, что инициатива «Переселения кроликов в Уэльс» была принята с очень небольшим перевесом, а половина страны вообще не голосовала. Участок площадью в десять тысяч акров, расположенный к западу от Рейадера, был почти готов к сдаче, хотя кроликам *совсем* не нравились разговоры о переселении локальных колоний в единый крольчатник. Основываясь на историческом опыте человечества в насильственном переселении народов, их ожидания находились в пределе «низких» и «ниже плинтуса».

— Однако, — сказал Виктор, возвращаясь к вопросу о Хемлок Тауэрс, — есть у нас один козырь: дом старика Битона можно только снимать. Если они туда въедут, то так же легко смогут и выехать. Я ведь могу положиться на твою поддержку в том, что ты не станешь поддерживать их? Все-таки ты

живешь прямо напротив.

— Я возьму листовку, — вежливо ответил я, — но из-за работы в Крольнадзоре мне нужно сохранять нейтралитет.

— Не парень — кремень. Передавай привет Пиппе.

— Передам.

Когда я вернулся домой, Пиппа сидела на кухне. Она читала книжку, одновременно поедая йогурт, переписываясь с кем-то по телефону — скорее всего, с Салли, — и поглядывая на свой iPad, где шел какой-то сериал от Netflix. Когда мне было двадцать, я с трудом мог делать хотя бы *одно* дело. Да и сейчас тоже.

— Привет, пап, — сказала она.

— Как дела? — спросил я.

— Я изучаю жаргон эйчаров и никак не могу решить, какие фразочки мне нравятся меньше всего: «революционный продукт», «онбординг» или «карьерные перспективы».

— Меня всегда раздражал «креативный подход».

— Этот штамп устарел даже для манагерского сленга, — ответила она, — наряду с «мыслить не по шаблону» и «нам нужен сдвиг парадигмы». В прошлом году их официально запретили. Как

прошел твой день?

— Как всегда весело. Слышала новость? В дом напротив въезжают кролики.

— Да, вроде слышала, — сказала Пиппа. — Вот только я бы на месте кроличьей семьи ни за что не стала бы селиться в поселке, который отправлял солдат сражаться в Гражданской войне в Испании. Причем на стороне генерала Франко.

— Ну не *такой* уж у нас и плохой поселок, — сказал я. — Мне кажется, это все пустые угрозы. Ты думаешь, кто-нибудь из наших местных хотя бы *разговаривал* с кроликом, который бы не работал барменом, уборщиком или раскладчиком товаров?

— Предрассудки лучше идут под соусом невежества, — сказала Пиппа. — Как думаешь, что наш главный шовинист об этом скажет?

Я положил перед ней листовку мистера Маллета, а затем выглянул в окно, чтобы посмотреть на Хемлок Тауэрс.

— Думаю, он поднимет шум и сделает жизнь кроликов настолько невыносимой, что они отсюда сбегут.

— Не нравятся мне его взгляды, но листовки он делает со вкусом, — сказала Пиппа, разглядывая бумажку. — Хорошо, что он почти никогда не

уезжает дальше Херефорда. Таких, как он, нужно изолировать.

— Да уж, — сказал я. — С Эболой борются примерно так же. Ты что-нибудь еще слышала о кроликах? А то у миссис Грисвольд не самые полные сведения.

— Мистер Кролик — майор в отставке, а миссис Кролик — актриса, — сказала Пиппа.

— Правда? И где она снималась, я ее видел?

— Ой, не знаю… Кто-то говорил, что в рекламе. А еще у нее была второстепенная роль в «Криминальном чтиве», но перед выходом фильма эти сцены вырезали.

— Интересно, — сказал я, зная, что раньше Конни нравился театр. Она даже с блеском прошла прослушивание на роль Шелли Левина в университетской постановке «Американцев», но ей отказали из-за того, что режиссер хотел найти кого-нибудь «помужественнее и не такого пушистого».

— И муж у нее *майор*, значит? — прибавил я.

— Ага. Говорят, его чуть не отправили в пекло в Афганистане.

В воскресенье по соседству

Тесты ДНК показали, что очеловеченные кролики вовсе не были каким-то причудливым гибридом человека и кролика, а так и остались, по сути, кроликами. Генетически их никак нельзя было отличить от их неразумных полевых собратьев. Что бы ни дало им их человекообразность, в ДНК этого точно не было.

Семейство Кроликов прибыло в следующее воскресенье под рокот газонокосилок и щелканье садовых ножниц. Все усердно старались привести поселок к чистоте и порядку, на всякий случай — вдруг к нам внезапно заявятся судьи из «Спик и Спан», ведь в среду их видели слонявшимися возле Пембриджа.

Я возился со своим «Остин-Хили» в гараже, когда к Хемлок Тауэрс подъехал «Додж Монако»[27] 1974 года. Кролики предпочитали большие американские тачки, поскольку они гораздо лучше

[27] Примечания: 27

Тогда я этого не знал, а выяснил позже. Сейчас машина находится в экспозиции музея Очеловечивания рядом с Рейадером. По случайному совпадению, это гражданская модель автомобиля, на котором разъезжали Джейк и Элвуд Блюз.

подходили к их телосложению и ограниченной ловкости рук. Многоместные сиденья, автоматическая коробка передач, чувствительный гидроусилитель руля и большие педали. А еще кролики берегли свои автомобили; они считали, что технику называют «устаревшей» лишь для того, чтобы, задрав нос, оправдать ее отправку в утиль, а такой подход был несовместим с четвертой заповедью их веры — экоустойчивостью. Кроличья поговорка гласила: «Нфифнфиннфиифннфифнфн», что примерно переводится как: «Лишь дурак покупает что-то дважды».

Я поспешил наверх, в дом, чтобы посмотреть на них поверх изгороди. Первыми из машины вышли дети. Я обратил внимание, что они одеты традиционно, но в современную одежду. Мальчишка-кролик в матроске и «Найках» слушал свой кассетный плеер. Он двигался медленно, словно задумчиво или лениво, а на лодыжке у него висел электронный браслет вроде тех, что использует полиция для ограничения свободы передвижения. Девочка-крольчиха, одетая в летнее платье в цветочек, была поживее и одним или двумя радостными прыжками проскакала в дом. Тем временем из машины со стороны водителя вылез ее отец. На нем был пиджак из

Харрис Твид и подобранные к нему жилетка, рубашка и галстук. Кролики редко носили одежду ниже пояса, поскольку она сковывала их движения и ограничивала способность прыгать. Это не мешало крольчихам, носившим в качестве повседневной одежды юбки, платья и, если они не собирались прыгать, кюлоты. Но кроликам-мужчинам, которые в одном очень важном отношении были невероятно похожи на людей, приходилось незаметно прикрывать свой срам несколькими слоями исподнего, настолько сложного и замысловатого, что я не стану описывать его в этой книге[28].

Майор Кролик посмотрел на карманные часы, которые он держал в кармашке жилетки, а затем начал вытаскивать чемоданы из багажника автомобиля. В то же время открылась передняя пассажирская дверь, и из машины вышла Конни Кролик. Принюхавшись, она посмотрела по сторонам. Поверх летнего платья в горошек на ней была надета кожаная куртка, а ее уши были свободно обмотаны у основания красной банданой. Что необычно, из-под платьица слегка торчал

[28] Примечания: 28

Обратитесь к шестой главе фундаментального труда доктора Сэма Инграма «Одежда ниже пояса, скромность и двуногий очеловеченный кролик».

хвостик. У кроликов это было равносильно глубокому декольте женщин-людей. Еще десять лет назад в приличном кроличьем обществе такой вид сочли бы вызывающим, но сегодня он считался почти приемлемым.

Спонтанное Очеловечивание произошло еще до моего рождения, поэтому говорящие крольчихи в летних платьях или кролики за рулем автомобилей никогда не вызывали у меня удивления. Об их появлении в 1965 году сообщили не сразу, решив, что это чей-то хитроумный розыгрыш. Так думали ровно до тех пор, пока в специальном выпуске «Панорамы» на телеканале Би-би-си в прямом эфире Франклин Кролик не побеседовал с Чарльзом Уилером[29]. После этого все новостные каналы на планете захотели «поговорить с кроликом» и разобраться, как же произошло Очеловечивание, — вопрос, ответ на который ускользает от нас по сей день. Изначальный скептицизм и неверие превратились в любопытство, радость и принятие, а затем быстро покатились по наклонной вниз. Пока

[29] Примечания: 29

В основном разговор шел о морковках, фруктовых пирожных и его любимом музыканте из «Битлз», ведь Франклин тогда был совсем юн. В более поздних интервью он сказал репортерам, что тогда ему стоило сказать что-нибудь более обдуманное и важное.

решался вопрос о статусе и правах измененных кроликов, их численность росла, вызвав сначала всеобщее недоверие, затем презрение и, наконец, ненависть и страх. Путь от всеобщей радости до неприятия занял менее двадцати лет.

Я вздрогнул, когда у меня зазвонил телефон. Я слишком торопливо схватил его, выронил, поднял и лишь затем уже ответил. Звонил Норман Маллет.

– *Оно уже здес*ь! — сказал он, словно объявляя о начале эпидемии бубонной чумы. — Ты их видишь?

— Да, — ответил я, возвращаясь с телефоном к окну. — Двое взрослых, двое детей. — Почему бы тебе не подойти и не поговорить с ними?

— Что? Не говори глупости. Есть шансы, что они приехали всего на пару ночей?

Я выглянул из окна как раз в тот момент, когда в узкий проезд начал задом сдавать большой грузовик с вещами.

— Нет, думаю, они надолго.

На другом конце повисла тишина, а затем раздались приглушенные голоса. Через некоторое время Норман вернулся и с напором заговорил:

— Слушай сюда, Нокс. В прошлом мы во многом не соглашались, но в жизни каждого человека

наступает момент, когда он должен сделать решительный шаг, взять на себя ответственность и, стиснув зубы, поступить правильно во благо общества.

— И что же нужно сделать? — спросил я, впечатлившись тем, как он смог ввернуть в одно предложение столько клише.

— Твои возмутительные центристские взгляды хорошо известны, Нокс, так что тебя никогда не заподозрят. Нам нужно, чтобы ты пошел к Кроликам и… поговорил с ними. Вотрись к ним в доверие. Подружись с ними, если это вообще возможно. А когда найдешь подходящий момент, предложи им пять кусков наличными, чтобы они свалили отсюда.

— У миссис Кролик и так много денег, — сказал я. — Крольнадзор выплатил ей компенсацию за то, что слил «Двуногим» адрес ее мужа.

— Ложь и клевета, Нокс. Недоказанная ложь.

В Крольнадзоре все прекрасно знали, что не только это *совершеннейшая* правда, но и то, что совершил это злодеяние сам Старший Руководитель. Он даже хвастался этим на рождественском корпоративе в том же году.

— Я и правда думаю, — медленно произнес я, — что пяти кусков будет недостаточно.

— Кровопийцы, — пробормотал Норман. — Разве эта крольчиха недостаточно высосала из общественного кармана? Хорошо, Нокс, ты умеешь убеждать. Мы можем поднять цену до семи кусков, но ни пенни больше… если только они не откажутся. В таком случае срочно звони мне. Ну так что, ты нам поможешь?

Мне не нужно было долго думать. Если эту проблему и можно было разрешить мирно, то мне наверняка стоило пойти и попытаться это сделать. Но это была не единственная причина, по которой я был не против зайти к Кроликам — я хотел снова увидеть Конни. Если я напомню ей о себе, возможно, она меня вспомнит.

— Ладно, — сказал я. — Я дам им полчаса, чтобы устроиться, а потом зайду, поздороваюсь.

— Чудесно, — чуть более дружелюбно сказал Норман. — Потом доложишь мне, как все прошло. Гляди в оба и лучше оставь кошелек и телефон дома. Ты ведь знаешь, какими они бывают.

Я спустился в кухню, вывалил в плетеную корзинку пакет моркови, а затем прикрыл ее клетчатым чайным полотенцем. Подождав тридцать минут, я подошел к их дому и постучал в дверь. Мое сердце колотилось. Через несколько секунд Конни открыла. Она слегка изумленно

уставилась на меня и несколько секунд просто смотрела своими большими разноцветными глазами, а затем принюхалась и перевела взгляд на корзинку. Я заметил, что одно ее ухо — точнее, верхняя треть левого, — было наклонено вперед, и от нее немного пахло теплой, недавно разрытой землей.

— О, — сказала она, робко улыбнувшись, — это что, морковное новоселье? Никогда не видела, чтобы его устраивал человек. Вы и правда попытаетесь спеть песенку Нхфиииххнирфф[30]?

— Нет, нет, — поспешил сказать я. — Я… ваш сосед. Мы встречались несколько недель назад во время *Блицкнига* в библиотеке.

Она уставилась на меня, повернув голову так, чтобы я видел только один глаз. Кролики всегда так делали, когда внимательно разглядывали человека или какой-нибудь предмет.

— Вообще-то, — негромко сказала она, — мы встречались и *раньше*. Давным-давно. Питер Нокс, верно?

Мне вдруг стало тепло и приятно от того, что она меня вспомнила. А еще я ощутил отголосок

---

[30] Примечания: 30

Первый куплет приблизительно переводится так: «Ваш крольчатник — наша норка, / Ваша норка — всем нам дом. / Подарю-ка вам морковку, / Ах, как вкусно, ом-ном-ном, / Хэй, морковка! / Хоу, морковка!»

того, что чувствовал к ней тогда.

— Здравствуй, Конни, — сказал я, чувствуя, что начал немного дрожать. — Да, это я. Как твои дела?

— О, в целом неплохо, — сказала она, улыбнувшись. — Похоронила двух мужей, родила двоих детей. Работала то тут, то там. Вот как-то так. Правда, так и не закончила вышку. А ты как поживаешь?

— Я вышку получил, но она мне не понадобилась, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал свободно и непринужденно, а не сдавленно и глухо. — Я женился, родилась дочка, потом я вернулся в родной дом, чтобы ухаживать за папой. Какое-то время работал на почте, сейчас вот устроился бухгалтером. В свободное время устраиваю *Блицкниги*. Ну, сама знаешь.

— Я смотрю, живешь в свое удовольствие, — сказала она, приятно улыбаясь. — Ты пришел, чтобы попросить вернуть книгу? Честно говоря, я ее даже не начала читать. Раньше, когда была помоложе, я много читала, а сейчас времени ни на что не хватает.

— Я пришел не за книгой. Просто хотел сказать… добро пожаловать в Муч Хемлок.

— Добро пожаловать? — сказала она, присталь-

но глядя на меня. — Я думала, в этом городке у всех на стене висит портрет Найджела Сметвика.

— У некоторых, *наверное*, — сказал я, — но не у всех.

Несколько секунд я молчал, а затем спросил:

— А «морковное новоселье» *правда* существует?

— О, да, — ответила она, посмеиваясь. — *Совершеннейшая* правда.

— Вот как.

— А как ты меня узнал после библиотеки? — вдруг спросила она, и я почувствовал, что начинаю краснеть. Мне было строго запрещено раскрывать свои способности. Скомпрометированные опознаватели нередко пропадали. И пропадали не в смысле «уходили в запой и возвращались через три дня», а в смысле «исчезали с концами, и никто не знал, что с ними случилось».

— Твои глаза, — сказал я. — И западный акцент.

— Ах да, — сказала она, моргая, и я почти услышал, как ее длинные ресницы рассекают воздух. — Они и правда довольно приметные, верно?

Несколько секунд мы стояли молча.

— Я *очень* рада, что мы снова встретились, Питер, — сказала она, нарушив тишину и взяв мою ладонь в свои невероятно мягкие лапки. — Нам *столько* нужно друг другу рассказать. А это ты мне принес?

Она указала на корзинку с морковью.

– *Всем* вам, — немного глупо ответил я.

— Как… мило, — неуверенно сказала она. — Нет, правда, не стоило утруждать себя.

Последовала еще одна неловкая пауза. В ту минуту я мог уйти, но у меня было задание. И, признаться, мне было любопытно не только повидаться с Конни. Не каждый день по соседству селятся кролики. Мне нужно было как-то завязать разговор, поэтому я начал с самого очевидного:

— Твои дети пойдут в местную школу?

— Не сразу. Где-то через неделю, — ответила она. Мне показалось, что она тоже была рада столь будничной теме. — Нам нужно поговорить с директрисой, миссис Ломакс, об… особенных требованиях.

Хотя вопрос был деликатным, я все же спросил:

— Это из-за того… что вы кролики? — Я старался сказать это прямо, не заискивая.

— Нет, — с невинным видом ответила она. —

У Бобби аллергия на арахис. Потенциально смертельная.

— Понятно, — сказал я, чувствуя себя неловко из-за того, что допустил такую оплошность. — Наверное, ему очень трудно.

— Ей. Роберта, но мы зовем ее Бобби. Как в «Детях железной дороги», помнишь?

— Нет, не помню.

— В фильме ее играла Дженни Эгаттер.

— Ах, да, — сказал я, хотя на самом деле ничего не вспомнил.

— Кто там у двери? — послышался голос из глубины дома.

— Это Питер Нокс, наш новый сосед, — сказала Конни, открывая дверь пошире. За ней показался майор Кролик, энергично скакавший по ковру прихожей. Он был крепко сложен и высок — как минимум шесть футов и четыре дюйма, причем *не считая* ушей, — и потому показался мне очень грозным.

— Мы вместе ходили на лекции в университете Барнстапла.

— Он участвовал в той *крошечной* демонстрации, которая протестовала против твоего отчисления?

— Ну…

— Я *хотел* прийти, — сказал я, — но в те выходные меня не было в городе.

— Да ну? — сказал майор Кролик.

— Я ездил к тетушке, — пояснил я, и мое оправдание вдруг стало *еще* менее убедительным. — Она заболела.

— Хм, — сказал майор Кролик, посмотрев сначала на Конни, а затем на меня. — Вы с ним встречались?

— Что-о? *Нет*, — рассмеявшись, сказала Конни. — Ну ты и выдумщик. Нет, мы просто пили кофе и ходили в кино. Смотри, — прибавила она, — Питер принес нам подарки.

Майор Кролик забрал у нее корзинку, приподнял полотенце, несколько секунд смотрел на морковку, а затем хмуро уставился на меня.

— Это еще что такое? Вы так шутите?

— Клиффорд, *пожалуйста*, — сказала Конни, — не позорь меня. Питер наверняка не знал. Фадды *вообще* ничего не соображают в наших традициях и обычаях.

Майор Кролик пропустил ее слова мимо ушей и продолжал угрожающе сверлить меня взглядом. Я заметил, что один его глаз был слегка светлее второго, а в его ушах было около дюжины пулевых отверстий от дуэлей — свидетельство

много раз завоеванной и утраченной любви. На его левом ухе, на четверти длины от макушки, виднелся бугорок — плохо залеченная рана, — но миссис Грисвольд и Пиппа оказались правы — он и *правда* был бывшим военным. Его группа крови, резус фактор и любимый вид морковки были отчетливо прописаны в виде татуировки на правом ухе[31]. Помеченные таким образом кролики никогда не появлялись на экранах опознавателей. В этом не было необходимости.

— Послушайте, — сказал я, медленно отодвигаясь назад, — я не хотел никого обидеть. Я думал, что кролики любят морковку, вот и все.

— Конечно же, мы любим морковку. Мы живем ради морковки. Мы бы жизнь отдали за чертову морковку. Но не за такую. Не за очищенную… обрезанную… да еще и в *корзинке*.

Он угрожающе смотрел на меня, ожидая объяснения, которого я просто не мог ему дать.

— Клиффорд, — уже тверже сказала Конни, — спокойствие, только спокойствие, помнишь?

— Слушайте, — сказал я, — я понятия не имею, чем обидел вас, но, что бы это ни было, я извиняюсь. Я ваш сосед.

---

[31] Примечания: 31

Никогда не стоит недооценивать целебных свойств любимой морковки.

Я указал на свой дом за изгородью, и Конни вместе с майором Кроликом оба посмотрели на него. Синхронно поводив носами, они переглянулись, а затем снова уставились на меня.

— Это просто подарок на новоселье, — прибавил я, — но я вижу, что пришел не вовремя. Так что оставляю вас в покое.

Я повернулся, чтобы уйти, но майор Кролик тут же сделал большой прыжок. Вмиг очутившись рядом со мной, он положил мне лапу на плечо.

— Вы и правда не знали?

— Слушайте, — сказал я, ответственно относясь к своему заданию, — я признаю, что в городке не все были рады вашему переезду сюда. Но я хотел показать вам, что, несмотря на крикливое меньшинство, некоторые из нас относятся к вам с… по крайней мере… — Я попытался подобрать нужные слова, — безобидным безразличием.

Майор Кролик посмотрел на Конни, затем снова на меня и улыбнулся.

— Безразличие? А нам большего и не надо. Кажется, я должен перед вами извиниться.

Он хлопнул меня по спине.

— Я — майор Клиффорд Кролик, полк Поуис, награжден крестом «За выдающиеся заслуги».

Мы пожали друг другу руки и лапы.

— Мистер Нокс, — сказал он после секундного размышления, — вы когда-нибудь пробовали луговое рагу?

Мне пришлось признаться, что никогда не пробовал.

— Нужно обязательно устранить это прискорбное упущение. Констанция, милая, мы завтра вечером заняты?

— Играем в бридж в Россе, — сказала она. — Хотя нет, подожди, это послезавтра.

— Хорошо, — сказал майор Кролик. — Так как насчет завтрашнего вечера?

— Спасибо, — сказал я, — я с удовольствием.

— Отлично. И, мистер Нокс, пожалуйста, дочь тоже приводите.

— А как вы узнали, что у меня есть дочь?

— Понял по размеру одежды на бельевой веревке, — сказал он, даже не поворачиваясь в ту сторону. — Ей где-то лет девятнадцать или двадцать, худенькая. Думаю, работает в сфере менеджмента.

Он наклонился поближе и тихонько принюхался.

— А вот *взрослой* женщиной от вас не пахнет, — продолжил он, явно увлекшись собственными точными наблюдениями. — Партнерши у вас нет,

но не потому, что вам этого хотелось. Я чувствую пустоту, утрату и глубокую печа…

— Достаточно, милый, — сказала Конни, спускаясь с крыльца и беря мужа под руку. — Если хочешь, Питер, можешь привести и своего старшего брата. Ты его не водил к врачу? Кажется, он немного туповат.

Я нахмурился.

— У меня нет брата.

— Правда? Значит, к тебе забрался грабитель. Я видела, как он украдкой забежал к тебе в заднюю дверь, пока мы разговаривали. У него еще лицо такое в рытвинах, будто кто-то клал асфальт, но делал это впопыхах, тяп-ляп и за бесплатно.

— А, так это мой садовник, — сказал я, сообразив, что она с поразительной точностью описала Нормана Маллета. Он наверняка притаился в доме, выжидая, когда сможет расспросить меня. Я, в свою очередь, посмотрел на Конни и Клиффорда.

— Вы, похоже, очень… *наблюдательные*.

— У нас угол обзора почти в триста десять градусов, — заявил Клиффорд, указывая на свои большие глаза. — Мы видим все, что впереди, сзади и сверху. На самом деле, — с гордостью прибавил он, — мы видим то, что сзади, чуть ли не лучше, чем то, что спереди. Когда на тебя

охотятся хищники, нужно все время знать, что происходит вокруг тебя.

— Полезный навык.

— Да уж, не жалуемся.

— Способность чувствовать, что творится вокруг, дает нам преимущество во враждебной среде, — пояснила Конни.

— Что ж, — с улыбкой сказал я, готовясь уйти, — я надеюсь, что Муч Хемлок покажется вам не очень враждебной средой.

Они не улыбнулись мне в ответ.

— Я очень надеюсь, что так и будет, — спокойно сказал майор Кролик. — Так что насчет завтра? Зайдете к нам в восемь?

Едва я вернулся к двери собственного дома, как началось настоящее морковное новоселье. Песню исполняли четыре кролика, одетых в полосатые пиджаки и соломенные канотье. Казалось, они не поют на кроличьем, а мелодично чихают в четыре голоса.

— Что за нелепица, — сказал Норман. Он действительно пробрался ко мне в дом и наблюдал за морковным новосельем из гостиной, прячась за тюлевыми занавесками. — Что ты выяснил, Нокси?

— Немногое. Завтра вечером я иду к ним на

ужин.

— Молодчина. Но *особенно* там не расслабляйся. Просто подружись с ними, а затем убеди в том, что за двенадцать тысяч фунтов можно купить целую гору моркови.

— Раньше ты говорил про семь тысяч.

— Священник теперь тоже в деле. Думаю, он запустил руку в пожертвования на починку крыши церкви. На самом деле мы, наверное, сможем поднять и пятнадцать, но ты пока об этом помалкивай, ладно?

Я пообещал ему, что буду помалкивать, и проводил к задней двери.

— Сделай вид, что ты мой садовник, — сказал я.

— Чего?

— Они видели, как ты входил в мой дом, так что это твоя легенда.

— Черт подери, — сказал он. — Уже нельзя и шагу ступить, чтобы соседи не сунули свой нос в твои дела.

Я закрыл за ним дверь, думая не о деньгах и не о задании, а о Конни. Я знал, что почувствовал, когда снова увидел ее, но не был уверен, чувствовала ли она то же самое — сейчас или тогда, когда нам было девятнадцать. Несмотря на то что я мог

различать кроликов, я не умел *читать их эмоции*. Для этого были нужны другие способности.

Бесплодные поиски и поход по магазинам

Антикроличья партия Соединенного Королевства создавалась в 1967 году как инициативная группа, посвященная одной-единственной проблеме. По мере того как их антикроличьи идеи распространялись, она превратилась в политическую партию. И хотя в первые годы над ними лишь смеялись, популистские обещания Найджела Сметвика, а также раскол в обществе и в парламенте на два лагеря, привели к его неожиданной победе в скандальных досрочных выборах 2012 года.

Этим утром Безухий явился на работу раньше меня и Тоби, что было необычно. Кролики, как правило, не вставали рано. Когда мы вошли, он убирался на своем столе, хотя на нем и не было беспорядка. Там стояла табличка с его именем, лежало несколько молотков различных размеров, адаптированная для лап клавиатура, его собственные перьевая ручка и чернильница,

благодарность, выданная ему самим Найджелом Сметвиком, и одна-единственная декоративная морковка в терракотовом горшке. Позади него на стене висел кроличий календарь с немного неприличными картинками. Сейчас он был открыт на мисс Апрель в коротких шортиках, хотя за окном уже была середина лета.

Стоило мне войти, как Безухий прекратил уборку, откинулся назад в кресле и стал хрустеть салатом ромэн, до этого стоявшим в кувшине с ледяной водой.

Он ничего не сказал, так что я вошел в систему и начал работать, перебирая по базе всех Лабораторных мужского пола, без дуэльных шрамов и ростом не менее шести футов[32]. В церкви я стоял к белому кролику достаточно близко, и, хотя я сам был ростом в пять футов десять дюймов, я едва доставал ему до плеча. Я приблизительно нарисовал сплюснутую розу Тюдоров, которую видел у него в ухе, и мы, как и положено, отправили рисунок в другие департаменты, но даже два возможных совпадения, которые они мне прислали, совсем не подходили.

---

[32] Примечания: 32

Не считая ушей. Рост кроликов измеряется до макушки промеж их ушей. Что любопытно, длина ушей *всегда* равна ровно трети длины тела, вне зависимости от возраста. Никто не знает почему.

Сегодня я собирался пройтись по уже умершим Лабораторным на тот случай, если он инсценировал собственную смерть, чтобы избежать обнаружения. Таких было несколько сотен, и, поскольку кролики умирали часто, умерших в колонии обычно не опознавали и даже не фотографировали. После этого мне было нужно начать просматривать Лабораторных в других колониях, а это, по моим прикидкам, могло занять почти месяц. А если он незарегистрированный — что было вполне вероятно, — то я вообще зря старался. Честно говоря, если бы я возглавлял кроличье Подполье, то именно по этой причине брал бы в курьеры только незарегистрированных Лабораторных кроликов — их было почти невозможно опознать.

— Как у тебя дела с Ушастым? — спросил Безухий. Прибавлять «7770» было уже не нужно — в последние недели я искал только его.

— Никак, — сказал я, — но мне еще предстоит просмотреть уйму физиономий.

— Нам нужно его имя, Нокс.

— Я знаю, — сказал я. — И работаю настолько быстро, насколько могу.

День тянулся медленно до самого ланча, когда я побрел в район Старого рынка, чтобы купить

в «ТК-Макс» носки.

На улице было тепло, но не душно, покупатели пребывали в приподнятом настроении, а в городке было тихо, как и заведено в понедельник. Когда я проходил мимо стоянки у кинотеатра «Одеон», то заметил «Додж Монако» семейства Кроликов. Я знал, что это именно их машина, потому что, во-первых, в Херефорде такие можно было увидеть нечасто, а во-вторых, на багажнике был наклеен традиционный и ироничный стикер с кроликом из «Плейбоя». Традиционным он был потому, что этот символ являлся неофициальной эмблемой «Кроличьего Равенства», а ироничным, потому что клубы «Плейбой» никогда не разрешали *настоящим* крольчихам работать у них официантками[33]. Я не знал, кто из Кроликов приехал в город — Клиффорд или Конни, — но, оглядевшись, я увидел Конни, спешившую в супермаркет «Уэйтроуз». Клиффорда нигде не было видно. Все мысли о подарках на день рождения испарились из моей головы. Я побежал в магазин, схватил корзину, для виду быстро сунул в нее пять или шесть попавшихся под руку товаров и пошел искать Конни, попутно думая, как лучше

[33] Примечания: 33

Впрочем, настоящим крольчихам не очень-то и хотелось там работать. Дело было в принципе.

начать нашу «случайную» встречу: просто задеть ее или ходить мимо, пока она меня не заметит?

Я нашел ее в журнальном отделе, увлеченно разговаривавшую по мобильнику. Я нырнул обратно за соседний островок и остановился, чтобы подумать. Мое сердце колотилось. Я не видел Конни больше тридцати лет, и даже тогда между нами ничего не было, да и *не могло* быть. Так что же я собрался делать? Я стал было уходить, но мое бегство было тут же прервано.

— Ну и как прошел ужин? — раздался позади меня голос, и я вздрогнул. Это был Виктор Маллет. Он всегда закупался в «Уэйтроуз», поскольку считал его «по-настоящему британским магазином, практически не опороченным присутствием иностранцев».

— Он будет только сегодня вечером, — сказал я.

— А, вот и замечательно, — сказал Виктор. — В фонде по их выселению уже двадцать кусков, но начни с цены пониже и хорошенько торгуйся, ладно? Пусть думают, что семь — это наш потолок. И вот еще что, — прибавил он, когда ему в голову пришла очередная мысль, — нам бы не хотелось им платить, если это возможно. Крыша церкви сама себя не починит, и такой удар по

нашим финансам наверняка скажется на празднике по случаю очередного новорожденного в королевской семье. Так что ты не мог бы попросить кого-нибудь в Надзоре надавить на них, чтобы они съехали?

— Все не так просто.

— Правда? А я думал, что все именно *настолько* просто. Господи, ну ты же сотрудник Кральнадзора! Тебе-то уж точно кролики должны поперек горла стоять.

— Я всего лишь бухгалтер.

В тот момент я впервые подумал, насколько же это большая ложь. К моему неудовольствию, Виктор Маллет был прав. Будь я честнее с самим собой, то с легкостью бы увидел, что Министерство кроличьих дел, стоявшее над Службой по надзору за кроликами, никогда не было благосклонно к кроликам. Пока мы не вышли из Евросоюза, их семьсот двадцать восемь раз вызывали в Европейский суд по правам человека в Страсбурге. Суд постановил, что раз мы относились к кроликам как к людям — они платили налоги, работали, свободно изъявляли свою волю, осознавали свою смертность и место в обществе и в мире, — значит, они, в силу этого, были достаточно человечны, чтобы обладать

всеми правами и привилегиями человека.

Правительство Великобритании с этим не согласилось и дало им законный статус на основании таксономической системы, по которой они однозначно определялись как *Oryctolagus cuniculus* — то есть вид «европейский кролик». Категорически не люди. Это решение было с радостью принято Крольтрудом, ведь теперь они могли с легкостью обходить до невозможного жесткое трудовое законодательство. Вдобавок к этому правительство заявило, что если они дадут кроликам равные права с людьми, то это создаст опасный прецедент, ведь с точки зрения закона ничто тогда не мешает дать такие же права цыплятам, коровам и свиньям. Еду, которую хозяева давали своим собакам или лошадям, можно было бы расценивать как плату за труд, а еще животным нужно было бы давать больничный и полный соцпакет. Но самая большая проблема состояла в том, что мы «убивали и ели» животных. «Чистая Правда» озаглавила эту новость так: «Европа хочет отнять у вас бекон».

Я вздохнул, и в очередной раз внутри меня что-то надломилось. Самые сомнительные дела Крольнадзор проворачивал этажом ниже того, где работал я, но ведь я все равно помогал им.

Даже если я не был частью проблемы, я точно не был частью ее решения.

Мама Пиппы, Елена, думала так же, и поэтому после нескольких ссор, которые становились все злее и желчнее, она ушла от меня. Я должен был обеспечивать нас и поддерживать дом, но она считала, что семейное гнездо в Муч Хемлоке не стоило тех денег, что мы тратили. Она была первым и единственным человеком, кому я рассказал. Больше никто не знал, чем я занимаюсь. Ни родственники, ни друзья, ни *тем более* Пиппа.

— Думаю, ты напрасно так взъелся на майора Кролика и Конни, — негромко сказал я, стараясь сгладить ситуацию.

— О, так она уже «Конни»?

— Она попросила меня так ее называть, — сказал я, чувствуя, что начинаю горячиться и злиться. Мне хотелось уйти. — Я думал, ты хотел, чтобы я с ними сошелся?

— Хотел, — сказал Виктор, — но не нужно фамильярности. И я был прав насчет уголовников — у их сына на ноге браслет. Я слышал, что его наказали за рытье нор.

Я тоже видел браслет.

— Видишь, о чем я? — прибавил Виктор. — Им

недостаточно того, что они перерыли земли за городом и заняли все низкооплачиваемые работы, которыми никто не хотел заниматься. Теперь они начали подкапываться под наши города и поселки. Неужели ты не замечаешь в этом скрытого намека? Их цель ясна как день: подкопаться и расплодиться. Ты знаешь, сколько зданий повредили эти вандалы-копатели?

— Не знаю, — сказал я, пытаясь вспомнить хоть один такой случай.

— Вот и я не знаю, — сказал Виктор, — но наверняка десятки, если не больше. На сайте «Две ноги — хорошо» тьма примеров.

— Если вы хотите что-то узнать о Кенте, вам достаточно лишь спросить.

Это сказала Конни. Она уставилась на нас двоих, а затем моргнула своими большими разноцветными глазами. Я не знал, много ли она слышала из нашего разговора, но надеялся, что она упустила ту деталь, что я работал в Кроль-надзоре.

— Вы уже знакомы? — сказал я, быстро решив представить их. — Миссис Кролик, это мистер Виктор Маллет, председатель приходского совета и коренной житель Муч Хемлока. Мистер Маллет, это миссис Констанция Кролик, она только что

поселилась в Хемлок Тауэрс.

Мистер Маллет замялся, но затем Стандартное Британское Воспитание взяло верх.

— Рад знакомству, — вежливо сказал он и, почти скрыв свои колебания, неуклюже пожал ее лапу. — Добро пожаловать в наш город. Хор всегда ищет новых членов, в кружке по вязанию всем рады, а Питер и Пиппа, как вы скоро поймете, замечательные соседи.

— Мы уже поняли, что мистер Нокс — *идеальный* сосед, — улыбаясь, сказала она. — Но вот в вашей искренности я сомневаюсь. Эта листовка случайно не ваша?

Она достала одну из листовок, за раздачей которых я тогда застал мистера Маллета. Листовка предупреждала всех и каждого о «живущих среди нас злостных вредителях с нездоровым пристрастием к моркови». Мистер Маллет посмотрел на бумажку, затем на меня, а потом на миссис Кролик, которая склонила голову набок и бесстрастно глядела на него.

— Ну. — Он выглядел слегка напуганным. — Думаю, что, наверное, наши слова были… вырваны из контекста.

— Вот как, — сказала Конни. — И в каком же контексте высказывание «злостные вредители

с нездоровым пристрастием к моркови» может показаться *не* оскорбительным и *не* лепорифобным?

— Ну знаете, — сказал он, вдруг приходя в себя, — теперь уже *вы* оскорбляете *меня* тем, что называете лепорифобом. Это отвратительное, незаслуженное хамство, и вам должно быть ужасно стыдно!.. Так что теперь мы квиты. Боже мой, а который час? Я страшно опаздываю на встречу. Был очень рад познакомиться с вами, миссис Кролик. Хорошего вам дня.

И он пошел прочь, вытирая о штанину руку, которой он пожимал лапу миссис Кролик.

— Ох, мамочки, — сказала Конни, прикрывая лапой рот и звонко хихикая. — Как же *плохо* я поступила. Наверное, не стоило так уж сильно припирать его к стенке.

— Тут я с тобой согласен, — сказал я. — Будучи одним из твоих немногих друзей в поселке, должен предупредить, что мистер Маллет — последний человек, которого тебе стоит злить.

— Если продолжишь дружить с нами, мистер Нокс, — сказала она, демонстрируя потрясающую прямоту, — то скоро в этом городе мы останемся твоими единственными друзьями.

— Я… пожалуй, рискну, — сказал я.

Теперь она стояла близко-близко, и я снова почувствовал исходивший от нее сочный глинистый запах. Много лет назад запах был таким же — эти духи создал знаменитый кроличий парфюмер Гастон Кролик. Когда я чувствовал запах немытой картошки, то всегда вспоминал о ней.

— «*Jersey Royal Pour Femme*», — сказал я, вдруг вспомнив название духов.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Ты вспомнил.

— Я много чего помню.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, а затем она вдруг перевела взгляд на случайные предметы, которые я бросил в корзину.

— Ну и ну, — сказала она. — Женские прокладки, банка грибного супа, арахисовое масло «Сан-Пэт» и шпажки для бутербродов?

— Это для миссис Понсонби, — быстро сказал я. — Она моя тетушка. Я хожу за покупками для нее.

— Та, которая заболела, когда меня отчисляли из универа?

— Нет, — сказал я. — Другая тетушка. У меня их три.

— А у меня шестьдесят восемь, — весело сказала она, — и сорок девять дядюшек, один из которых

мне еще и дедушка.

— Правда?

— Да, — задумчиво сказала она. — Из-за этого на семейных посиделках всегда бывает немного неловко. Не зайдешь со мной в овощной отдел?

Пока мы шли вдоль полок, я чувствовал, как на нас глазеют. Когда мы подходили, покупатели вдруг исчезали с нашего пути, а один раз, когда Конни остановилась в отделе еды для приверед, находившиеся там покупатели поспешно отшатнулись, неодобрительно цокая языками.

— Мне сказали, что ты играла небольшую роль в «Криминальном чтиве», — сказал я, чтобы поддержать разговор.

— Наивысшей точкой моей провальной карьеры стало то, что меня вырезали из классической картины, — с улыбкой сказала она. — Фрагмент изначально назывался «Инцидент с кроликом». Квентин был вовсе не против работать с кроликами, но студии давили на него, и мою сцену пришлось переснять с человеком. И они изменили «хороший морковный сок» в диалоге на «хороший кофе». Но если ты пересмотришь фильм, то заметишь, что жену Джимми должна была играть крольчиха. В те годы нам еще разрешали летать в Штаты, — со вздохом прибавила

она. — Нужно было получать справку о том, что я не беременна, и нельзя было задерживаться в стране дольше чем на половину продолжительности беременности, но все же… Хорошие были времена.

— Наверное, было неприятно, что тебе не перепало от успеха фильма.

— Таковы реалии актерской жизни, — философски сказала Конни. — В основном я работала в рекламе, пару раз появлялась в «Ферме Эммердейл» и «Чисто чикагском убийстве» и играла акушерку Рэйчел Кролик в ста восьмидесяти трех сериях сериала «Как глубока была моя нора». Ты его смотрел?

— Нет, — честно сказал я. Хитросплетения множества сюжетных линий того сериала были настолько запутаны, что в одном двадцатиминутном эпизоде было не меньше драмы, чем в целом сезоне «Западного крыла». Лишь несколько человек утверждали, что разобрались в сюжете, но они, скорее всего, врали.

— Люди его почти не смотрят, — ответила Конни, — но кое-что с моим участием ты, наверное, видел. Помнишь рисованную крольчиху в рекламе шоколада с карамелью «Кэдбери»?

Как ни странно — хотя на самом деле ничего

странного в этом не было, — когда я видел ту рекламу, я всегда думал о Конни. Мое воображение решило, что у той рисованной крольчихи такие же формы и западный акцент, хотя голос у нее был совершенно другой.

— Так это была ты?

Конни небрежно махнула лапой.

— Меня снимали, чтобы аниматоры могли срисовать движения, так что да, тело и движения мои. Причем все это было *задолго* до технологии захвата движений.

— Но ведь голос не твой, верно? — сказал я.

Она улыбнулась.

— Заметил. Я тогда еще не была членом Актерской ассоциации, поэтому вместо меня ее озвучивала Мириам Маргулис. Но я находилась в студии вместе с ней, чтобы ее консультировать. Она замечательная женщина и так здорово сыграла Кормилицу в «Ромео + Джульетта».

— А ты когда-нибудь играла в постановках Шекспира? — сказал я.

— Две недели играла Основу в «Сне в летнюю ночь», но думаю, что получила роль только из-за ушей. А вообще, знаешь что? — сказала она, когда мы подошли к овощному отделу. — Мне ведь на самом деле совсем не нужно было идти

за покупками.

— Не нужно?

— Нет. У меня любовник, и я хотела позвонить ему так, чтобы Клиффорд не услышал. Его зовут Руперт Кролик. Он мой кузен со стороны матери мужа дочери сестры моего отца.

— Я… Я не уверен, что тебе стоит рассказывать мне об этом.

— Будучи крольчихой, — со вздохом сказала она, — мне бывает трудно найти хоть кого-нибудь, кто мне *не* родственник.

— Нет, — сказал я. — Я имел в виду, что тебе не стоит рассказывать мне о том, что ты изменяешь мужу.

Она взяла сельдерей и с видом эксперта понюхала его.

— Я всегда могла доверять тебе, Пит. Я говорила тебе всякое, и ты мог рассказать об этом другим, но не рассказывал. Ты скажешь моему мужу?

— Нет, конечно же нет.

— Вот поэтому я и делюсь. К слову, в Руперте я тоже не совсем уверена. Недостаточно он дурной.

– *Недостаточно* дурной? — спросил я, все-таки заинтересовавшись.

— Клиффорд замечательный муж. Честный,

высокий, умный, трудолюбивый, целеустремленный… Но если я когда-нибудь захочу еще детей, они, наверное, будут не от него.

Я спросил, почему нет, и она ответила, что это «поймут только крольчихи». Она задержалась у салата айсберг, потом понюхала ромэн, а затем взяла упаковку с двумя кочанами Маленькой жемчужины.

— Вообще-то это просто миниатюрный ромэн, — сказала она со знанием дела, — и он очень устойчив к корневой тле. Ты знал, что древние египтяне считали салат символом сексуальной удали и плодородия?

— Теперь знаю.

— На нас кто-нибудь смотрит? — озорным тоном спросила она.

— Что ты хочешь сделать?

— Так смотрит или нет?

Я огляделся по сторонам.

— Нет.

Она вынула одну из Маленьких жемчужин из целлофана.

— Мой второй муж и я обычно ели Маленькую жемчужину во время… ну ты понимаешь. Она

увеличивает шанс овуляции[34].

Затем, не колеблясь, она в один присест проглотила Маленькую жемчужину.

Она закрыла глаза, глубоко вдохнула, и по ее телу прошла дрожь, от которой коричневый мех на холке встал дыбом. Она задержала дыхание, а затем с низким стоном выдохнула пахнущий салатом воздух.

— Ух ты, — негромко сказала она. — Салаты Ассоциации производителей чистых органических продуктов всегда торкают больше других. Слушай, тебе лучше это взять.

Она протянула мне оставшийся кочан.

— Если я вернусь домой с упаковкой, в которой нет одной жемчужины, Клиффорд *точно* что-нибудь заподозрит. Ой-ой. У нас проблемы.

Я оглянулся и увидел, как охранник разговаривает с двумя недовольными покупателями. Они смотрели в нашу сторону и указывали на нас пальцами. Я снова повернулся к Конни, чтобы что-то сказать, но она уже ускользнула.

— Эта крольчиха была с вами? — спросил

---

[34] Примечания: 34

В отличие от людей, кролики могут забеременеть почти всегда, когда только пожелают. Высокая рождаемость нередко становится инструментом быстрых эволюционных перемен, и, возможно, именно поэтому 40 % всех млекопитающих сегодня принадлежат к семейству грызунов и заячьих.

охранник, подойдя ко мне.

— Какая крольчиха?

— Та, которая сунула вам вскрытую упаковку с Маленькой жемчужиной, потому что иначе ее муж стал бы ревновать.

— А такое часто случается?

— Чаще, чем вы думаете. Ну так что, эта крольчиха с вами?

— Вообще-то нет… мы только что познакомились.

Он что-то буркнул и отошел. Я прошелся вдоль полок, пытаясь найти Конни, и наконец увидел ее снаружи. Она быстро шла к своей припаркованной машине. Я наблюдал, как она садится в «Додж», затем выезжает задом с парковки и уезжает. Еще в университете мне нравились ее эксцентричный характер и совершеннейшая прямота. Они и сейчас мне нравились. А еще я понимал, что рано или поздно, случайно или нарочно, она узнает о моем участии в гибели ее второго мужа, Дилана Кролика… И мне вовсе не хотелось, чтобы это случилось.

Старший Руководитель

Миксоматоз использовался в качестве бактериологического оружия против кроликов с начала девятнадцатого века, и даже был завезен в Австралию в 1950 году. Сначала болезнь проявляется на глазах и гениталиях: могут появляться опухоли или миксомы. Затем присоединяется вторичная инфекция, развивается пневмония, и через две недели после заражения кролик обычно умирает. Лекарства от болезни не существует.

Когда я вернулся в офис, то застал Флемминг и Безухого за моим компьютером. Они просматривали утренние отказы и возможные совпадения. У Флемминг был пароль администратора, и она могла получить доступ ко всей моей работе, так что я не удивился.

— Результатов, значит, пока нет? — спросила она.

— Это долгий и утомительный процесс, — сказал я. — И здесь нельзя торопиться.

— В таком случае, — сказал Безухий, — думаю,

нужно сделать подход более осмысленным. Мы сказали ему, что ты зайдешь и отчитаешься о проделанной работе, когда вернешься.

Эти слова меня не на шутку встревожили.

— К кому я должен зайти?

— А ты сам как думаешь? К Старшему Руководителю.

Я вздрогнул. Никто не хотел встречаться со Старшим Руководителем, особенно если этот никто был ключевой фигурой в важном расследовании, которое ни на йоту не сдвинулось с места. Я попытался придумать ряд убедительных и разумных аргументов, которые бы заставили других прислушаться ко мне и при этом поразили бы их глубиной моего интеллекта и остроумия, но в конце концов я лишь смог плаксиво выдавить из себя:

— А это обязательно?

— Конечно нет, — сказала Флемминг. — Но ты все равно пойдешь, потому что я тебе приказываю. А, и зайди по пути в бухгалтерию. Кажется, у них есть что ему передать.

Разговор завершился, и Флемминг с Безухим вернулись на свои места. Я вздохнул, а затем медленно побрел по коридору туда, где меня уже ждала главный бухгалтер с пухлым коричне-

вым конвертом и расчетным листом. Я знал, что внутри конверта. У Старшего Руководителя было много странных привычек, одна из них такая: он настаивал, чтобы за все «дополнительные услуги» ему платили наличными.

— Спасибо, что идете туда, — беспокойно сказала она. — Я бы и сама все сделала, но мне нужно срочно бежать к стоматологу.

Она потерла челюсть и наигранно поморщилась, чтобы подчеркнуть свои слова, затем напомнила мне получить его роспись за деньги и исчезла в своем кабинете.

Я спустился вниз, в главный офис Крольнадзора. Офис был большим и открытым, освещенным яркими люминесцентными лампами. В нем работало около шестидесяти сотрудников, и почти все они либо висели на телефонах, либо, ссутулившись, смотрели в свои мониторы. Они отслеживали выполнение рабочих заданий, вероятные всплески криминальной активности и жестко следили за соблюдением максимального размера оплаты кроличьего труда.

Пока я медленно пересекал офис, взгляды были устремлены на меня. Казалось, что все застыли в мрачном предчувствии чего-то неизбежного. Никому не нравилось, что Старший Руководи-

тель сейчас здесь, и прибытие кого-то с пухлым коричневым конвертом казалось им хорошим предзнаменованием. Чем скорее ему заплатят, тем скорее он уйдет.

Мне даже не пришлось объяснять цель моего визита помощнику Старшего Руководителя. Он просто объявил о моем прибытии по внутренней связи и поторопил меня. Я подошел к двери, набрал в грудь побольше воздуха, постучал и вошел.

Кабинет был чистым и аккуратным. На стенах висели фотографии Старшего Руководителя и напоминания о его многочисленных достижениях в ретрогонках. Повсюду стояли трофеи, полированные части двигателя, переделанные в часы и пепельницы, а на стене висела запасная фигурка с капота машины D-Type, победившей в одном из турниров Ле-Мана. Жалюзи были опущены, и поэтому в кабинете было довольно темно, а в воздухе висел невероятно удушающий запах: смесь виски, сигарного дыма и лосьона «Олд Спайс».

Зажглась сигара, и сидевший в темноте силуэт немного озарился оранжевым огоньком. Я прокашлялся, чтобы успокоиться, и поднял конверт.

— Агент АЙ-002 сказал мне отчитаться перед вами об охоте на Ушастого 7770, и я принес вам

кое-что из бухгалтерии.

Повисла тишина, а затем:

— Высший класс, старик, высший класс.

Его голос был вкрадчивым и низким, как у хорошо образованного человека. Мне вспомнился мой школьный учитель английского, имевший длительные отношения с виски «Монте-Кристо» и «Гленморанджи». Они обогатили его мягкие интонации, но в конце концов не привели ни к чему хорошему.

– *Bono malum superate*[35], — прибавил он. — Будь молодцом и оставь конверт на столе, ммм?

Я закусил губу. Из офисных сплетен я знал, что с наличкой все всегда так и происходит. Те, кто ее заносит, пытаются получить подпись Старшего Руководителя, а он всегда пытается ее не ставить.

— Мне нужно, чтобы вы подписали.

— И я подпишу, старик, когда сам решу. Погоди-ка, а ты ведь мистер Нокс?

Он встал и подошел к свету, и я почувствовал, как у меня по спине потек пот.

Старший Руководитель был одет с иголочки. На нем был идеально скроенный шерстяной

---

[35] Примечания: 35
Побеждай зло добром (*лат.*).

костюм-тройка, явно недешевый; под черными мужскими туфлями он носил красные носки, а на его шее был аккуратно повязан алый галстук с украшенной драгоценными камнями заколкой. Его мех был темного рыжевато-песочного цвета, рост — более шести футов, а хвост — настоящий *лисий хвост* — торчал из-под полы костюма, и его белый кончик нетерпеливо подергивался. Также у ног Старшего стоял грузный холщовый мешок с темными пятнами в нескольких местах.

— Ты что, язык прикусил? — сказал он. — Мистер Нокс — это ты? Я могу отличить мужчину от женщины, старика от юноши и тупого от еще тупее, но детали от меня ускользают.

— Д-да, — запинаясь, выдавил я, когда он приподнял губу и обнажил огромный острый клык. Казалось, что промеж его зубов застряли клочья волос, к которым прилип розовый хрящик.

— Что «да»?

— Да, сэр, мистер Ллисъ, сэр, — сказал я. — Так меня и зовут — мистер Нокс, сэр.

Кролики были не единственными животными, попавшими под влияние Спонтанного Очеловечивания в 1965 году. Вместе с ними там оказались шесть куниц, пять морских свинок, три лисицы, один далматинец, один барсук, девять пчел и

одна гусеница.

Барсук и далматинец сменили множество карьер — они побывали ведущими ток-шоу, репортерами, бильярдными жуликами — и, провалившись в каждой из них, нашли себя, став комедийным дуэтом «Пятна и полоски», чьи шуточные сценки были не всегда удачными, но хотя бы оригинальными.

Все морские свинки оказались самцами, так что ни о каком продолжении рода речи быть не могло. Они были неразлучны, и после неудавшейся попытки открыть свое дело по выпечке тортов они организовали преступный синдикат, который пресса окрестила «Стальными свиньями». После серии гангстерских налетов, ограблений банков и ювелирных магазинов удача отвернулась от них, когда полиция окружила их машину, в которой они сбегали с места преступления по автомагистрали М4. Но вместо того чтобы по-тихому сдаться, они решили прорываться с боем при помощи различного автоматического оружия и даже одной ракетницы. При этом они все время выкрикивали фразочки вроде: «Ни одному поганому копу не упечь меня в тюрягу».

Впоследствии опытный боевой офицер описывал ту бойню так: «Это были самые страшные

полчаса в моей жизни; даже в Ираке мы не сталкивались ни с чем подобным». После затяжной перестрелки, двух автомобильных погонь и двадцатисемичасового противостояния в KFC двух выживших морских свинов арестовали и приговорили каждого к двадцати шести годам тюремного заключения.

Все куницы работали в органах безопасности, не то из-за своей биологической предрасположенности, не то просто подыгрывая стереотипу *пронырливого* зверька. Из них я хорошо знал лишь одного — Адриана Куницына, решившего «очеловечить» свою фамилию[36], чтобы казаться не таким пронырливым.

Гусеница, напротив, не смогла приспособиться к Очеловечиванию и сразу же окуклилась. Из куколки, впрочем, он или она пока что не вылупились. Сейчас куколка висит в большом стеклянном шкафу в Музее естествознания, и ее круглосуточно снимает веб-камера.

Никто не знает, что случилось с пчелами.

---

[36] Примечания: 36

Вы бы ни за что не догадались, что они — куницы, пока не встретились бы с ними лицом к лицу. Это ошеломляет многих потенциальных партнерш и партнеров, которых они находят, проводя уйму времени в приложениях для знакомств. По какой-то причине для аватарки профиля они всегда выбирают фотографии юных Энтони Идена или Юнити Митфорд.

— Как поживает твоя очаровательная дочь? — спросил мистер Ллисъ, явно намекая на их встречу много лет назад, в день, когда сотрудники приводили детей на работу. В тот год праздник был омрачен его незапланированным прибытием в офис. Пиппе тогда было четырнадцать, и она стала центром внимания мистера Ллиса и жертвой его неприличных намеков. Будь он человеком, этого было бы достаточно для увольнения и, возможно, даже для заведения на него уголовного дела.

— У нее все хорошо, — сказал я, стараясь говорить холодно и презрительно, хотя на самом деле мой тон вышел жалким и извиняющимся.

— Она все еще красавица, да? — спросил он. — Теперь, когда она достигла возраста согласия, нам наверняка стоит познакомиться поближе.

Его маленькие желтые глазки впились в меня, и из одного уголка его рта потекла слюна. Слово «омерзительный» было недостаточно крепким, чтобы описать его.

— Думаю, могу с уверенностью сказать, что Пиппа терпеть вас не может, — ответил я.

Он снова осклабился.

— Вот же маленькая негодница. Что ж, ей же хуже.

Из-за небольшого размера помета и невероятно длительных и сложных брачных игр, требовавших свиданий в мишленовских ресторанах и походов в оперный зал Глайндборн, лисы не смогли расплодиться так же, как кролики. От двух лисиц и одного лиса, очеловеченных в самом начале, на сегодняшний день произошло чуть менее шести тысяч особей. На протяжении всех этих лет они становились все более и более культурными и стали настаивать на том, чтобы их лисята учились в школах. Они любили по любому поводу изрекать напыщенные и бессмысленные фразочки на латыни и изменять свои фамилии самыми невообразимыми и нелепыми способами. Помимо обыкновенного «мистер Лис» существовало еще около сорока различных комбинаций вроде: Лисъ, Лисс, Ллисъ, Л'ис, Ли'С, Лльисъ, Ліс, Лісъ, Льис, Лыс, ЛыссиЛ'лис. А произносились они все без исключения как «Лис».

В отличие от кроликов, лисы получили британское гражданство, хотя и на основаниях, законность которых вызывала сомнения, — тогдашнему министру внутренних дел просто «понравился их прикид». Но они также добились уникального постановления, по которому сохранили двойственный животный статус. По закону

они считались людьми, но также по желанию или по требованию работы им позволялось становиться лисами. К тому же, как известно, они были удручающе *хитры*. Даже поговорка такая была: вам никогда не перехитрить лиса.

— Ладно, — сказал мистер Ллисъ, — давай разберемся с наличкой.

Я передал ему бумагу на подпись, и он вынул из нагрудного кармана дорогую ручку. Подписав расчетный лист, он отдал его мне, и я передал ему деньги.

— Хорошо, — сказал он, засовывая деньги в свой нагрудный карман. — А теперь давай поговорим об операции в Россе. Безухий сказал мне, что ты не проявляешь должного энтузиазма, который мы хотим видеть в своих сотрудниках. Сейчас, когда Кроличье Подполье угрожает мирной жизни этой прекрасной цветущей страны, тебе нужно больше стараться. Куницын говорит, что ты уже несколько недель пялишься на фотки Лабораторных кроликов и еще ни на одного не указал.

Я нервно сглотнул.

— Я его еще не нашел. Такой поиск требует времени.

Он подошел ближе, и удушающий запах одеколона «Олд Спайс» вдруг заполнил воздух, как

туман. Лисы пользовались им, чтобы кролики не почувствовали их естественный запах, когда те собирались напасть. И лисам *разрешалось* убивать кроликов. В 1978 году Верховный Суд, рассматривавший дело «Лис против Кролика», постановил, что лис имеет законное право убить кролика, если в момент убийства он классифицирует себя как лиса. Обосновывалось это «исторически сложившимся хищническим образом жизни, основанным на традиционном поедании естественной добычи». Это также давало им законные основания работать в Службе по надзору за кроликами. Конечно, закон позволял кролику убить лиса при самообороне в том случае, если у него «не осталось возможности сбежать, и если возможно доказать в суде, что кролик не превысил пределы необходимой самообороны, установленные законом в отношении кроликов». Однако кролики редко шли на это из-за… ответных расправ.

Ответные расправы считались не массовым убийством, а скорее полезным инструментом устрашения. Начались они, когда один крайне неприятный тип по имени Джетро Ллис проник в Колонию № 5, чтобы «немного поразвлечься». Его нашли два дня спустя в сточной канаве прямо

за стенами колонии. Судебный медик обнаружил в его крови достаточно кокаина и алкоголя, чтобы убить жеребенка, но причиной смерти назвал удушье «от застрявшей в дыхательных путях морковки». И хотя судмедэксперт заявил, что это вовсе *не обязательно* означает умышленное убийство и причастность кроликов, братья лиса решили иначе. Когда дым и клочья пуха рассеялись, шестьсот случайных кроликов были убиты, замучены и частично съедены, причем самым жестоким возможным образом. Инцидент был настолько неприятным, что тогдашний премьер-министр Тони Блэр — давний поборник лисьих прав — пригрозил лисьему сообществу, что еще один «подобный перегиб» приведет к отмене постановления «Лис против Кролика».

Однако ответные расправы продолжались, лисам просто пришлось найти допустимые рамки. Оказалось, что сотня мертвых кроликов за одного убитого лиса позволяла лисам оставаться практически неприкасаемыми. Но, несмотря на разрешение, лисы нечасто пользовались своим правом на убийство, чтобы цена на заказное умерщвление оставалась непомерно высокой.

— Ты не нашел его, потому что *такой поиск требует времени*? — повторил он. — И сколько

же времени?

— Ну, приблизительно…

— Дай мне какие-нибудь имена, — сказал мистер Ллисъ, прерывая меня. — Имена Лабораторных, хоть *чуточку* похожих на Ушастого 7770. Так мы хотя бы посеем раздор среди грызунов.

— Я… не думаю, что это хорошая идея.

— Почему?

— Нам стоит попытаться избежать повторения инцидента с Диланом Кроликом, — сказал я. Во рту у меня пересохло. — Это может нанести удар по репутации Крольнадзора.

Я слышал, как мой голос надломился.

— Общественность уже давно об этом забыла, — сказал мистер Ллисъ, пренебрежительно пожимая плечами. — Все эти глупости о преступном убийстве Дилана Кролика остались только в нездоровых умах безнадежных ханжей. Чтобы поддержать эффективность Надзора, нам придется тут и там совершить несколько ошибок, и мистер Сметвик согласен со мной, что эту цену стоит заплатить. А теперь вот что: я хочу, чтобы ты вернулся к своему списку Лабораторных и выбрал четырех, которых мы могли бы допросить.

— У меня нет имен, — умоляющим тоном сказал я. — Ни одного.

— Это уже не моя проблема, — сказал мистер Ллисъ, зловеще смерив меня взглядом, — а твоя. Четыре имени. Чтобы показать Подполью, что мы не шутим.

— Тогда почему бы просто не выбрать четырех случайных Лабораторных в толпе? — спросил я. От ужаса мой голос дрожал. — Они будут так же виновны, как и те, кого выберу я…

Я затих, когда его маленькие желтые глазки холодно уставились на меня.

— Ты отличный опознаватель, — негромко сказал он, — один из лучших. Судя по статистике, ты почти всегда бьешь в точку. Но если ты не начнешь хоть немного поддерживать нашу линию, нам придется поставить вопрос о твоем уходе.

Я снова нервно сглотнул. Мне была нужна эта работа.

— Вы не можете уволить меня за то, что я не даю вам случайные имена.

Он улыбнулся и похлопал меня по руке.

— Дорогой мой друг, мы не собираемся тебя увольнять. Бог мне свидетель, нет. Но в Надзоре регулярно происходят утечки информации, а они частенько приводят к самым печальным последствиям.

Он смотрел на меня, слегка улыбаясь, и я по-

чувствовал себя скверно. Меня бросило в жар. Мистер Ллисъ выдал организации «Две ноги — хорошо» имя Дилана Кролика, и те потушили его. Было вполне возможно, что он выдаст и мое имя, но уже кроликам, причем тем, чьи мозги заняты не только морковками, лопухами и повторами сериала «Как глубока была моя нора». Он усмехнулся, и я понял, что он не шутит. Положив лапу мне на плечо, он тихо произнес мне на ухо:

— Нравится тебе это или нет, Нокс, ты один из нас. Ты брал деньги и даже успел немного измазаться в том, чем мы здесь занимаемся. Не думаю, что кролики увидят твою причастность в хоть сколько-нибудь… — он замолчал, раздумывая, — …благоприятном свете.

Он был прав. Я знал множество случаев, казавшихся случайными или несвязанными, но при этом игравших на лапу кроликам. Например, внезапный и беспричинный отъезд заместителя Сметвика в Бутан к буддистам; или крайне высокая статистика аварий со смертельным исходом, в которых погибали лисы и куницы; или опознаватели, внезапно покидавшие свои должности или просто пропадавшие без вести. Все-таки мы не просто так держали нашу профессию в секрете.

— Мы друг друга поняли? — спросил он.

Я почувствовал, как по моей спине катятся холодные капли пота.

— Да, — сказал я, — да, мы друг друга поняли.

Лисы всегда так работали. Убеждали, давили, угрожали, унижали, заставляли рваться на части, размазывали и — в случае с кроликами — наконец убивали. Это было заложено у них в крови, в самом ДНК. Более того, им это доставляло удовольствие. Многие из них считали, что ключ к первоклассному первому свиданию с новой знакомой лисичкой — пригласить ее на убийственную прогулку по кроличьим колониям.

Пришла пора мне уходить. Я пробормотал, что меня ждут, и повернулся к двери, но обнаружил, что мистер Ллисъ *уже был там*. Он переместился настолько быстро, что мне показалось, будто в кабинете его двойник. Мне даже пришлось обернуться, чтобы проверить.

— Мистер Нокс, сэр, не так быстро, сэр. Разве я сказал, что вы можете идти, сэр?

— Нет, сэр, нет, сэр, мистер Ллисъ, сэр, — пробормотал я. — Что еще я должен сделать, сэр?

Он приблизил свою морду вплотную ко мне и глубоко вдохнул.

— Ого-го, — сказал он, внезапно отвлекшись, —

да ты недавно был рядом с крольчихой.

Я подумал о Конни в «Уэйтроуз».

— По пути сюда зашел в «Аскарис», — сказал я, — там за стойкой работала крольчиха.

Я слегка запнулся, пока говорил, и мистер Ллисъ сразу же понял, что я лгу.

— Нет, ну надо же! — смеясь, сказал он. — Малышу Нокси заморочили голову. И чем же она тебя завлекла? Глазами? Трясущимся хвостиком? Или дело в необъяснимой и совершенно непристойной сексуализации низшего млекопитающего, ничем не примечательного в другой ситуации? Кто она, а? Твоя новая соседка?

— Нет… — Я прервался, осознав, что он только что сказал. — Откуда вы знаете, что у меня по соседству поселились кролики?

Он улыбнулся.

— Не позволяй их мягкому характеру и мнимому миролюбию одурачить себя, — сказал он, не отвечая на мой вопрос. — Знаешь, как они изображают из себя «милых и пушистых жертв человеческого гнета»? Ерунда все это. Не нужны им заливные луга, теплые норки и лопухи, нет. Они стремятся расплодиться, ассимилировать и подмять вас под себя. И если за ними не следить, они победят. Беспорядочная половая жизнь

— это не просто их *raison d'être*, смысл существования, а их секретное оружие. Угроза Взрывного Размножения действительно существует, и когда Подполье захватит контроль над цепочкой снабжения и запасами продовольствия, они дадут отмашку. Ты не успеешь сказать «заячье рагу», как люди окажутся в меньшинстве на собственной земле. Перевес голосов окажется на их стороне, и ты будешь работать на кролика, выполнять кроличьи приказы, молиться у их алтаря, жить по-кроличьи и жрать салат на завтрак, обед и ужин. Ты этого хочешь?

— Ну, нет.

— Тогда мы с тобой точно заодно, потому что именно *этого* добиваются Ушастый 7770 и все остальные прыгучие предатели.

— Правда?

— Можешь не сомневаться. А теперь смотри, по поводу твоих соседей: будь начеку, но оставайся к ним дружелюбен. Делай все что нужно, чтобы втереться к ним в доверие. Когда придет время, мы скажем тебе, что нужно сделать.

— Так мне нужно, чтобы они остались в городе? — сказал я, думая о Маллетах и об их сборах средств на выселение.

— Если получится. Внедрись к ним, заведи

друзей и доложи мне. Крольнадзор будет тебе признателен. И я *лично* буду признателен.

Мистер Ллисъ покровительственно похлопал меня по плечу, а затем, пока я не видел, сунул мне руку в пиджак и положил во внутренний нагрудный карман маленькую, но очень свежую лисью какашку[37]. Потом он улыбнулся.

— Ах, да, — сказал он, указывая на окровавленный мешок, стоявший на ковре посреди его кабинета. — Не хочешь захватить с собой пару лапок? Они вкусные и питательные.

Я наконец вновь обрел дар речи.

— Это никакой не надзор, — сказал я. — Это просто…

Я затих, не договорив.

— Можешь говорить, что думаешь, Нокс. Я разрешаю. Тебе ничего за это не будет. На этот раз.

— Это… *убийство*, — сказал я, указывая на мешок.

Он затянулся сигарой и усмехнулся.

— Ты хоть осознаешь, сколько в этом твоем утверждении лицемерия? Какими бы мы, лисы, ни были жестокими, мы просто дилетанты по

---

[37] Примечания: 37

Я узнал об этом значительно позже, когда сунул руку в карман. Эта лисья шутка широко распространена, но забавной ее находят только сами лисы.

сравнению с людьми. Возможно, я обхожусь с твоими мохнатыми лесными друзьями немного жестоко, хотя *exitus acta probat*[38], Нокс. Но видишь ли, какое дело: вовсе не я и не мои лисиные сородичи безо всякого зазрения совести ежедневно подталкивают всю эту чертову планету к вымиранию.

Несколько секунд он сверлил меня взглядом, и я беспокойно переминался с ноги на ногу.

— И не надо говорить, что ты лично ни в чем не виноват, — продолжил мистер Ллисъ, — потому что это не так. Своим молчанием ты поддерживаешь статус-кво, что доказывает твою причастность, а безразлично пожимая плечами, ты голосуешь за то, чтобы оставить все *в точности* так, как есть. Это не я убийца, Нокс, а ты — ты и все твои маленькие безволосые дружки-приматы с их глупыми прическами, длинными конечностями, разросшимся чувством собственной важности и манией величия.

Я почувствовал, что краснею под его взглядом.

— А теперь, — понизив голос сказал он, — можешь валить обратно и заняться своей честной и нужной работой, за которую тебе так хорошо

---

[38] Примечания: 38
Цель оправдывает средства (*лат.*).

платят. И чтоб к заходу солнца на моем столе лежало четыре имени.

Особого приглашения мне не потребовалось, и я быстро покинул кабинет.

— Все хорошо? — спросил Тоби, когда я вернулся за свой стол.

— Нет, — сказал я, — не совсем. Все плохо. Все очень плохо.

Ужин и бренди из одуванчиков

Из всех служивших кроликов больше всего наград за всю историю получила офицер ВВС Великобритании Даниэль «Базука» Кролик, катапультировавшаяся в небе над Ираком из истребителя-бомбардировщика «Торнадо», в который попала ракета «земля-воздух». Она написала о своем пленении довольно интересную книгу «Побег из Тикрита», хотя критикам не понравилось слишком детальное описание иракского салата в конце книги.

Весь день я вымучивал из себя решение, имена каких Лабораторных кроликов мне стоит передать мистеру Ллисъу. Наконец, я выбрал четырех уже умерших или давно пропавших без вести, причем с первого взгляда это было неочевидно. Кому-нибудь придется сначала их поискать, а это должно было дать мне пару дней, чтобы вздохнуть свободно.

Вечер был теплым, а небо — ясным, хотя его тут и там усеивали перистые хвостики облаков. Пока я и Тоби ехали обратно в Муч Хемлок, мы не

разговаривали. Я был занят мыслями об опознавании, Взрывном Размножении, мистере Ллисъе, Конни и, конечно же, лисьей какашке, которую я нашел в нагрудном кармане, когда полез за солнцезащитными очками. Высадив Тоби, я поехал домой, помылся в душе, побрился и перебрал вещи в комоде, решая, что мне надеть, когда я пойду к Кроликам. Наконец я остановился на свободных брюках, белой рубашке и повседневной спортивной куртке. С тех пор как я все это купил, я набрал пару фунтов в весе, и вещи стали тесноваты, но другого приличного костюма у меня все равно не было. Я редко куда-нибудь выбирался.

Пиппа решила, что не пойдет со мной, потому что она как бы пообещала Тоби встретиться с ним в новом фьюжн ресторане уэльско-тайской кухни, недавно открывшемся в городке. Она уже разнюхала о сборе средств на выселение кроликов — это движение успели прозвать «кроличий Брекзит».

— Ты правда собираешься предложить им деньги, чтобы они свалили? — спросила она. — Мне кажется, не стоит становиться рупором для Маллетов — потом проблем не оберешься.

— Я буду тактичен, — сказал я. — В конце концов, может статься, что это хитрый план самих

Кроликов. Обобрать до нитки всех, кто захочет пожертвовать на это деньги, — есть в этом какая-то поэзия.

— Если не считать священника, запустившего руку в пожертвования на починку крыши церкви.

— Да, — задумчиво сказал я. — Может быть, у меня получится договориться о каких-нибудь поблажках. Церковный кэшбэк, например.

Она сказала, чтобы я был осторожен, я пообещал, что буду, и направился к дому Кроликов.

Майор Кролик открыл дверь почти сразу же после того, как я постучал.

— Здравствуй, Питер, — радостно сказал он. — Ты ведь не против, если я буду называть тебя просто «Питер»?

Я сказал, что не против, и он ответил, что мне стоит называть его «Док», потому что все так делают.

Он пожал мою руку двумя лапами, а затем поманил меня внутрь. Несмотря на то что снаружи все еще было светло, почти все окна были зашторены, а в нескольких светильниках, что были включены, стояли лампочки низкого напряжения. Они источали оранжевый свет, из-за чего интерьер казался мрачноватым, но теплым.

В воздухе висел богатый, почти глинистый запах свежей земли, а на видном месте на стене висел круг из изящно сплетенной медной проволоки — символ их веры, пять кругов полноты жизни. У нас был крест, а у них — круг.

— Круг Полноты Жизни, — сказал Док, проследив за моим взглядом, — и круг доверия. Он также символизирует дом, нору, плодородие, родовые пути, из которых мы появляемся на свет, и мать-землю, в которую мы все возвращаемся. На всех нас возложена обязанность завершить круг.

— А что это *на самом* деле означает? — спросил я. Смысл фразы «завершить круг» всегда оставался немного туманным.

Док пожал плечами и, глубоко задумавшись, посмотрел на плетеный медный круг.

— Перевести слова на ваш язык просто, а вот передать культурный смысл гораздо сложнее. Это… Суть в том, что каждый должен завершить свой собственный путь. Для кого-то это просто, им достаточно посмотреть все части «Крепкого орешка» по порядку или собрать все фигурки Человека-паука. Другим приходится сложнее, ведь они должны обнаружить истину или помочь кому-то измениться. Для меня и Конни это означает, что после нас мир должен стать лучше,

чем был до нас.

— Это благородное дело, — сказал я.

— Это благородная *цель*, — поправил меня он. — Девяносто два процента кругов оказываются незавершенными, поэтому некоторые кролики и выбирают для себя фигурки и «Крепкий орешек». Если ты действительно хочешь добиться своей жизненной цели, то пусть лучше она будет простой.

АКроПаСК и Сметвик давно беспокоились о Банти и ее «завершении круга». Они всегда утверждали, не имея при этом никаких доказательств, что благородная в глазах кроликов цель может оказаться несовместимой с людьми. Сметвик считал Банти лидером не духовным, а подпольным, готовящимся к бунту и свержению правительства Великобритании.

Док замолчал и встал на одну ногу — таков был обычай поклонения Лаго, Великой Прародительнице, — и я сделал то же самое. Док странно на меня посмотрел, и я опустил ногу.

— Знаешь, а Конни встречалась с преподобной Банти, — с гордостью сказал он. — Какое-то время даже работала с ней. А еще она видела, как Банти сотворила одно из своих чудес.

— Какое?

— № 16б: прирастить обратно ухо после несчастного случая с ломтерезкой.

Кролики считали, что способность Банти творить чудеса подтверждала ее божественный статус. Из-за этого она действительно обладала огромным духовным влиянием на кроликов, но не существовало никаких свидетельств того, что она хоть иногда пользовалась этой силой не во благо. Крольнадзор, впрочем, думал иначе.

— Вашим священникам тоже не помешало бы творить чудеса, — сказал Док. — Если бы ваш архиепископ отрастил кому-нибудь ногу, доверие к вашей церкви возросло бы в разы.

— Наверняка, — сказал я.

— Да и чудо может быть попроще, — задумчиво прибавил он. — Если бы священник мог летать, этого тоже бы хватило. Показали бы они *хоть что-нибудь*.

— Думаю, творить чудеса — не в стиле англиканской церкви.

— Нет? Хм. Слушай, — сказал он, вдруг подумав о чем-то другом, и наклонился поближе, — мы можем с тобой кое-что перетереть? Как мужчина с кроликом?

— Конечно.

— Конни сказала, что вы хорошо знали друг

друга в университете и… ну, ты ведь не собираешься с ней шашни крутить, а?

— Мы просто дружили, — сказал я, вдруг начиная оправдываться. — Между нами ничего не было.

— Приятель, — со смешком сказал он, — я и не говорю, что было. Но в кроличьих семьях всегда соблюдаются определенные традиции, так что, если ты попытаешься подкатить к моей женушке — тайно или в открытую, — мне, вероятно, придется тебя убить.

— Что? — потрясенно спросил я.

— Ну, очевидно, не *по-настоящему*, — сказал он, дружески подталкивая меня локтем. — Символически. На дуэли. Ну или даже на символической дуэли, где ты смиренно и унизительно признаешь свой статус бета-самца, не делая при этом ни единого выстрела.

— И как же я должен буду это сделать?

— Обычно кролику достаточно упасть на бок и обоссаться, но, думаю, с тебя хватит письменного извинения и доброй бутылки вина Шабли.

Я молчал, пытаясь осмыслить хитросплетения кроличьей культуры.

— Я признаю, что она мне нравилась, — медленно сказал я, — но не *в этом смысле*. И потом,

я тридцать лет ее не видел, и она — твоя жена.

— Она «моя» ровно до тех пор, пока сама этого хочет, — пояснил Док. — Я здесь потому, что мне позволяют, а не потому, что она ко мне привязана. Она еще не говорила о том, что собирается менять мужа, и пока этого не случится, я буду отгонять от нее всех чужаков.

— Л-ладно, — сказал я, слегка запутавшись, — но я не собираюсь подкатывать к Конни.

— Вот и замечательно, — сказал Док, радостно хлопая лапами. Похоже, он остался доволен. — Я рад это слышать… и очень рад, что мы смогли поговорить. Пойдем в гостиную, чего стоять?

Мы пересекли прихожую, стены которой были обшиты дубовыми панелями, и попали в гостиную, где Конни собирала большой пазл. Насколько я видел, на нем была изображена огромная поляна, усеянная одуванчиками.

— Добрый вечер, — сказал я, когда ее большие глубокие глаза посмотрели на меня. Я предположил, что она не говорила своему мужу о нашей сегодняшней встрече в супермаркете.

— Добрый вечер, Питер, — сказала она, подойдя ко мне и коротко обняв, пока Док смотрел на нас. — *Нхфифх хи хниффр хффнух*: наша нора — твоя нора. А твоя дочь не смогла прийти?

— Она уже договорилась с кем-то еще. Просила извиниться.

— Может быть, в другой раз?

— Да, конечно.

— Так, мне срочно нужно пойти и помешать рагу, — сказала она. Перед тем как выйти, она остановилась, чтобы поправить фотографию Дилана Кролика, стоявшую на виду рядом с потрепанной гитарой. Затем она обернулась.

— Устраивайся поудобнее. И вы тут пока поболтайте… а я скоро вернусь.

Пока она пересекала гостиную в направлении кухни, я провожал ее взглядом. И, может быть, мои глаза невольно опустились к ее хвостику. Когда я снова повернулся к Доку, он внимательно смотрел на меня, и я почувствовал себя неловко.

— Итак, Док, — сказал я, желая поскорее продолжить разговор, — так ты врач?

Он рассмеялся.

— Нет, нет. Меня прозвали Доком в бараках. Пришлось немного потерпеть дедовщину, пока меня не приняли в армии. На моей кровати постоянно оставляли диски с фильмом «Обитатели холмов» и кочаны капусты, шутили насчет мистера Макгрегора и постоянно спрашивали: «В чем дело, док?» Ну да ты и сам, наверное, можешь

себе это представить.

— Ну, вообще-то, нет. Я никогда не служил в армии. И я не кролик.

Док пожал плечами.

— Сочувствую. В общем, я все это плохо принимал, за исключением капусты — ее я съедал. Но что хорошо в армии, так это то, что ты завоевываешь или теряешь уважение исключительно за счет своих личностных качеств. Стоит проявить решимость, как все видовые барьеры испаряются. Я заслужил уважение своих товарищей во время боевых действий в Кандагаре, но вот прозвище «Док» пристало, так что я до сих пор так и называюсь.

— Я слышал, тебя чуть не отправили в пекло в Афганистане.

Он снова рассмеялся.

— Не совсем так. Меня чуть не отправили в *печку* в Афганистане. Я тогда весил двести сорок фунтов и, по несчастью, попал в плен. После допроса и рассуждений на тему, греховно меня есть или нет, моджахеды собрались превратить меня в сытный ужин на тридцать две персоны. Британских офицеров никто не ел со времен Суэца, так что командование устроило ради меня шоу: поддержка авиации, артиллерия и все такое.

Хочешь, покажу сувенир?

Не дожидаясь ответа, он прыгнул к комоду, выдвинул ящик и достал оттуда футляр из орехового дерева. Внутри лежали два на вид старинных кремневых пистолета, украшенных резными изображениями животных, и с дулами длиной в двенадцать дюймов.

— Без больших пальцев с любым оружием управляться непросто, — сказал он. — Эти пистолеты были модифицированы, чтобы стрелять на сдавливание, а не при нажатии на спуск.

Он передал мне один из пистолетов — настоящее произведение искусства, из дерева, латуни и вороненой стали с серебряным крокодилом на рукояти. Он был на удивление тяжелым, но хорошо сбалансированным. В школе я занимался пулевой стрельбой из пистолетов.22 калибра и даже несколько раз выигрывал на соревнованиях.

— В исключительных обстоятельствах — отличное оружие ближнего боя, — сказал он. — Заряжается тяжеленной пулей диаметром три четверти дюйма. С двойным зарядом пороха пробивает двух человек насквозь и входит в «Желтые страницы» до буквы «П». Это мои старые фамильные пистолеты, но я взял их с собой на войну, так что в бою они тоже побывали.

Он широко улыбнулся, затем забрал пистолет и аккуратно уложил его обратно в кейс. Несмотря на слегка угрожающий тон, усиленный демонстрацией пистолетов и его предупреждением, я заинтересовался, ведь дуэли были частью кроличьей культуры, о которой редко говорили.

— И ты из них стрелял? — спросил я.

— Чаще, чем хотелось бы, — ответил он, кивая в сторону кухни. Оттуда доносился голос Конни — она что-то напевала себе под нос. — Все самое ценное в этой жизни приходится добывать с трудом. К слову, проигрывать мне тоже приходилось.

— Как можно проиграть на дуэли и не погибнуть? — спросил я.

Он указал на небольшие дырки от пуль в своих ушах, которые я заметил вчера, когда они приехали. На первый взгляд их было девять — остальные скрывал мех, а еще несколько были больше похожи на засечки по краям его ушей. Их с легкостью можно было спутать с обычными бытовыми ранами. Одна дырка на левом ухе красовалась почти у его основания — двумя дюймами ниже, и он бы погиб.

— Кто попадет ближе к голове, выигрывает, — сказал он. — Промах означает проигрыш. У

некоторых Казанов уши похожи на швейцарский сыр, но если ты прицелишься слишком низко, то можешь кого-нибудь убить. Тогда твоей семье придется выплачивать немалую мзду. Ты знал, что по статистике кролики чаще всего становятся банкротами из-за случайного убийства на дуэлях?

— Нет, не знал.

— Теперь знаешь. Черт побери, — прибавил он, — где же мое *гостеприимство*?

Одним прыжком он очутился у столика с напитками. Элегантно пролетая по комнате, он чуть не задел лампу.

— Пропустим стаканчик?

— У тебя есть виски?

— Я к нему даже не притрагиваюсь. Ты когда-нибудь пробовал бренди из одуванчиков? Его делают из корней. По мозгам бьет, как лошадь, и ссышь после него кипятком.

Я где-то читал, что бренди из одуванчиков — это «адское дитя метанола, кокаина и атомного топлива для подводных лодок». Меня предупреждали, чтобы я никогда, ни за что даже *не подходил* к бутылке с ним, не говоря уже о том, чтобы выпить. Поэтому я без раздумий ответил:

— Да, с удовольствием попробую.

Майор Кролик щедро налил мне слегка розоватую маслянистую жидкость, пахнувшую розовыми лепестками. Затем он налил себе и Конни, которая только что вернулась.

— За новых друзей, — сказала Конни.

— За новых друзей, — повторили Док и я.

На вкус бренди был похож на сироп от кашля с примесью летнего урожая черники и сладковатого растворителя для краски. Он с легкостью, безо всяких неприятных ощущений скользнул мне в горло. А затем, подобно кратеру вулкана, спавшего несколько тысячелетий и внезапно решившего пробудиться, бренди ожил и начал действовать. Спектр моего зрения со звуком рвущегося целлофана поехал из красного в зеленый, и я вдруг почувствовал, как у меня на лбу проступил пот. Все мое тело налилось теплом, словно мне в вены налили горячий шоколад. Я вдруг почувствовал себя готовым на любовные подвиги — причем как морально, так и физически, — и передо мной предстал образ Елены — мамы Пиппы. Но я увидел ее не такой, какой она стала после замужества и перед тем, как я ее потерял, а такой, какой она была после нашей первой встречи, когда мы не могли оторваться друг от друга.

— Ух ты, — сказал я, чем явно позабавил Дока

и Конни. — А еще есть?

— Полегче, дружище, — улыбаясь, сказал Док. — Им лучше наслаждаться в малых дозах.

— Мы делаем его в подвале, — прибавила миссис Кролик, — только не говори об этом Управлению по Таможенным и Акцизным сборам. Они хотят обложить наш бренди налогом, не уступающим коньяку. Ну что, пойдем сядем?

Стол был накрыт в соседней комнате — в большой столовой. На темных дубовых стеновых панелях висели картины родственников Дока и Конни. Все портреты были похожи один на другой, и лишь детали костюмов выдавали пол и возраст. Мебель была старой, темной и изношенной — я предположил, что дом сдавался вместе с ней. Дети уже сидели за столом и вежливо встали, когда мы вошли.

— А вот и наши замечательные дети, — сияя, сказала Конни. Сначала она указала на мальчика. — Это Кент.

Кент был одет в джинсы и футболку с Патриком Финклом и девизом Агентства по поддержке кроликов: «Все живое едино». Его двойное лапопожатие было не очень крепким, а его мех казался чуть жестче, чем у Дока или Конни. Я бы не удивился, если бы узнал, что он пользуется

гелем.

— Добрый вечер, мистер Нокс. — Он говорил вежливо, но, как и все подростки, неохотно.

— Здравствуй, Кент, — сказал я, стараясь не говорить свысока. У меня не получилось.

— А это Бобби, — сказала Конни. — Следующим летом она пойдет в зайбакалавриат.

— Роберта, вообще-то, — сказала Бобби, вздергивая носик. У нее были большие коричневые глаза, но держалась она не так элегантно, как мать, и казалась немного угрюмой. Меня позабавило, что подростки-кролики мало чем отличались от наших.

— Здравствуй, Роберта, — сказал я. — Бакалавриат, значит?

– *Зайбакалавриат*, — поправила она меня. — Программа намного сложнее и для кроликов. Физика, философия, садоводство, европейские языки, экономика, ботаника, политика и смешанные боевые искусства с дополнительным курсом военной подготовки.

— Хочешь в армию? Поступить в офицерскую школу?

— Нет… я буду заниматься уходом за детьми. Из кроликов получаются отличные няни. Мы мягкие, милые, прирожденные опекуны и, если

нужно, будем биться насмерть, чтобы защитить своих детей.

Док и Конни вежливо рассмеялись.

— Ох уж этот идеализм юных нянь, — сказала Конни.

— У меня есть дочь, — сказал я, — Пиппа. Ей двадцать, она учится на менеджера медицинского персонала.

— У вас, наверное, уже *сотни* внуков, — сказал Кент.

— У людей не такой большой помет, и размножаются они лишь изредка. А некоторые и вовсе не имеют детей, — сказал Док Кенту. — И если не считать огромных астероидов, крутых лестниц, комаров и их самих, на людей в природе никто не охотится.

— Да ладно? — с любопытством сказал Кент.

— Они учились в кроличьей школе, — словно извиняясь, пояснила Конни. — Мы надеялись, что если они пойдут в человеческую, то узнают о *Ниффнифф*[39] чуточку больше. Может быть, Бобби и твоя дочь как-нибудь прогуляются вместе по магазинам?

— Я могу у нее спросить.

---

[39] Примечания: 39

Ниффнифф в кроличьем языке означает «человек», а слово «Фадд» — разговорное.

— Хорошо. Сядем? Питер, ты наш гость, поэтому садись во главе стола, а я сяду здесь, рядом с тобой.

Мы все расселись, и, когда я положил на колени расшитую морковками салфетку, Конни сняла крышку с большой супницы. Комнату заполнил запах тушеных овощей, заворживший всех. Кролики прогнули спины, опустили уши и глубоко вдохнули.

— Пахнет очень…

— Тс-с-с! — сказала Конни, и после еще нескольких секунд молчаливой сосредоточенности, подергивания лапок и зачарованного наслаждения все расслабились.

— Как хорошо, — сказала Конни. — Запах лугового рагу меня всегда немного заводит. Здесь и правда жарко или мне кажется?

И она стала обмахиваться лапками.

— У тебя от овощного запаха в области таза ничего не зашевелилось, а, Питер? — спросил Док. — Потому что у нас зашевелилось. И неслабо.

— Что ж, — сказал я, пытаясь так же свободно говорить с ними о сексе, который, насколько я знал, занимал большую часть мыслей кроликов… если не вообще все их мысли, — вкусный ужин

всегда склоняет к романтике.

— Как интересно, — язвительно сказала Бобби, и Конни грозно посмотрела на нее.

— Прочтем молитву, — сказала Конни, и они склонили головы, чтобы поблагодарить Лаго за то, что она отдала свою жизнь ради их спасения, и за необъятную мудрость, которую она подарила им, наставив на Путь Круга. Док и Конни, из уважения ко мне, произнесли молитву на английском, а Кент и Бобби — на кроличьем.

— А вы дома читаете молитву перед едой? — спросила Бобби.

— Обычно нет, — сказал я, имея в виду «вообще никогда».

— В нашей религии мы часто читаем молитвы, — сказала Бобби, — и по самым разным поводам. Перед едой, перед сбором урожая, перед тем как сесть на горшок. Так мы приучаемся к смирению.

— Мы даже произносим молитву перед сексом, — прибавил Док. — Если отвлечься от духовного аспекта, ее нужно произносить полминуты, причем в разных комнатах, а это усиливает желание и дает одному из любовников время смыться, если они сомневаются.

— А молитва похожа на Отче наш? — спро-

сил я.

— Первая и последняя строчки более или менее похожи, — поразмыслив секунду, сказал он, — но середина *кардинально* отличается.

— Ну так что, Питер, — сказала Конни, кладя лапу мне на руку, — ты голоден?

Прикосновений с каждой минутой становилось больше. Док вежливо прокашлялся, и она убрала лапу.

— Да, очень, — сказал я. Вдруг мне подумалось, что если бы они знали, *почему* я так устал и проголодался — потому что провел долгий и мучительный день в Крольнадзоре, — их мнение обо мне, наверное, значительно упало бы, меня бы вышвырнули из их дома, и Конни наверняка больше бы никогда не заговорила со мной. Мне совсем не хотелось об этом думать.

Док черпаком разложил всем овощное рагу, которое на вкус оказалось таким же вкусным, как и его аромат. Я сказал миссис Кролик, что рагу удалось, и она довольно улыбнулась.

— А ты все еще служишь в армии, Док? — спросил я.

— Ушел в запас. Меня потрепало шрапнелью, я потерял два пальца, одно яичко и частично зрение на одном глазу, когда попал под миномет-

ный обстрел в Кандагаре, — я тебе рассказывал. Сейчас я внештатный консультант по вопросам безопасности, торгую возможностью отрицать свою причастность.

— Кажется, я не совсем понял, — сказал я.

— В наши дни война ведется уже не так, как раньше, — сказал он, — и дамоклов меч ответственности за военные преступления может сильно ограничивать возможности военных в столь быстро меняющихся условиях конфликта.

— Мы можем сменить тему? — сказала Конни. — Уверена, Питер не хочет рассуждать о военной политике.

— Правительства нанимают нас, частных военных подрядчиков, чтобы мы делали грязную работу за них, но не от их имени, — продолжал Док, не обращая внимания на просьбу Конни. — Так что, когда все летит к чертям, они могут отвернуться и сказать, что они здесь ни при чем. Заверяю тебя, дело очень доходное.

— Я даже не сомневаюсь, — сказал я.

— А что насчет тебя, Питер? — живо спросила Конни, снова касаясь моей руки. — Чем ты занимаешься?

— Я работаю бухгалтером в небольшой фирме в городе.

— Главбух? — спросил Док.

— Нет, бухгалтер-кассир, — ответил я. Меня хорошо подготовили с моей легендой. Я мог убедительно рассказывать о программах бухучета целых три минуты. По счастливому совпадению дольше о бухгалтерии никто слушать не хотел.

— Теперь понятно, почему у тебя так отлажено Скоростное Библиотекарство, — сказала Конни. — А где сейчас мать Пиппы?

— Она больше не с нами, — негромко сказал я.

— Рак? — спросила Бобби. Кажется, она вообще не понимала, насколько неуместен такой вопрос. Наверное, было бы проще ответить утвердительно, чтобы они прониклись ко мне сочувствием, но Елена *однозначно* не была мертва, и мне казалось неправильным говорить, что это так.

— Нет, она все еще жива.

— В тюрьме? — спросил Кент.

— Нет.

— Ее увел другой самец? — вдруг заинтересовавшись, спросил Док. — Как на дуэли?

— Нет, — сказал я. — Она просто… потеряла ко мне интерес. Видимо, я недостаточно очаровал ее.

— Неудивительно, — сказал Док, смерив меня взглядом. — Нашла себе кого-нибудь помоложе,

да?

— Кинооператора. Он снимает документалки, — ответил я, постепенно привыкая к прямоте кроликов. — Они перестроили сарай в Тоскани и теперь живут там.

— Мы умираем довольно часто, так что брак редко длится долго, — сказала Конни. — Нас убивают хищники, миксоматоз, дуэли, автомобили. Слова «смерть» и «развод» часто используют в качестве синонимов. Я уже дважды оказывалась вдовой. Мой первый муж умер двадцать один год назад.

— Соболезную, — сказал я. — Что случилось? Миксоматоз?..

Я с осторожностью поднял эту болезненную для кроликов тему. Несмотря на то что вирус был создан и использовался в качестве бактериологического контроля грызунов еще *до* Очеловечивания, зараза со всеми ее симптомами и последствиями перекинулась и на преобразившихся кроликов. Она стала причиной почти сорока процентов кроличьих смертей, и эффективной вакцины пока было не видать.

— Нет, — сказала Конни, задумчиво вздохнув, — не микси. «Тойота Королла». Они переехали ему голову, так что он хотя бы умер быстро.

Я попытался сообразить, как такое вообще могло произойти, и Конни, почувствовав мое замешательство, прибавила:

— Травянистые обочины все еще занимают особое место в наших сердцах. А водителя так и не нашли. Второго мужа звали Дилан. Он был немного беспечен, но хорошо играл на гитаре и все ему было нипочем. В такого кролика легко влюбиться. Произошла какая-то ошибка, его приняли за другого, а потом кто-то выдал его имя этим животным из «Две ноги — хорошо», и они потушили его живьем. Я бы потеряла голову от горя, если бы не появился Клиффорд и не собрал меня по кусочкам.

Я надеялся, что они не заметили, как у меня перехватило дыхание и мои щеки порозовели. Даже если бы они каким-то чудом простили мне работу в Кролнадзоре, они бы *никогда* не простили того, что я приложил руку к гибели Дилана.

— Конни давно мне нравилась, — сказал Док, — так что, естественно, я сделал ей предложение. Мне только жаль, что наше счастье было основано на такой утрате.

Она протянула лапу, и Док крепко сжал ее. Он поднял стакан.

— За Дилана, — сказал Док.

— За Дилана, — сказала Конни.

— За папу, — сказали Кент и Бобби.

— Как видишь, — сказал Док, — мы, кролики, почти обо всем говорим честно. Жизнь слишком коротка для того, чтобы плести интриги, заниматься позерством и лицемерить. Третий круг Лаго как раз об этом — об истине, которая следует за истиной. Ложь же, напротив, порождает новую ложь, одну за другой. От этого круг темнеет, а темный круг нарушает равновесие и ведет к краху.

— К краху, — эхом повторили остальные.

— Обо всем говорите честно, значит? — спросил я, решив, что за вопрос о Елене я могу задать собственный.

— Да.

— Почему у Кента на ноге датчик?

— Копание нор без должной осмотрительности и внимания, — буднично ответил Кент.

— Правда? — сказал я, но Кент еще не закончил.

— Копание нор без лицензии; подготовка к преступному копанию; неосторожное копание, повлекшее за собой материальный ущерб; причинение смерти опасным копанием; копание под воздействием опьяняющих веществ; подстрекательство к копанию; копание во вре-

мя двухлетнего условного срока за копание; принадлежность к запрещенной копательной организации и отказ прекратить копание по требованию властей.

— Ого, — сказал я. — Да на тебя все статьи повесили.

— И все — ни за что, — сказала Бобби. — Этот полудурок Сметвик переписал все законодательство против кроликов.

— Кента не посадили только потому, — сказала Конни, — что в том деле было замешано много кроликов, и Кент был лишь маленькой шестеренкой, передаточным звеном, убиравшим грунт. Кент получил два года домашнего ареста, а остальные получили от трех до девяти лет тюрьмы.

— Только шесть из пяти тысяч шестисот семидесяти двух кроликов, сидящих сейчас в тюрьме, попали туда за убийство, — сказала Бобби. — Большинство осудили за копание или кражу овощей с грядки, хотя для нас это вообще не преступление.

— Все, что растет в земле, это дары Лаго, — сказал Кент. — Корнеплоды не могут быть чьей-либо собственностью.

— Кента могли осудить и строже, — сказал

Док. — Хорошо, что АгПоК прислало нам одного из своих адвокатов.

Агентство по поддержке кроликов было создано всего лишь через три недели после Очеловечивания. Оно неустанно — и почти всегда безуспешно — пыталось улучшить отношения между кроликами и людьми.

«Наша работа завершится, — заявлял их официальный представитель Патрик Финкл, — когда место премьер-министра займет женщина-крольчиха».

— Питер, — сказала Конни, — будешь еще бренди из одуванчиков?

— Да, спасибо.

Конни налила мне еще одну рюмку, и я нетерпеливо опрокинул ее. Бренди прошибал мгновенно, и мне стало тепло и приятно.

Дальше мы заговорили о сокращении бюджета на образование и здравоохранение, а потом — об этических различиях обычной и ветеринарной медицины.

— Нам бы тоже хотелось, чтобы нашим мелким болячкам уделялось так много внимания, — сказал Док, — а вам при этом стоит задуматься о плюсах эвтаназии.

А потом Конни вместо пудинга вынесла еже-

вичный парфе, который таял во рту. Когда ужин закончился, детей отправили делать уроки, а Конни выгнала меня и Дока в гостиную, сказав, что принесет нам кофе.

— Я могу задать тебе вопрос? — спросил я Дока, ворочавшего головешки в камине.

— Конечно.

— Вчера, когда я принес Конни корзинку с морковками, ты разозлился. Не скажешь, почему?..

— Я должен извиниться за свою горячность, — сказал он немного смущенно. — Замужней крольчихе дают очищенные морковки только в одном случае — если хотят ее увести.

— Понятно, — сказал я. — И поэтому ты заговорил о дуэли.

— Ну да. Тебе еще повезло, что это был сорт «Осенний король». Принеси ты «Космическую фиолетовую», никаких сомнений бы не осталось. Я бы попросил тебя назначить секунданта[40], и на заре мы бы уже стояли у барьера на каком-нибудь туманном болоте.

— Ого, — сказал я, осознав, какую ужасную оплошность допустил. — Извини.

— Да забудь, — дружески сказал Док, — но если

---

[40] Примечания: 40

Во время дуэлей всегда назначаются доверенные секунданты, которые помогают и следят за соблюдением правил.

ты и *правда* попытаешься подкатить к Конни и она ответит тебе взаимностью, то мы с тобой будем стреляться на рассвете.

— Я не собираюсь отбивать у тебя жену, Док.

— Вот и славно, старина. Сигару?

— Нет, спасибо.

Я на время призадумался.

— Как ты думаешь, почему кролики вдруг очеловечились?

— Ты знаешь, — нахмурившись, сказал Док, — кажется, это толком так никто и не объяснил. Да и неважно это. Кто-то говорит, что это было *спонтанное* чудо, сотворенное Лаго в миг, когда она умерла от рук людей. Или чудо, сотворенное преподобной Банти *задним числом*, хотя я не думаю, что это возможно. Сама Банти считает, что во всем этом отчасти могла быть замешана сатира…

— А вот и кофе! — объявила Конни, энергичными прыжками влетая в комнату и ставя поднос на стол.

Кофе тоже оказался восхитительным. Дальше мне бросили вызов в Скрэббл, и я потерпел феерическое поражение, когда Конни выложила слово

«Поксвирусы»[41], заняв *два* утраивающих поля и набрав 257 очков[42]. Вскоре после этого вечер подошел к концу и меня проводили к двери. За последние десять лет в Муч Хемлоке я ни с кем — за исключением Пиппы — не проводил время так хорошо, как в компании Дока и Конни. А еще я снова вспомнил, почему мне так нравилась Конни. Она была обаятельна, умела говорить на разные темы и обладала смесью хорошего чувства юмора и проницательности. Я вдруг почувствовал себя немного глупо из-за того, что никогда не пытался найти ее.

Конни вышла со мной на крыльцо, чтобы проводить, а Док извинился и пошел ставить видик, чтобы записать «Большой побег»[43].

— Я здорово провел вечер, — сказал я. — Большое тебе спасибо.

---

[41] Примечания: 41

Это семейство вирусов, в которую входит кроличья оспа — одно из нескольких смертельно опасных для кроликов вирусных заболеваний.

[42] Примечания: 42

Если вы еще не поняли, как у нее это получилось, она заняла все семь полей и получила бонус в пятьдесят очков. Часть «вирус» уже была на доске, хотя я подозреваю, что, когда Док ее выкладывал, он на самом деле помогал жене.

[43] Примечания: 43

Кролики любили все фильмы, так или иначе связанные с подкопами и туннелями, и все еще пользовались старыми видеомагнитофонами.

— Мы тоже, и я была очень рада снова повидаться с тобой, — сказала Конни, пристально глядя на меня.

— Да, — согласился я, вдруг краснея и смущаясь. — Давно не виделись.

Она шагнула вперед и обняла меня. Ее мех был мягким, как кашемир, и, когда ее усики защекотали мою щеку, я невольно вздрогнул. Мы отпустили друг друга, а затем, застав меня врасплох, она *снова* заключила меня в объятия, на этот раз крепче, но короче. Я собирался спросить ее, в чем дело, но в ту же секунду рядом снова возник Док.

— Пока, Питер, — сказала Конни. — Заскакивай к нам в любое время.

— Да, — сказал Док, — мы всегда готовы сыграть с тобой в Скрэббл или попрыгать по полям. Ты любишь прыгать? По-моему, в умеренных дозах нет занятия лучше.

Прыжки на лугах были любимым времяпровождением кроликов. Они представляли собой хаотичные скачки по земле, обычно сразу после рассвета, и наслаждались ими обычно тогда, когда голова была почти ничем не занята. Примерно как джаз, танцы и йога в одном.

— Я не пробовал, — сказал я. — Думаю, люди

вместо этого играют в гольф.

— А! — воскликнул Док. — Ты играешь?

— Нет.

— И я нет. Дурацкая игра. А в регби или футбол?

— Нет.

— Рад это слышать. Мы *терпеть не можем* гладиаторские виды спорта. И зачем вы до сих пор растите своих сыновей воинами?

— Разве растим?

— Похоже, что да. Вам стоит задуматься над этим, а еще над мумифицированием и монархией. Да и пора бы вам уже перестать считать, что «смерть — это развлечение», а то это же безумие какое-то.

— Мы не считаем смерть развлечением.

– *Настоящую* смерть больше не считаете, согласен, — сказал Док, — но ее же *постоянно* изображают в кино и сериалах. Кто-нибудь может это неправильно понять, верно? Смерть несет за собой лишь скорбь и утрату, а убивать можно только в том случае, если другого выхода уже не осталось.

— Часто его и не остается, — сказал я, зачем-то защищая людей.

— Если ты и правда в это веришь, — сказала

Конни, — тогда, думаю, твоему виду также стоит переосмыслить свои натянутые отношения с полезными силами компромисса и примирения.

— Да, — помолчав, сказал я. — Думаю, тут ты права.

— Люди очень много болтают, — сказал Док, — и, кажется, даже понимают, как им *нужно* себя вести… но они редко это практикуют. А разговоры без действий — это все так, пустое сотрясание воздуха. Для меня загадка, как вы умудрились так развиться и не самоуничтожиться. Ну да ладно, пока-пока!

Я собрался уходить. Из-за указаний мистера Ллисъа я не стал заводить разговор о кампании «свалите — мы заплатим», и я не знал, как сказать об этом Маллетам. Однако о деньгах мы все же поговорили, просто тему поднял не я.

— Сколько нам предлагают за то, чтобы мы съехали? — спросила Конни, когда я сделал несколько шагов прочь от их двери. Я остановился и обернулся.

— Мне советовали начать переговоры с семи тысяч, — сказал я, немного помолчав и расхрабрившись от собственной честности, — но я думаю, что они с легкостью поднимут цену до двадцати и, может быть, выше. А как вы узнали,

что вам хотят заплатить?

— Они *всегда* хотят заплатить, — сказал Док.

— Я могу быть с вами откровенен? — спросил я.

— Больше мы от тебя ничего и не просим.

— Большинство местных вовсе не законченные лепорифобы, они просто невежественны, и ими легко управлять. А вот с Маллетами вам нужно быть поосторожнее. Они уже говорили о том, чтобы привлечь «Двуногих».

Конни и Док переглянулись. Я подумал, что тем, кто попытается засунуть Дока в сорокагалонную бочку с соусом, сильно не поздоровится.

— Сбежишь единожды, и будешь убегать всю жизнь, — низким голосом сказала Конни. — Передай им вот что: мы будем друзьями всем, кто этого захочет, и станем создавать проблемы всем, кто захочет создать их нам. И, поверь мне, с нами проблем не оберешься.

Я посмотрел на Дока — он выпрямился во весь рост. Даже если бы я был на восемь дюймов выше, намного лучше сложен, лет на двадцать моложе и, самое главное, храбрее, я бы все равно дважды подумал, прежде чем драться с ним.

— Ладно, — сказал я. Их угрожающий тон шел вразрез с обычно миролюбивым настроем. — Я

постараюсь, чтобы они поняли.

— Молодчина, — сказал Док, снова став приветливее. — Заходи в любое время, наша дверь всегда открыта.

Конни махнула мне лапой, и дверь захлопнулась. Я пошел к своему дому, размышляя над прошедшим вечером. Я думал о дуэлях, луговой похлебке, колоссальных различиях между нашими культурами, о том, как меня размазали в Скрэббл, хотя мне казалось, что я неплохо играю. Но мои мысли все время возвращались ко вторым объятиям Конни.

Фотография Лабораторного кролика

Только Дикие кролики носили фамилию «Кролик». В момент Очеловечивания лабораторную крольчиху под номером МНУ-683 использовали для испытания влияния косметики на кожу, и на следующее утро она вежливо попросила ученых-испытателей: «Скажите, а не могли бы вы сделать макияж не таким броским?» Ее выпустили на следующей же неделе, но потомки из уважения к ней оставили себе буквенно-цифровую фамилию.

Когда на следующее утро я спустился вниз, то чувствовал себя так, будто девять гиперактивных дикобразов неумело отплясывали в моей голове ирландские танцы. Несмотря на это, я уже видел, как между мной и бренди из одуванчиков, обладающим чудодейственным свойством изменять сознание, завязывается прекрасная дружба. Пиппа уже встала, оделась и готовила завтрак.

— Тебе понравился фьюжн ресторан уэльско-тайской кухни? — спросил я.

— Гренки по-уэльски с лимонным сорго были ничего, а все остальное так себе, — ответила она, передавая мне чашку кофе. — Хотя моллюски и лапша из красных водорослей по-мамблсски это исправили. Интереснее другое: как прошел твой вечер с Кроликами?

— Довольно необычно. Я так и не понял, друг я им, или посланник, или и то и другое. Как бы там ни было, они показались мне приятными кроликами, так что в целом я здорово провел время.

— А как они восприняли твое предложение съехать за деньги?

— Ну было бы… невежливо предлагать, учитывая, как тепло они меня приняли. Вышло так, что они сами подняли эту тему.

— Ну и?

— Не думаю, что они уедут.

— И пойдут тогда клочки по закоулочкам.

— Надеюсь, *не в буквальном* смысле, — сказал я, доставая из буфета хлопья «Шреддис». — Ах да! Конни спрашивала, не согласишься ли ты пройтись по магазинам вместе с Бобби?

Она уставилась на меня с отвисшей челюстью.

— Ты устроил мне свидание с их сыном? Зачем?!

— Нет, нет, Бобби — это их дочь, Роберта. Ну,

знаешь, как в «Детях железной дороги».

— Это та, которую играла Сэлли Томсетт?

— Нет, другая. Слушай, они в нашем поселке недавно. Им нужны друзья.

— А что, если меня кто-нибудь увидит?

— Ну и что? Ты разве имеешь что-то против кроликов?

— Нет, — быстро сказала она, — вовсе нет. Я не лепорифоб. Просто, ну, их показушная уверенность в собственном моральном превосходстве иногда немного утомляет. Когда видишь их по телику, десяти минут не проходит, чтобы они не завели свою волынку о том, как их веками истребляли, снимали с них шкуру, ели и отгораживались от них специальными сетками. Но мы ведь так относились только к полевым кроликам, а не к очеловеченным. Сейчас все совсем по-другому.

— Думаю, они считают всех кроликов единым целым.

— Ну хорошо, но ведь я-то *лично* им ничего не сделала, верно? И когда они все время об этом говорят, я начинаю думать, что они просто доят эту тему ради политической выгоды.

— Я знаю лишь то, что Док и Конни ни о чем таком даже не упоминали, и они показались мне

вполне дружелюбными. А еще мне кажется, что у них куча денег — когда я спустился к ним в туалет, там висела картина Киффина Уильямса, и я готов поклясться, что это был оригинал.

— Погоди-ка, — вдруг недовольно сказала Пиппа. — Ты вообще здорово придумал спрашивать, имею ли *я* что-то против кроликов, когда это *ты* у нас работаешь на Крольнадзор.

Я замолчал. Она была права. Получилось немного лицемерно.

— Я всего лишь выдаю людям зарплату. Меня по щелчку пальцев можно заменить кем-нибудь другим, и ничего не изменится.

— Еще как изменится. Ты перестанешь работать на Крольнадзор.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и в тот миг мне сильно захотелось рассказать ей, чем я на самом деле занимался и чем я себя оправдывал — тем, что делаю это ради нее, ради дома, чтобы платить по счетам, ради будущего. Но я промолчал и вместо этого сказал:

— Так ты сходишь с Бобби по магазинам? Может быть, будет весело.

Она сделала глубокий вдох.

— Ладно, — сказала она. — Протянем руки и лапы через бездну и все такое.

Снаружи раздался гудок. Пиппа схватила свою сумку с ланчем, которая стукнула ее по коленям, и стремглав выбежала из двери.

Я убрался, а затем в обычное время вышел из дома. Тоби уже ждал меня. На этот раз он был со своим дядюшкой. Кажется, я даже улыбнулся при виде них.

— Не поделишься с нами шуткой, Питер? — сказал он. — Этим утром нам всем бы не помешало хорошее настроение.

Я думал о том, что Конни сказала о внешности Нормана: что у него «лицо такое в рытвинах, будто кто-то клал асфальт, но делал это впопыхах, тяп-ляп и за бесплатно», но ему об этом знать было не обязательно.

— Да так… услышал анекдот по радио, — сказал я. — Тебя подбросить в Херефорд?

— Тебя не затруднит? — сказал Норман. — А то машина в ремонте. Ржавчина на клапанах.

Когда им было нужно придумать повод, братья Маллеты никогда не отличались изобретательностью.

Он запрыгнул ко мне в машину, и вскоре мы выехали из поселка. Я думал, что он не заговорит о кроликах, хотя бы пока мы не доедем до Филпрингтона, и даже тогда начнет издалека, чтобы

заставить меня подумать, будто он случайно вспомнил о них в разговоре. Но нет. Он дотерпел лишь до Скуирмли и спросил сразу в лоб:

— Так ты предложил им деньги?

— Еще работаю над этим, — поразмыслив, ответил я. — Мне нужно получше узнать их, чтобы они доверились мне. Когда это произойдет, возможно, убедить их будет легче.

— Кажется, ты уже неплохо их узнал, — сказал Норман. — Ты был в их доме три часа и двадцать две минуты, и, когда уходил, вы очень мило прощались. Миссис Кролик с тобой даже обжималась.

— Кролики не стесняются касаться других, — сказал я. — Они вроде как привыкли просыпаться в теплой уютной норке, прижавшись друг к дружке.

— Ты мог ее оттолкнуть.

— И обидеть? Разве я смог бы потом на них как-то повлиять?

Норман уставился на меня и долго молча смотрел.

— Ладно, — наконец сказал он, — у тебя будет еще один шанс. А потом я позвоню в местное отделение «Две ноги — хорошо» и спрошу, что они об этом думают.

— Думаешь, стоит? — сказал я. — «Двуногие» нередко реагируют чересчур резко.

— О, не пойми меня неправильно, — ответил Норман. — Я самый толерантный к кроликам человек из всех, кого ты знаешь. Я *вообще* не имею ничего против них. Многие из них — замечательные, честные создания, я в этом уверен… но здесь им не место. Они ведь копают норы, знаешь. И если их левак-сосед — это я про тебя, Нокс, — и сорок кусков не убедят их поступить правильно, то нам придется принять более жесткие меры.

— Я думал, вы собрали только двадцать тысяч?

— Кампания Кроличьего Брекзита получила широкую поддержку, причем из таких далеких мест, как Нижний Бачок, Шатнерс Почкинс, Титсон-под-Мухой и Малый Капок. Новость разлетелась, и эта семья может оказаться началом большого нашествия. Если они здесь укоренятся, кто знает, к чему это приведет. И, да, «Две ноги — хорошо» порой доходят до крайности, но, когда приходится защищать наш образ жизни, иногда нужно принимать отчаянные меры.

Когда-то давно кроличий вопрос был темой для дружеских бесед за чаем и плюшками, однако, как и многие другие темы, за последние годы он обострился. Если вы с пеной у рта не выступали

против кроликов, значит, вы явно хотели смиренно склониться перед ними, встать на Кроличий Путь, а затем провозгласить Лаго своей богиней и до конца жизни питаться лишь морковкой и листьями салата.

— А как же премия «Спик и Спан»? — спросил я. Меня вдруг осенило. — Судьи прибудут со дня на день, и присутствие в нашем городке бандитов из «Две ноги — хорошо» явно им не понравится.

Аргумент был хорошим, но Норман, всегда все внимательно взвешивавший, после долгой паузы ответил:

— Премию «Спик и Спан» мы можем выиграть в следующем году или даже еще через год. Все зависит от того, насколько пострадают глицинии и цветники на главной площади. Но если город заполонят кролики, нам *никогда* не получить эту награду.

Тоби и я ничего не сказали, так что он продолжил. На этот раз его голос звучал более угрожающе:

— У тебя остался еще один шанс купить их, Нокс, а потом мы обратимся в «Две ноги — хорошо». Кроличий Брекзит случится — никаких «если» или «но», — причем так, как мы посчитаем необходимым. Не будь дураком и постарайся

обработать этих заек. Наше последнее предложение — сорок кусков, но, если договоришься на меньшее, получишь десять процентов. Можешь высадить меня здесь, и я прогуляюсь до дома.

Я остановил машину, выпустил его, и дальше мы ехали до Херефорда в тишине. Через полчаса мы прибыли в Крольнадзор. Каждый налил себе в буфете кофе, а затем мы поплелись в офис и принялись за работу. Тоби, как обычно, продолжал свои опознавания, а я пытался найти негодяя Ушастого 7770.

Когда Флемминг появилась в офисе, она почти ничего нам не сказала. Судя по всему, она была занята днем открытых дверей на строительной площадке Мегакрольчатника, назначенным на следующую неделю. Безухий и Куницын пришли к десяти. Куницын сел за свой стол и занялся бесконечным заполнением бумажек, что было неотъемлемой частью работы в Крольнадзоре, а вот Безухий подошел ко мне.

— Как продвигаются поиски? — спросил он. Он говорил почти дружелюбно, из-за чего я сразу же заподозрил неладное.

— Пока ничего не нашел.

— Продолжай искать, — сказал он, а затем добавил: — О, кстати, я просмотрел тех Лабораторных,

чьи имена ты вчера вечером дал мистеру Ллисъу, и внес несколько изменений.

Я внезапно похолодел.

— Изменений? Каких изменений?

— Надеюсь, ты не против, — сказал он, зная, что я против, — но ни один из предложенных тобой кандидатов *и близко* не подходил для того, чтобы сделать из него пример и показать, что случается с теми, кто водит Надзор за нос. Половину твоих кроликов уже больше трех лет никто не видел, так что они, скорее всего, незарегистрированные мертвецы. А другая половина уже шесть месяцев не покидала колонию. Нет, я взял четверых, которые счастливо проживают здесь, в городе, и их будет проще разыскать для допроса. В данный момент они сидят в камерах, внизу. Им, конечно, нечего нам рассказать, но мы все равно с ними побеседуем. Подполье и все остальные кролики явно поймут наше предупреждение.

Я холодно уставился на него.

— Но ты не переживай, — прибавил Безухий, ухмыляясь. — Я не стану красть твои лавры, на записке все еще осталось твое имя. Вот.

И он положил передо мной новый лист, похлопал меня по плечу и пошел к своему столу. Я уставился на маленький список Лабораторных,

которых выбрал Безухий. Из них я узнал лишь одно имя — Фентон ДГ-6721. Он был известным филантропом, а кролики с фамилией ДГ-6721 составляли большую часть Лабораторного сообщества. До Очеловечивания в 1965 году их предка использовали для изучения влияния ненасыщенных жиров на печень. Непростая жизнь до Очеловечивания оставила всех Лабораторных с неизгладимым стремлением посвятить себя служению другим. Пока я сидел, чувствуя тошноту и пустоту внутри себя, Куницын оторвал взгляд от своего монитора.

— Насчет твоего вчерашнего ужина у майора и миссис Кролик, — сказал он. — Ты хочешь написать рапорт или обойдемся устным докладом?

— Вы и об этом знаете? — уныло спросил я. Похоже, я стал важной шишкой в Крольнадзоре, но вовсе не так, как бы мне этого хотелось.

— Мы мало чего *не* знаем, — самодовольно сказал Куницын. — Ну так что насчет рапорта?

— Я все еще пытаюсь с ними сойтись, — сказал я, не желая ни с кем ни о чем разговаривать, — так что докладывать *нечего*.

— Тебе стоит знать, что Констанция Кролик помечена, — вставил Безухий. Я повернулся к нему. Он сидел, закинув задние лапы на стол, и

ковырял в ухе карандашом с резинкой. Вытащив из него кусок серы, он несколько секунд смотрел на него, а затем съел. Тоби и я переглянулись. У Кроликов было очень мало отвратительных привычек, но поедание собственной ушной серы точно было одной из них.

— Помечена? — переспросил я.

— Ага, — сказал Куницын, — как вероятная цель для вербовки Кроличьим Подпольем. Из-за связи с Диланом Кроликом ей есть за что точить на нас зуб, а за такими кроликами всегда нужно хорошенько присматривать.

Отношения между людьми и кроликами складывались бы намного проще, лучше и дешевле, если бы мистер Ллисъ *не* выдавал Дилана Кролика головорезам из «Две ноги — хорошо», но я этого не сказал.

— Это важно, — сказал Куницын, подходя и садясь на краешек моего стола, — поэтому мы тебе сообщаем: рабочая группа по оценке враждебности кроликов объявила, что поднимает уровень угрозы Взрывного Размножения с желтого — «Мы Думаем, Что Атака, Наверное, Готовится» — до красного — «Мы Предполагаем, Что Атака Неизбежна». И хотя мы не говорим, что Констанция Кролик в этом замешана, ей наверняка уготована

какая-то роль. Она только что сняла дом с семью спальнями, и если хотя бы мельком посмотреть на ее историю покупок по карте постоянного покупателя, то можно заметить, что она часто выбирает товары по акции «два по цене одного». А нам давно известно, что это обычно говорит о заготовке припасов.

— Серьезно? — спросил я.

— Еще мы проследили за майором Кроликом в строительном магазине «Би&Кью», — прибавил Безухий, решив, что своим вопросом я проявляю интерес, а не скептицизм. — Он рассматривал лопаты, садовые вилы, семена и всякое такое.

— Вот именно, — сказал Куницын так, словно их вина уже была доказана. — Он наверняка собирается растить дополнительную еду для этих голодных, расплодившихся ртов. Все красные флажки у нас прямо перед глазами, и мы были бы идиотами, если бы не обратили на них внимание. В общем, как и сказал Старший Руководитель, ты должен держать ухо востро, присматриваться к своим соседям и докладывать, если увидишь или услышишь что-нибудь подозрительное. Усек?

— Усек.

— Хорошо.

Он вернулся к своему столу, чтобы взять с него

бумажный пакет с рачками в сахаре — куницам они очень нравились, — а затем покинул офис. Безухий еще какое-то время смотрел на меня. Его взгляд был тяжелым, похожим на тот, каким голодный спаниель пытается просверлить дыру в холодильнике, где когда-то лежала одна-единственная сосиска[44].

Он перестал пялиться только тогда, когда зазвонил телефон. Он поднял трубку и, послушав несколько секунд, сообщил звонящему, что скоро будет. Затем он взял из ящика своего стола самый тяжелый молоток и быстро вышел из офиса. После его ухода я подождал две минуты, а затем сам отправился выяснять, действительно ли Фентон ДГ-6721 был взят нами под арест и, если это так, могу ли я что-нибудь сделать. Сначала я направился в сторону буфета, потому что там вероятность найти кого-нибудь знающего была высокой. Но я не ушел далеко, ведь к тому моменту кроличий бунт уже начался.

---

[44] Примечания: 44

Если у вас когда-нибудь был спаниель, то вы точно знаете, как это выглядит.

Кроличий бунт

Кролики хорошо умеют делать сложные вычисления сообща. Большая часть группы используется в качестве памяти, ключевые вычислители занимаются счетом, а еще трое распределяют задания между участниками. Если потренироваться, команда из двухсот кроликов может менее чем за шесть минут вычислить квадратный корень любого четырехзначного числа до пятидесяти четырех знаков после запятой.

Если честно, «кроличьим бунтом» его позже прозвали ведущий колумнист «Чистой Правды», АКроПаСК и Крольнадзор. Для всех остальных, самих кроликов и даже для стороннего наблюдателя это, скорее, был «супермирный протест с математическими вычислениями». Снаружи здания в ряд стояли восемь кроликов и бесстрастно смотрели на главный офис Крольнадзора.

— Что происходит? — спросил я кого-то в фойе.

— Какой-то безмозглый кретин внес Фентона ДГ-6721 в списки на арест, и из-за этого начался

протест. Как же меня это бесит. Все здание сейчас изолируют на вход и выход, а мне вечером нужно быть на финалах соревнований звонарей Херефордшира.

— Протестующих же всего восемь, — сказал я, глядя через наше зеркальное окно на улицу. — Скоро, наверное, разойдутся. Нет, подожди, я вижу еще.

Слева и справа подходили новые кролики, узнавшие о том, что происходит, благодаря сарафанному радио. Побросав свои дела, они повязали у основания ушей традиционные для протестов банданы и заняли места рядом со своими коллегами.

— Что происходит? — спросил Куницын, только что вышедший из отдела кадров. Расстроенный звонарь — думаю, он был из отдела по вопросам этики, — рассказал ему, что случилось, и я решил тайком уйти в свой офис и не высовываться. Ведь на том списке было мое имя. Безухий капитально меня подставил.

Когда я снова поднялся наверх, Тоби уже наблюдал за развитием протеста. Из нашего офиса открывался вид на всю Гаол-стрит. Через десять минут там было уже двадцать кроликов, а еще через полчаса их численность удвоилась.

— Сейчас в городе даже кофе будет не купить, — сказал Тоби, который всегда думал о житейских вопросах, — не говоря уже о сэндвиче.

Через час их было уже не меньше сотни, и все они стояли на улице, плотно прижав уши к спинам. Я слышал, как они бормочут, но не слова, а *цифры*. Кролики не любили бойкие, емкие, но совершенно пустые политические лозунги, и поэтому в качестве основного инструмента давления использовали длительность протеста. Поскольку просто стоять было очень скучно, чтобы скоротать время, они начинали всей толпой делать сложные математические вычисления, что, как ни странно, сбивало с толку, ведь их бормотание могли понять только математики, и издалека оно казалось мягким и убаюкивающим, как журчание воды. Во время стачки кролики почти не двигались, но через несколько дней они начинали падать от обезвоживания и нехватки сна. Тогда их оттаскивали в палатку и оказывали помощь, а затем заменяли новым кроликом, который терпеливо ждал в очереди. Для них было честью принять участие в протесте.

Протест против компании «Райвита» в Ранкорне стал для кроликов оглушительной победой, а совместные математические вычисления при-

вели к обнаружению тысячепятисотзначного простого числа, которое кто-то пропустил. Но еще важнее было то, что он заставил власти неохотно признать — на любой кроличий протест нужно отвечать словами и компромиссом, если они хотят добиться хоть какого-нибудь положительного разрешения.

Первое письмо из массовой рассылки упало нам на электронную почту почти через час. В нем говорилось о том, что мы уже знали пятьдесят пять минут назад: здание было закрыто на вход и выход. Уныние скоро сменилось настроением, какое бывает у школьников в конце урока: все собрались в коридорах, чтобы поглазеть в окна, зная, что, поскольку они зеркальные, кролики их не увидят. И хотя я пытался хоть немного поработать, нас вскоре прервал Деннис — сотрудник Надзора, который всегда организовывал офисный тотализатор, где каждый выбирал протестующего, а выигрывал тот, чей кролик падал первым.

— Еще никто не поставил на пятого, девятого и семнадцатого кролика справа, — сказал он, держа в одной руке пачку десяток, а в другой — планшет. — Я могу вас всех записать на них?

Тоби согласился, а я отказался. Придумал какую-то отговорку вроде того, что у меня нет с

собой наличных.

После часа титанически сложных вычислений для гравитационной задачи трех тел пришел Патрик Финкл, а вместе с ним Лабораторный кролик, в котором я признал Ансела ДГ-6721 — двоюродного брата Фентона и местного представителя Большого Кроличьего Совета. Они оба подошли к главному входу Крольнадзора и потребовали выпустить четверых пленников. Им ответили, что это невозможно, поскольку, во-первых, они были не «пленниками», а «гостями»; а во-вторых, для освобождения нужно было подтвердить, кто находится под арестом, а это было потенциальным нарушением права кроликов на защиту их личной информации. Финкл ответил, что если Старший Руководитель не вступит в переговоры в течение шестидесяти минут, то за двадцать четыре часа они соберут снаружи тысячу кроликов, а за неделю — пять тысяч, то есть совершат ненужный и позорный для Надзора акт гражданского неповиновения.

— Как думаете, Финкл шутит? — спросил Тоби, когда новости дошли и до нас.

— Нет, — ответил я. Мне доводилось слышать множество историй о непоколебимой преданности Финкла кроликам. По слухам, он даже состоял

в отношениях с одной крольчихой, но если это и было так, то он держал все в секрете. Не из-за стыда, а потому что свободой его возлюбленной быстро воспользовались бы для давления. Старший Руководитель уже направлялся сюда и прибыл через пятнадцать минут после ультиматума Финкла и Ансела. Еще через десять минут случилось то, чего я с ужасом ждал — мне позвонили и потребовали, чтобы я явился на встречу в кабинете лиса.

Когда я пришел, мистер Ллисъ уже был там. Он все еще был одет в спортивный комбинезон «Спарко», поскольку тестировал свой гоночный «Бентли» на трассе, когда получил звонок. Он не выглядел довольным. Безухого и Куницына тоже попросили присоединиться к нам вместе с главами отделов, правовой службы, сержантом Боскомбом и местным представителем Крольтруда — принадлежащей правительству компании, которая вела множество рабочих контрактов, выполняемых кроликами. Найджел Сметвик тоже присутствовал — как выяснилось, по стечению обстоятельств. Несмотря на то что он занимал должность премьер-министра, большая часть его избирателей была сосредоточена в восточном Херефорде, и он все еще старался поддерживать

крепкие связи со своими главными сторонниками.

Я обратил внимание, что по его внешности нельзя было судить о его могуществе и влиянии. Он был маленьким, на вид беспомощным мужчинкой, не обладавшим ни ростом, ни обаянием, ни какими-либо запоминающимися чертами. Таких, как он, не узнают за пределами их работы, таких, как он, часто обижают в школе одноклассники и потом, когда вспоминают — если вообще вспоминают, — называют «тихоней». В настоящее время он стал настолько холодным и расчетливым, насколько это вообще возможно, и за его кроткой манерой поведения и неприметельной внешностью скрывалась нерушимая приверженность делу. Он провел много лет в группе по вопросам политики АКроПаСК, и мало кто вообще о нем слышал до тех пор, пока он не перехватил бразды правления партией во время неожиданного переворота.

— Итак, сколько их? — спросил Сметвик, которого сопровождала небольшая свита, вклю-

чавшая в себя Пандору Пандору[45], эксперта по связям с общественностью Крольнадзора. Она была высокой и худой, всегда одевалась в черное и стягивала свои светлые волосы в страшно тугой хвост. У нее была хорошо поставленная речь, какой обладали дети, мудро решившие родиться у высокообразованных родителей, а ее помощники, коих было много, все выглядели точно так же: светленькие, худые, одетые в черное. Думаю, их собирали на заводе где-нибудь в Шордитче.

— Сейчас снаружи стоят приблизительно три сотни, — сказала Пандора Пандора, сверившись со своим iPad, — и Большой Кроличий Совет вместе с этим неудачником Финклом выдвинули отвратительно агрессивную угрозу мобилизовать тысячу кроликов в течение двадцати четырех часов, если их требования не будут выполнены.

— И они могут это сделать? — спросил Сметвик.

— Почти наверняка, премьер-министр, — сказал Куницын. — Кролики из Колонии № 1 обладают правом свободного перемещения.

---

[45] Примечания: 45

Невероятно, но это было ее настоящее имя. Никто не знал почему — из-за отсутствия воображения у родителей, из-за глупой ошибки в свидетельстве о рождении или из-за того, что она случайно вышла замуж за человека с такой фамилией.

Думаю, нам придется засесть здесь надолго, учитывая, насколько популярен Фентон ДГ-6721. Из всех кроликов, выдвинутых на арест, пожалуй, он был самым худшим выбором.

— Критически настроенный судья может решить, что он был задержан незаконно, — прибавил штатный юрист, — а общественность левого толка и вовсе может заявить о самоуправстве в органах. Они не люди, что с точки зрения закона играет нам на руку, но еще они пушистые, с большими глазами, и даже равнодушная широкая публика часто не может перед этим устоять. Мы внимательно следим за соцсетями, так что увидим, как все будет развиваться.

— Соцсети? — язвительно оскалившись, спросил Безухий. — *Фигня*. Сегодня утром там обсуждали, как одна певичка оскорбила другую; за ланчем они смотрели видео о поросенке в резиновых сапогах. А к вечеру кто-нибудь, о ком вы никогда не слышали, скажет что-нибудь смутно скандальное по теме, о которой вы раньше и не знали. Хештег **#кроликвбеде** в наши дни почти никогда не выходит в тренды, а каждый кролик, стоящий здесь на улице и бубнящий про среднеквадратическое отклонение, это кролик, который не досаждает людям.

Сметвик не отрываясь смотрел на Безухого. Он ненавидел кроликов, никогда даже близко к ним не подходил, а сейчас перед ним стоял кролик, который тоже ненавидел кроликов. Думаю, его это сбивало с толку.

— А за что его вообще арестовали? — спросил Сметвик. — Даже я бы дважды подумал, прежде чем задерживать Фентона. Господи, да на его Инстаграм подписаны даже Джастин Бибер и Далай-лама. Все это не понравится левацким СМИ, а они и так уже пеной исходят из-за Мегакрольчатника.

— Задержание было частью текущего расследования по делу Кроличьего Подполья, — сказала Флемминг. Что ни скажи о ней, она всегда защищала свою команду. — Уровень угрозы Взрывного Размножения был поднят до красного, и недавно Лабораторные кролики попали под подозрение.

— Кто ведет расследование? — спросил Сметвик.

Безухий поднял лапу, и Сметвик, который, как мне казалось, был готов разразиться гневной тирадой, решил этого не делать. Думаю, он не столько ненавидел кроликов, сколько боялся их.

— Вот как, — вместо этого сказал он. — И какие у вас есть доказательства тому, что Фентон *дей-*

ствительно в этом замешан?

— Один из наших опознавателей признал в нем разыскиваемого кролика, премьер-министр. Того, который мог быть связан с Подпольем.

И Безухий повернулся ко мне. Все взгляды метнулись в мою сторону, и у меня пересохло во рту. Мне захотелось сбежать, но я не думал, что мог далеко уйти. Я ведь уже видел, как быстро мог двигаться мистер Ллисъ.

— Как тебя зовут? — спросил Сметвик. Он впервые заметил мое существование, хотя я неоднократно видел его, и нас даже дважды представляли друг другу.

— Питер Нокс, опознаватель пятого класса, пятнадцать лет службы.

Пандора Пандора что-то пометила на своем iPad.

— Да ну? — сказал Сметвик, не впечатлившись. — И насколько ты уверен, что Фентон ДГ-6721 — это тот же самый кролик со связями в Подполье? Назови мне число, — прибавил он, поскольку знал, как работали опознаватели, — процент вероятности того, что это он.

Я помолчал, а затем честно выдал:

— Меньше двух процентов.

— Два процента? — повторил он. — И все? Мы

арестовали видного борца за права кроликов на основании ничтожных двух процентов? Какие еще у тебя есть доказательства?

В кабинете повисла гнетущая тишина. По моей спине потек холодный пот, и я содрогнулся.

— Никаких, — сказал я, надеясь, что Безухий скажет, что это *он* предложил имя, хотя я понимал, что этого не будет.

Сметвик несколько секунд сверлил меня взглядом, а затем повернулся к Пандоре Пандоре.

— Можешь придумать подходящие слова, которыми я мог бы описать Нокса? — спросил он.

— Как насчет «безграмотный кретин»?

Сметвик щелкнул пальцами и улыбнулся.

— В точку. Ты — полнейший кретин, Нокс. Мне совершенно плевать на кроликов, которые думают, будто смогут заставить либеральные СМИ выставить нас сборищем ретроградов, особенно накануне Переселения. Но нам нужна общественная поддержка, Нокс, и после тщательного пиара, который мы проводили на протяжении последних двух лет, арест Фентона — это *колоссальная* глупость. Скольких известных кроликов мы *не* арестовали, хотя хотели, Пандора? Тех, кого пришлось отпустить, чтобы не раскачивать лодку перед открытием Мегакрольчатника?

— Вероятно, сотни, — сказала Пандора Пандора, глядя на меня по-особому, с глубочайшей ненавистью.

— Вот именно. Сотни. Так чем ты вообще думал, черт тебя подери?

— Я… не знаю.

— Ты не знаешь? Ты поставил Переселение под угрозу, и тебе даже нечего сказать? Ну так вот, собирай вещи. Ты уволен за вопиющую некомпетентность, или бери выше — за преступную неосторожность и нарушение устава Крольнадзора, а это значит, что мы можем сэкономить деньги на твоей пенсии. Проклятье, неужели меня окружают одни идиоты? Так, теперь…

— Одну минутку, сэр.

Это заговорил мистер Ллисъ. Он молниеносно очутился рядом со мной и положил лапу мне на плечо. Это точно не могло быть проявлением дружеского участия по отношению к подчиненному, так что он явно собирался сделать какой-то хитрый ход.

— Да? — сказал Сметвик, внезапно заинтересовавшись.

— Думаю, мы еще можем извлечь из этого выгоду, премьер-министр. Предлагаю оставить кроликов в покое на двадцать четыре часа, а затем

сказать всем, что произошла ужасная ошибка, за которую мы приносим глубочайшие извинения. Потом притворимся, будто раскаиваемся, и соврем, что уволили полдюжины сотрудников за некомпетентность. Так мы выбьем почву из-под задних лап кроликов, надеявшихся таким образом очернить нас. Протест будет расценен как импульсивная реакция, какую и стоит ожидать от существ, готовых по малейшему поводу оскорбиться и прибегнуть к агрессивным мерам гражданского неповиновения. Я даже лично принесу извинения — из этого наверняка получится коротенькая статья, особенно если у меня получится пустить слезу.

Сметвик несколько секунд смотрел на него, размышляя, хорошая ли это идея.

— Я согласна с лисом, — сказала Пандора Пандора. — Если пойдем на уступки сейчас, то будем унижены; если станем высиживать — покажемся слабыми; попытаемся разогнать протест — станем агрессорами. Но если принесем извинения через двадцать четыре часа, то будем выглядеть великодушными и справедливыми.

— Кажется, план хороший, — наконец сказал Сметвик. — Нокс, сам того не зная, оказал нам услугу. Так и поступим. Через двадцать четыре

часа.

— Так… я не уволен? — спросил я.

— Напротив, старина, — сказал Сметвик, — быть может, ты еще и почетную грамоту получишь. Но в следующий раз действуй только тогда, когда будешь уверен, ладно?

И он хлопнул меня рукой по спине. На этом встреча должна была закончиться, но вдруг послышался чей-то голос:

— Мне нужно высказаться.

Говорил представитель Крольтруда, державший у уха мобильный телефон.

— Нет, я думаю, мы уже закончили, — сказал Сметвик, не желавший принимать решения дольше, чем было необходимо, и хотевший поскорее вернуться к запудриванию мозгов своих избирателей.

— Генеральный директор Крольтруда хочет, чтобы вы немедленно остановили демонстрацию.

Я увидел, как Сметвик побледнел и переглянулся с мистером Ллисъом и Пандорой Пандорой.

— Серьезно?

— Да. Возможное уменьшение рабочих кролико-часов отрицательно скажется на производительности, а нам нужно выполнить большой

заказ на электрические массажные ванночки для ног. На данный момент в Колонии № 1 на нас трудится тридцать тысяч кроликов, а из-за стачки это число сократится на семьдесят пять процентов.

Он замолчал, давая всем осознать сказанное.

— Делайте что хотите и как хотите, но если вы станете причинять излишние неудобства заказчикам наших производств лишь из-за того, что Крольнадзор не может справиться с несколькими строптивыми кроликами, то иностранные инвесторы, желающие перенести свое производство в Великобританию, могут… *обеспокоиться*.

Мистер Ллисъ уставился в пол, а Сметвик посмотрел на Пандору, ища от нее поддержки.

— Нам нужно будет услышать это от самого генерального директора, — сказала она.

— Конечно, — сказал представитель, — он уже на телефоне.

Он протянул трубку, но ее никто не взял. Несмотря на все влияние и личную заинтересованность Сметвика, последнее слово всегда было за Крольтрудом — то есть за большим бизнесом. Торговля стояла превыше всего.

— Действуйте, — сказал Сметвик. — Немедленно выпускайте их и опубликуйте пресс-релиз

с объяснением, что этих кроликов арестовали из-за… досадной административной ошибки, которой можно было избежать.

— Могу я добавить избитую фразу о том, что «мы учли наши ошибки»? — спросила Пандора Пандора. — А еще: «мы *можем* лучше, и мы *станем* лучше». Эти лживые посулы всегда срабатывают, когда ими пользуются IT-компании.

— По-моему, звучит неплохо, — сказал Сметвик. — Можешь вставить что-нибудь вроде «мы пересмотрим наш подход» — очередная брехня, которую всегда проглатывают.

Все рассмеялись. Мистер Ллисъ попросил Пандору Пандору побыстрее написать пресс-релиз, а затем взялся за телефон, чтобы приказать отпустить кроликов. Я тем временем медленно пятился к двери, надеясь, что фортуна не отвернется от меня снова. Оказавшись за дверью, я тут же незаметно скользнул вверх по лестнице. Через полчаса все кролики разошлись, а единственным свидетельством протеста остались семьдесят шесть бандан, повязанные на фонарный столб, и кубический корень из девятнадцати, написанный мелом на асфальте до двадцать восьмого знака после запятой.

Поход по магазинам и Салли Ломакс

Наиболее бредовые теории заговора предполагали, что кролики стремились к галактическому господству. По крайней мере математически, рождаемость, увеличивающаяся по экспоненте, позволила бы сначала заселить кроликами весь земной шар, а затем выйти за пределы планеты, сначала преодолев первую космическую и потом приблизившись к скорости света. Представлялось это в виде космической капсулы, толкаемой бесконечно размножающимися кроликами. Назвали это «кроличьим гипердвигателем».

Несмотря на мои страхи, инцидент с Фентоном ДГ-6721 не привел ни к каким страшным последствиям, да и меня больше не просили предлагать имена для задержания. После двух дней бесплодных поисков Ушастого 7770 меня попросили вернуться к другим обязанностям. Это сильно задело Безухого, который горько

жаловался всем подряд о том, как его расследование «зарубили на корню». Он несколько раз подавал прошение о возобновлении действий, но к пятнице расследование и вовсе заморозили, а его начальство сослалось на «нежелательное внимание со стороны предвзятых СМИ к проекту «Мегакрольчатник».

Так что выходные показались мне настоящим благословлением. Поход по магазинам Пиппы и Бобби, похоже, прошел очень хорошо. Когда они отправлялись туда, то в основном молчали, но, когда вернулись, уже оживленно беседовали. Пиппа была очарована Бобби, и, несмотря на огромную разницу между нашими видами, у девочек нашлось много общего: ориентированность на карьеру, любимая еда, политический активизм, таксономическая классификация (они обе принадлежали к классу *млекопитающих*) и феминизм. На тему последнего у Бобби как раз и имелись интересные мысли.

— До Очеловечивания наше общество было матриархальным, и все работало как надо. Самцы были, по сути, телохранителями, с которыми расплачивались правом на случку. Но проблема в том, — продолжала Бобби, — что Очеловечивание дало нам не только *физические* черты вашего

вида, но и социальные. В частности, мы переключились на патриархальную систему. Почти сразу же самцы осознали, что в этой новой системе они могут делать то же, что и раньше, и при этом еще извлекать для себя дополнительные выгоды. Проще говоря, они хотели, чтобы мы приняли некоторые аспекты того мужецентричного безобразия, в котором живете вы.

— И как вы с этим разобрались? — спросила Пиппа.

— Ну, — с улыбкой сказала Бобби, — у кроликов власть находится у тех, кто контролирует средства размножения, так что мы сказали самцам, что если они не согласятся принять Конституцию равенства полов из девяти пунктов, то могут забыть о сексе.

— И долго это продолжалось?

— Как выяснилось, их хватило всего на семнадцать дней воздержания.

Она рассмеялась.

— Я тогда еще не родилась, но все говорят, что они просто на стены лезли. К слову, крольчихи тоже, но, думаю, когда ты горячо желаешь чего-то добиться, любые жертвы того стоят.

— А что за девять пунктов Конституции? — спросила Пиппа.

— Да самые обычные, — сказала Бобби. — Все то же самое, о чем вы, Фадды, постоянно разглагольствуете, но со скрипом вводите. Самым важным, насколько помню, было то, что оба пола должны быть представлены в строго равных долях во всех органах управления, будь то государственные или корпоративные. Одновременно с этим мы составили долгосрочный план по снижению, судя по всему, врожденного чувства иерархического превосходства у самцов, чтобы устремиться к генетически обусловленному многообразию.

— С помощью образования? — спросила Пиппа.

— Нет, — ответила Бобби. — Мы решили подправить токсичных мужиков на эволюционном уровне, где наши усилия могут изменить все надолго. Проще говоря, мы не даем напористым байроновским кроликам-красавцам, а вместо них плодимся с лошками. С неплохими, милыми кроликами, которые, скажем так, не такие импульсивные, немного вялые и не готовые идти на ненужный риск. Скучные даже. Эволюционная биология очень занимательна, но если вы хотите воспользоваться ею, чтобы кардинально изменить общество, то нужно действовать с прицелом на будущее. Думаю, мы увидим результаты через

пару тысяч поколений.

— То есть уже в следующем году? — осмелев, сказал я, но она хорошо восприняла шутку и в голос рассмеялась.

— Или раньше. Никогда нельзя недооценивать чье-то единение и приверженность цели, направленные на изменение существующих порядков.

Пиппа и я притихли, задумавшись над словами Бобби. У людей «единение и приверженность цели» были скорее похожи на расплывчатые соглашения и меркантильный мухлеж.

— А что сами самцы думают о попытке вырождения их мужского шовинизма? — спросил я.

— Мы решили, что лучше им не говорить. И вы — ни слова, особенно Доку. Он классный отчим — амбициозный, забавный, прирожденный лидер, и у него просто нескончаемый запас скабрезных стишков. Но если мама хочет оставаться преданной плану по снижению уровня мачизма, следующий помет ей придется заводить с кем-нибудь не таким активным.

Я подумал о Конни и о том, что она сказала о Руперте: «недостаточно дурной». Так вот что она тогда имела в виду.

— А что, если это не сработает? — сказал я. — Вдруг окажется, что вашему обществу для

процветания *нужны* такие самцы, даже со всеми их недостатками?

— Тогда мы станем действовать в точности до наоборот, — просто сказала она. — Понимаете, если вы не будете пытаться претворить такие идеи в жизнь, вы никогда не узнаете, работают они или нет.

— Ух ты, — сказала Пиппа, — ты прям серьезно относишься к этим социальным проблемам.

Бобби улыбнулась.

— Как и все кролики.

— Какой же ты милый! — сказала Конни, когда я проводил Бобби до двери Хемлок Тауэрс. Миссис Кролик улыбнулась и моргнула своими большими глазами, и я снова почувствовал теплый землистый запах.

Бобби спросила Пиппу, не хочет ли она посмотреть ее коллекцию сувениров с Риком Эстли, Пиппа сказала: «Конечно, хочу, это же круто», и они вместе ушли в заднюю часть дома. По возможности кролики избегали высоты и поэтому старались не подниматься на второй этаж. Лазание по лестнице на спор считалось среди них

экстремальным видом спорта[46].

— По-моему, они подружились, — сказал я.

— Похоже, что так, — сказала Конни, а затем, понизив голос, прибавила: — Слушай, спасибо, что не рассказал Доку о том, что мы столкнулись в «Уэйтроуз». Я что, *правда* съела Маленькую жемчужину в овощном отделе?

Я кивнул, и она поморщилась.

— Ничего хуже, чтобы подтвердить стереотипы, я сделать не могла. Мне *очень* неловко. И прости, что сбежала — семейные обстоятельства заставили.

— Это из-за Руперта?

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Какого Руперта?

— Кузена, с которым у тебя интрижка?

Она сильно призадумалась.

— Я знаю тридцать четырех Рупертов, все они мои кузены, и с девятью из них у меня была интрижка. Ты не мог бы уточнить, о ком речь?

— Он со стороны матери мужа дочери сестры твоего отца?

— Ах, *этот* Руперт. Нет, с ним ничего не сло-

---

[46] Примечания: 46

Как ни странно, они *умели* забираться высоко, просто не любили. Кролики, служившие в авиации, считали это своим долгом и вскоре привыкали.

жилось. Я спала с ним, но думала о другом. А так ведь отношения не построишь, верно?

— Мне-то откуда знать.

— Как бы там ни было, — сказала она, быстро переключившись, — семейные обстоятельства — это Диана Кролик, моя тринадцатиюродная сестра со стороны тети отца парня дочери сестры тети моего отца. Ее поймали за пределами колонии без пропуска, и мне пришлось поручиться, чтобы ее выпустили. Ты когда-нибудь бывал в колониях?

Колонии, по сути, представляли собой подземный крольчатник: темный, теплый лабиринт, место, где людям обычно были не рады, если только их не пригласили. Мне было суждено вскоре побывать там в день Битвы за Мей Хилл, в первый и в последний раз. Но до того дня еще оставалось два месяца, да и видел я там только подвальное помещение молельни и небольшую рощицу наверху холма.

— Нет, — сказал я. — Ни разу.

— Сходи, советую. Там проводятся экскурсии, знаешь. Можно заглянуть за кулисы жизни другого вида, попробовать морковный джин, покурить корень одуванчика, понаблюдать вживую за множественными родами и всякое такое.

Она постепенно затихла, и несколько секунд мы стояли, молча глядя друг на друга. Я вспоминал наши разговоры в университете, и, наверное, она думала о том же. Тогда мы обнаружили, что можем говорить почти о чем угодно, и вели разговоры на самые разные темы. Иногда о политике, иногда о кино, иногда вообще ни о чем. Но, по крайней мере для меня, в нашем общении было нечто большее, чем болтовня и дружеская близость. Я проникся к ней теплыми чувствами, насколько бы смешно и нелепо это ни звучало, и я всегда гадал, чувствовала ли она то же самое.

— Что ж, — сказала она, прерывая неловкую паузу, — нам с тобой нужно будет как-нибудь встретиться, поболтать обо всем.

— Да, — сказал я. — Было бы неплохо.

Повисла еще одна долгая пауза. Думаю, она хотела, чтобы я о чем-нибудь заговорил, но я был в этом не уверен и потому глупо молчал.

— А куда делась Розалинд? — наконец спросил я, вспомнив вторую из двух крольчих на кампусе. Она тогда была очень увлечена рентгеноструктурным анализом.

— Ее соисследователи получили Нобелевскую премию по физике, — сказала Конни. — Тогда животным еще не разрешалось ее получать.

Потом она какое-то время работала в «Би&Кью» и воспитала восьмерых детей, в свободное время ради интереса расшифровывала линейное письмо А[47]. Когда я о ней слышала в последний раз, она работала на Крольтруд — собирала дверцы для микроволновок. А что насчет твоего друга Кевина? Он закончил универ?

— Нет, — ответил я, — отчислился на втором курсе, лет десять бездельничал, потом ему повезло — сошелся с какими-то вундеркиндами и сколотил состояние прямо перед обвалом в 2008-м. Сейчас живет в Гернси.

— Понятно, — сказала она, и мы снова замолкли.

— У них получилось собрать больше? — спросила она.

— Больше чего?

— Денег, чтобы мы съехали.

— Думаю, вы уже можете назвать почти любую цену.

Она рассмеялась, а затем сказала мне, что ей нужно идти мариновать морковки к обеду. Я вежливо улыбнулся и развернулся, чтобы уйти.

---

[47] Примечания: 47

Линейное письмо А — это минойская система письменности, которую использовали между 1800 и 1400 годами до н. э. Считалось, что ее невозможно расшифровать.

Я сделал примерно двадцать шагов и лишь тогда услышал, как закрывается входная дверь. Видимо, она смотрела мне вслед.

Пиппа вернулась через три часа и сразу же исчезла в своей спальне.

— Какая у Бобби, должно быть, внушительная коллекция сувениров Рика Эстли, — сказал я, когда она скользнула мимо. Мне эта шутка казалась гораздо более смешной, чем была на самом деле.

— Ха-ха, — саркастически ответила Пиппа и через полчаса вернулась, одетая в штаны, простую голубую блузку и «тимберленды».

— Ты куда-то идешь?

— На вечеринку, с Бобби.

— На кроличью вечеринку?

— Да, — широко улыбаясь, ответила она, — на *дикую* кроличью вечеринку. По пути заедем за Салли. Ей давно хотелось попасть на вечеринку к кроликам, но ее ни разу не приглашали.

— Ну хорошо, только напиши мне, если задержишься там позже полуночи, — сказал я, а затем прибавил: — А не простовато ли ты оделась для вечеринки?

— Бобби сказала, что одеваться нужно неброско, — сказала она. — Кролики не приветствуют показушничество, да и в туннелях обычно немно-

го грязновато.

— Погоди, погоди, — сказал я, вдруг забеспокоившись. — *Туннели*? Ты едешь в колонию?

Она, похоже, совсем не переживала из-за этого.

— Там будет Бобби, она за нами присмотрит. *Куча* ребят, которых я знаю, туда ездили. А те, кто не ездил, вроде как считаются лузерами.

Я молчал.

— «Лузер» значит «не клевый», а не «идиот», — подсказала она.

— Я знаю, кто такой лузер. Но крольчатники, они… ну, они разве подходят для вечеринок?

— Уплотненный грунт, — сказала Пиппа, — никаких ступенек, гладкий, как асфальт. И я могу о себе позаботиться.

— Я знаю, что можешь… Просто… В общем, я тебе запрещаю.

Она немного растерялась. Я всегда позволял ей делать и пробовать все, что она хотела, и быть кем угодно, поэтому ее скорее удивила моя позиция, а не требование — которое, как мы оба знали, она могла и собиралась проигнорировать. Все-таки она была уже взрослой.

— Почему? Руки и лапы над бездной — разве не так?

Вообще-то она была права, молодежь нередко

ходила в колонии на кроличьи танцульки, и там было совершенно безопасно — пятый круг Лаго проповедовал гостеприимство, которое порождает гостеприимство, завершая круг уважения, понимания и терпимости. Но я беспокоился не об этом. Если мое имя все-таки *выдали* Подполью, то они могли попытаться достать меня через Пиппу. Возможно, это был мой параноидальный бред, но отцам, когда дело касается их дочерей, параноидальный бред всегда кажется убедительным.

— Я не могу сказать тебе почему. Нельзя, и все.

— Пап, — сказала она, глядя на меня так, как смотрела Елена, когда у меня не было никаких шансов выиграть в споре, — родительские запреты работали, когда мне было тринадцать. А сейчас уже нет. Если у тебя и правда есть повод для недовольства, я выслушаю. Если нет — я ухожу.

Я немного поразмыслил.

— Хорошо. Но если тебя спросят, назовись по фамилии матери.

Она помолчала, а затем сказала:

— Если тебе так будет спокойнее.

— Мне так будет спокойнее.

Снаружи раздался автомобильный гудок, и Пиппа, весело махнув мне рукой, схватила

куртку с сумкой и в мгновение ока выскочила из двери. Я пошел за ней наружу, где Бобби уже стояла рядом с другой большой американской тачкой из семидесятых — «Шевроле Импала», как я узнал позже. Это было лицензированное «Кроличье Такси» обычной оранжево-зеленой раскраски, и я заметил, что водитель — Лабораторный кролик в униформе компании — частично скрывал свою морду за солнцезащитными очками. Он вылез из машины, чтобы открыть Пиппе дверь. Я просто стоял, чувствуя себя встревоженно, и глупо, и по-отцовски, как вдруг лучи садившегося солнца заиграли на его длинных, изящных ушах. Мое сердце замерло.

Рисунок сосудов на его левом ухе был похож на приплюснутую розу Тюдоров.

Это был Джон Ушастый 7770. Он стоял прямо здесь, передо мной, во всей своей пушистой красе. Живьем.

Черт.

Пока я не мог сдвинуться с места, думая, что же мне делать, он вернулся к водительской двери, затем обернулся и, увидев, что я пялюсь на него, приопустил свои темные очки и подмигнул мне, щелкнув языком. Затем он залез в машину, и через несколько секунд они не спеша двинулись

прочь.

Пока они уезжали, я запомнил номер, затем дождался, когда машина скроется из виду, и лишь тогда бросился в дом. «Всегда помни — если ты видишь кролика, он тоже видит тебя». Я вбежал в кухню, схватил свой мобильник и набрал номер экстренной помощи Крольнадзора, который был у меня первым в списке быстрого набора под кодовым именем «Тетушка Вера». Мне всего лишь нужно было сообщить о машине, и дежурный офицер сделал бы все остальное. Учитывая, насколько важен был этот Ушастый, его наверняка остановят еще до того, как они доберутся до Херефорда.

Я назвал оператору мое имя и номер сотрудника, и они, согласно инструкции, попросили меня сказать «да, вы правы», если меня принуждают звонить или если я был скомпрометирован. Я сказал, что не верно ни то, ни другое.

— Можете говорить.

Я открыл было рот, но затем закрыл его. Из-за того, что Безухий пометил Ушастого как «возмутителя порядка», «опасного преступника» и «вероятного скакуна», скорее всего при задержании может быть применено оружие… а в машине находилась Пиппа.

— Ой, — сказал я, быстро соображая, — не тот номер. Вообще-то мне нужно поговорить с отделом кадров. Я завтра не смогу выйти на работу.

— Завтра воскресенье.

— Значит, в понедельник, — сказал я. — Я позвоню им утром. В *понедельник* утром.

Дежурный снова спросил меня, все ли со мной хорошо, а затем, убедившись, что я либо идиот, либо пьян, либо и то и другое, повесил трубку.

Я положил телефон и прислонился к краю кухонного стола, стараясь успокоиться. Пиппа всего лишь пошла на кроличью вечеринку с Бобби и Салли. Она ходила и в более опасные места, и в более плохую компанию. Пиппа была здравомыслящей девушкой. Она напишет мне, если ей что-нибудь понадобится. А что до Ушастого 7770 — он был водителем «Кроличьего Такси». Все поездки записывались. В понедельник я сразу же узнаю его имя.

Я побрел в гостиную и сел смотреть «Мастер Шефа» по телику. Сегодня в программе участвовала необычно яркоглазая Дикая крольчиха по имени Сью Пэттон Кролик. Судя по всему, она владела модной пекарней на Брик Лейн под названием «Империя заячьих булочек», хотя я до этого момента о ней и не слышал.

— Итак, Сью, — сказал Грег, — что ты нам сегодня приготовишь?

— Я думала начать с трех блюд из морковки, — немного нервничая, сказала крольчиха со спрятанными в высоком поварском колпаке ушами. — Морковка в собственном соку, морковный песочный пирог и прожаренные мини-морковки.

— Хорошо, — сказал Грег, — а что на десерт?

— Морковное суфле, — сказала Сью, — с карамельно-морковным соусом и морковной крошкой.

— Хм-м, — сказал Грег, — а ты не думаешь, что морковки будет слишком много?

— Я на это рассчитываю.

— Хорошо. У тебя есть шестьдесят минут, чтобы претворить мечту в жизнь.

Сью внимательно отобрала ингредиенты из девятнадцати различных видов морковки, а затем принялась их резать.

— Ты не смываешь землю? — спросил Грег, глядя ей через плечо на то, как она готовит морковь.

— Она добавит в основные три блюда особые нотки, — сказала Сью. — Моя сестра любит добавлять для вкуса одного или двух земляных

червяков, но ее всегда тянуло на что-нибудь эдакое.

В ту секунду зазвонил дверной звонок. Не в телевизоре, конечно же, а наяву.

Это был Тоби.

— Она ушла с Салли и Бобби, — сказал я ему, когда он спросил, дома ли Пиппа.

— С Салли и *кем*?

— С Бобби Кролик, — сказал я. — Живет тут в соседнем доме. Они ушли на вечеринку.

— Она пошла на заячью тусовку с Салли и каким-то кроликом?

— Бобби — девочка, — сказал я. — Сокращенно от имени Роберта. Как в «Детях железной дороги».

— Ах да. Дженни Эгаттер.

— Она самая. И послушай, даже когда мы не на работе, нам стоит называть их *кроликами*. «Зайки» и «заячий» не…

— Да, да, знаю. Все просто с ума посходили с этой политкорректностью. Они ведь и правда *зайцы*, так же как и мы — *люди*. И потом, они же называют нас «Фадды», что не менее оскорбительно. Тот же шовинизм, только наоборот.

— По-моему, это не так.

— Что не так? Не оскорбительно или не шо-

винизм?

— И то, и другое. Думаю, это ложное тождество.

Он пожал плечами.

— Да по фиг. Я и не знал, что Пиппа дружит с кроликами.

В словах «дружит с кроликами» послышался уничижительный оттенок. Эта фраза, как и, например, «Я могу вам чем-нибудь помочь?», в устах британцев могла прозвучать как любезно, так и крайне враждебно.

— Пиппа хорошо относится ко всем, кто хорошо относится к ней, — сказал я.

— Она могла предупредить меня, что собирается на гулянку, — сказал он. — Я сам не пошел на несколько вечеринок, чтобы побыть с ней.

Он говорил так, словно имел какое-то право распоряжаться Пиппой, и мне это вдруг сильно не понравилось. Его взгляды всегда казались мне сомнительными, да и коллегой он был не самым приятным. Что уж там, он был настоящей занозой в заднице. Почти никогда не приносил чай, без конца подлизывался к Куницыну и Флемминг и никогда не соглашался сгонять в «Аскарис» за булочкой и нормальным кофе. В тот же миг я решил, что больше не хочу оправдывать его и считать «возможно, неплохим парнем».

— Я ей передам, — сказал я, гадая, когда же Пиппа наконец его бросит и не могу ли я как-нибудь поспособствовать этому. Он несколько секунд молчал, позвякивая ключами в кармане.

— Что-то еще? — спросил я.

— Мей Хилл, верно?

Ему не нужно было спрашивать. Следующая ближайшая колония находилась в Бодмине. Так что, пожелав мне спокойной ночи, он ушел.

Когда я приготовил себе кофе и вернулся смотреть «Мастер Шеф», Грег уже пробовал стряпню Сью Кролик.

— Скажу честно, — сказал он, — я не очень люблю морковь, но в этом блюде столько теплых оттенков, которые дополняют друг друга и создают неожиданно приятный вкус.

Все приглашенные повара сказали приблизительно то же самое, причем довольно изумленно. Я решил, что Сью Кролик пригласили просто для галочки, и никто не ожидал, что она пройдет дальше в соревновании.

— Гениально, просто гениально, — сказал Грег, пробуя морковное суфле, с томным вздохом опустившееся под его ложкой, — хотя, пожалуй, сахара нужно побольше.

Сью Кролик с легкостью прошла в следующий

раунд, а затем началась режиссерская версия «Пока ты спишь», и я уснул. Меня разбудила хлопнувшая дверь машины и ни с чем не сравнимая трескотня мощного восьмицилиндрового двигателя. Я посмотрел на часы. Два часа ночи. Входная дверь со скрипом приоткрылась — мы никогда ее не закрывали.

— Ты еще не ложился? — спросила Пиппа, когда я вышел в прихожую.

— Уснул на диване перед телевизором.

— Прости, — сказала она, поняв, что я не лег спать из-за нее. — Я бы тебе написала, но у меня украли телефон.

Я наклонился, чтобы обнять ее. От нее пахло землей, бренди и табаком из одуванчиков.

— Ничего страшного, — сказал я. — Привет, Салли.

— Здра… здрасште, мисштер Ноксш, — заплетающимся языком проговорила Салли, прислонившись к дверному косяку. Она выглядела потрепанной, и ее юбка была надета задом наперед.

— Ну так что, — сказал я, — чаю хотите?

— Не, спасибо, — сказала Пиппа и направилась в свою комнату, бедром толкая Салли перед собой. — Салли нужно в душ, а потом мы пойдем

спать. Расскажем тебе все за завтраком.

— Я бы хотела заранее заказать ведро кофе, — пробубнила Салли, — и таблетку парацетамола размером с крышку от люка.

Я подождал, пока не услышал шум включившегося душа, а затем позвонил миссис Ломакс, чтобы сказать ей, что с Салли все хорошо и ее можно будет забрать утром. Вообще тем вечером мы говорили уже трижды. Она предлагала прийти ко мне с ланкаширским хотпотом, которого «наготовила так много, что одной не съесть». Уже не в первый раз с тех пор, как не стало мистера Ломакса, она предлагала провести вечер наедине, и я не в первый раз сдержанно отказывался, хотя Пиппа и Салли обе неоднократно предлагали мне пригласить ее. «Вы не останетесь разочарованы», — как-то недвусмысленно сказала мне Салли.

— Колония № 1? — сказала миссис Ломакс, когда я сообщил ей, куда они поехали. Обычно она понятия не имела, чем занимается ее дочь. Салли была того же возраста, что и Пиппа, и миссис Ломакс, как и я, часто с трудом принимала тот факт, что маленькие девочки, которых мы с такой теплотой помнили, уже давно стали взрослыми женщинами, вытворявшими взрослые штуки.

Пересуды и завтрак

Кролики с большим трудом управлялись лапами с пуговицами и застежками-молниями. Они могли бы использовать липучки, но считали их «уродливым, неизящным методом застегивать одежду». Они умели застегивать пуговицы, но для этого требовались два кролика и специальные инструменты. Для людей это было все равно что попытаться починить барометр-анероид в боксерских перчатках.

На следующее утро за кофе они рассказали мне о своем вечере. Я узнал, что кроличьи вечеринки были довольно отвязными. Громкая музыка, алкоголь, драки, жаркие споры о политике, снова драки, снова музыка, снова алкоголь… и секс, которым с регулярными перерывами занимались в уютных норках по бокам туннелей. Но больше всего Пиппу впечатлила музыка.

— Она одновременно похожа на свинг, джаз и манго, — говорила она, — и играют ее с таким упоением. Тромбонист даже *умер* от кровоизлияния

в мозг во время своего соло. Следующий номер посвятили ему, а дальше все пошло как прежде. У них такое жгучее желание жить, какого нет у нас, словно им нужно вместить в свои жизни столько веселья и удовольствия, сколько возможно.

— У кроликов высокая смертность из-за болезней, лисиц, несчастных случаев на производстве и соло на тромбоне, — сказала Салли, которая нацепила темные очки, избегала резких движений и говорила очень тихо. — Так что им приходится проживать жизнь на полную катушку, на всякий случай.

— Резонно, — сказал я. — А как вам Колония № 1 изнутри?

— Такая же, как в документалках, — сказала Пиппа, — расположена вокруг Мей Хилл, но почти вся находится под землей и очень рационально устроена. Там чисто, аккуратно, ни пылинки вокруг, и преступности вообще нет. Мы были в подземном клубе под названием «Пушистый хвостик». Пока все танцевали, на нас падали куски сухой земли. Я спросила Бобби, случаются ли здесь обвалы, и она сказала, что случаются — причем часто, — но они просто выкапываются сами. Так что она сказала нам держаться поближе к ней, на всякий случай.

— Значит, Бобби за вами приглядывала? — спросил я.

— Она классная. Кто-то высказал мне и Салли по поводу того, что наш токсичный антропоцентризм губит экологию, и Бобби сразу же организовала обсуждение, где мы пришли к выводу, что понятие «владение» должно уступить понятию «опека». А еще что каждый индивид *должен* нести ответственность за преступления группы — даже если он не знает, что группа их совершает, и не соглашается с ней. Нужно искупать свою де-факто причастность стремлением все исправить, а также иметь в виду возможности восстановительного правосудия. Все это заставляет задуматься и при этом очень вдохновляет.

— Ты можешь перестать говорить так громко? — сказала Салли. — Или вообще перестать говорить? Мне правда очень плохо.

Я налил ей стакан воды и поставил рядом. Она застонала и отпила крошечный глоточек.

— А кто вас отвез? — насколько мог буднично спросил я. — Какое-то «Кроличье Такси», да?

— Это бывший парень Бобби, его зовут Харви, — ответила Пиппа.

Этого я услышать совсем не хотел. Круг общения всякого кролика был крепким и обширным,

и они всегда поддерживали друг друга. Если Харви был бывшим Бобби, то он хорошо знал и Дока, и Конни тоже. А я знал, как работает Крольнадзор и как их всех могли привлечь к ответственности.

— Бобби и Харви остались хорошими друзьями, — сказала Пиппа. — Харви был с нами в клубе.

— Да ну? — сказал я.

— Ага. Он, Бобби и еще два кролика говорили о том, как они могут задержать Акт о Переселении кроликов, пока Всеевропейский совет по правам человекоподобных не обсудит и не составит рекомендации по вопросу равенства кроликов.

— Иногда мне кажется, что поэтому Найджел Сметвик и радовался нашему уходу из Евросоюза, — сказал я, отчаянно стараясь не думать о Харви, — чтобы никто не мог законно оспорить британскую политику в сфере прав кроликов и введения максимальной заработной платы[48].

— Дайте равные права кроликам, и придется дать их еще и коровам, — пробормотала Салли,

---

[48] Примечания: 48

Несмотря на то что кроликов так сильно демонизировали, их дешевая и квалифицированная рабочая сила спасла экономику Великобритании после Брекзита. «Без добродушных и трудолюбивых кроликов, — говорил Финкл, — Великобританию бы поставили на колени».

уткнувшись лицом в скатерть, — или лошадям, или летучим мышам, или овцам. Вот в чем глобальная проблема. Неотъемлемое право *всех* живых существ — наслаждаться богатыми дарами биосферы. И не абстрактно, не в смысле, что со всеми надо делиться, а с точки зрения единства всей разумной жизни.

Затем она застонала и сказала, что хочет умереть, но не здесь, а в каком-нибудь шикарном месте вроде Поуиса.

— Почему Поуис? — спросил я. — Там, конечно, красиво, но шикарным я бы его не назвал.

— Не *Поуис*, — сказала Салли, не отрывая лица от скатерти, — а *Париж*. Простите.

Она поднялась и быстро поковыляла из комнаты в сторону туалета. Я снова повернулся к Пиппе. Она внимательно смотрела на меня.

— Пап?

— Да?

Она опустила глаза и стала водить пальцем по узору скатерти.

— Ты и твоя работа в Крольнадзоре. Ты думаешь, это хорошее дело?

Разговоры о равенстве кроликов всегда приводили к обсуждению Крольнадзора. Она, наверное, много говорила вчера об этом с Бобби и Харви.

— Милая, я младший бухгалтер, всего лишь крошечная шестеренка. Я не лепорифоб. Мне все равно, кто мой наниматель.

Я встал и пошел с пустой чашкой к раковине, чтобы скрыть свои раскрасневшиеся щеки. Последовала еще одна пауза, и я услышал, как Пиппа глубоко вдохнула.

— Пап, — сказала она, — ты же вообще ничего не смыслишь в бухгалтерии. Ты складывать-то не умеешь. Ты — опознаватель. Ты опознаешь кроликов для Надзора. Я уже много лет об этом знаю.

— Что? А… ну да, — сказал я, а затем, чтобы прикрыть одну ложь, соврал снова: — Нам нельзя говорить об этом членам семьи, ради безопасности.

Мои щеки запылали еще сильнее, и я просто стоял у раковины спиной к Пиппе, не зная, что сказать. Мне было стыдно за то, что я там работал, и за то, что лгал, но от этого короткого разговора я почувствовал… *облегчение*.

— Я не определяю политику организации, — сказал я, все еще не поворачиваясь к ней, — и не принимаю личное участие в действиях против кроликов. Я просто сорок часов в неделю опознаю кроликов и проверяю, честны ли они. Если бы

они все были честны, то у меня бы не было работы. И потом, — прибавил я, стараясь оправдать свою позицию заученной фразой, — учитывая то, что я, в отличие от других, стараюсь делать свою работу правильно, я даже чем-то *помогаю* кроликам. Если бы это делал не я, на моем месте мог оказаться кто-нибудь гораздо хуже.

Пиппа с сомнением хмыкнула.

— И с тобой эта работа тоже помогла, — прибавил я. — Нам всегда нужны были лишние деньги. Душевую поставить, твою спальню устроить на первом этаже и всякое такое.

— Вот только не надо меня в это впутывать, — сказала она, начиная злиться. — Я могу и по лестнице подняться, и в ванной искупаться, если нужно. Тоби тоже из ваших?

Я замер, а затем кивнул.

— Что ж, — сказала она, — так будет даже проще его бросить…

— У вас закончилась туалетная бумага, — сказала Салли, снова вваливаясь в комнату, — и вам лучше постирать ручное полотенце.

— Ничего страшного.

В присутствии Салли разговор двинулся дальше, и вскоре за ней заехала ее мать. Но вместо того чтобы, как обычно, поправлять серьги, стес-

нительно улыбаться и намекать на ее пустующий таймшер в Палафружеле «с видом на море прямиком из спальни», миссис Ломакс смерила меня грозным взглядом, словно это я был виноват в том, в каком состоянии оказалась Салли.

После этого Пиппа пошла смотреть онлайн-курс «Как заметить признаки радикализации среди кроликов-рабочих», а я, поскольку день был воскресный, отправился мыть машину и стричь газон. И то, и другое я делал на автопилоте, размышляя над тем, стоит ли мне сообщать Безухому о личности Харви. Единственным хорошим следствием из последних событий было то, что шансы Тоби стать моим зятем резко упали. Но если Пиппа уже много лет знала, что я опознаватель, то и Конни не понадобится много времени, чтобы догадаться.

Кролики тоже были в саду. Майор Кролик снял свою куртку и вскапывал на газоне ровные грядки. Изредка он останавливался и промакивал лоб платочком в красный горошек, что было довольно-таки бессмысленно, ведь кролики — существа с мехом — не потели. Конни, в отличие от мужа, сидела на шезлонге в самом откровенном бикини, какое только можно было себе представить, и читала «Ладлоуский Вог». Ее фигура, как и у

почти всех очеловеченных крольчих, была очень похожа на женскую, с правильными изгибами и выпуклостями в нужных местах. Учитывая то, как местные, проходившие мимо после службы в церкви, сбавляли шаг, я не один так думал. Не прошло много времени, как объявились Маллеты.

Мы кивнули друг другу, здороваясь, а затем Норман понизил голос и заговорил.

— Не думаю, что в нашей деревне должны красоваться полуобнаженные крольчихи, — сказал он, не отрывая от нее взгляд ни на секунду. — Это ж надо, так выставлять себя напоказ и подавать нашим юношам нездоровые идеи.

— Полуобнаженка подстегивает к извращенному поведению, — согласился Виктор. Он тоже пялился, видимо, чтобы *совершенно точно* убедиться, что он не одобряет. — Женщины должны быть скромны и целомудренны, дабы не искушать мужчин и не доводить их до греха.

Братья рьяно закивали головами, даже не понимая, что несут чушь, и продолжали при этом пялиться, выпучив глаза.

— Черт возьми, — сказал он, вдруг заметив Дока, — неужели майор Кролик вскапывает газон? Мистер Битон тридцать лет ухаживал за этим

участком, превратил его в лучший газон по эту сторону от Манселл Геймедж, и, что еще важнее, он должен был стать нашей главной изюминкой, когда придут судьи из «Спик и Спан»: «Такой ровный, что на нем можно играть в снукер. И мы играли».

— Не знаю, зачем вы мне все это говорите, — сказал я. — Почему бы вам не обсудить это с Кроликами?

Они, казалось, слегка опешили.

— А зачем? Если ты справишься со своей задачей и убедишь их в том, что Кроличий Брекзит выгоден обеим сторонам, проблема будет решена. Ты уже упоминал, что мы заплатим?

— Пока нет.

— Ну так не тяни резину. Погоди секунду, а что это за неровность на твоем газоне?

Я уже заметил ее раньше — в моем саду в десяти футах от общего забора с Хемлок Тауэрс появилось небольшое углубление.

— Она тут уже давно, — соврал я. — Осталась от декоративного пруда.

— Ах, люблю я декоративные пруды, — сказал Виктор. — Они успокаивают. Позволяют отвлечься от тягот жизни.

Мне стало интересно, с какими такими тяго-

тами приходилось мириться Виктору Маллету. Хорошая пенсия, завидное социальное положение, покладистая жена, которая готовила, стирала и убирала, и, как поговаривали сплетники, любовница на стороне где-то в Боблстоке.

— Да, — продолжал он, — жизнь бывает трудна, но, слава Богу, у меня хватает силы и смирения, чтобы выстоять. Кстати, ты не видел Тоби? Он не пришел в церковь, и бабуле Маллет пришлось читать проповедь о прощении и терпимости в одиночку.

Я сказал, что не видел его. Они в последний раз уставились на Конни в ее откровенном бикини, затем недовольно фыркнули и ушли.

Как только они исчезли, ко мне вразвалочку подошел Док.

— Какие-то проблемы? — спросил он.

Я решил не говорить об их высказываниях о Конни и поэтому повторил их претензии о вскапывании газона.

— Думаю, ты согласишься, — сказал Док, — что ровные ряды свежих овощей, жерди, оплетенные изящным зеленым вьюном, мини-теплицы, запотевшие от утренней росы, мешочки с семенами, высаженные в рассыпчатую землю и помеченные маленькими табличками, и все это в идеально

прополотом состоянии, привлечет судей своим простым изяществом. Нет ничего прекраснее овощей, Пит. Утонченность, слившаяся воедино со съедобностью, форма, соединившаяся с функцией. Только представь, — сказал он, прикрыв глаза, — упругая кожица созревшего кабачка; грубая текстура выкопанной картошки; обнадеживающий, но при этом почему-то печальный хруст рвущегося корня, который мы слышим, вытаскивая морковку. — Я кивнул, но он еще не закончил. — Стук яблока, упавшего с дерева на мшистую землю; цвет горошин в стручках, созревших и уже готовых вскрыться. Ворсистая внутренняя поверхность бобового стручка; то, как капли дождя ложатся на созревающий кочан капусты.

Он глубоко вздохнул и с улыбкой повернулся ко мне.

— Ладно, я закончил.

— Я согласен с тобой насчет овощей, — сказал я. — Только жители очень серьезно относятся к конкурсу. За тридцать шесть лет мы получили лишь одну близкую к «Спик и Спан» награду — премию «За заслуги» в 1997 году за глицинии миссис Понсонби. И то, мне кажется, нам ее дали, просто чтобы позлить деревню Мансел Лейси. И

посмотри, что это такое?

Я указал на впадину на траве с моей стороны изгороди, и он перескочил через изгородь, чтобы повнимательнее посмотреть.

— Грунт осел, — сказал он, постучав задней лапой по негодной ямке. — Водой вымыло, наверное.

— Под нами гравий, — сказал я, — так что не думаю, что дело в этом. Да и ограда вон, похоже, слегка покосилась.

Я указал на одну из секций ограды, упавшей из-за перекоса. Она находилась прямиком на линии между ямкой и домом Кроликов.

— Я не понял, ты это на что намекаешь? — сказал Док, выпрямляясь во весь рост. — Ты думаешь это *мы* виноваты? Давай говори честно. Мы предпочитаем быть в таких вещах откровенными.

— Я думал… может быть, вы копаете?

Док показал мне свои лапы. Его ногти были в очень хорошем состоянии.

— Я похож на копателя?

— Я всего лишь пытаюсь помочь вам, — сказал я. — Жители только и ищут повод, чтобы пожаловаться.

— Пусть жалуются, — сказал он. — И давай кое-что проясним: мы никуда не съедем, Питер.

Только лис или пистолет смогут выгнать нас отсюда.

— Лис? — спросил я.

— Где? — сказал Док, беспокойно заозиравшись по сторонам.

— Нет, я спрашиваю: ты видел в деревне лиса? — сказал я, внезапно встревожившись, что Старший Руководитель мог заинтересоваться Доком и Конни еще сильнее.

— Не видел, не слышал, не чуял, — сказал Док. — Они сменили лосьон «Хай-каратэ» на «Олд Спайс», когда мы поняли, что они маскируют им свой запах. Хитрые ребята, всегда на шаг впереди.

И мы оба ненадолго замолчали.

— Что ж, — наконец сказал я, — вы вправе жить там, где пожелаете. Только не говорите никому, что я это сказал. И, пожалуйста, ради всего святого, будьте осторожны.

— Кролики рождаются осторожными, — сказал Док, похлопывая меня по спине, — это наше преимущество. Ну а еще большой размер потомства, раннее половое созревание, короткий период беременности и удачное положение в экосистеме.

Он вынул свои карманные часы и посмотрел на них.

— Ну надо же, — сказал он. — Крикет уже начался. Что может быть лучше трескучего удара кожаного мяча о ивовую биту, чтобы завершить воскресенье? Стартовый состав кроличьей сборной против клуба Марилебона, матч будет что надо.

— Я думал, тебе не нравятся гладиаторские состязания? — сказал я.

— В крикете *даже близко* нет ничего гладиаторского, — усмехнувшись, сказал он. — Это искусство, а не спорт. Ладно, увидимся.

И он одним прыжком перемахнул через изгородь в собственный сад, а затем влетел в свой дом через открытое окно. Раздался грохот — он приземлился на что-то тяжелое, — затем нецензурная брань и что-то вроде: «Какой дурак поставил здесь этот стол?», после чего я услышал, как Конни ответила: «Ты».

Закончив стричь газон, я вошел в дом, желая рассказать Пиппе о Маллетах, но она тем временем столкнулась с кое-чем необычным.

— Что ты об этом думаешь? — спросила она, протягивая мне телефон. — Я потеряла свой мобильник, и вот что мне отвечают, когда я на него звоню.

Я внимательно прислушался к доносившимся

из трубки негромким повизгиваниям и фырканью, изредка прерываемым коротким шипением.

— Похоже на кроличий, — сказал я. — Тебе стоит попросить Бобби перевести.

— Знаю, — сказала Пиппа. — Я уже ее позвала. Вот, наверное, и она.

И действительно, снаружи раздались мерные удары, которые приближались к нам. Верная кроличьим привычкам — они считали двери не способом уединиться, а средством от сквозняков, — Бобби проскакала прямиком в нашу кухню.

— Доброе утро, мистер Нокс, — широко улыбаясь, сказала она. Ночные гуляния на нее явно никак не повлияли. — Привет, Пип. В чем дело?

Пиппа передала Бобби телефон, та несколько секунд внимательно слушала, а затем разразилась визгливым хохотом.

— Что смешного? — спросил я.

— Кто-то читает «Мадам Бовари» вслух, — сказала Бобби. — Сейчас у кроликов в моде французская литература, и телефоны часто воруют, чтобы помочь кроликам на производстве развеять скуку, дав им послушать шедевры Флобера. В конце читающий скажет, что, если вам понравилось, вы

можете пожертвовать ему один фунт. В колониях чем только ни занимаются, чтобы заработать денег. А «Мадам Бовари» — один из любимых романов. Пикантный такой — знаете, из Эммы получилась бы неплохая крольчиха. Ну и, самое главное, это просто бесит АКроПаСК — они терпеть не могут не британскую литературу.

— Хорошо, — сказал я, — но что нам делать с телефоном Пиппы?

— Просто сообщите своему провайдеру. Они скоро их отключат. Погодите секунду.

Что-то привлекло ее внимание, и она прислушалась к телефону. Ее уши дернулись, и она поморщилась.

— Ух ты, — сказала она. — Родольф оставил письмо в корзине абрикосов. Любит? Не любит? Сойдутся? Не сойдутся? Ах… *черт*. Как неожиданно.

Она нажала *«Повесить»* и вернула трубку.

— Флобер никогда не надоедает, верно? Надеюсь, что они не звонили с вашего мобильника в другие колонии. У кроликов куча родственников, и они очень любят поболтать.

Она огляделась, затем ловко почесала ухо левой задней лапой, удерживая при этом равновесие на правой.

— Чую запах кофе, — сказала Бобби. — Можно попросить чашечку?

Я налил ей кофе, а Пиппа тем временем позвонила в службу поддержки «Водафона». Там *очень* заинтересовались, когда она объяснила, что в деле замешаны кролики.

— Меня соединяют с отделом по борьбе с мошенничеством, — прошептала она, прикрыв телефон рукой.

— Ты не хочешь еще раз встретиться с Харви? — спросила Бобби у Пиппы, когда отпила глоток своего кофе. — А то вы с ним вчера *так хорошо поладили*.

Пиппа быстро взглянула на меня, а затем грозно уставилась на Бобби. Та сказала:

— Упс, — и ее уши упали ей на спину с едва слышным хлопком. — Какой у вас интересный ремонт, мистер Нокс, — сказала Бобби, оглядывая нашу ничем не примечательную кухню, чтобы отвлечь меня от ее последних слов. — Вы сами подбирали дизайн или этим занималась ваша жена, которая бросила вас, потому что вы скучный?

— Не пойми меня неправильно, — сказал я, — но, если ты хочешь жить среди людей, ты должна понять, что нас злит или расстраивает. Говорить, что моя жена бросила меня, потому что я скуч-

ный, — это просто… грубо.

— У вашего прапрадедушки была шапка из моего прапрадедушки, — сказала она. — Это тоже вежливостью не назвать. А еще невежливо отказывать нам в гражданстве, хотя кролики живут в этих землях со времен Римской империи.

Это был хороший аргумент. Я происходил от выходцев из Мальты, а мама Пиппы была полькой. Бобби, наверное, была более коренной британкой, чем все, кого я знал. Даже Маллеты происходили от семьи де Мале, прибывшей сюда из Франции в четырнадцатом веке.

— Что ж, хорошо, — сказала Пиппа. Судя по всему, разговор со службой поддержки почти завершился. — Я буду ждать вашего звонка.

— Ладушки, — сказала Бобби, собираясь уходить. — Я поскакала. Забежишь к нам попозже, ладно, Пип?

Пиппа сказала, что зайдет, и Бобби махнула из кухни, пролетела через прихожую и очутилась снаружи, преодолев одним прыжком расстояние в пятнадцать футов.

— Они вообще двери не закрывают, да? — сказал я.

— У них странное отношение к преградам, — сказала Пиппа, когда я закрыл дверь. — Им

нравится блуждать туда-сюда. Думаю, поэтому они считают противокроличьи сетки ужасной несправедливостью. Ты знал, что бетонный фундамент Мегакрольчатника уходит под землю на семьдесят футов?

— Кто тебе это сказал?

— Харви.

— Ах, да, — сказал я, довольный, что она сама завела о нем разговор. — Расскажи мне о нем.

— Харви вроде как милый и *очень* умный, — сказала она. Я заметил блеск в ее глазах, и передо мной вдруг словно замельтешили предупреждающие флажки. — Внешне он Лабораторный, но фамилия у него Мак-Лютиковый, так что на самом деле он Домашний.

Я мысленно хлопнул себя по лбу. Неудивительно, что у меня не получалось его найти. Он вообще не был Лабораторным кроликом. Впрочем, Безухий тоже не догадался, так что я чувствовал себя не таким дураком.

— Что самое классное, — продолжала Пиппа, — он не пытался ко мне подкатить и очень здорово танцевал.

Мне это совсем не понравилось. Харви Мак-Лютиковый скорее всего был связан с Подпольем, и, если так, Пиппа могла оказаться в серьезной

опасности.

— Слушай, тебе не стоит…

Я затих. Я никогда не говорил Пиппе, что ей нельзя как-то поступать и кем-то быть, и я думал, что сейчас вовсе не время начинать это делать. Если ей нравился кто-то, подозреваемый в участии в запрещенной кроличьей группировке, то я не мог ей мешать… как бы глупо это ни казалось.

— Что не стоит? — спросила она.

— Тебе… стоит быть *осторожнее*. К межвидовым отношениям[49] все еще относятся с неодобрением.

В лучшем случае пары кролик/человек встречали с удивлением, в худшем — с отвращением. И хотя формально это оставалось незаконным, такие пары привлекали к ответственности все реже, вероятно, благодаря пламенной речи лорда Джефферсона в защиту его отношений с Софи Кролик, произнесенной во время ухода лорда с должности Генерального прокурора.

– *Нет* у нас никаких отношений, — сказала Пиппа таким тоном, что стало ясно — у них *точ-*

---

[49] Примечания: 49

Строго говоря, я ошибся: поскольку «млекопитающие» — это последний общий для людей и кроликов таксономический уровень, то мы различаемся уже по порядку, а не по виду, и такие отношения стоит называть «межпорядочными». И, как говорила преподобная Банти: «Мы должны поощрять любую порядочность».

но завязались отношения. — И потом, — сказала она, вздергивая подбородок, — не тебе мне об этом говорить. Ты будто не втюрился в Конни.

— Вовсе *нет*. И потом, мы давно друг друга знаем. Мы с ней еще в универе вместе учились.

Она уставилась на меня.

— Ты мне об этом не рассказывал.

— Разве?

— Нет, ты *точно* упустил эту крохотную деталь. Ну да неважно, ты же просто млеешь, когда она рядом, и в последнее время стал сильно топить за кроликов.

Она какое-то время помолчала, а затем спросила:

— А *насколько* хорошо вы друг друга знали в университете?

— Мы были просто хорошими друзьями.

— Хм. Как я и Харви?

Я вздохнул.

— Ладно, я тебя понял.

Повисла пауза.

— Так ты хочешь снова с ним увидеться? — спросил я.

— Да, — сказала она. — Да, хочу.

Гнев и ярость во «Всех Святых»

Еженедельник «Лис и друзья» предназначается для умных, образованных и состоятельных лисов. Там публикуются новости, обзоры, заметки о моде… и советы о том, как эффективнее убивать кроликов. Журнал похож на смесь журналов «Охотник», «GQ» и «Солдат удачи».

Следующим утром Тоби меня не ждал. По нашей давней договоренности, если он не появлялся ровно к 9:05, ему приходилось добираться до работы самостоятельно.

Когда я пришел в офис, Флемминг и Куницына на месте не оказалось, но Безухий уже был там. Когда я пожелал ему доброго утра, он проигнорировал меня. Я был обязан сообщить ему о Харви, но решил, что не стану этого делать. Для меня Харви был всего лишь кроликом-таксистом.

Ничего необычного в этом не было.

Я заварил себе чай и сел опознавать кроликов. Через час я уже поймал первого Миффи. Я подумал о том, чтобы сказать, что это один и тот же кролик — просто ради того, чтобы повставлять

палки в колеса, — но способности опознавателей всегда тщательно проверялись. Не я один просматривал эти фотографии. И если другой опознаватель укажет на Миффи, которого я не заметил, кто-нибудь заподозрит, что во мне проснулась совесть, и я останусь без работы. Я вдруг подумал, что опознаватели, заявлявшие о том, что потеряли свои способности, скорее всего, ничего не теряли — просто у них была дочь вроде Пиппы или они повстречали кроликов вроде Дока и Конни.

Я посмотрел на Безухого. Тот молча что-то читал. Я не очень-то любил Тоби, но с ним хотя бы можно было поговорить, чтобы разбавить скуку трудовых будней. Тишина висела еще полчаса. Безухий делал какие-то пометки, перекладывал бумаги и сопел. Наконец я произнес:

— Где Куницын?

— Нет его, — сказал он, не поднимая глаз.

— Да, я вижу. А Флемминг?

— Флемминг — это кто?

— Женщина с повязкой на глазу. Ваша начальница.

— Ах, *она*. Нет, ее тоже нет.

— Вы знаете, куда они пошли?

Он наконец остановился, бросил пухлую папку,

которую читал, на стол и, повернувшись, уставился на меня. Одно его веко задергалось.

— Ты зачем сюда пришел? — спросил он. — Чтобы болтать?

— Разговоры делают день менее утомительным, — сказал я, — и позволяют наладить взаимопонимание между сотрудниками.

— Мне больше нравится, когда ты просто делаешь то, что я говорю, — сказал он. — Команда работает эффективнее, когда у нее есть сильный лидер.

И он продолжил заниматься своей бумажной волокитой.

После того как я просмотрел еще двадцать кроликов, которые были ровно теми, за кого себя выдавали, Безухий вдруг заговорил:

— Заведующая Флемминг, Куницын и все остальное руководство проводят встречу на стройке Мегакрольчатника. Я бы тоже поехал, но вход туда запрещен всем кроликам, вне зависимости от уровня доступа.

Он был прав. Кроликам не давали посмотреть на их новый дом на том основании, что это может «испортить сюрприз».

— Официальная делегация, в которую вхожу и я, отправится туда завтра, — сказал Безухий. —

Ты поедешь?

— Наверное.

— А я, в общем-то, гнилую морковку клал на то, поедешь ты или нет, — сказал Безухий. — Ну что, достаточно с тебя взаимопонимания и товарищества?

— Да, спасибо.

И он вернулся к работе. Через десять минут зазвонил телефон. Он подождал, пока тот прозвенит шесть раз — я заметил, что он всегда так делал, — и, несколько минут послушав звонившего, сказал:

— Вот же мохнатый жирный ублюдок. Не давайте ему ни с кем говорить, пока я не приду.

Он положил трубку, неторопливо выбрал один из лежавших в его столе молотков и ушел — несомненно, чтобы «переубедить» очередного кролика. Я быстро подошел к его столу. Шансов на успех было мало, но кролики очень небрежно относились к компьютерной безопасности, и, возможно, Безухому выдали обычный пароль по умолчанию, который он еще не сменил.

Мне повезло, и я быстро вошел в базу данных работающих кроликов. Причина тому была проста — я хотел побольше узнать о Харви, но не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что его ищу я. Безухий по-

стоянно искал кроликов, так что это будет всего лишь один запрос из многих. И поскольку Харви был Домашним, с фамилией Мак-Лютиковый, да еще и водителем «Кроличьего такси», мне понадобилось меньше минуты, чтобы найти его. Его полное имя было Харви Август Мак-Лютиковый, возраст — 26 лет, место жительства — Колония № 1, стаж водителя такси — шесть лет. Я пробежался по его досье, в котором не обнаружилось ничего интересного, если не считать ряда мелких нарушений ПДД по всей стране — в основном вблизи колоний или по пути из одной в другую. Если Подполью был нужен курьер, способный передвигаться безо всяких ограничений, то они выбрали бы таксиста. Улика, конечно, не железобетонная, но, если учесть его взгляды и работу курьером в Россе, становилось понятно, что он из Подполья. Я вышел из системы на компьютере Безухого, вернулся за свой стол и без остановки проработал до самого перерыва на ланч.

Ради разнообразия я решил попробовать сходить в кафе в церкви Всех Святых. Зайдя туда, я заказал кофе с панини и сел за столик. Затем я достал газету «Ехидный левак». Большинство газет размещали новости о кроликах на пятой или шестой странице, если вообще о них писали,

и в тот день я сразу пролистал туда. В основном статьи были посвящены перенаселенности колоний, раздувшейся стоимости строительства Мегакрольчатника и тревожно обширной сфере применения законов о Переселении.

— Панини и кофе? — сказала официантка, ставя заказ мне на стол. Я поблагодарил ее, и она поскакала обратно в кухню.

Я продолжил читать и узнал, что Сметвик уже на шесть месяцев опередил план по строительству Мегакрольчатника и по Переселению кроликов. После затяжных осторожных переговоров с Национальной ассамблеей Уэльса строительство развернули к югу от долины Элан, прямиком между искусственными озерами и самим Рейадером. Место было идеальным, поскольку заброшенную железную дорогу из Булита можно было с легкостью восстановить, что позволило бы переместить туда около миллиона будущих жильцов-кроликов. Почти десять тысяч акров земли, окруженные по периметру сеткой длиной в семнадцать миль — или стеной, если они смогут заставить самих кроликов заплатить за нее. Сметвик говорил, что Мегакрольчатник будет «достаточно большим, чтобы раз и навсегда предоставить работоспособное и экономичное

решение острому кроличьему вопросу, но не таким большим, чтобы поощрить безответственные темпы размножения».

От чтения газеты меня отвлек заливистый смех, который я сразу же узнал. Конни Кролик только что вошла в кафе с подругой. Они обе несли в руках пакеты из магазинов и были одеты в дорогие резиновые сапожки фирмы «Хантер», твидовые охотничьи куртки и беретики, надетые набекрень промеж ушей. Когда они вошли, разговоры в кафе на несколько секунд притихли, а затем возобновились, но шепотом — скорее всего посетители обсуждали их внешний вид, громкую речь и несдержанное поведение. Конни и ее подруга, похоже, ничего не заметили и заказали себе по обезжиренному чаю латте и салату из зелени, а затем сели за только что освободившийся стол. Я ссутулился и приподнял газету. Мне очень не хотелось, чтобы она меня узнала, тем более здесь, во «Всех Святых».

Конни и ее подружка разговаривали громко, не стесняясь, и в какой-то момент стали описывать свои недавние любовные похождения. Причем делали они это, как, видимо, показалось другим посетителям, чересчур детально. Несколько сидевших рядом парочек пересели, а через па-

ру минут вышел менеджер и что-то негромко им сказал. К их чести, Конни и ее спутница послушались, но стоило всем привыкнуть к их присутствию, как она заметила меня.

— Эй, Питер! — громко позвала она. — Иди сюда!

Все повернулись посмотреть, к кому это она обращается. Я попытался спрятаться за своей копией «Ехидного левака», но недавно газета перешла из широкого формата в таблоидный, и прятаться за ней стало трудно. Такими превратностями судьбы и орудует Провидение. Осознав, что прятаться бесполезно, я поднял голову, притворился, что только что узнал ее, и подошел. Конни быстро вскочила, тепло обняла меня, а затем поцеловала в обе щеки, прямо на виду у всех. И хотя я признаю, что объятия и поцелуи Конни Кролик не были мне неприятны, мне все же хотелось, чтобы никто на нас не смотрел.

— Это Питер, — громко сказала Конни своей подруге. — Пожалуй, единственный человек, который мне когда-либо нравился. Мы давно знакомы. Питер, это Диана Кролик — моя тринадцатиюродная сестра со стороны дочери тети парня дочери сына тети моего отца. Мы росли в соседних норках в Колонии № 3.

— Мы получили разрешение свалить из колонии через постель, — сказала Диана, которая, похоже, была пьяна.

— Ох, Диана, — сказала Конни, смущенно рассмеявшись, — ну ты и шутница.

— Рад знакомству, — сказал я, протягивая руку для рукопожатия. Она оглядела меня с ног до головы так, как обычно смотрят на кусок мяса.

— А ты права, — сказала Диана, от которой сильно пахло бренди из одуванчиков, — он и правда симпатичный, хотя и с маленькими ушками.

Все кафе прислушивалось к каждому слову, и я слышал, как посетители обмениваются глумливыми комментариями обо *мне*, что показалось мне страшно несправедливым. На меня выливали больше грязи за дружбу с крольчихой, чем на Конни и ее подружку за то, что они *были* крольчихами. Я вдруг почувствовал себя очень неловко, и мне это не понравилось.

— Не стану больше отнимать у вас время, — сказал я и собрался уходить.

Конни не ответила. Вместо этого она вдруг замерла, и ее усики задрожали.

— Диана, — процедила она сквозь зубы, — силок у ведрок.

— Что?

– *Силок у ведрок*, — повторила она, а затем, поскольку Диана так ее и не поняла, сказала: — Лис у двери.

Я повернулся и увидел, что мистер Ллисъ, наш Старший Руководитель, действительно стоял у двери, держа в руках популярное издание для лисов «Лис и друзья». Он прошел к стойке, чтобы сделать заказ, и, похоже, не заметил нас.

— Так, я сваливаю, — сказала Диана, полностью распластав уши по спине. Она повернулась, чтобы уйти, в панике запрыгала на четвереньках, как обычный кролик, и лишь затем, вспомнив о собственном достоинстве, смогла подняться на задние лапы и быстро уйти прочь.

— А чего вы боитесь? — спросил я. — Вы же здесь законно.

— Для лисов законность и выеденной капусты не стоит, — прошептала Конни. — А для правительства поставить лисов руководить кроликами — это все равно что… Ну, я не знаю. Пустить лиса в курятник.

Она помолчала.

— Не самое удачное сравнение, да?

Она указала на стол и попросила меня присоединиться к ней.

— Мне уже пора вернуться…

— Пожалуйста.

Она выглядела такой отчаявшейся, что я сел напротив. Перед уходом Диана опрокинула на стол кувшин с молоком, и оно накапало на стул, так что я вдруг оказался с мокрыми штанами.

— Итак, — сказал я, — это та Диана, которую поймали вне колонии, и тебе пришлось ее вызволять?

— Она самая, — сказала Конни, внимательно следя за мистером Ллисъом. — Ее только что отбил муж получше. Дуэль была сегодня утром, и мы с тех пор праздновали. Я не думаю, что дуэли на пистолетах — лучший способ решать такие вопросы, но они *такие захватывающие*. Это одна из самых странных традиций, которую мы переняли у вас после Очеловечивания.

— Как ты думаешь, в чем была причина?

— Того, что Диану кто-то отбил? Скука, наверное.

— Я говорю про Очеловечивание.

Этот вопрос задавали часто, но вместо того, чтобы, как обычно, пожать плечами, она некоторое время подумала и сказала:

— Прямо перед Очеловечиванием происходили всякие драматические знамения — внезапные снегопады, скачки напряжения, зеленые закаты,

электрические бури, полная луна, собаки выли без причины. Так что, возможно, ученым лучше спрашивать не *как* оно произошло, а *почему* так случилось.

Аргумент был хороший. Психологи-бихевиористы недавно заметили, что последствия очеловечивания подчеркнули те стороны человеческого общества, которые, вероятно, требовали более подробного изучения, понимания и каких-то дружных действий; и они предположили, что, возможно, искать физическую причину произошедшего не так важно. Хотя в последнее время широко расхожей стала идея, поначалу считавшаяся несерьезной, — что Очеловечивание было вызвано *сатирой*.

— У Очеловечивания и правда есть все признаки сатирического произведения, — сказал я, — хотя и довольно топорно написанного.

— Мы живем во времена, когда нет места двусмысленности, — сказала Конни. — Думаю…

— Ну и ну, — раздался поблизости низкий голос. — Могу ли я присоединиться к вашему милому маленькому tête-à-tête?

Это был Торквил Ллисъ. Его копия «Лиса и друзей» была сложена на странице со статьей под названием «Как молниеносно сломать шею:

ответы на ваши вопросы», а в руке он держал большой капучино. Я не был до конца уверен, но мне казалось, что он глубоко вдыхал, чтобы почуять землистый аромат Конни. Запах, похоже, понравился лису, поскольку его губы стали влажными от слюны. Посетителям за соседними столиками он показался отвратительным, и они поспешно ушли, но вот остальные считали его политические взгляды вполне здравыми, так что они остались. А еще им было любопытно. Когда лисы и кролики встречались, это редко заканчивалось мирно, и я думаю, что парочка на противоположной стороне кафешки вместе с соседними посетителями тайно делала ставки на то, через сколько минут Конни окажется с раскроенным черепом.

— Почему бы вам к нам не присоединиться? — спокойно сказала Конни, хотя я чувствовал, как она нервно трясла ногой под столом. Мистер Ллисъ посмотрел на меня, на Конни, а затем сел на стул, который я перед этим освободил для него.

— Ой, — сказал он, — похоже, я сел на что-то мокрое.

— Диана пролила соевое молоко, — сказал я.

— А кто такая Диана? — спросил мистер Ллисъ.

— Родственница миссис Кролик. Тринадцатиюродная сестра со стороны дочери тети парня дочери… нет, — сказал я, — дальше забыл.

— Да мне и неинтересно, — сказал мистер Ллисъ. — Ну так что, Питер, неужели ты не представишь меня своей зайке-подружке?

— Не думаю, что слово «зайка»…

— Твоей *зайке*-подружке, — повторил мистер Ллисъ. — Представь нас.

Я нервно сглотнул. Даже мимолетное знакомство с лисом многое говорило о человеке, и этим редко можно было гордиться, если *вообще* можно.

— Мистер Ллисъ, это миссис Констанция Грейс Кролик, моя соседка. Миссис Кролик, это мистер Торквил Фэншоу[50] Ллисъ, Старший Руководитель, Колония № 1.

Мистер Ллисъ прищурился.

— Мы раньше не встречались? — спросил он.

— Нет, — сказала она громко и четко, — но вы сказали тем подонкам из «Две ноги — хорошо», где они могут найти Дилана Кролика, моего мужа. Они пришли и потушили его живьем прямо на глазах у детей.

---

[50] Примечания: 50

На письме его второе имя было в два раза длиннее и вычурнее, но читалось оно как «Фэншоу».

Он несколько секунд молча смотрел на нее, а затем спокойно сказал:

— Это отвратительное и необоснованное обвинение не говорит о вас ничего хорошего, и вам должно быть за него стыдно. Кроме того, тот случай так и не был доказан, как и любые другие.

— Другие?

— Другие, где я *якобы* причастен. *Nemo sine vitio est*[51].

Я видел, как Конни сощурила глаза, и тень дерзкой решимости пробежала по ее лицу.

— Это не единственный раз, когда мы с вами пересеклись, — сказала она. — Четыре года назад вы убили мою племянницу за то, что поймали ее в четырех милях от колонии за две минуты до отбоя.

— Она ни за что бы не добралась до дома вовремя, и я уверен, что у вас много, много племянниц. Так что же тут такого страшного?

— А вот что: вы раскроили ей череп челюстями, но не закончили дело. Она умирала девять часов.

— Я такого не помню, — сказал мистер Ллисъ, — но мне приходится отправлять на покой множе-

---

[51] Примечания: 51
Никто не идеален (*лат.*).

ство кроликов, так что запомнить каждого мне не под силу. Большинство трясутся от страха и обделываются еще до того, как я расправлюсь с ними. И ни один не пытается сопротивляться. Какая эволюционная ценность может быть у вида, который даже лапу не поднимет, чтобы защититься? Существуют охотники, и существует добыча. Так уж устроен мир.

Конни ничего не сказала. Вместо этого она взяла капучино мистера Ллисъа и нарочито медленно вылила его на пол рядом с нами. К этому моменту все кафе с молчаливым ужасом смотрело на нас, и ожидание внезапной расправы висело в воздухе подобно влажному туману. Закончив, Конни аккуратно поставила чашку обратно на блюдце и с вызовом посмотрела на мистера Ллисъа.

— Довольна? — спросил он.

— Нет, но пока этого хватит. Слушайте, а что это у вас на шее, чесотка?

Посетители кафе, которые, как мне казалось, уже как могли затаили дыхание из-за разлитого кофе, притихли еще больше. Такой комментарий мог с легкостью спровоцировать лиса, и я не думал, что кто-нибудь когда-нибудь осмелился бы ему такое сказать. Дело в том, что у мистера

Ллисъа действительно было чесоточное пятно на шее, частично прикрытое шелковым шарфом. Мы в офисе давно об этом знали, но лисы, чувствительно относившиеся к своему рыжему меху и странным маленьким лапкам, обычно плохо реагировали, если кто-то поднимал эту тему. Этот раз не был исключением, и он прыгнул вперед, распахнув пасть и обнажив зубы. Стремясь убраться подальше, я рефлекторно отшатнулся прочь от стола, стал падать назад и, больно ударившись, упал вместе со стулом на пол. Пошатываясь, я поднялся на ноги, ожидая увидеть шею Конни обмякшей и переломанной, но вместо этого она выхватила большой складной нож с перламутровой ручкой и приставила его к горлу мистера Ллисъа.

Хотя эта патовая ситуация была интересной и, несомненно, во «Всех Святых» такого раньше никогда не видели, с точки зрения закона мистер Ллисъ находился в более выгодном положении. Он мог убить ее сейчас, прикрывшись постановлением о «естественной жертве», а потом просто пойти и заказать себе еще один капучино. С другой стороны, Конни, если она его ранит, ждут серьезные последствия. Она наверняка умрет — а перед этим еще, наверное, будет подвергнута

пыткам[52], — после чего погибнут не сотни кроликов, как обычно, а *в десять раз больше* из-за его положения. Погибнут ее друзья и родственники, включая Дока, Кента, Бобби и всякого кролика, которого она хорошо знала. Стратегия жестоких расправ работала хорошо — за двадцать пять лет ни один кролик не убил лиса. От лисов нельзя было ждать ничего хорошего, и кролики желали им смерти — но не такой ценой. Ведь все-таки нельзя перехитрить лиса. Но, как ни странно, и в пользу Конни было одно обстоятельство — большинство лисов терпеть не могли убивать кроликов за бесплатно. «Это все равно что Том Джонс пел бы в душе, — шутил один лис, — пустая трата денег».

— Знаешь что? — сказал мистер Ллисъ. — Я нахожу тебя на удивление привлекательной.

— Это чувство не взаимно, — сказала Конни.

Глаза лиса опасно сверкнули, и несколько капель слюны упали с кончиков его клыков на скатерть. Я знал, что должен что-то сказать. Лисы никогда не отступали, да и Конни, как мне кажется, была не трусливого десятка. И у нее был складной нож. Лисы любили клинки ничуть не больше, чем гончих собак и охотничьи возгласы.

---

[52] Примечания: 52

Лисы называли это «игрой», ссылаясь на лингвистический прецедент — то есть на фразу «коты играют с мышами».

— Что ж, было весело, — дрожащим голосом сказал я, громко хлопая в ладоши. — Мне пора возвращаться на работу, а миссис Кролик… Ты разве не хотела встретиться с Дианой в соборе, чтобы показать ей средневековые карты мира?

Кажется, они оба были рады моему вмешательству. Конни медленно убрала и сложила нож, не сводя глаз с мистера Ллисъа, затем собрала свои сумки и мобильный телефон.

— В другой раз, лис, — сказала она.

— О, конечно, — ответил он. — Мы встретимся снова… и ты будешь молить меня о том, чтобы я прикончил тебя поскорее. Твое неповиновение сделает преследование гораздо приятнее, борьбу — увлекательнее, а надругательство и смерть — слаще.

Конни холодно, с вызовом посмотрела на него, а затем неторопливой уверенной походкой направилась к двери. Она даже не моргнула в присутствии лиса, и я подумал, что в ней жил дух воительницы. Я видел его раньше, много лет назад, ее несгибаемую целеустремленность, но не мог тогда выразить того, что чувствовал.

Посетители кафе, в свою очередь, облегченно выдохнули и вернулись к своим делам. К кофе, наверное, и банальным разговорам, которые

стали уже *не такими* банальными.

— Поговорим об этом позже, Нокс, — сказал мистер Ллисъ, сверля меня взглядом. — Ни один кролик не посмеет назвать мою шкуру паршивой и уйти безнаказанным… если только, — сказал он, вдруг подумав о чем-то, — у нее не было намерений любовного толка. Знаешь же, как говорят — любая крольчиха тайно хочет лиса?

— Скорее всего, дело в том, что вы выдали имя ее мужа «Двуногим» и убили ее племянницу.

— Ах, да, — задумчиво сказал он, — наверное, она могла из-за этого немного расстроиться, верно?

— Думаю, да. Почему вы ее не убили?

— О, еще успею, — беззаботно сказал он. — Можешь не сомневаться. Но всему свое время. «Все Святые», *наверное*, стерпят убийство, но вот расчлененка, которую я планировал, может им уже не понравиться. А одно без другого будет равносильно воссоединению «Спайс Герлз» без Пош. И потом, я только что забрал свой костюм из химчистки.

Он улыбнулся и подмигнул мне.

— О, и спасибо за то, что вмешался, старина. Вовремя.

Он взял свою копию «Лиса и друзей» и пошел

заказывать другой кофе.

— Милые у тебя друзья, — сказала парочка, сидевшая рядом со мной.

— Они у меня хотя бы есть, — ответил я, не придумав ничего поироничнее.

— Безопасно размножаются только нейтроны в реакторе, — сказал молодой человек за другим столиком, повторив любимый слоган приверженцев превосходства гоминидов. Сама фраза была несколько интеллектуальнее их обычного клича: «Где этот мевзкий кволик»?

Когда я вернулся в офис, меня все еще трясло. Я нашел Безухого в кухонном уголке, где он только что заварил себе какао «Овалтин» и теперь добавлял в него «Джек Дэниелс». Он не слышал, как я вошел — сказывалось, видимо, отсутствие ушей, — и я услышал, как он бормочет себе под нос: «Держи себя в лапах, Дуглас, держи себя в лапах». Я остановился, а затем очень осторожно ушел, на всякий случай. Вдруг он бы разозлился из-за того, что я застал его в таком состоянии. Я вернулся за свой стол, и вскоре он присоединился ко мне, разговаривая по телефону.

— Подозреваемый проводил исследования для этого говнюка Финкла в АгПоК, Старший Руководитель, — сказал он, — но ему было что

сказать: Банти *точно* находится в Колонии № 1.

Да, — сказал он после паузы. — Я буду продолжать пытаться, но те, у кого есть нужные сведения, редко выходят за пределы колонии. Нам нужно будет провести рейд либо просто выловить их во время Переселения… Сделаю, сэр. Спасибо, сэр.

Он повесил трубку, злобно зыркнул на меня, а затем начал писать рапорт. Если преподобная Банти и правда находилась в Колонии № 1, то это представляло немалый интерес. Если ее задержать, процесс Переселения мог пройти очень гладко.

— Как прошел ланч? — спросил Безухий. — Мой психолог говорит, что мне нужно общаться с другими, нравится мне это или нет.

— Он прошел… бурно, — ответил я.

— Это хорошо или плохо?

— Плохо.

Я не шутил. Из всех крутившихся в моей голове мыслей — о том, как крольчиха на миг взяла верх над лисом; о том, как Конни назвала меня единственным человеком, который ей когда-либо нравился; и о том, как мистер Ллисъ признал, что он регулярно убивает кроликов или выдает их данные «Двуногим» — одна, самая насущная, беспокоила меня больше других. Док и Конни

могли заинтересоваться, кто же на самом деле живет с ними по соседству и почему Старший Руководитель знает меня по имени. Затем они наверняка обнаружат мою причастность к гибели Дилана Кролика, и Конни вряд ли с пониманием отнесется к тому, что я был отчасти виноват в смерти ее второго мужа. Что хуже, столкновение мистера Ллисъа с Конни и его просьба присматривать за ее семьей указывали на то, что Конни и Док представляли для него интерес. А я, будь я кроликом, старался бы сделать так, чтобы мной *даже мимоходом* не заинтересовался ни один лис… особенно такой, как мистер Ллисъ.

Копы и котенок

«Грегоры», «Грегги» или «Макки-Гэ» – все это кроличий сленг, обозначающий сотрудников правоохранительных органов. Названы они в честь мистера Макгрегора, злодея из книг Беатрикс Поттер о Питере Кролике. В переведенной на кроличий язык версии «Звездных войн» Дарта Вейдера буквально зовут «мистер Макгрегор».

Когда я приехал домой, «Доджа Монако» семейства Кроликов на подъездной дорожке не было, а Хемлок Тауэрс казался пустым. Я вошел в собственный дом, заварил себе чашку чая и развесил постиранные вещи на веревке. Когда я вернулся, Салли уже привезла Пиппу, и она звонила по телефону в службу поддержки «Водафона».

— Привет, папа, — сказала она, когда закончила разговор. — Как дела на работе?

Она сказала это с толикой сарказма в голосе, и мне это не понравилось, хотя я мог ее понять.

— Тебе нужно кое-что знать, — сказал я, переходя сразу к делу, — о Харви.

Я сел за кухонный стол и рассказал ей все что

знал. Что я участвовал в задержании и видел, как он работает курьером, и, хотя его пока не опознали и не объявили в розыск, скорее всего, это ненадолго. Я сказал ей, что видел его досье, и его перемещения по стране вместе с появлением в Россе указывали на его тесные связи с Подпольем.

— Судя по его взглядам, так и есть, — сказала она, — но это ничего не меняет. Мы с ним просто… *подходим* друг другу. Это трудно описать. Мы говорили почти обо всем, и он слушал, и отвечал, и заставил меня о многом подумать, и потом я заметила то, на что он раньше не обращал внимания, и ему это понравилось. Он был этому даже рад. Я правда хочу снова его увидеть.

— Я знаю, — сказал я, — и я собираюсь уйти из Крольнадзора.

Она улыбнулась, взяла меня за руку и сжала ее.

— А где ты будешь работать? Нам нужны деньги, пап. Я учусь, но нет никаких гарантий того, что в конце я смогу получить работу. Такую работу стоит бросить, но нам придется туго.

— Я все продумал, — сказал я так, как говорят люди, когда они вообще ничего не продумали, даже самую малость. — Я просто буду совершать

все больше и больше ошибок, пока меня не сочтут ненадежным сотрудником и им не придется меня уволить. Я уже давно там работаю, так что, может быть, мне даже выплатят отступные.

Учитывая то, что мистер Ллисъ уже пригрозил выдать мое имя Кроличьему Подполью, это был наименее вероятный сценарий развития событий, какой я только мог придумать. Но в тот момент мне оставалось только слепо надеяться. Пиппа сказала, что гордится мной, и это было лучшее, что кто-нибудь когда-нибудь мне говорил.

Мы услышали, как снаружи подъехала машина.

— Ты кого-нибудь ждешь?

Она покачала головой, и я подошел к окну кухни.

— Странно, — сказал я. — Это копы.

— Из Надзора?

— Нет, из Херефордширского департамента.

Решив, что кто-то подал жалобу на кроликов, я настороженно открыл дверь. Главной из двух офицеров была детектив Истман, которая училась со мной в колледже на год старше. Ее напарница выглядела опытнее на десять лет и на тридцать драк в барах. Истман представила ее как Конфетку, причем говорила она так, словно

это не ее имя, а будто она действительно была *конфеткой*. Но они пришли не ко мне и вовсе не из-за жившего по соседству семейства Кроликов. Они пришли поговорить с Пиппой… о Тоби Маллете.

Я пригласил их войти.

— Пропал? — сказал я, когда они объяснили ситуацию. Я заметил, что утром его не было на работе, и, если задуматься, Маллеты говорили что-то о нем в воскресенье. Он не оставил за собой ни следа: полиция не нашла ни его машину, ни мобильный телефон, ничего.

— В последний раз я видела его в пятницу, — сказала Пиппа, — и больше с ним не разговаривала. Хотя, кажется, я отправила ему пару сообщений перед тем, как потеряла телефон. Он на них ничего не ответил, но это для него обычное дело. Я вообще хотела с ним расстаться.

— Причина? — спросила Истман.

Пиппа пожала плечами.

— Он Маллет, — сказала она, — и тот еще козел.

— Ясно, — понимающим тоном сказала Истман. Она училась с Маллетами в одной школе и достаточно хорошо их знала. В тот момент копы собрались уходить, но тут я, не подумав, сказал:

— Я видел его в субботу. Он заходил, искал Пиппу.

— Правда? — хором спросили Истман и Пиппа.

Последовала долгая пауза, и я вдруг осознал, что означают мои слова. Я пересказал мой разговор с Тоби, пока Конфетка записывала. О том, как Тоби появился на пороге, спросил о Пиппе, и я сказал ему, что она отправилась на кроличью вечеринку в Колонию № 1. Детектив Истман внимательно выслушала, задала несколько вопросов, а затем почти обвиняющим тоном сказала, что я, судя по всему, последний, кто его видел. Затем она повернулась к Пиппе.

— Так вы пошли на кроличью вечеринку в Колонию № 1?

Пиппа гневно стрельнула в меня глазами, а затем с вызовом приподняла подбородок.

— Закон этого не запрещает.

— Нет, — холодно сказала Истман, — не запрещает. Мистер Маллет мог отправиться за вами?

Пиппа пожала плечами.

— Наверное, *мог*, но я точно не знаю.

Вопросы продолжались еще двадцать минут. Наконец, удовлетворившись, они ушли, но только после того, как детектив Истман дала Пиппе совет. Она сказала, что, хотя мятежный дух и

животная привлекательность кроликов были хорошо известны, близкие отношения с ними могли губительно повлиять на общественную и профессиональную жизнь человека.

— Спасибо за совет, — сказала Пиппа.

Истман проигнорировала ее резкий сарказм и ушла, а я покачал головой, сокрушаясь из-за собственной полнейшей глупости. Вскоре о произошедшем узнает Крольнадзор, и если они решат, что в исчезновении Тоби виноваты кролики — а они так наверняка решат, — то последствия будут серьезными.

— Они ведь не станут ради Тоби устраивать полицейский рейд в колонии прямо накануне Переселения? — спросила Пиппа, когда дверь закрылась.

— Если в них есть хоть толика здравого смысла, то нет, — ответил я, понимая, что мне не следовало вообще ничего говорить, — но мистер Ллисъ может захотеть воспользоваться этим как основанием для того, чтобы посеять ужас… и наложить лапы на преподобную Банти, которая прямо сейчас находится в Колонии № 1.

Зазвонил домашний телефон. Пиппа ответила, несколько минут поговорила, а затем повесила трубку.

— Это была техподдержка «Водафона», — сказала она. — Они говорят, что мой телефон в данную секунду находится рядом с местной вышкой. Предположили, что я его просто куда-то не туда положила.

— А это не так?

— Нет.

Я посмотрел в окно на стоявший напротив Хемлок Тауэрс. «Доджа Монако» у дома все еще не было.

— Жди здесь, — сказал я, но она, конечно же, не послушалась и пошла за мной. Я направился к дому Кроликов. Занавески были задернуты, свет выключен, а входная дверь со зловещим скрипом распахнулась, когда я постучал. Я шагнул внутрь, и Пиппа последовала за мной, охнув, когда она споткнулась о порог. Ее подошвы заскрипели по полированному полу прихожей.

— Есть кто? — сказал я.

Тишина.

— Внизу? — прошептала Пиппа, указав туда, где из полуприкрытой двери подвала лилась узкая полоска теплого света. Охваченный любопытством, я подошел, открыл дверь, и меня обдало потоком холодного воздуха с запахом влажной земли и бренди из одуванчиков.

— Есть тут кто? — снова сказал я.

Я открыл дверь пошире, бросил взгляд на Пиппу, а затем медленно спустился по ступенькам вниз, на каменный пол подвала. Потолок большого помещения держали каменные своды. Судя по всему, Хемлок Тауэрс возвели на месте какого-то аббатства.

— Что там внизу? — спросила Пиппа.

— Домашний цех по перегонке бренди из одуванчиков, — ответил я, глядя на два стола на козлах, на которых в ряд стояли стеклянные колбы, мерные стаканы, пустые бутылочки из-под медицинского спирта, различные овощи, микстура от кашля, красные чернила и, что настораживало, забальзамированный котенок в сосуде. Я взял бутылку из ящика, стоявшего рядом на полу, откупорил ее, принюхался… и мир вокруг меня словно перевернулся.

— Ух ты, — сказал я. — Управлению по Акцизам бы здесь точно понра…

Я замолк, заметив, что кладка дальней стены была разобрана, а камни аккуратно сложены на полу. За ними открывался земляной туннель, уводивший из подвала и освещенный неяркими лампами накаливания. Его стены были рельефно изборождены чьими-то трудолюбивыми и усерд-

ными лапами. Кролики не так давно жили здесь, так что масштаб работы впечатлял. Я подошел поближе и заглянул в полумрак. Туннель шел прямо примерно футов шестьдесят, а затем резко поворачивал направо. Только я собрался шагнуть внутрь и посмотреть, куда он ведет, как из-за угла вышел кто-то невысокий, с электронным браслетом на лодыжке и с ведром в каждой лапе.

— Ой, — сказал Кент, посмотрев на меня, а затем на ведра с землей, которые он нес. — Вы мне поверите, если я скажу, что нам в школе по биологии задали такую домашку — изучить почву?

— Нет, — сказал я.

— Тогда вы поймали меня с поличным. Вы ведь не скажете маме или Доку, что я копаю, правда?

— А они не знают?

— Они притворяются, что не знают… но я думаю, что знают, — задумчиво сказал он, подходя ко мне, — просто не хотят в это верить. До Очеловечивания с кроликами-подростками проблем почти не было, а вот после их стало столько же, сколько и у вас. Когда дело касается копания, я просто ничего не могу с собой поделать. Я уже со счета сбился, сколько раз ходил на реабилитацию, но через пару дней после нее думать ни о чем не могу, кроме как о следующей норке. Но у

меня хотя бы нету проблемы с прыжками — они могут и в могилу свести.

Неконтролируемое желание скакать по полям могло привести к чрезмерной усталости и сужению карьерного и социального кругозора. Третьей болезнью кроличьего общества, помимо прыжков и рытья нор, был «оранжевый змий» — то есть переедание морковки.

— Рыть норы вообще-то очень весело, — сказал Кент, которому я, похоже, вдруг начал нравиться. — Хотите попробовать?

— Не думаю, что мои ногти это выдержат. Но если местные узнают, у них появится еще одна причина вас всех ненавидеть.

— Не уверен, что им нужна очередная причина. У них и так их предостаточно, — сказал Кент и потянулся к левому уху, чтобы его согнуть. Он рассеянно понюхал его, а потом отпустил, и ухо само распрямилось с резким хлопком. — Достаточно уже того, что мы от них отличаемся. Вы расскажете им о том, что я копал? Местным, в смысле.

— Нет, — сказал я, подумав несколько секунд.

— Какое облегчение, — с улыбкой ответил он и шагнул вперед, чтобы взять бутылку бренди из одуванчиков.

— Возьмите бутылочку, но будьте осторожны — он концентрированный, так что его удельный энергетический потенциал такой же, как у ракетного топлива. Драгстеры TopFuel используют его в качестве альтернативы нитрометану. Разводите один к девяти с водой, если не хотите ослепнуть.

— А в нем правда есть забальзамированный котенок? — спросил я, указывая на банку на столе.

— Нет. Мне просто понадобился формальдегид, а кроликам нельзя покупать его просто так. Кстати, а что вы тут делаете?

— Мы зашли, чтобы найти мобильный телефон Пиппы.

— А! — сказал он. — Понял. Пойдемте наверх.

Мы взобрались по ступенькам, наверху которых нас ждала Пиппа.

— Привет, Кент, — сказала она.

— Привет, Пип, — ответил он, задней лапой захлопывая дверь. — Бобби дала всем знать, что ты ее подруга, и сегодня утром кто-то сунул телефон в почтовый ящик. Бобби такая. Типа популярная. Не знаю почему — как по мне, она слишком много себе воображает. Вот, держи.

Он взял телефон, лежавший рядом с вешалкой у двери, и передал его.

— Спасибо, — сказала Пиппа, вытирая высох-

шую землю.

— Так чего хотели Макки-Гэ? — спросил Кент.

— Когда?

— Только что. Они заходили к вам домой.

— А… Искали пропавшего человека, — сказал я.

— Что случилось? — спросила Бобби, выскакивая из гостиной и вытаскивая из ушей наушники размером с мандарины. Мы рассказали ей о Тоби.

— Мы думаем, что он мог отправиться за Пиппой в Колонию № 1, — сказал я, — и его с тех пор никто не видел.

— Все с ним будет хорошо, — безо всякого волнения в голосе сказала Бобби. — Кролики постоянно пропадают. Чаще всего они навещают какую-нибудь тетушку. У нас море тетушек, и всех нужно навещать. Ваш Тоби наверняка делает то же самое. Он еще объявится.

Ситуация была непростая. Я набрал в грудь побольше воздуха.

— Ты не понимаешь, — сказал я. — Я думаю… *Мы думаем*, что Тоби — опознаватель в Кроль-надзоре.

Ее жизнерадостный настрой улетучился, она посмотрела на нас обоих, затем достала из перед-

него кармана своего сарафана телефон и набрала номер. Она поняла, что все это значит — если опознаватель пропал в Колонии № 1, значит, Крольнадзор, несмотря ни на что, устроит там рейд.

— Знаю я одного кролика, который знает кролика, который знает кролика, — сказала она, пока ждала, когда на звонок ответят. — Почему вы решили, что он опознаватель?

— Он много болтает в постели, — сказала Пиппа прежде, чем я успел сморозить какую-нибудь глупость. — Конечно, может оказаться и так, что он вообще не работает в Крольнадзоре — Тоби все-таки Маллет, а они любят прихвастнуть.

— Понятно, — сказала Бобби, а затем заговорила в трубку: — Это Бобби… Роберта… Как в «Детях железной дороги»… Нет, другая… Я в порядке, спасибо. У нас, похоже, скоро будут большие неприятности. Погоди секунду.

Она прикрыла микрофон лапой.

— Это надолго, — сказала она Пиппе. — Слушай, Док уехал на Ближний Восток, ты не хочешь сегодня вечером сходить посмотреть последний фильм Дуэйна Джонсона? У него в колониях много поклонников.

— Почему? — спросил я.

— Да просто так сложилось, — пожав плечами, сказала Бобби. — Ну так что?

Пиппа сказала, что хотела лечь спать пораньше, но затем Бобби ей выразительно подмигнула и сказала, что ей все-таки *стоит* прийти. Пиппа поняла намек и согласилась.

— Хорошо, — сказала Бобби. — Заберу тебя в семь.

Затем она продолжила разговаривать по телефону, но на этот раз на кроличьем.

— Что ж, — сказал Кент, широко улыбаясь, — было весело. Заходите покопать, если будет настроение, но маме с Доком — ни слова, ладно?

— Ты только смотри не подкопайся под чей-нибудь фундамент.

— Клянусь честью, — сказал он и исполнил символ Лаго, прыгая на одной лапе. Это был необычный символ веры, но логичный: в священных писаниях кроликов говорилось, что Лаго, Великая Прародительница, погибла, ведя своих сородичей в безопасное место. Она попала в силок, и по этой причине символом их веры стал круг.

Разговор по ролям

Кролики никогда не ездили быстро. Им нравилось наслаждаться видами, они никуда не торопились, и кроме того, на быструю езду тратилось слишком много топлива. Если хочешь добраться до какого-нибудь далекого места, просто выезжай пораньше. На несколько дней, если нужно. Или, как сказал Сэмюэл К. Кролик: «Нхффнфхфиифхфннффхрхрфхрф», то есть «радостное путешествие лучше прибытия».

Теперь, когда судьба Тоби больше от нас не зависела, Пиппа отправилась читать про Кроличий Путь, — видимо, для того, чтобы получше подготовиться к следующей встрече с Харви. Я, в свою очередь, выкатил свой «Остин-Хили»[53] из гаража, чтобы починить неисправные сигналы торможения. Поковырявшись в нем час, я решил пойти на прогулку. Я пожелал Пиппе хороше-

[53] Примечания: 53

Понятное дело, у меня была не трехтысячная модель — она была мне не по карману. Нет, я обладал моделью «Спрайт МКI», которую в народе ласково называли «Лягушачьи глазки».

го похода в кинотеатр, про себя подумав, что в компании Харви она наверняка будет в большей безопасности, чем с Тоби. Затем я забрался на вершину Пайон[54] к стоявшей там восьмиугольной кирпичной постройке. Она уже давно была заброшена, а ее стены замараны граффити. Вокруг старого дивана, который кто-то сюда притащил, валялись брошенные банки из-под пива «Стелла Артуа», и место, некогда казавшееся таинственным и волшебным, теперь выглядело убогим и печальным.

Обратно я шел мимо церкви. На кладбище мне повстречались священник и миссис Петтигрю, но, несмотря на то, что я знал их уже более двадцати лет, они вдруг куда-то заторопились, коротко поздоровались со мной и поспешили прочь.

Когда я вернулся домой, Пиппа уже ушла, но она отправила мне сообщение со словами «не волнуйся», возымевшее ровно противоположный эффект, — кто вообще говорит кому-нибудь «не волнуйся», если у них нет настоящего повода для волнения? Я пожал плечами, затем пересек кухню и уставился на содержимое своего холодильника, пытаясь придумать, что мне приготовить себе

---

[54] Примечания: 54
Так называется холм в этом уголке Херефордшира.

на ужин. Тогда же я услышал, как открывается входная дверь. Я вышел в прихожую, подумав, что, наверное, билеты на фильм закончились и Пиппа вернулась пораньше, но это была не она. Пришла Конни, и она осторожно снимала уличную обувь, аккуратно ставя ее у напольных часов. Он была одета в бледно-голубое летнее платье и трикотажный кардиган на пуговицах. Она заговорила, не глядя на меня.

— Бобби встретилась со своими друзьями, и они тоже пошли в кино, — сказала она. — Я дала им талоны в «Вегамаму»[55], чтобы они потом поели, — прибавила она. — Друзья Бобби из колонии, так что им обычно и на две морковки не наскрести.

— Один из них случайно не Харви? — спросил я. — Думаю, между ним и Пиппой что-то закрутилось.

— Возможно, ты прав, — с улыбкой сказала она, — но не переживай. Харви — хороший парень… для Дружка Старски.

Кличка Дружок Старски была относительно

---

[55] Примечания: 55

Популярная сеть веганских ресторанов, которая полностью принадлежит кроликам, — что «Две ноги — хорошо» и АКроПаск сочли «отвратительным видом пищевого фашизма, творящимся у всех на глазах».

мягкой по сравнению с другими, которые Дикие кролики давали Домашним. Менее вежливыми вариантами были Ошейники и Сосколизы.

— О, и вот еще что, — прибавила она, прикусив губу, — прости, что устроила сцену в церкви Всех Святых. Надеюсь, у тебя не будет из-за этого проблем в Надзоре.

Я этого отчасти ожидал, но все равно оказался не готовым.

— Ты знала, что я работаю в Крольнадзоре?

— Да, конечно, — с улыбкой сказала Конни. — Миссис Грисвольд в газетном киоске выложила мне про тебя всю подноготную, как только мы приехали. Когда дело доходит до обмена пикантными сплетнями, у кроликов обычно есть на что менять. Но я удивилась тому, что мистер Ллисъ знает тебя по имени. Ты там большая шишка?

— Нет, — соврал я, — всего лишь младший бухгалтер. Я, эмм… приношу мистеру Ллисъу его наличку.

— Странно, — сказала она. — Я думала ты опознаватель. Ты узнал меня еще в первый раз, в библиотеке, хотя, я думаю, ты притворялся, что не узнал.

Она сказала это, склонив голову набок и внимательно глядя мне прямо в глаза.

— Младший бухгалтер, — повторил я.

— Что ж, кто-то же должен выполнять эту работу. Мы бодаемся только с головным офисом, Найджелом Сметвиком и региональным Лисом, а не с рядовыми сотрудниками, которые пытаются заработать на пропитание своим семьям.

— Ну, — сказал я, — это хорошо. Ты не думаешь, что тебе не стоило так угрожать мистеру Ллисъу? — продолжил я, желая уйти от темы.

Она пожала плечами.

— Не знаю, но если позволять всяким лисам, политикам, СМИ, интернет-площадкам, да и вообще кому угодно безнаказанно вести себя как им заблагорассудится, то это дает им смелость на еще более вызывающие поступки. И потом, он знал, что я бы не причинила ему вреда. Убей я его, я бы погубила всех своих близких. Нет, я лишь хотела дать ему понять, что я о нем думаю.

— Невероятно, что люди нашли в них союзников, — сказал я. — До Очеловечивания мы охотились на них верхом на лошадях и отстреливали на месте.

— Какая жалость, что вы больше этого не делаете, — сказала она. — Сработал бы принцип «враг моего врага, наверное, мой друг». А теперь, — прибавила она, крутанувшись передо мной на

месте прямо в прихожей, — что ты думаешь?

Я не знал, о чем она говорит: о своей фигуре, одежде или манере поведения в целом. Все они были, пожалуй, идеальны. Я замялся на секунду, и она мне подсказала.

— Прикид от Стеллы Кролик. Называется «Ушастая Чика», — сказала она, указывая на одежду. — *Очень* модный сейчас. Микс стиля из ранних произведений Беатрис Поттер и практичности, да еще и из стретч-ткани, чтобы не мешать прыжкам.

— Очень красиво, — сказал я, не понимая, почему она оказалась в моей прихожей, но очень этому радуясь.

Последовала пауза.

— Вообще-то, — сказала она, — я пришла попросить тебя об услуге, но если сейчас неподходящее время, то я могу уйти.

— Н-нет, — наверное, слишком быстро сказал я. — В смысле, нет, все в порядке, правда. Я как раз думал, чем заняться вечером. По телику всегда идет «Катастрофа», но сериал испортился с тех пор, как ушла Бренда Фрикер.

— Это же было несколько *лет* назад, — сказала Конни. — Ты правда все это время смотрел его и надеялся, что станет лучше?

— Нет, — сказал я. — Ну, может быть, временами. Пожалуйста, проходи.

Я провел ее в гостиную, и она развалилась на диване.

— Милые занавески, — сказала она, вытягиваясь и кладя задние лапы на подлокотник. — На наших, кстати, нет никаких морковных орнаментов, это все байки. Как если бы вы украшали свои сэндвичами с беконом.

Несколько секунд мы оба сидели молча.

— Ты ведь не возражаешь, что я заскочила, правда? — спросила она, мигая своими большими глазами. — У меня не так много друзей в поселке, будь то кролики или кто еще, и мне всегда казалось, что мы с тобой ладили. Ну, ты знаешь, раньше.

Последовала пауза, и чтобы заполнить ее, я спросил, не хочет ли она выпить.

— Я уж думала, ты не спросишь. Есть бренди из одуванчиков?

— Только сегодня друг одолжил бутылочку.

Я налил по чуть-чуть в стопки, остановился, а потом налил еще.

— Бобби сказала, что Док уехал на Ближний Восток на задание, — бросил я через плечо.

— Да, — сказала она, — что-то насчет безопас-

ности, но я не спрашивала. Про его работу лучше не знать подробностей.

Я сказал ей, что понимаю, и передал ей напиток.

— Пей до дна, — сказал я.

— Вздрогнем до хвоста.

Я потягивал бренди маленькими глоточками, но она свою стопку опрокинула зараз.

— Хмм, — сказала она, — очень недурно. На мой вкус чересчур отдает котенком, но пробирает на ура. Эй, в этом доме по второй наливают?

Мы оба рассмеялись, хотя было не смешно, и я пошел налить ей вторую.

— Так с чем ты хотела, чтобы я тебе помог, Конни?

Она достала из своей сумки два сценария.

— У меня прослушивание в понедельник, и я хотела попросить: ты не мог бы порепетировать со мной несколько сцен?

— Конечно, — сказал я и сел рядом с ней. — Но я не актер.

— Все мы актеры, — сказала Конни. — Наши истинные чувства и желания скрываются за масками, вырезанными по лекалам принятых общественных норм. Разве ты не согласен?

Не дожидаясь моего ответа, она передала мне

один из сценариев.

— Тебе не придется играть. Чтобы войти в образ, мне нужен партнер, который будет зачитывать другие реплики. Вот сцена, которую я хочу отрепетировать, — прибавила она, кладя свою теплую лапку на мою руку и придвигаясь поближе. — Я — коварная роковая крольчиха, пытающаяся обворожить одну мелкую сошку, чтобы он убил моего мужа на дуэли. Я сама это написала.

— Ух ты, — сказал я, — триллер?

— Мелодрама. Мы очень стайные создания, проводящие всю жизнь в тесном сообществе, из-за чего в нас зародилось такое сильное влечение к семейной драме. Последний ремейк «Пампушат» длился три часа и был похож на смесь «Беспокойных соседей», «Амадея» и «Форсажа».

— Звучит сложно.

— Не для нас. В нашей версии «Комедии ошибок» — девять шестерок близнецов. Так намного веселее. Шекспир тут сильно прогадал.

— А кролики, похоже, во всем отрываются на полную катушку.

— Согласна. Нам нравится пользоваться и тем, что мы кролики, и тем, что мы отчасти люди.

— Это чем, например?

— Речь — суперполезная штука, а также ра-

зум, свобода воли и абстрактное мышление. Способность понимать литературу, музыку и художественные искусства тоже очень классная. Нам особенно нравятся фильмы Барбары Хепуорт и Престона Стерджеса, а еще все те, где играют Джимми Стюарт или Мэгги Смит.

Она прикусила губу и подумала еще немного.

— Но есть и отрицательные стороны: осознание собственной смертности — вот очень печалит, эдакий колоссальный спойлер всей жизни. Да и к вашей враждебности с чувством беспочвенной ненависти тоже нужно привыкать. И все это кажется таким, ну, *бессмысленным*, пустой тратой духа, особенно если подумать, чего вы могли бы достичь, будь вы чуточку более сплоченными и целеустремленными.

Несколько секунд она молчала.

— Но, как ни странно, чувство, противоположное ненависти, смягчает это ощущение напрасности. Будучи просто кроликами, мы *очень много* занимались сексом — да и сейчас продолжаем, — но все выходит на совершенно новый уровень, когда в дело вступает любовь. Это похоже… Я даже не знаю… Словно всю свою жизнь ты слушал лишь неумелые попытки шестилетнего ребенка насвистеть мелодии из «Мэри Поппинс», а затем

вдруг услышал музыку Пуччини.

— Это действительно здорово, — согласился я, — но лишь в том случае, если твой возлюбленный любит тебя в ответ.

— Верно, — сказала она, — и любовь часто застает нас врасплох, проявляясь самым противоречивым и произвольным образом.

По мере того как она говорила, ее голос становился все тише. Я заерзал на диване.

— Скажу честно, — сказала она, пристально глядя мне в глаза. — С первой секунды, когда я увидела тебя, я знала, что мы будем вместе, каким бы безумием это ни было. Что любовь преодолеет все преграды. Что она *всегда* преодолевает их.

Я смотрел на нее, не веря своим ушам. Много лет назад я тоже это чувствовал, впрочем, как и сейчас. *Всегда*. И стоило мне задуматься, *как* правильно целовать крольчиху — да и целуются ли кролики вообще, — она вдруг взяла себя в руки и резковато сказала:

— Реплика.

— Прости, что?

— Твоя реплика. В сценарии.

— Ой, — сказал я и, чуть ли не паникуя, посмотрел вниз, а затем просто прочитал первую увиденную строчку.

— Я беременна от твоего дяди, — сказал я, — и, похоже, у меня будет восьмерня.

— Думаю, мы пропустили страницу, — пробормотала она, взяв мои листки, перевернув один и постучав по первой строчке. — Вот отсюда.

— Ты очень красивая, — сказал я, — но у нас ничего не получится.

— Да, ты так *говоришь*, — сказала она, — но от твоего внимания наверняка не ускользнуло, что между нами что-то есть, что-то сильнее нас обоих — взаимное влечение, которое выходит за рамки надоедливых норм повседневной жизни.

Я ничего не сказал, и она моргнула.

— Я не знаю, что сказать, — сказал я.

— Скажи то, что чувствуешь, — прошептала она, закрыв глаза и наклонившись вперед.

— Нет, — сказал я, — я и *правда* не знаю, что дальше говорить. Кажется, в твоем принтере закончился картридж.

В качестве объяснения я показал ей сценарий.

— Ой! — сказала она, выглядя смущенной. — Кент, наверное, снова пользовался принтером. Негодный мальчишка, — затем она прибавила: — Тут что, жарко?

– *Да*, жарковато, — сказал я.

— Тогда ты не против, если я сниму кардиг…

Она замолчала, поскольку во входную дверь кто-то постучал.

— Черт, — сказала она. — Это Док.

— Он разве не на Ближнем Востоке?

— Ой, точно, — сказала она. — Тогда, наверное, Руперт.

— Разве ты с ним не порвала?

— Нет, нет, не тот Руперт. *Другой* Руперт. Он сказал Доку, что приглядит за мной на случай, если я решу вдруг заявить о смене супруга. Ты умеешь обращаться с дуэльным пистолетом?

— Что?

— Просто шучу, — сказала она. — А вообще, раз кто-то стучал в дверь, то, скорее всего, это не кролик, верно?

— Или, — медленно сказал я, — это может быть кролик, который *притворяется* человеком, чтобы усыпить твою или мою бдительность?

— Хорошо подмечено, — сказала она. — У тебя есть какой-нибудь шкаф, в который я могла бы спрятаться?

— Ты серьезно?

— Да. Прятаться в шкафах от недоверчивых супругов — добрая кроличья традиция. Правда, Питер, все *совершенно* нормально.

Я открыл шкафчик для хранения швабр, и Кон-

ни, достав из сумки книгу «Граф Монте-Кристо» и фонарик, элегантно шагнула внутрь.

— Ух ты, — сказала она, оглядевшись, — у тебя вакуумный пылесос «Генри». Хороший?

— Очень хороший. А теперь ни слова.

Она села на «Генри», открыла книжку, а затем включила фонарик. У меня появилось чувство, что она это уже делала… причем много раз.

Я пересек прихожую и открыл входную дверь. Но за ней стоял не кролик, и не кролик, притворявшийся человеком. Там был человек. Человек по имени Тоби Маллет.

Рваная футболка Тоби

Исторически морковка была лакомством, а не основным кормом, и если не считать налетов на сады и компостные ямы, то до Очеловечивания Дикие кролики с ней были незнакомы. Безопасна в малых дозах, злоупотребление ею может привести к последствиям, схожим с человеческим алкоголизмом.

Тоби казался пустым и потерянным. Его футболка выглядела так, словно ее вместе с парнем протащили через ежевичные кусты — она была порванной, а его тело иссечено царапинами. Лицо Тоби было измазано высохшей грязью, и из-за нее же его светлые волосы стали казаться коричневыми, а на виске у парня красовался очень большой и очень фиолетовый синяк, из-за которого его раскрасневшийся левый глаз был отчасти прикрыт.

— Тоби? — сказал я. — Ты в порядке?

— Чувствую себя как никогда замечательно, — сказал он, держась за косяк, чтобы не упасть.

— А выглядишь не очень. Откуда у тебя этот

синяк?

— Я шел и врезался в дерево, — неубедительно ответил он.

— А царапины?

— Это… было дерево с *колючками*.

— Ты знаешь, что тебя все ищут?

— Я это подозревал, — пробормотал он. — А Пиппа дома?

— Она пошла в кино.

— Ясно, — сказал он, а затем: — Вы скажете ей, что мне очень жаль и что я ее недостоин? Несмотря на жесткие требования Крольнадзора к своим сотрудникам, последние семь лет я состоял в «Две ноги — хорошо» и получал от них деньги. Я вытравил двадцать восемь кроликов из их домов, и я точно лепорифоб. А еще я несколько раз изменял Пиппе, чаще всего с Арабеллой из клуба верховой езды, но бывало, что и с другими.

Все это меня не очень удивило, но важно было другое — Тоби вернули. А самое главное, это означало, что у мистера Ллисъа больше не осталось оснований для рейда в Колонии № 1… и что у Бобби *точно* были связи с Подпольем. Я спросил Тоби, не хочет ли он войти и присесть.

— Лучше не надо, — сказал он, поглядывая на соседний дом, где жили Кролики. — Мне нужно

пойти домой и объяснить, где я был.

— И где же ты был?

— Ой. Ну… Ушел в беспробудный двухдневный запой. И ездил к тетушке. К Колонии № 1 не приближался, даже если бы знал, где она… а я не знаю.

— Все знают, где она, — сказал я. — Она там уже *много лет*.

— Правда? — неубедительно сказал он. — Видите, а я и не знал.

Он беспокойно огляделся и понизил голос.

— Они следят за каждым моим шагом. У них есть наблюдатели. Они видят даже во тьме. *Особенно* во тьме. Все дело в морковках, знаете ли. Вы скажете Пиппе, что все кончено и что я ее недостоин? Одно из условий моего освобождения заключалось в том, чтобы я это сказал.

— Я ей передам. А другие условия какие?

— Что я уволюсь из Крольнадзора, пожертвую все свое имущество на кроличью благотворительность, а затем уйду в монастырь и посвящу жизнь молитвам и молчаливым размышлениям.

— Очень достойно, — сказал я. У меня даже на минуту не получилось представить Тоби в монастыре.

Облегчив душу, он, пошатываясь, поплелся к

машине, которая выглядела настолько грязной, словно ее сначала навсегда закопали в землю, а потом выкопали и поспешно протерли садовой шваброй. Он завозился с ключами, а затем упал. Я подошел к нему, поднял на ноги, затолкал в машину и проехал полмили к его дому — большому, наполовину деревянному зданию елизаветинских времен, лучшему в деревне.

Я позвонил в дверь, а Тоби тем временем подавленно уселся на скамейку на крыльце. Едва миссис Маллет открыла дверь, как Тоби разразился длинным и почти бессвязным объяснением о «запое», в который он якобы ушел, вперемежку с рыданиями, извинениями и заявлениями о том, как сильно он по всем скучал, и о том, что он увольняется из Крольнадзора и отказывается от членства в «Две ноги — хорошо», хотя ему и придется вернуть смешную шапочку и двуручную шлепалку, которую использовали при его инициации.

Вторая миссис Маллет с явным облегчением встретила своего вернувшегося пасынка, хотя и без особого энтузиазма. Через несколько секунд появился Виктор Маллет, потребовавший, чтобы я объяснил ему, где я нашел Тоби. Я рассказал ему, что знал, и он посмотрел на Тоби, на его

состояние, а затем на состояние его машины.

— Значит, его похитили твои дружки? — с нажимом спросил он. — Эти чертовы кролики?

— Я уже рассказал тебе все что знаю. Больше мне ничего не известно.

Виктор шагнул вперед. Он был выше меня, намного сильнее и выглядел очень угрожающе.

— Если я выясню, что ты причастен к его похищению, Нокс, — сказал он, — моя месть будет ужасной. Ты меня понял?

— Я ничего не…

— Ты меня понял?

— Да, — сказал я. — Я тебя понял.

— Хорошо.

И он захлопнул дверь прямо перед моим носом. Последовала пауза, затем дверь снова открылась, они втащили Тоби внутрь и снова ее захлопнули. Я подождал, когда дверь откроется в третий раз, а затем отдал им ключи от машины Тоби.

Когда я вернулся домой, то сразу же пошел на кухню.

— Это был Тоби, — сказал я, стоя у дверцы шкафа для метелок, — он выглядел так, словно кролики избили его, держали взаперти, а потом отпустили, вероятно, из-за того, что узнали о его работе в Крольнадзоре и не хотели, чтобы в

колонии устроили рейд.

Конни не ответила.

— Меня вот что беспокоит, — продолжал я, — стоило нам упомянуть при Бобби, что Тоби пропал и что он член Крольнадзора, как она тут же куда-то звонит, и Тоби, весь напуганный, уже извиняется перед Пиппой и признается, что переспал с Арабеллой из клуба верховой езды. Он был *очень* напуган.

Я наклонился поближе к дверце.

— Твоя семья как-то связана с Подпольем?

Я помолчал.

— Тебя ведь там нет, верно?

Я открыл дверцу и обнаружил, что прав. Там не было ни Конни, ни романа Александра Дюма, ни фонарика… ни, как ни странно, моего пылесоса. Закрыв дверь, я вздохнул, налил себе чаю и сел за кухонный стол, размышляя, не приложил ли Харви руку к состоянию Тоби, пошел ли он тоже в кино… и в кино ли они вообще пошли. Я напомнил себе, что Пиппа была самостоятельной девушкой, а затем пошел в гостиную, собираясь посмотреть что-нибудь — *что угодно* — по телику. Далеко я не ушел, поскольку в прихожей кое-что привлекло мое внимание. Ботинки Конни все еще стояли там, где она их оставила, — у

старых напольных часов. Тем вечером прошел небольшой дождь, и я знал, что кролики терпеть не могли мочить лапы.

Она все еще была в доме.

Я заглянул в гостиную, затем в подсобку, где увидел, как цветочное платье Конни крутится в стиральной машине. Еще больше озадачившись, я проверил оранжерею, свой кабинет и столовую, но ее нигде не было. Я вернулся в прихожую и там услышал, как наверху шумит душ.

— Миссис Кролик? — позвал я у лестницы. — Вы наверху?

Она не ответила, и вместо этого я услышал, как она что-то напевает своим приятным голосом. Несколько секунд я просто стоял, не решаясь что-нибудь сделать, а затем сказал себе, что это *мой* дом, и медленно поплелся вверх по ступеням.

Душ работал в ванной комнате в моей спальне, и дверь была открыта. В зеркале я мог разглядеть ее отражение. С намокшим мехом, если не считать хвоста и мощных мускулов бедра и голени, ее тело было почти таким же, как у человеческой женщины. Я отвел глаза, несколько секунд постоял, снова посмотрел и снова отвел глаза. «Если ты видишь кролика, значит, кролик видит тебя».

— Конни?

— Ой, привет, Питер, — крикнула она. Судя по всему, мое присутствие ее совсем не смущало. — Я не знала, надолго ли ты, поэтому воспользовалась возможностью кое-что постирать и запрыгнула в душ. У нас никак не получается подключить горячую воду в Хемлок Тауэрс. Ты ведь не против, правда?

— Ну, не против, — сказал я и, в общем-то, не слукавил.

— Я использовала весь твой шампунь, — сказала она, — все два литра. У меня много меха. Но вот кондиционер я не нашла.

— Я им не пользуюсь.

— Может, это и хорошо, — сказала она, — у меня и так всегда мех немного пушится. Ты не передашь мне полотенце?

Я передал, стараясь при этом не отводить стыдливо глаза. Не желая показаться ханжой, я все-таки смотрел на нее — но только в глаза.

— Спасибо, — сказала она, заворачиваясь в полотенце и выходя из душа. — У тебя ведь есть фен, да? А то мех сохнет годами и может слипнуться, если его сразу не расчесать.

— Я принесу Пиппин, — сказал я и пошел вниз за феном. Когда я вернулся, Конни уже сбросила полотенце и смотрела на свое обнаженное тело

в полноразмерное зеркало, висевшее на двери шкафа.

— Банти учит нас, что зеркала, бесконечные селфи и самовосхваление в соцсетях — это врата в нарциссизм, — сказала она, повернувшись, чтобы получше рассмотреть себя. — В колониях зеркал нет, у нас дома тоже, а в машинах они делаются маленькими, чтобы избежать неприличного самолюбования. Что ты думаешь?

— Я думаю, что ты… очень красивая, Конни.

Она улыбнулась, взяла фен и стала сушить свою шубку, которая состояла из тончайших волосков и поэтому сохла очень быстро. Она начала с задних лап, а затем стала подниматься выше, за все время ни разу не смутившись от моего присутствия.

— Они вернули Тоби, — сказал я.

— Я знаю, — сказала она. — Бобби знает кролика, который знает кролика, который знает кролика, который знает кролика.

— Вы состоите в Подполье?

— Все кролики состоят в Подполье, — помолчав, ответила она. — Оно основано скорее на взаимопонимании, а не на вербовке. Кто-нибудь тебе кивнет, или тронет за плечо, или позвонит, и тебе нужно будет поступить правильно, какой

бы ни оказалась личная цена. Единство и целеустремленность. Держи, посушишь мне спинку, ладно?

Она повернулась, и я направил фен на ее мохнатую спину. Она передала мне мягкую расческу, и я стал еще и расчесывать мех.

— Помнишь, как мы ходили смотреть все эти ужасные фильмы? — спросила она через плечо. — Мы сидели на заднем ряду из-за моих ушей и даже за руки не держались или еще чего, но сиденья были узенькими, и поэтому мы касались друг друга?

— Я очень отчетливо это помню.

— Мне это нравилось, — помолчав, сказала она. — Такая сдержанная близость. Я всегда чувствовала, что мы с тобой как будто подходим друг другу, ты и я. Ни с кем больше этого не ощущала. Ни с кроликом, ни с человеком, даже ни с одним из моих мужей.

— Да, — сказал я. — Я тоже это чувствовал. Все, спина у тебя высохла.

Она повернулась, забрала у меня фен и начала сушить мех на руках и туловище.

— Слушай, — сказал я, — я хочу извиниться.

Она направила фен на уши, и они комично захлопали.

— За что?

— Помнишь, я сказал тебе, что не работаю в Крольнадзоре опознавателем? Так вот… Я солгал. Я опознаватель. Пятнадцать лет уже как.

Я опустил глаза и увидел, что мои пальцы плотно сплетены, красноречиво выдавая мое волнение. Мое сердце колотилось, и я чувствовал, словно мою грудь сдавило стальным кольцом.

— Я еще тридцать лет назад поняла, что у тебя дар, — мягко сказала она, — когда в универе ты мог узнать меня в толпе кроликов. Я часто гадала, поймешь ли ты, что у тебя есть такая способность, и как ты ею воспользуешься. Я принимаю твои извинения за ложь. Кроличий Путь позволяет лжецу стереть пятно вранья, если в течение часа он сделает одно благое бескорыстное дело. Думаю, ты только что успел.

И она улыбнулась.

— Ничего не изменилось, Пит. Между нами все хорошо.

Я набрал в грудь воздуха.

— На самом деле я должен извиниться *не только* за это.

— Да? — сказала она, вдруг посерьезнев. — За что тогда?

Какое-то время я смотрел на нее, открыл рот,

чтобы рассказать ей о том, что я был вторичным опознавателем в ночь ареста Дилана Кролика и что меня принудили подтвердить его личность. Что я должен был сделать больше, что я *мог* сделать больше. Но вместо этого я сказал:

— За то, что не пришел на ту демонстрацию, когда тебя попросили покинуть университет. Моя тетушка была *не настолько* больна и в итоге поправилась. Я должен был прийти туда, к тебе.

Она пожала плечами.

— Меня бы все равно выгнали. Ты был нужен тетушке. Я на тебя за это не обижаюсь, ведь это АКроПаСК заставила университет изменить правила приема, а не ты. И, Питер?

— Да?

— Я тоже должна извиниться.

— За что?

— Увидишь.

Я собирался сказать ей, что всегда жалел о том, что не связался с ней, даже после того, как ушла Елена. Наверное, дело было в страхе. Я боялся встречаться с крольчихой, боялся, что неправильно истолковал наши с ней чувства. Но я так и не сказал этого, потому что длинные и очень изящные уши Конни, до этого момента расслабленно лежавшие у нее на спине, вдруг резко встали

торчком на макушке, и она на несколько секунд внимательно прислушалась.

– *Черт*, — сказала она. — Я только что слышала, как хлопнула дверь машины.

— Пиппа еще не могла вернуться… Наверное, это кто-нибудь из соседей.

— Это был «Додж». Такой звук *ни с чем* не спутаешь. Док скорее всего вернулся, чтобы переночевать. Кролики чувствуют себя неуютно, когда им приходится спать не в своей кровати.

— Но… До Ближнего Востока же лететь десять часов.

— Нет, нет, — сказала она, — не *тот* Ближний Восток. Ноттингем. — Она стащила с моей кровати простыню и завернулась в нее. Я тем временем подошел к окну спальни и выглянул наружу. Конечно же, Док уже припарковал «Додж» и поскакал ко входу в дом. Несмотря на то что уже наступил вечер, на дворе стояло лето, и еще было достаточно светло.

— Ну что? — спросила Конни.

— Он пошел в дом. Нет, погоди, он снова вышел.

Док постоял на улице, понюхал воздух, а затем зашагал в нашем направлении.

— Он идет сюда, — сказал я дрожащим от стра-

ха голосом.

— Он как идет, решительно и уверенно?

— Да.

— Ой, мамочки, — сказала она. — Вполне возможно, что он все это неправильно поймет.

— Нет, — сказал я, — он *точно* все поймет неправильно. Что нам делать?

— Ну, — задумчиво сказала она, — он уже что-то подозревает, так что решит, что ты меня уводишь, и вызовет тебя на дуэль.

— Ничего страшного, я ведь просто могу отказаться.

— Вообще-то нет, — сказала она, качая головой. — Если он тебя вызовет, то дуэли не миновать. Только самый мерзкий бесхребетный гад может попытаться выкрутиться.

— Бесхребетный гад?

— Самый мерзкий.

— У меня есть идея получше, — сказал я. Ее томик Дюма и фонарь лежали на кровати, так что я передал их ей и открыл дверь шкафа. Она сделала шаг внутрь, затем остановилась и снова повернулась ко мне.

— Док помешан на чести и дуэлях, и выбора у тебя, скорее всего, не будет, так что вот что тебе нужно знать: его дуэльные пистолеты украшены

изображениями зверей, и он даст тебе выбрать, из какого стрелять. Тот, что с жаворонком, бьет немного левее, а тот, у которого на ручке вырезан крокодил, бьет прямо в цель.

— Я никогда этого не запомню.

— Это просто: с крокодилом на ручке пистолет стреляет кучно, а с маленькой пташкой всегда дает промашку.

— Стреляет кучно, — медленно повторил я, — с пташкой на… нет, погоди, с *крокодилом* на ручке, а с пташкой… то есть *с маленькой пташкой* всегда дает промашку.

— Не забудь, — сказала она, — это может спасти тебе жизнь.

Она улыбнулась, чмокнула меня и закрыла дверь.

Раздался звонок. Док, похоже, понимал правила вежливости лучше Конни или Бобби. Я побежал вниз, бормоча стишок, затем дал себе несколько секунд, чтобы собраться, и открыл дверь.

Конни и осторожность

Драматурги-кролики давно адаптируют Шекспира для широкой кроличьей аудитории. Постановку «Семи тысяч восьмидесяти трех знатных родичей» приветствовали бурными аплодисментами в 1973 году, а в 1982-м «Комедию ушей» назвали эталоном литературной адаптации. Но не все пьесы были настолько же удачными: кроличьи критики устроили разнос «Зайкиной зимней сказке», единогласно решив, что пьесу написали «ради одной неудачной шутки».

— О, — сказал я, изображая удивление, — здравствуй, Док. Я думал, ты уехал?

— Уехал, — сказал он, угрожающе глядя на меня, — а теперь вернулся. Кент сказал, что наша невероятно непостоянная Констанция пошла сюда, чтобы отрепетировать роль для ее новой пьесы или что-то вроде того.

— Ах да, — сказал я. — Она тут была. Но потом ушла.

— Правда?

— Да, — сказал я, чувствуя, как у меня на спине проступает горячий липкий пот, — правда. Что-то там случилось с Дианой.

— А это ее новая пьеса? — спросил он, указывая на листы, все еще лежавшие на столике в прихожей.

— Да, — сказал я, — мы собирались потом еще немного порепетировать. Думаю, завтра или послезавтра.

Я представил, как стреляюсь с Доком на дуэли.

— Или, если хочешь, никогда.

Я вдруг понял, что ее ботинки по-прежнему стояли там, где она их оставила, прямо на виду, меньше чем в ярде от места, где стояли мы. Хотя кролики обладали выдающимся периферийным зрением, способным заметить любое движение, разглядеть краем глаза *детали* им было труднее — это была одна из причин, почему они ездили медленно. На дорогах с большим потоком кроликов-водителей на дорожных знаках даже размещали изображение лисицы в левом нижнем углу, чтобы их точно заметили.

— Забери-ка лучше сценарий с собой, — сказал я, потянувшись к листам и одновременно с этим ногой задвигая ботинки под подставку для зонтиков. Он не взял сценарий, а вместо этого

наклонился ко мне.

— Я сомневался, ее это ботинки или нет, — прорычал он, — пока ты не задвинул их под подставку.

— Разве задвинул?

— Да, задвинул, — угрожающе тихо сказал Док. — И если я знаю Конни, то она прячется в каком-нибудь шкафу с романом Виктора Гюго. Я прав?

— А вот и нет, — совершенно честно сказал я. Да, она пряталась в шкафу, но с романом *Дюма*, а не Гюго.

Несмотря на это, он протиснулся мимо меня в прихожую.

— Я знаю, что ты здесь! — закричал он, скакнув через прихожую в кухню. Я собрался идти за ним, но меня отвлекли два человека на улице, не спеша шагавшие ко мне со стороны дороги. То были Виктор и Норман Маллет, и они пришли крайне не вовремя.

Как только они подошли к моей двери, Виктор, плохо скрывая свою враждебность, заговорил:

— Добрый вечер, Питер. Нам бы хотелось поговорить.

— Это срочно? — сказал я. — Сейчас не самое подходящее время.

— Серия «По долгу службы» закончилась двадцать минут назад, — сказал Норман, — так что чем же таким важным ты можешь быть занят…

Норман резко замолчал, когда Конни, все еще завернутая лишь в мою простыню, сбежала вниз по ступенькам. Она улыбнулась мне и пожала плечами, но затем вдруг замерла на придверном коврике, оказавшись лицом к лицу с Виктором и Норманом, вытаращившими от удивления глаза.

— Быстро в нору! — орал Док, увидевший ее из кухни. — Я с тобой позже разберусь!

– *Нет*! — непокорно сказала она, повышая голос. — Можешь взять свое «быстро в нору» и прочий альфа-кроличий антропоцентрический ревнивый женоненавистнический пафосно-мачистский бред и засунуть его себе под хвост. Если у тебя есть ко мне какие-то претензии, то говори прямо в лицо!

— Претензии? — заорал он в ответ, когда они встали в прихожей друг напротив друга. — Сейчас я тебе покажу претензии. Ты трахаешься с нашим соседом — вот моя претензия! Лаго милосердная, он же *человек*! Неужели в тебе нет ни капли приличия?

Виктор и Норман повернулись и с полным от-

вращения видом уставились на меня.

— Я могу объяснить, — сказал я.

— Не смей говорить мне, что мне делать или не делать! — прокричала Конни. Тем временем я заметил, как за братьями Маллетами возникли еще два человека. Они казались мне смутно знакомыми, но я не сразу их узнал. Они были одеты с иголочки, и каждый держал в одной руке планшет, а в другой — дорогую ручку, драматично зависшую наготове.

— Давайте будем говорить потише? — сказал я.

— Ты этим обычно и занимаешься, да? — сказал Док, поворачиваясь ко мне. — Соблазняешь беззащитных жен, когда их мужья уезжают из города?

— Я *вовсе* не беззащитная, — заорала Конни. — Я вполне способна сама принимать за себя решения, и вот что я тебе скажу, майор Клиффорд Кролик, — с Питером я получила вдвое больше удовольствия, чем когда-либо с тобой!

— Омерзительно, — сказал Виктор.

— Возмутительно, — сказал Норман.

— Но… — сказал я, и в тот же миг Док прыгнул на Конни. Она увернулась, хихикая, но Док не то случайно, не то нарочно встал на простыню, и она вдруг осталась стоять совершенно голой, прямо там, на икеевском коврике в прихожей. У

всех на виду.

Внезапно повисла абсолютная тишина, тянувшаяся, казалось, вечность.

— Упс, — стыдливо улыбаясь, сказала она, а затем выпрыгнула из двери, пролетела мимо братьев Маллетов и с совершенным изяществом перемахнула через изгородь. Еще через два прыжка она уже была у себя дома. Супруг незамедлительно последовал за ней. Послышался треск ломающейся мебели, звон разбитой посуды… а затем тишина.

Я снова посмотрел на Виктора и Нормана. Они молча пялились на меня с распахнутыми от удивления ртами.

— Это вовсе не то, чем кажется, — сказал я.

— По-моему, совершенно очевидно, что это *именно* то, чем кажется, — сказал Виктор.

— Так вот, значит, как себя преподносит Муч Хемлок? — сказал один из людей с планшетами, в котором я теперь узнал Реджинальда Спика, первую половину судейской коллегии конкурса «Спик и Спан». — Рассадником низменного, развратного и порочного поведения?

— Ну конечно, вот именно *сейчас* вы и пришли, — сказал Виктор, который тоже только что его узнал.

— Судьи появляются неожиданно, чтобы обеспечить честное соревнование, — надменно сказал мистер Спик.

— И *правильно делают*, — сказала миссис Спан, партнер мистера Спика.

— Вы не можете просто притвориться, что ничего не произошло? — сказал Норман. — Просто уйти и вернуться попозже?

— Так *ничегошеньки* вообще и не было, — сказал я, стараясь убедить отчасти судей, отчасти самого себя и отчасти братьев Маллетов. — Но даже если бы и было, вам-то какое дело?

— Большое, вообще-то, — сказал Виктор. — У нас хорошая деревня, и мы живем по законам добропорядочности. А это означает, что возлежать с вредителями — неприемлемо.

— Конни не вредитель.

— Для тебя, очевидно.

— Думаю, мы видели достаточно, — сказали судьи, собираясь уходить. — Такое *никогда* не происходит в Пембридже. Чтобы победить в конкурсе «Спик и Спан», недостаточно идеальной кромки газона, потрясающих роз и местного меда высочайшего качества, нужны еще культура и приличие. Как вы думаете, почему поселок Слиптонский Шлепанец никогда не получал никаких

наград, хотя у них лучшие подвесные кашпо во всем графстве?

— Погодите минутку, — сказал Норман, на миг позабыв о Конни и обо мне, — это *решительно* не то, о чем мы с вами договаривались. И если учесть, сколько мы вам заплатили, мы ждем, что вы оцените нас хотя бы честно.

— Нас *все* подкупают, — ехидно сказала миссис Спан. — Не думайте, что из-за этого к вам будет особое отношение. — Она помолчала. — Хотя, полагаю, мы *могли* бы согласиться на повторную оценку, если вы… устраните текущие проблемы. Мы друг друга поняли?

Норман сказал, что они *однозначно* поняли, поблагодарил их за терпение и снисходительность, после чего Спик и Спан ушли. Виктор и Норман снова повернулись ко мне.

— Думаю, курс действий ясен, — сказал Норман. — Благо нашей деревни стоит превыше тебя и твоих маленьких хвостатых друзей. Но поскольку когда-то ты был нам другом, а мы — разумные люди, ратующие за соразмерность наказания и честный подход, мы пойдем тебе навстречу. У тебя есть сорок восемь часов, чтобы убраться отсюда, и ты можешь забрать с собой свою ветреную дочурку и длинноухих друзей.

Это не обсуждается, Нокс. И если ты не сможешь убедить Кроликов уйти, тогда это сделаем мы, любыми доступными нам средствами.

Поскольку теперь я знал, что Тоби был членом «Две ноги — хорошо», логично было предположить, что его отец и дядя тоже там состояли. Угроза была не пустой.

— Слушайте, — сказал я, — может быть, мы можем это обсудить или…

— Сорок восемь часов, — сказал Норман. Он сверлил меня таким взглядом, каким, наверное, психопат смотрит на свою жертву *после* того, как отцепил ее от батареи, и прямо перед тем, как ложкой выковырять ей печень. — Достаточно с тебя обсуждения?

— Да, ладно, — сказал я.

И они ушли. Я подумал о том, чтобы пойти к Кроликам и предупредить их о надвигающейся буре, но вместо этого запер дверь, подождал, когда машинка закончит стирать, а затем сунул платье Конни в сушилку. До полуночи я ждал, когда вернется Пиппа, но, так и не дождавшись, пошел спать.

Невеселое утро

По последним подсчетам, в прибежище на острове Мэн проживало восемьсот семьдесят два кролика. Тинвальд выдал им всем вид на жительство в Великобритании и на момент битвы за Мей Хилл рассматривал еще семнадцать прошений на выдачу паспорта.

Я проснулся из-за звонка в дверь. Перевернувшись в кровати, я почуял запах Конни на простыне и посмотрел на часы. Половина седьмого. Я надел свой халат и медленно спустился вниз. Ключи и сумка Пиппы лежали на кухонном столе, так что я с облегчением понял, что она хотя бы в целости и сохранности вернулась домой. Я подошел к входной двери и, не открывая ее, спросил:

— Кто там?

Я надеялся, это Конни зашла заверить меня, что поговорит со всеми и объяснит свои слова о том, как она получила со мной «в два раза больше удовольствия, чем с мужем». Ведь она сказала это только для того, чтобы позлить Дока,

не более. Но даже если она пришла и хотела все исправить, я почему-то чувствовал, что делать это уже поздно.

— Кто там? — снова спросил я. Тишина.

Когда я открыл дверь и вышел на залитую слабым утренним светом улицу, снаружи никого не было. День обещал быть жарким, но пока низкий туман вился среди деревьев. Никого не увидев, я повернулся, чтобы зайти обратно в дом, и тогда заметил, что кто-то написал баллончиком на двери гаража: «зайцеблуд». Я уставился на граффити, сначала подумав, что это возмутительно, а затем решив, что это, наверное, мелочь по сравнению со всем, с чем ежедневно приходится сталкиваться кроликам. Я заглянул за забор, чтобы посмотреть, не замарали ли дом Кроликов таким же образом, но он был чист.

— Наверное, потому что Хемлок Тауэрс входит в национальный реестр культурного наследия, — сказала Пиппа, когда два часа спустя за завтраком я рассказал ей об этом. — Не забывай, что в «Двуногих» в основном состоят специалисты из среднего класса, которые скорее подпишутся на «Радио Таймс», чем вступят в ультраправую группировку.

Я поведал ей обо всем, что случилось вче-

ра вечером. Я рассказал о Конни, о сценарии, о возвращении Тоби и о ду́ше, о простыне, о судьях «Спик и Спан» и, наконец, о сорокавосьмичасовом ультиматуме Нормана. Я решил *не* рассказывать Пиппе о том, что Тоби спал с Арабеллой из клуба верховой езды.

— Что ты будешь делать? — спросила она, шумно отхлебывая кофе.

Я вздохнул. Несмотря на то что я никогда осознанно не притеснял кроликов, не читал ни единого выпуска «Чистой Правды» и не считал себя лепорифобом, я все же им был. В молодости я смеялся и рассказывал оскорбительные для кроликов анекдоты[56], и ни разу не возразил лепорифобам, когда слышал, как они высказывают свои взгляды. И хотя я не одобрял законы, ущемляющие интересы кроликов, я бездействовал, пока у них потихоньку отнимали права. Мои слова и мысли так и не превратились в действия. Ни в выступления на демонстрациях, ни в гневные письма, ни в пожертвования АгПоК, ничего.

— Пап?

---

[56] Примечания: 56

Почему Домашние кролики не скрещиваются с Лабораторными? Потому что их потомству будет лень воровать. Из каких крольчих получаются хорошие матери? Из тех, что съедают своих детей. В какой одежде кролик смотрится лучше всего? Под шубой. В чем разница между кроликом и ведром какашек? В ведре.

— Я еще думаю.

Но даже если бы я и выступил в защиту кроликов, моя давняя работа в штате Крольнадзора все бы перечеркнула. В тот миг я больше всего ощущал не праведное негодование, не досаду оттого, как нечестно со мной поступили, и даже не мужественное чувство справедливости и необходимости бороться и победить. Нет, на самом деле я ощущал лишь глубокий и непростительный *стыд*.

— Я понятия не имею, что делать, — наконец сказал я. — А ты?

— Не знаю, — сказала она. — Как думаешь, насколько все будет плохо?

— О, ну не знаю. В худшем случае: поджог почтового ящика, сломанная челюсть, и «Две ноги — хорошо» выгонят Кроликов из деревни. А в лучшем случае в ближайшие шестьдесят или восемьдесят лет в Муч Хемлоке с нами никто не будет разговаривать.

— Звучит очень заманчиво, — сказала она.

— Согласна, да?

— Я остаюсь, — сказала Пиппа. — На меня-то они не станут нападать, верно? Даже у «Двуногих» неудачников должны быть *какие-то* границы.

— Верно, — с улыбкой сказал я. — И если ты остаешься, то и я тоже.

Мы нервно стукнулись кулаками и какое-то время сидели молча. Не знаю, о чем думала Пиппа, но я гадал, каково это, когда тебе ломают нос.

— Ну так что, — наконец сказал я, — как прошел твой вечер?

— С нами был Харви, — ответила она, тоже радуясь перемене темы разговора. — После кино мы и Бобби пошли в «Вегамаму». Здорово поболтали за ужином, в основном о Мегакрольчатнике. Они все с крайним подозрением относятся к Переселению и считают, что у кроликов остался последний шанс для сопротивления, прежде чем они потеряют свои с трудом добытые права навсегда. Поговаривают, что преподобная Банти может отдать распоряжение отказаться от переселения, но Харви беспокоится, что кролики, по природе своей вежливые, податливые и неконфликтные, не смогут воспротивиться приказу. А еще Переселению будут помогать Старший Руководитель Ллисъ и полторы тысячи лисов, и они вряд ли станут сдерживать себя, ведь лисы могут безнаказанно применять любую силу, какую только пожелают.

Это было совсем нехорошо.

— Они хотят выйти на еще одну демонстрацию? — спросил я.

— Думаю, это для них уже позади. Харви сказал, что любое нападение на колонию позволит Большому Совету прибегнуть к протоколам Багза Банни — то есть в случае, если кролик загнан в угол, ему разрешается почти любое поведение, вплоть до физического сопротивления.

Повисла пауза.

— Думаю, у меня и Харви может что-то получиться, — сказала Пиппа, глядя мне прямо в глаза, — и да, я буду осторожна, и я знаю, что делаю.

Несмотря на знаменитое заявление лорда Джефферсона, в котором он признавался в любви к Софи Кролик, межвидовые отношения оставались незаконными и преследовались. Большинство пар, чью связь предавали гласности, просто переселялись в колонии. На момент битвы за Мей Хилл в колониях проживало около четырех тысяч человек, восемьсот из которых отрезали себе большие пальцы в знак преданности Кроличьему Пути. Сметвик считал их «предателями нашего вида» и «недостойными даже презрения». Кролики же называли их «желанными гостями».

— Знаешь что, Пип? — сказал я. — Я искренне

надеюсь, что у вас все получится.

Салли позвонила и сказала, что не пойдет сегодня в колледж, а поскольку я предположил, что и Тоби не поедет на работу — причем, возможно, уже никогда, — я решил отвезти Пиппу самостоятельно.

— Это Тоби писал, — сказала она, выйдя на улицу и посмотрев на граффити. — Узнаю его почерк. Не понимаю, что я в нем находила.

Мы также заметили, что и Кроликов ночью не полностью обошли стороной: на их газоне стояла сорокагаллонная бочка — обычная емкость для тушения кролика. И хотя столь неописуемо жестокая расправа, к счастью, случалась редко, обычно одной угрозы было достаточно, чтобы кроличье семейство за час собрало вещи и съехало. Но я был уверен — на Конни и Дока это не подействует.

— Доброе утро! — послышался голос, и Док выскочил со стороны дороги. Скорее всего, он возвращался со своей обычной утренней пятикилометровой проскачки — на нем была спортивная толстовка и повязка «Найк» на голове у основания ушей.

— Доброе утро, — сказали мы.

— Похоже, «Двуногие» времени зря не теря-

ли, — сказал он, разглядывая сорокагаллонную бочку. — Если покрасить, получится отличный вазон для моих фикусов.

— Ты не очень-то беспокоишься, — сказал я.

— Раньше мне уже угрожали расправой, — сказал он. — У нашего предыдущего дома кто-то намалевал у подъезда «убейте этого мевзкого кволика» и засовывал нам в почтовый ящик плохо распечатанные копии рецепта пирога из крольчатины. Попытки жалких трусов перестать проигрывать в битве с собственной никчемностью. Но знаешь что?

— Что?

— Если бы я хотел кого-нибудь убить, я бы не стал его предупреждать.

— Вот как, — сказал я. Док произнес это уж очень зловеще, и я подумал, не собирается ли он так поступить со мной.

— Слушай, — сказал я, — по поводу вчерашнего…

— Забудь, старина, все в прошлом, — широко улыбаясь, сказал он. — Когда ты женат на обворожительной красотке вроде Констанции, приходится периодически отваживать от нее всяких воздыхателей.

— Я не воздыхатель, — поспешно сказал я, — и

ничего не было.

— И я сделаю все, что в моих силах, чтобы так и оставалось, — совершенно спокойно ответил он. — Но имей в виду, если Конни тебе подмигнет и ты захочешь вызвать меня на дуэль, я всегда готов. Но только на пистолетах — на шпагах я уже давно не дрался.

— От меня вызова не жди, — поспешно сказал я, — правда.

— Как пожелаешь.

И, не говоря больше ни слова, он одним прыжком перемахнул через мою машину, садовую изгородь, *его* машину и вошел в дом.

Через пять минут Пиппа и я выехали на дорогу. Утро было прекрасным, солнечным и ясным, но мы оба чувствовали себя неуютно. Тревога не давала дышать, словно мне на грудь уселся маленький слоненок. Из сорока восьми часов, которые нам дали, уже осталось тридцать семь. Я чувствовал воодушевление от того, что мы с Пиппой решили постоять за себя, но меня не покидала мысль о том, что Маллеты выразят свое неудовольствие, причем самым неприятным и непропорциональным способом. А еще, что наше «постоять за себя», со всеми правами, данными нам как людям при рождении, скорее всего, ока-

жется пустым звуком. Ведь мы люди. В конечном счете, с нами все будет в порядке.

— Ты поедешь в Мегакрольчатник? — спросила Пиппа, когда я рассказал ей, чем собираюсь сегодня заниматься.

— Да, начальство пытается сделать переезд настолько простым, насколько возможно.

— Для кроликов?

— Нет. Для сотрудников Крольнадзора.

Больше не было смысла что-либо скрывать. Я рассказал ей, что сегодняшняя поездка нужна, чтобы сотрудники Крольнадзора своими глазами увидели новый объект — жилые помещения, охрану, как Крольтруд будет управлять рабочей силой и производственными областями, и все такое. Она спросила меня про график, и я сказал, что все точно случится в этом году, «может быть, даже через пару месяцев».

— А кто-нибудь спросил кроликов, что они сами об этом думают? — спросила она.

Вообще-то их *спрашивали*, но лишь вскользь. Большой Кроличий Совет участвовал в обсуждениях, и их заверили, что «будут использованы все возможности для того, чтобы Комиссия по Переселению в первую очередь учитывала интересы всех жителей Соединенного Королевства». Что

хуже, в самой Комиссии не было ни одного кролика, а Найджел Сметвик был ее председателем.

Я высадил Пиппу у колледжа, а затем отправился в офис Крольнадзора.

Поскольку мы собирались ехать в Мегакрольчатник, я не стал подниматься на свой этаж, а лишь отметился в списке, после чего мне выдали гостевой пропуск на шнурке и сказали, какое место занять в автобусе. Полчаса мы ждали в буфете, а затем к нам обратилась гуру пиара Крольнадзора Пандора Пандора.

— Доброе утро, — сказала она. Тем утром ее платье и настрой казались еще более мрачными, чем обычно, — и добро пожаловать на экскурсию в Мегакрольчатник. Вы отправляетесь в эту поездку, потому что вас отобрали для Рабочей группы по подготовке к Переселению. Считайте это вашим первым знакомством с заданием.

Другие начали перешептываться, в основном потому, что сейчас нам впервые намекнули на давно ожидаемые грядущие увольнения… и на то, кого, возможно, не сократят. Само собой, мои коллеги выглядели очень довольными. Из-за повышенной ответственности и возможных стрессов за работу над Переселением должны были платить щедрые надбавки.

— Из важного мне нужно донести до вас лишь одно, — продолжала она. — Сегодня нас будут сопровождать шестеро репортеров, и нам нужно жестко следить за тем, чтобы общественность правильно отнеслась к Мегакрольчатнику. В народе есть всякие тронувшиеся умом борцы за социальную справедливость, которые недостаточно ясно понимают сложность проекта и не могут стать частью содержательного диалога. Мои люди будут дежурить у группы репортеров, но если хоть один журналюга сбежит и что-нибудь у вас спросит — *хоть слово,* — ничего не говорите и отправляйте их ко мне или к члену моей команды. Скажете что-нибудь не к месту, и будете объясняться, причем не передо мной и не перед дисциплинарным советом, а *лично* перед Старшим Руководителем. Я все ясно сказала?

Мы все утвердительно промычали и через полчаса уже ехали в автобусе на запад. Место рядом со мной было пусто — вероятно, там должен был сидеть Тоби. Мы доехали аж до Лландриндод-Уэллс, когда я заметил, как Безухий поднялся со своего сиденья впереди и неуклюже направился в хвост автобуса. Он был одет в свой обычный серый плащ, а обрубки его ушей были прикрыты беретом. Я заметил, что на нем была наплечная

кобура с самым большим из его молотков. Я отвел глаза, надеясь, что он не подойдет ко мне, но он все-таки подошел.

— Ты ведь Нокс? — спросил он. Мы находились не в офисе, и без нужного контекста его кроличьим глазам было трудно меня узнать.

— Да, — сказал я, не поднимая глаз, и он сел рядом со мной.

— Где Тоби Маллет? — спросил он.

— Уволился, — сказал я, глядя в окно.

— Думаешь, его скомпрометировали? Может, Подполье до него добралось?

— Лучше спросите у него самого.

Я повернулся к Безухому и чуть не вскрикнул. Рядом со мной сидел вовсе не Безухий. У этого кролика не было ушей, но многие другие его черты неуловимо отличались. Я собирался спросить его, кто он такой, но он поднял лапу, чтобы я замолк, и подал мне знакомый знак: подмигнул и щелкнул языком. Я уже видел такое, когда он приезжал, чтобы забрать Бобби и Пиппу на «Кроличьем Такси».

Это был Харви.

Мегакрольчатник

Финкла арестовывали несколько десятков раз, причем чаще всего на основании каких-нибудь средневековых законов, которыми можно было удобно воспользоваться в нужной ситуации. Например, когда он пригласил свою прошлую возлюбленную Дебби Кролик на ужин, кто-то усмотрел в этом нарушение постановления от 1524 года, запрещавшее «приносить живую дичь в таверну или закусочную».

— Чего уставился? — спросил он.

— Ничего, — сказал я. У меня голова шла кругом. Я ехал в автобусе, где не было Тоби, и лишь мы двое из всего нашего отделения могли сразу же заметить подмену Безухого на Харви. Я вдруг подумал, где сейчас настоящий Безухий, и поразился тому, насколько сильно Харви хотел получить доступ к Мегакрольчатнику, раз он отрезал собственные уши. Лишь кролик вроде Безухого мог войти туда — тот, кому допуск выдавал лис.

Харви смотрел на меня, видимо, пытаясь понять мои намерения, а я тем временем заметил, как у него из-под берета потекла маленькая струйка крови. Если он отрезал свои уши, то раны еще были свежими и незажившими. Чтобы раскрыть самозванца, мне было достаточно сорвать с него берет. Так просто.

Но я этого не сделал. Напротив, я коснулся собственной головы в том месте, где увидел у него кровь. Он понял намек, притронулся к нужному месту кончиком лапы и посмотрел на нее. Ничего не сказав, он поднялся и пошел в конец автобуса, где находился туалет.

— Эй, — услышал я человеческий голос, — туалет только для людей. Завяжи кишки в узел и терпи, попрыгунчик.

— Да ну? — послышался голос Харви. — А если я сейчас тебя в узел скручу?

Последовала тишина, и я услышал, как закрывается и защелкивается дверь туалета.

Вконец разволновавшись, я выглянул в окно и заметил, что мы проезжаем через кордон, где на обочине с транспарантами стояла группа протестующих — кроликов и людей. Они поставили палатки и переоборудовали несколько свежих норок на краю дороги во временные кафе, пред-

лагавшие капучино и сэндвичи бесплатно.

— Десятимильная зона отчуждения для протестующих. — Я услышал, как заговорил один из пассажиров. — Крольнадзор не хочет разбираться еще и с ними вдобавок ко всем сложностям Переселения. Всякого, кто окажется в запретной зоне без уважительной причины, можно будет привлечь к ответственности за вторжение на закрытую территорию.

Я посмотрел по сторонам на других пассажиров, преимущественно сотрудников Крольнадзора, работавших на главном этаже. Все они пребывали в приподнятом настроении, обрадованные новым местом работы и премиями. Ближе к началу автобуса сидели журналисты, каждого из которых сопровождала собственная пиарщица — клон Пандоры Пандоры — все они были худыми, как палки, светленькими, одетыми в черное и полностью уверенными в себе.

Из их разговоров я понял, что Переселение не сильно заботило журналистов. «Давно пора», — услышал я чье-то высказывание, и известная телеведущая, сидевшая двумя рядами впереди, сказала: «Им же будет лучше». Пока мы ехали дальше, я заметил, что главная дорога в Рейадер стала гораздо лучше и доступнее. Все это было

оплачено Фондом Переселения — мы проехали несколько рекламных щитов, кричавших об этом, — и на противоположном берегу реки Уай я разглядел железную дорогу, тоже переложенную за большущие деньги ради перемещения сюда кроликов.

Мы въехали в город, повернули налево, проехали по мосту, а затем припарковались. Я отдал свой мобильный телефон, вышел из автобуса и впервые увидел комплекс Мегакрольчатника.

Во-первых, он был огромным. Главные ворота были встроены в кирпичный КПП барочного вида, и в обе стороны от этой центральной башни отходила стена, высотой не менее тридцати футов, сменявшаяся двойным ограждением примерно через 250 ярдов. Мы припарковались у конечной железнодорожной станции, состоявшей из одной длинной платформы и одной ветки. Вокруг них были построены офисные помещения, предположительно для сотрудников Крольнадзора.

Мы послушно проследовали за Пандорой Пандорой к главному входу. Дорога к нему была обрамлена высоким поребриком, вдоль которого недавно были высажены цветники. Все это выглядело крайне мило и гостеприимно — судьям

из «Спик и Спан» точно бы понравилось.

Мы подошли к главному входу, отсканировали штрихкоды на наших пропусках и вошли в просторное открытое пространство, окруженное административными зданиями поменьше. Высокие дверные проемы свидетельствовали о том, что их строили для кроликов. За ними я видел четыре больших производственных цеха с логотипом Крольтруда, как минимум акр теплиц, молельню Лаго и что-то похожее на ярмарку.

Вокруг стояли специально подготовленные сотрудники охраны Мегакрольчатника, которые, похоже, внимательно приглядывали за нами. Я услышал позади какие-то препирательства и, обернувшись, увидел, что несколько охранников разговаривали с Харви у входа. Один смотрел на его документы, а второй разговаривал по рации. Я резко остановился, глубоко вдохнул и пошел обратно к главным воротам.

— Какие-то проблемы? — спросил я. Двое охранников подозрительно посмотрели на меня, а затем хмыкнули. Безухий Харви смотрел на них, видимо, ожидая, как дальше будут разворачиваться события.

— Нам нужно дополнительное подтверждение для нелюдей, — сказал первый. — Мистер Ллисъ

лично сказал мне трижды проверять всех, на случай проникновения лазутчиков.

— А отсутствия ушей вам недостаточно? — сказал я.

— Мистер АЙ-002 неправильно заполнил свою дату рождения на бланке для подтверждения, — сказал второй, — и нам никак не подключиться по зашифрованному каналу к серверу опознавателей.

— Я *правильно* указал свой день рождения, — презрительно сказал Безухий Харви, — это у вас в записях ошибка.

— У нас инструкция, — сказал второй охранник скорее скучающим, а не деловым тоном.

— Я опознаватель из Херефордширского отделения Крольнадзора, — понизив голос, сказал я. — Только не распространяйтесь об этом. Безухий работает в нашем отделении.

— Хорошо, — сказал второй офицер. Затем он сделал звонок, чтобы подтвердить, что я действительно опознаватель, и, когда с этим было покончено, он пропустил нас обоих.

— Спасибо, — сказал Харви, когда мы отошли подальше. — Наша вера в тебя была не напрасной.

И мы разошлись. Харви направился к одному

из заводских цехов, а я туда, где все собрались вокруг мистера Ллисъа, Пандоры Пандоры и премьер-министра Найджела Сметвика, неожиданно приехавшего сюда лично.

Я оказался в хвосте толпы, к которой обращалась Пандора Пандора.

— …здание, которое вы видели снаружи, это централизованный головной офис Службы по надзору за кроликами, который будет оснащен впечатляющим IT-оборудованием для безопасного администрирования приблизительно миллиона ожидаемых гостей, а также для обеспечения простого и эффективного контроля за законными перемещениями вне колонии. Также хочу обратить внимание на то, что присутствие Крольнадзора создаст в этом районе столь необходимые рабочие места, которые сохранятся в ближайшем обозримом будущем. Это лишь одно из преимуществ, которое Мегакрольчатник даст местному сообществу.

Дальше она стала рассказывать о том, как проект, обошедшийся в 800 миллионов фунтов стерлингов, был закончен менее чем за два года; поблагодарила правительство Уэльса за их поддержку и особо отметила около двухсот местных жителей, которых пришлось переселить, чтобы

освободить место под комплекс. Затем она передала слово Найджелу Сметвику, которому уже не терпелось получить микрофон. Он начал с того, как ему приятно видеть здесь столько журналистов и ответственных сотрудников Крольнадзора, и перешел к тому, как Мегакрольчатник даст жителям Великобритании то, чего они все хотят, — безопасное место для всех кроликов, где они смогут применить свои многочисленные таланты на пользу экономики Соединенного Королевства. Он много говорил о себе и своих достижениях и наконец сказал, что мы можем идти, куда захотим. После этого он немного неохотно спросил, остались ли какие-нибудь вопросы.

— Когда сюда прибудут кролики? — спросил журналист из последнего ряда.

На вопрос ответил Старший Руководитель.

— Мы предполагаем, — сказал мистер Ллисъ, — что начнем приглашать первых кроликов бета-тестеров примерно через две недели. Всем кроликам, добровольно принявшим участие в раннем переселении, будет полностью оплачен переезд, а также будут сделаны щедрые выплаты, размер которых еще точно не установлен. Первые поселенцы получат лучшие дома и участки.

— Большой Кроличий Совет давно утвержда-

ет, — сказал журналист Би-би-си из первого ряда, — что колонии — это всего лишь трудовые лагеря в красивой обертке, и Совет поклялся сопротивляться переселению в Мегакрольчатник. Вы можете это как-то прокомментировать?

– *Timendi causa est nescire*, — ответил он, — «Невежество есть причина страха». На данный момент старые колонии не могут выполнять свою функцию. Они перенаселены, в них царит антисанитария, и они часто расположены в местах с рыхлыми почвами, из-за чего в них остро встает проблема обвала нор. Мегакрольчатник был *специально* разработан с учетом потребностей кроликов, и когда они узнают, насколько потрясающе чудесен этот комплекс, они толпами повалят сюда.

— Я слышал рекламные речи, — сказал все тот же репортер Би-би-си, — но что насчет опасений Большого Совета?

Лис раздраженно посмотрел на репортера, но все равно широко улыбнулся и включил все свое недюжинное обаяние.

— Нам действительно очень жаль, что Кроличий Совет решил столь безосновательно воспротивиться процессу, — сказал мистер Ллисъ, — но вы должны понимать, что мышление кроликов

непохоже на человеческое. Они просто, по-детски подходят к политике, и нам с неохотой пришлось решить, что ради их же блага необходимо что-то изменить, согласны они с этим или нет.

— По-моему, это место больше похоже на тюрьму, — сказал другой журналист, который в автобусе высказывался о Мегакрольчатнике скорее положительно, но, похоже, делал это лишь для того, чтобы его пригласили, — а кролики, как известно, упрямы, и, если на них надавить, могут прибегнуть к «протоколу Багза Банни», то есть начать отвечать на силу силой. Что, если они вообще откажутся переселяться?

— Не откажутся, — сказал Найджел Сметвик, беря микрофон. — Недавний опрос, проведенный АКроПаСК, показывает, что девяносто семь процентов кроликов будут счастливы переехать сюда. Те три процента бунтарей, которых будет невозможно убедить в нашем великодушии, возможно, придется перевоспитать и уверить в том, что их неповиновение отрицательно скажется на взаимоотношениях кроликов и людей. Инициатива по Переселению проводится не из-за лепорифобных настроений, она просто отвечает интересам представителей всех видов. Мы *любим* кроликов, — прибавил он, — но больше

всего мы любим послушных кроликов, живущих в месте, наилучшим образом отвечающем всем их потребностям.

— Нам стоит добавить, — сказал мистер Ллисъ, — что на данный момент с точки зрения закона кролики не считаются людьми, поэтому наш труд нужно по достоинству оценить как невиданную доселе отзывчивость и понимание по отношению к правам животных. Нам бы хотелось, чтобы кролики отметили наши благие намерения и отплатили за них, как того требует вежливость, хотя бы простой благодарностью. По отношению к козам, овцам, курам, уткам, коровам, свиньям, да и к большинству других животных, как нетрудно заметить, никогда не проявлялось и не будет проявлено такой заботы.

Как ни странно, толпа согласно зароптала. Были и другие вопросы, касавшиеся превышения бюджета, и будет ли комплекс расширяться, но Сметвик, Пандора Пандора и мистер Ллисъ давали туманные ответы или умело уходили от них. Наконец кто-то задал вопрос, который задал бы и я, если бы мне разрешили, или будь я храбрее:

— А что насчет сотни тысяч кроликов, законно проживающих за пределами колоний?

Вопрос был с подвохом. Ллисъ и Сметвик пере-

глянулись, а затем передали микрофон Пандоре Пандоре.

— Мегакрольчатник открыт для всех кроликов вне зависимости от их статуса, — сказала она, — и мы совершенно уверены, что все кролики, живущие вне колоний, будут счастливы переселиться сюда, когда они увидят, как здесь чудесно.

— А если они не захотят? — спросил кто-то.

— Если вопросов больше нет, — сказала Пандора Пандора, — пожалуйста, вы можете свободно перемещаться по комплексу и задавать любые вопросы. Ланч начнется в час дня во Дворце Творческой Радости.

Группа стала расходиться, и я повернулся, чтобы уйти, но Куницын заметил меня и подошел.

— Здравствуй, Нокс, — сказал он. — Что ты обо всем этом думаешь?

— Впечатляет, сэр, — ответил я. Куницам, как и лисам, перечить не стоило.

— Кроликам понравится?

— Однозначно.

— И это поспособствует их счастью и продуктивному труду?

— Надеюсь, что так.

— Хорошо. Слушай, ты не заметил ничего странного в Безухом сегодня утром?

Я почувствовал, как мое сердце забилось сильнее, и поборол в себе желание почесать нос или отвести взгляд.

— Вы это о чем?

— Странный он. Другой. Как будто… рассеянный. Я подошел поговорить с ним о деле, которое мы вчера обсуждали, и он меня как будто бы даже не узнал.

— Я его знаю меньше месяца, — сказал я, — и сейчас он мне так же неприятен, как и в нашу первую встречу.

Куницын хмыкнул, затем поблагодарил меня и отошел. Я тоже быстро смылся на случай, если кто-нибудь еще захочет задать мне вопросы.

Я забрел во Дворец Творческой Радости, который на самом деле представлял собой один из заводов, где вскоре кролики должны были начать собирать вакуумные пылесосы, микроволновки, кухонное оборудование и автомобильные двигатели. Таких зданий было четыре, все они огромные, и в тот момент подрядчики из Кроль-труда были заняты установкой передвижных конвейерных лент. Я всюду видел камеры видеонаблюдения и знал, что одно лишь это заставило бы кроликов отказаться от переселения. В колониях не было ни единой камеры. Кролики

терпеть не могли, когда за ними наблюдали. Я вдруг остро почувствовал, что, несмотря на все планирование, вложенные деньги и усилия, ни один кролик никогда сюда не переселится. По крайней мере, добровольно.

Я вышел из Дворца Творческой Радости и пошел в молельню Лаго, стоявшую напротив. Внутри круглого здания располагалось шесть уровней сидений, окружавших центральную площадку. Над ней в крыше располагался большой круглый фонарь, через который внутрь проникал естественный свет. Я какое-то время постоял там, поскольку никогда прежде не был в подобном месте, потом снова вышел наружу и огляделся. За административными постройками, заводскими цехами и большими многоязычными колл-центрами земля простиралась до крутых холмов, находившихся вдалеке на расстоянии четырех или пяти миль. Я видел ограждавший комплекс забор, плавно очерчивавший контуры земли, и речку, струившуюся из-за холмов по узкому ущелью, и на вид плодородные земледельческие угодья, расчерченные изгородями, и живописные рощицы, и множество отдельно стоящих дубков, украшавших пейзаж. Место, я должен был признать, было очень красивым. Хорошая почва,

приятный климат. Если бы не гнетущее чувство неволи, кролики могли бы захотеть здесь жить.

— Здравствуйте! — сказала юная девушка — одна из клонов Пандоры Пандоры, одетая во все черное, с напористым, болтливо-дружелюбным настроем. — Меня зовут мисс Робинс. Хотите посмотреть на норки?

— Давайте, — сказал я.

Мы пошли по одной из подъездных дорожек, и мисс Робинс тем временем расписывала мне все особенности этого комплекса. Как здесь красиво, чисто, много места, где можно побродить, а по периметру даже идет шестнадцатимильная дорожка для утренних прыжков и для того, чтобы бета-самцы могли «спустить пар после неизбежных разочарований в брачный сезон».

Мы остановились там, где из земли выступала бетонная труба диаметром в шесть футов с трафаретной надписью «Участок 87Д». Она повела меня под землю по ступенькам, но скоро туннель выровнялся, и примерно через пятьдесят футов он резко повернул направо.

— Несмотря на то что под Очеловечивание не попал ни один хорек, — сказала мисс Робинс, — кролики все равно предпочитают делать в своих норах изгибы для защиты.

Пока мы шли, я заметил, что примерно через каждые десять футов в стену бетонной трубы были встроены обшитые панелями деревянные двери с ручками, бронзовым дверным молотком и щелью для почты. Мы остановились напротив двери с надписью «87Д-237», и, открыв ее, я обнаружил, что она ведет в никуда. Передо мной была стена мягкой земли с заметным отпечатком обратной стороны двери на ней.

— Кролики любят сами выкапывать свои жилища, — пояснила мисс Робинс, и я закрыл дверь.

— Здесь, должно быть, много дверей, — сказал я.

— Да, — сказала мисс Робинс, вдруг поскучнев, — тысячи.

Мы обошли противохорьковый изгиб и увидели перед собой длинный коридор с дверьми по обе стороны. А еще мы застали врасплох Харви, слух которого, как я подумал позже, наверное, сильно пострадал. Он смотрел в одну из вентиляционных решеток, которые располагались в стене туннеля над телефонной розеткой, почтовым ящиком и Wi-Fi точкой.

— Очень интересно, — сказал он, пряча под плащ что-то похожее на камеру. Я шел впереди, поэтому мисс Робинс этого не заметила.

— Ой! — сказала она, опешив от его внешнего вида. Я сказал ей, кто он, и что он ненавидит кроликов чуть ли не больше, чем любой, кого я знаю. Она пожала ему лапу, но постаралась объяснить, что работает здесь, потому что это всего лишь работа, а не потому, что она лепорифоб.

— Я вам верю, — двусмысленно сказал Безухий Харви и присоединился к нам. Мы посмотрели коммунальные кухни, комнаты для отдыха, игр и ясли. Затем мы вернулись обратно к входу и заморгали, выйдя на яркое солнце. Почти сразу же мы заметили какое-то оживление поблизости, там, где мистер Ллисъ разговаривал с Куницыным и заведующей сектором Флемминг.

— …когда ты об этом узнал, Куница? — спросил Ллисъ.

— Только что, и правильно говорить «Куницын».

Тогда лис заметил нашу небольшую группу.

— Ты! — сказал Старший Руководитель, тыкая лапой в нашем направлении. — У тебя охрененно большие неприятности.

Похоже, мы попались, и, думаю, Харви тоже это понял, поскольку я услышал негромкий «пук», и

он обкакался[57].

Если мистер Ллисъ выяснил, что Харви — не Безухий, то Старший Руководитель своими же руками будет пытать его и убьет, причем, наверное, прямо у нас на глазах. Но, к моему стыду, думал я не об этом. Я думал, что они разузнают и о моей причастности, ведь я поручился за Харви, чтобы его пропустили. Но все пошло несколько не так, как ожидалось. Когда лис, куница и человек подошли ближе, я понял, что их гнев был направлен не на Безухого Харви… а на *меня*.

— Все верно, Нокс, — сказал Куницын, когда они меня окружили. — Мы слышали о твоей непристойной и неестественной интрижке с соседкой-крольчихой. Директива Крольнадзора 68/5б запрещает подобное. Ты отстранен от работы, и твой допуск будет аннулирован вплоть до окончания внутреннего расследования.

— Ну и ну, — усмехаясь, сказал мистер Ллисъ. — Я знаю, что просил тебя втереться к ним поглубже в доверие, но это *точно* не то, что я имел в виду. *In partibus lagomorphium*, а? Впрочем, — с улыбкой прибавил он, — в тех, кто осмеливается угрожать

[57] Примечания: 57

До того момента я считал, что это просто предрассудки лепорифобов. Но, судя по всему, кролики и правда так делают.

лису складным ножом, что-то есть[58].

И он повернулся к Куницыну.

— Куница, пусть Нокс возвращается в офис и доложит обо всем. Выудите из него правду, но осторожно — Нокс остается ценным сотрудником, и было бы неплохо его перевоспитать.

— Конечно, — сказал Куницын, — но моя фамилия — Ку…

— Итак, Тамара, — сказал мистер Ллисъ, бесцеремонно прерывая Куницына и галантно беря мисс Робинс под руку, — давно ли вы работаете на Крольнадзор?

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Дорогая моя, — сказал он, — разве вас не *всех* зовут Тамара?

— Лично мне, — сказал Куницын, обращаясь ко мне, — совершенно по барабану, чем ты занимаешься в свободное время, но правила есть правила. Безухий, найди машину и отвези Нокса обратно в Херефордский офис. Я вернусь через пару часов. И, на всякий случай, никаких звонков, никаких посетителей, никаких адвокатов.

— Почему я? — сказал Харви, не выходя из роли.

---

[58] Примечания: 58

Буквально переводится как «в стране кроликов», но не знаю, откуда взялась эта фраза или кого он цитировал.

— Делай, что тебе говорят, — сказал Куницын, и Харви, пожав плечами, мотнул головой, говоря мне следовать за ним.

— Тьфу ты ну ты, — сказал он, когда мы благополучно отошли подальше. — Все пошло не по плану. Я едва провел внутри час. Ну да ладно.

Он взглянул на меня.

— Ты хочешь знать, что происходит, верно?

— Нет, — сказал я, — я *не* хочу знать, что происходит. Я ничего не видел, я ничего не знаю, и, насколько мне известно, отныне и навеки *ты и есть* Безухий АЙ-002.

— Пожалуй, это мудро, — сказал Харви.

Мы пошли туда, где была припаркована машина Безухого — тот же самый «Эльдорадо» из семидесятых, в котором мы сидели во время операции в Росс-он-Уай. Я попытался было спросить Харви, как здесь оказалась эта машина, но он заставил меня замолчать, достал ключи, лежавшие спрятанными на заднем колесе, разблокировал двери и сказал мне садиться назад. Затем он завел машину и задом выехал со стоянки. Он ехал довольно быстро — для кролика, — но я не хотел ничего у него спрашивать, потому что не хотел ничего знать. Я хотел уволиться, пойти домой и посвятить жизнь Скоростному Библиотекарству

— жизненный выбор, который я сделал официальным, присвоив ему код 12–345.

Мы выехали на главную дорогу по направлению к Херефорду, еще больше ускорились, и, как только трасса спереди и сзади оказалась пустой, Харви резко выкрутил руль вправо. Машина вильнула и съехала с дороги. Я услышал и почувствовал двойной удар, когда колеса переехали обочину, а затем стало тихо, и машина ровно полетела по воздуху. Насыпь за пределами дороги была довольно крутой, и я видел, как мусор и остатки фастфуда, разбросанные по салону, вдруг словно очутились в невесомости, в то время как мы на миг изящно вошли в свободное падение. Оно завершилось глухим ударом, от которого у меня клацнули зубы, треском ломающегося дерева и негромким хрустом, какой издают лобовые стекла, когда бьются. Меня резко бросило вперед; повиснув на ремне безопасности, я отскочил обратно, ударился о стойку двери, и у меня в глазах почернело.

Машина и арест

Девяносто семь процентов всего кроличьего интернет-трафика приходились на сообщение между колониями. Внутри же крольчатника и норы почти все разговоры и сплетни передавались из уст в уста, и недавний опрос показал, что из-за крайней любви кроликов к сплетням новости и мнения разлетались по колонии быстрее, чем по широкополосной сети, и намного веселее.

Я пришел в себя с нестерпимой головной болью, привкусом крови во рту и жгучим запахом гари в носу. Машина приземлилась на колеса и развернулась в сторону крутой, поросшей кустами насыпи. Выгоревший «Эльдорадо», отчасти разобранный туристами на сувениры, оставался там еще десять лет, пока его не изъяли и не включили в экспозицию Музея Очеловечивания, расположившегося в переоборудованном здании приемного центра Мегакрольчатника. Я часто посещал это место, водя экскурсии после публикации моей книги, через восемь лет после битвы

за Мей Хилл.

Лобовое стекло исчезло, а капот машины был смят почти до торпеды большим деревом, которое при столкновении пострадало гораздо меньше нас. Из-под капота шел дым. Я выглянул в окно со своей стороны и увидел, что машина приземлилась на пастбище — три голштинские коровы смотрели на нас с видом крайнего безразличия, продолжая торжественно жевать жвачку. Харви был в сознании. У него не получалось открыть дверь, поэтому он лег на спину на передние сиденья и дал двери могучий пинок своими мощными задними лапами. Дверь слетела с петель и приземлилась в двадцати ярдах от нас.

— Что произошло? — сказал я, но Харви лишь мельком посмотрел на меня, обошел машину и открыл багажник.

— Вылезай, — сказал он, — пора.

Он говорил не со мной. Он говорил с другим кроликом, который вылез из багажника. Он был одет точно так же и, как и Харви, был без ушей. Но, в отличие от Харви, чьи уши были отрезаны недавно — теперь я увидел наложенные швы и нитку, — его раны уже давно зажили. Это был Безухий.

— Планы поменялись? — сказал Безухий на

удивление смиренным тоном. — Восемь часов же еще не прошло.

— Произошла непредвиденная заминка, — сказал Харви, — но сделка есть сделка.

Вокруг смятого капота уже плясали заметные язычки пламени, но я, думаю, был слишком потрясен таким поворотом событий и не осознавал, в какой опасности оказался. Пока я наблюдал за всем с заднего сиденья, Безухий забрался в машину и сел за руль.

— Они у тебя? — спросил он.

— Вот, — сказал Харви и передал ему что-то, похожее на два коротких, иссохших свитка, перевязанных красной ленточкой. Безухий с величайшим трепетом принял их и крепко прижал к туловищу.

— Властью, данной мне преподобной Банти, — сказал Харви, — и в соответствии с дарованной тебе индульгенцией, именем и духом Лаго, Великой Прародительницы, я объявляю твои смертные грехи искупленными. Ты направляешься к своей создательнице таким же непорочным и целым, как и круг доверия, что соединяет нас всех. Круг, забравший нашу спасительницу и свя-

завший всех кроликов нерушимыми узами[59].

Я видел, как Безухий глубоко вдохнул и склонил голову, а Харви начертал на его лбу символ круга. Языки пламени уже поднимались довольно высоко. Харви снова поклонился, шагнул назад, прокашлялся и посмотрел на меня.

— Ты остаешься, что ли?

Я быстро пришел в чувство и выкарабкался из машины, с облегчением отметив, что все мои кости целы, не считая лишь вывихнутой коленки.

— А он остается? — спросил я.

— Он нашел покой, — сказал Харви, — и стал целым. Сейчас мне нужно уходить, но мы с тобой еще встретимся, в том месте и в то время, когда преподобная Банти завершит круг.

— Откуда ты знаешь, что я буду там? — спросил я.

— Потому что Банти это предвидела. Она *все* предвидит. Когда почувствуешь, что пришло нужное время, скажи Пиппе, что между нами все было по-настоящему. Если она сможет любить наполовину кролика, то она знает, где меня найти.

---

[59] Примечания: 59

Я до сих пор не понимаю, почему Харви говорил с Безухим не на кроличьем. Либо он проговаривал все для моего понимания, либо Безухий не считался кроликом и не заслуживал такого отношения. Возможно, была и другая причина. Этого я уже никогда не узнаю.

Тогда он начертал над моей головой круг доверия, улыбнулся и исчез по ту сторону поля, преодолев его за несколько быстрых прыжков, каждый длиной ярдов двадцать. Я собирался спросить его, что за свитки он передал Безухому, но, думаю, это было довольно-таки очевидно. То были уши Безухого.

Я снова повернулся к «Эльдорадо», который уже был охвачен огнем. Расплавленный пластик стекал с моторного отсека подобно маленьким дымящимся огненным каплям, и краска на капоте сворачивалась от жара.

— Я всегда знал, что когда-нибудь найдется кролик, которого я не смогу переубедить, — сказал Безухий, глядя прямо перед собой, — и что всегда найдется тот, кто сможет переубедить меня. Но всему приходит конец.

Я поднял одну руку, чтобы заслонить лицо от жара, и шагнул вперед, протягивая ему вторую.

— Иди сюда, ко мне, — сказал я, — ты не должен этого делать.

Он улыбнулся, и пламя стало лизать его мех. В воздухе запахло паленой шерстью. Дуглас АЙ-002 повернулся ко мне и криво улыбнулся.

— Люди, — сказал он, — так мало времени, и столько нужно узнать.

Он снова повернулся к рулю и прижал свои возвращенные уши покрепче к себе, позволяя огню поглотить его.

Он не издал ни единого звука. Ни писка, ни стона, ничего.

Благодаря заметному облаку черного дыма и дыре в ограждении помощь прибыла быстро. Я все еще дрожал, когда «Скорая» забрала меня в Херефордскую больницу в сопровождении незнакомого мне сотрудника Крольнадзора. Из-за большой шишки на моей голове меня оставили под наблюдением на ночь, но, если не считать нескольких порезов, синяков и вывихнутого колена, я был цел. Все это время я оставался под надзором; прослушивался даже мой разговор с Пиппой, которая забеспокоилась и предложила приехать навестить меня, но я сказал ей, что не стоит этого делать.

Никто, кроме меня, не заметил, что Харви был Миффи. Все считали, что безухий кролик, посетивший Мегакрольчатник, был тем же, кто погиб, отвозя скомпрометированного сотрудника Крольнадзора обратно на базу.

Мне позволили помыться в душе без посторонних и на следующее утро отвезли в центр Найджела Сметвика. Там мне дали позавтракать

в буфете — опять же, под надзором, — и сказали ждать в одной из допросных. Лишь намного позже я сообразил, что и Конни наверняка тоже приволокут сюда для допроса. Увы, так и случилось.

Я сидел там примерно час, ясно осознавая не только тяжесть своего положения, но и то, что часы все еще тикают, — братья Маллеты дали Пиппе, мне и Кроликам времени ровно до десяти вечера сегодняшнего дня, чтобы покинуть Муч Хемлок. И они наверняка уже поняли, что никто из нас на это не пойдет. Сегодня вечером мне нужно было постоять за себя, и я с большой неохотой ждал этого часа.

По-спартански обставленная допросная была чистой, теплой, но в целом ничем не примечательной. Стол был прикручен к полу, и двигать можно было только пластиковые стулья. Из середины стола торчало большое медное кольцо, к которому можно было приковать допрашиваемого, но им, похоже, редко пользовались. Кролики вообще мало сопротивлялись, если только их не загоняли в угол, и даже тогда они старались решить дело аргументированным обсуждением, а не зубами и когтями.

Дверь открылась чуть после одиннадцати, и

внутрь вошел Куницын в сопровождении Флемминг. Они сели напротив и поставили передо мной кружку с кофе. Причем с хорошим, а не с тем пойлом, что наливали в нашем буфете или в сетевых кофейных. Меня пытались умаслить.

— Как ты себя чувствуешь, Питер? — спросила Флемминг.

— Побит, но цел, спасибо.

— Мы рады, — сказал Куницын. — Утрата Дугласа АЙ-002 — большая неприятность для нас, ведь он был одним из всего лишь трех кроликов, которым Крольнадзор безоговорочно доверял. А к «трагическим дорожным происшествиям» всегда нужно относиться с толикой подозрительности, особенно когда они случаются на пустых дорогах в хорошую погоду.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Мы считаем, что это было покушение, — сказала Флемминг, — на него, на тебя или на вас обоих. Сначала неожиданно уволился Тоби Маллет, и у нас не получилось установить правдоподобную причину этого, поэтому теперь мы склоняемся к тому, что опознаватели нашего Херефордского отделения стали мишенью кроликов, кроличьих сторонников или сторонников кроличьих сторонников.

— Ого, — сказал я.

— Так что, прежде чем мы хотя бы *начнем* разбирать обвинения касательно тебя и твоей соседки, расскажи нам об аварии.

Я рассказал им все, что знал, пытаясь ввернуть как можно больше правды. Потом меня допросят еще раз, и, если в моих словах будут расхождения, мое положение только усугубится. Я сказал им, что Безухий нарочно свернул с дороги, что никакой другой машины там не было и что я выкарабкался из горящей тачки, как только пришел в сознание. Безухий же, сказал я, либо погиб при ударе, либо был без сознания. Как бы там ни было, добраться до него я не мог.

— Значит, ты не знаешь, почему он свернул с дороги? — спросил Куницын.

— Нет. В одну секунду мы ехали прямо по шоссе, а в следующую я очнулся в горящей машине.

Куницын посмотрел на Флемминг, она кивнула, и куница открыл папку и положил на стол фотографию белого кролика. Теперь, когда я видел его вблизи, я легко его узнал, и подпись на фотографии это подтвердила — Харви Август Мак-Лютиковый, двадцать шесть лет, водитель «Кроличьего такси», проживает в Колонии № 1. Еще я знал, что теперь у него нет ушей, что он

— значимый член Кроличьего Подполья, что он успешно внедрился в Крольнадзор… и что он любил и был любим моей дочерью.

— Ты раньше видел этого кролика? — спросил куница.

— Нет. В опознавании никогда нельзя быть уверенным. Кто он?

— Мы считаем, что он — Ушастый 7770, — сказал Куницын. — Перед гибелью Безухий нашел его в базе данных трудоустроенных кроликов. Но он никому ничего не сказал. Ты один работал с ним в офисе тем утром — он с тобой чем-нибудь поделился?

— Безухий вообще со мной мало чем делился, — сказал я, невероятно радуясь тому, что я искал информацию о Харви на компьютере Безухого, но одновременно осознавая, что выдал им личность Харви. Я тут же подумал о том, чтобы спросить, арестован ли я, и попросить адвоката, но я почувствовал, что так лишь усилю подозрения, а не сниму их с себя.

Дальше они заговорили об обвинениях, на основании которых меня отстранили. Казалось, что обстановка в допросной стала напряженнее. С Флемминг и Куницыным я работал уже много лет, и мы хорошо ладили, но сейчас это ничего

не значило. Они изложили мне долгие и подробные показания «четырех надежных свидетелей» о том, что те видели позапрошлым вечером у моего дома. В отличие от происшествия с Безухим Харви, где мне пришлось несколько раз убедительно солгать, эти показания я мог дать совершенно правдиво от начала до конца: со дня, когда Кролики въехали в дом, до инцидента с мистером Ллисъом в церкви Всех Святых и до последнего вечера: репетиции реплик, нелепых пряток по шкафам с романом Дюма и ссоры Конни и Дока в моей прихожей.

— Ничего не было, — сказал я.

— Давай объясню на пальцах, — сказал Куницын серьезным тоном. — Сейчас мы можем обвинить тебя и Констанцию Кролик по статье «Неестественные связи» закона «Об ограниченных правах очеловеченных животных» от 1996 года.

Я не знал тот закон наизусть, но знал, что власти применяли его по своему усмотрению. В данной ситуации, похоже, они хотели его исполнить. Дружба с кроликами, особенно в условиях Переселения, должна была пресекаться.

— С четырьмя свидетелями, готовыми дать показания, — продолжал он, — вы оба загреми-

те в тюрьму. Ненадолго, года на два, а выйдете через один, но с таким пятном на твоем досье, думаю, жизнь никогда не станет прежней. Знаешь, как все считают, что они толерантные и всему открытые? Осторожно, спойлер: это не так. И, — прибавил он, — учитывая судимость и тюремный срок, ты можешь лишиться пенсии на основании «тяжкого служебного преступления».

— Вы можете это сделать?

— Можем, — сказала Флемминг. — Питер, мы всего лишь хотим крошечное признание, указывающее на сексуальную провокацию со стороны Констанции Кролик. Ты можешь сказать, что сделал это случайно, или на спор, или под воздействием алкоголя, или тебя одурачили — что угодно. Работу ты все равно потеряешь, но сохранишь пенсию и чистую репутацию. Вернешься в Муч Хемлок и продолжишь проживать свою ничем не примечательную жизнь.

— А что будет с Констанцией?

— Мы предложим ей заключить соглашение с признанием вины, и она лишится права проживать вне колонии на основании «демонстративно безнравственного поведения». К концу следующей недели она вернется в колонию и, возможно, даже будет там счастлива. Она все равно была не

из тех, кого мы считаем надежными для жизни вне колонии.

— Самое важное, — прибавил Куницын, — что это станет предупреждением для всех крольчих — развращение людей не останется безнаказанным.

Я молча уставился на стол.

— Ну так что скажешь? — спросил Куницын.

— Я…

Но мне не пришлось отвечать. Дверь распахнулась, и в допросную вошел мистер Ллисъ.

Искусство заключать сделки

Зимой куницы все еще линяли и становились белыми, хотя причин для этого больше не было. До и после линьки они становились очень раздражительными, но в летнее время намного добрели. Большинство куниц брали отпуск зимой и уезжали в горы, где становились довольно неплохими – и почти незаметными – лыжниками.

Я написал «вошел», но правильнее было бы сказать «ворвался». Я видел, как Флемминг побледнела и инстинктивно дернулась, чтобы убежать, но затем взяла себя в руки и осталась на месте. Куницын не вздрогнул, но выглядел он недовольным. Старший Руководитель пришел не вовремя, да и дела обычно решительно выходили из-под контроля, когда за них брались лисы.

Мистер Ллисъ посмотрел на всех присутствующих.

— Ты — проваливай, — сказал он Флемминг, — и ты, Куница, *точно* можешь проваливать.

— Правильно говорить «Ку-ни-цын».

— Да мне похер. Тамара, заходи.

Мисс Робинс, вооруженная планшетом и тремя мобильными телефонами, вошла внутрь.

— Здравствуйте! — радостно сказала она. — Теперь я работаю на Торквила.

— Поздравляю, — сказал я.

— Что все это значит? — сказал Куницын, который, думаю, был единственным сотрудником Крольнадзора, способным постоять за себя перед Ллисъом. — Этот допрос провожу *я*.

— Больше не проводишь. У меня есть новые сведения, из-за которых это дело выходит за рамки простых обжиманий с пушистиками.

— Я хочу ознакомиться с этими сведениями, — сказал Куницын.

— А я хочу пропустить стаканчик «Пино Гриджио» с Тильдой Суинтон, — ответил лис, — но жизнь полна разочарований. Когда будешь уходить, закрой дверь, старина.

— Нет, — сказал Куницын. — Быть может, Нокс и слабохарактерный зайцелюб-перебежчик, но он человек, а мы знаем, что произошло в последний раз, когда вы допрашивали человека, верно?

— Это отвратительное и безосновательное обвинение, — сказал мистер Ллисъ, — но кто с зайцем поведется, тому как зайцу и достается.

— Слушайте… — начал Куницын, но мистер Ллисъ лишь приподнял дрожащую губу и низко зарычал. Я почувствовал, как волосы у меня на шее встали дыбом, а Куницын прижал уши к голове и вдруг стал совершенно покорным.

— Прошу прощения за то, что вспылил, — негромко сказал он. — Не знаю, что на меня нашло.

И он покинул допросную, опустив хвост промеж ног.

— Итак, — сказал лис, садясь напротив, — у всех сегодня нервы на пределе, не так ли?

Он откинулся на спинку стула, а его маленькие желтые глазки продолжали смотреть на меня с выражением… на самом деле я даже не знаю, с каким. С презрением, наверное, смешанным со спокойной уверенностью и нахальным чувством собственного превосходства. Он ничего не сказал, достал из серебряного портсигара сигару, постучал ею о край и поджег от золотой зажигалки, которую ему поднесла Тамара. Он глубоко затянулся, выдохнул дым в мою сторону и ничего не сказал. Он долго ничего не говорил[60].

— Вы не причините мне вреда, — сказал я, бу-

[60] Примечания: 60

Мне казалось, что где-то полчаса, хотя на самом деле, наверное, прошло меньше минуты.

дучи больше не в силах выносить тишину. — И, как я сказал Куницыну и Флемминг, ничего не было.

Лис холодно на меня посмотрел.

— Натворил ты что-то или нет, старина, это уже не так важно. И знаешь что? Я тебе верю. Но поскольку мы так близки к Переселению, я считаю, что сейчас никому не стоит раскачивать лодку. Более того, благодаря твоему уникальному кругу друзей и близких знакомых я могу предложить тебе сделку, в которой с тебя снимут все обвинения, ты получишь право на полную пенсию, пятьдесят тысяч наличными и ни пятнышка на твоем деле. Ну, как тебе?

— Звучит так, словно есть какой-то подвох.

— Сообразительный ты наш. Дело вот в чем: у нас есть основания полагать, что у Констанции Кролик есть связи с Кроличьим Подпольем. Мы думаем, что она — подсадная крольчиха и ее задание — получить доступ к мейнфрейму Кроль-надзора через тебя, дурачка.

Раньше я об этом не думал. И подобное казалось неправдоподобным по одной хорошей причине:

— У меня нет доступа к мейнфрейму Кроль-надзора.

— Подполье об этом не знает. Я хочу, чтобы ты

работал вместе с нами против них. Они хотят превратить Британию в страну кроликов, со своими законами, своей еретической богиней, навязчивым веганством и ложными устоями грызунов. Это островное королевство, эта зеленая, цветущая страна предназначена для людей и нескольких лисов, а не для орд вредителей. И они могут запросто этого добиться, им всего лишь нужно делать то, что у них лучше всего получается. Они собираются взять нас числом. Взрывное Размножение. Вот их план, я это *знаю*.

Все это было конспирологическим бредом АКроПаСК. Найджел Сметвик уже много лет разглагольствовал о чем-то подобном, но доказательств тому, даже самых косвенных, не было.

— Сэр, они же всего лишь *кролики*. Травоядные. Послушные, доверчивые, трудолюбивые. Я разговаривал с ними, думаю, я даже их вроде как *знаю*. Я не верю, что у них вообще есть какие-то глобальные планы. Они просто хотят… *быть*.

Мистер Ллисъ расхохотался.

— Нокси, старичок, так они и хотят, чтобы ты *именно в это* поверил. Правда, друг мой, намного суровее. Не позволяй обмануть себя милотой и пушистостью. Ты ведь видел, как миссис Кролик приставила мне нож к горлу во «Всех Святых»?

— Вы раскроили ее племяннице череп челюстями.

— Ах, какая жалость, — сказал он, — одной крольчихой стало меньше. Не такая уж это и утрата. Мне тогда еще повезло, что я сам не стал жертвой очередного нападения крольчихи на лиса.

А так преувеличить ситуацию не смог бы, пожалуй, даже Сметвик.

— Она бы вас не убила, — сказал я, — из-за вероятной ответной расправы.

Он холодно уставился на меня.

— Расправы *необходимы* для поддержания порядка, — сказал он. — И потом, шестьдесят секунд того, что кролики смехотворно называют страстью, и их потери восполнятся с лихвой. А теперь вот что: я могу решить все твои проблемы, дать тебе пенсию и деньги, или мы можем повысить обвинения с обыкновенной преступной связи до оказания материальной поддержки Кроличьему Подполью, то есть запрещенному повстанческому движению. А это как минимум лет десять.

— Подождите, подождите, — сказал я, — материальную *поддержку*?

— Конечно. Тебе заплатили за то, чтобы ты провел Харви Мак-Лютикового в Мегакрольчатник,

или ты просто оказывал услугу своим пушистым лесным дружкам?

— Я… Я не знаю, о чем вы говорите.

— Конечно, знаешь. Как ты думаешь, Безухий смог оставить машину на парковке, если он приехал на автобусе? Кролик, притворявшийся Безухим, был с тобой, когда мы разговаривали в Мегакрольчатнике. Я почуял его страх. А ведь я встречался с Безухим, и он меня совсем не боялся. Он мне нравился. Лучшие кролики — те, у кого мех внутри.

— Это свидетельство вашего носа против моих глаз, мистер Ллисъ, — сказал я, внешне храбрясь, но чувствуя, как у меня внутри все скручивается. Во рту у меня пересохло.

— Есть кое-что еще. Когда Безухому отрезали уши, их сохранили. Они всегда их сохраняют. Дело в религии — «в кроличий рай нужно войти целым». Проблема в том, что их хранят в горячем песке, отчего они превращаются в грубую кожу.

Тамара бросила на стол прозрачный пакет для вещдоков, в котором лежали свернутые уши Безухого, сильно обгоревшие, но более или менее целые.

— Если наши парни из криминалистики развернут их, готов поспорить на свое левое лисье

яичко, что рисунок дыр от пуль на них совпадет с АЙ-002. Он часто дрался на дуэлях. Любил дамочек. Даже чересчур, как оказалось.

— Может, он носил свои уши с собой? На память оставил, я даже не знаю.

— Когда у кролика отрезают уши, их забирают. В этом весь смысл. Нет, думаю, Безухий поменялся с Харви местами *в обмен* на свои уши и благородную смерть. Я думаю, это ты искал Харви Мак-Лютикового на компьютере Безухого, и это ты поручился за Харви, когда он обманом проскользнул в Мегакрольчатник. Ты где-то встретил его за пределами Надзора. Где, я не знаю. Но выясню.

Детективную работу он провел, как назло, отлично. Нельзя перехитрить лиса.

— Это лишь догадки, — сказал я.

Вмиг я очутился на спине, а мистер Ллисъ — на мне. Он двигался так быстро, что казалось, будто кто-то вырезал из времени две секунды. Тамара подошла к двери, чтобы не дать никому войти, а мистер Ллисъ вперился взглядом в мои глаза, и я почувствовал страх. Не обычное беспокойство, какое испытываешь, когда опаздываешь на важную встречу или когда находишь странную припухлость, которая потом у доктора оказы-

вается какой-нибудь ерундой. Это был чистый, неподдельный страх смертного существа перед скорой гибелью. И, что хуже, эта гибель была неминуемой, неумолимой, а еще наверняка долгой и *мучительной*.

Мистер Ллисъ ничего не сказал и медленно надавил кончиком одного когтя на край моего левого глазного яблока. Мое зрение помутилось и посерело, боль была невыносимой, но я даже не смел дышать на случай, если от малейшего движения мой глаз разорвется.

— А теперь слушай, — негромким шепотом сказал он. От его дыхания разило тухлым мясом и вином. — Я спрошу тебя еще раз, и, если ты не выложишь мне сразу всю правду целиком, я вырву твой глаз и съем его.

— Вы этого не сделаете, — прошептал я.

— Ты никогда не задумывался, как Флемминг потеряла свой? — спросил он. — Мы с ней как-то повздорили. Кажется, из-за внутренней политики Надзора… или из-за того, кто лучше сыграл Бэтмена. Не помню, из-за чего именно, но теперь она всегда со всем согласна.

Кажется, в тот миг я захныкал, тихонько и не дергаясь.

— Все верно, — сказал он. — Вы ничего не вос-

принимаете всерьез, пока кто-нибудь не потеряет глаз. А теперь: ты будешь хорошим мальчиком и расскажешь мне то, что я хочу знать? Взамен ты получишь пенсию, пятьдесят кусков и останешься с обеими зыркалками. — Он помолчал, а затем прибавил: — Сейчас самое время сказать: «Да, сэр, мистер Ллисъ, сэр. Мистер Нокс согласен с лисом, сэр».

— Да, сэр, мистер Ллисъ, сэр, — прошептал я.

— Ну и так сойдет.

И в тот же миг я вдруг оказался на полу совершенно один, а мистер Ллисъ уже снова сидел на своем стуле. Дрожа, я поднялся на ноги и сел. Лис протянул мне платок с монограммой, и я прижал его к глазу.

— Итак, — негромко сказал он, — рассказывай.

И я рассказал. Я рассказал ему совершенно *все*.

Подсадная утка для подсадной крольчихи

После битвы за Мей Хилл в ходе государственного расследования выяснилось, что мистер Ллисъ вырвал и съел восемнадцать человеческих глаз, и общая сумма требований компенсации, по примерным подсчетам, составила 17,4 миллиона фунтов стерлингов.

Я рассказал обо всем, что касалось меня, и Конни, и Кроликов, настолько точно, насколько мог. Тем временем зрение в моем левом глазу становилось все мутнее из-за растекшейся в нем крови. Мистер Ллисъ хотел знать каждое сказанное Харви слово, каждый наш разговор. «Что он имел в виду?», «Что ты подумал, когда он заглядывал в вентиляционные шахты Мегакрольчатника?», «Ты когда-нибудь разговаривал с Патриком Финклом?», «Как ты считаешь, Констанция Кролик работает на Подполье?», «Как думаешь, ты еще увидишь Харви?»

— Вообще-то, — сказал я в ответ на последний вопрос, — думаю, что увижу. Он сказал, что мы

встретимся снова в то время и в том месте, когда и где преподобная Банти завершит круг.

Я увидел, как на кратчайший миг по лицу Старшего Руководителя промелькнул ужас. Мне показалось, что его глаза, всегда крохотные, чуточку расширились, но затем все прошло, и его лицо стало таким же непроницаемым, как и прежде. Он сел и какое-то время просто смотрел на меня, пока Тамара массировала ему плечи.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Переселение уже близко, и самая большая ложка дегтя в этой бочке с медом — это лжепророк Банти и Подполье. Мне нужно, чтобы ты на меня поработал. Будь моими глазами и ушами.

— Уговор был, что я вам все расскажу за пенсию и пятьдесят кусков.

Лис ничего не сказал, указал на мой глаз и ухмыльнулся.

— Давайте *предположим*, что я согласен, — помолчав, сказал я. — Что вы хотите, чтобы я сделал?

Мистер Ллисъ изложил свой план. Я должен был продолжать ходить в офис, но все рабочее время сидеть в допросной — он сказал мне принести восковые мелки и раскраску, — а также позволить моим отношениям с миссис Кролик

развиваться дальше. Ее отпустят, не предъявляя обвинений. Если она попросит меня дать ей допуск к базам данных Крольнадзора, я должен был доложить и передать ей те сведения, которые разрешит мистер Ллисъ. Проще говоря, я должен был сообщать обо всем, что слышу, а в особенности о времени и месте моей встречи с преподобной Банти.

— Я могу ее и не встретить, — сказал я.

— Если она это предвидела, — сказал лис, показывая такую уверенность в ее способностях, какой я от него не ожидал, — то это произойдет. И я хочу быть там, чтобы ее остановить.

Через десять минут я уже был снаружи и глупо моргал от солнечного света. Я глубоко вздохнул и направился в город, собираясь с мыслями. Я решил действовать по своему собственному плану — никогда больше не разговаривать с Конни и при каждой возможности избегать ее.

Но, конечно же, у меня ничего не получилось.

Как только мне вернули телефон, я написал Пиппе и встретился с ней в кафе у церкви Всех Святых.

— Блин, папа, — сказала она, — что с твоим глазом?

— Мистер Ллисъ угрожал вырвать его и

съесть.

Она нахмурилась и несколько секунд смотрела на меня.

— Ты не шутишь, да?

Я рассказал ей, что стал подсадной уткой для подсадных кроликов на службе у мистера Ллисъа и что Бобби и Харви оба были важными членами Кроличьего Подполья. Пока я говорил, ее выражение лица сменилось с просто озабоченного до испуганного осознания того, что все намного хуже и серьезнее, чем она себе представляла.

Я также сказал Пиппе, что не упомянул об ее отношениях с Харви, но, учитывая дедуктивные способности мистера Ллисъа, он либо уже все знал, либо это скоро вскроется, так что было бы неплохо ей на время залечь на дно.

— Когда Харви говорил со мной в последний раз, он говорил о тебе, — прибавил я. — Попросил передать, что между вами все по-настоящему… и мне кажется, что он не врал.

— Кролики редко врут, — сказала Пиппа. — Они больше всего гордятся теми своими качествами, которые отличают их от людей.

Я внимательно поразмыслил над ее словами и подумал о Конни. Если кролики редко врали, то логично было предположить, что и о своих

чувствах они говорили правду. И если Конни действительно была подсадной крольчихой, то, возможно, ее выбрали именно потому, что я ей все-таки нравился. Одной уловкой меньше.

Пиппа ушла через десять минут, перед этим крепко меня обняв. Я спросил ее, куда она отправится, и она сказала, что «знает безопасное место». Больше вопросов я не задавал. Правда, лучше было не знать. Когда она ушла, я еще час посидел в кафе, а затем отправился домой. Проезжая мимо деревни Слиптонский Шлепанец, я вдруг подумал, что, если Конни и *правда* была подсадной крольчихой, то она, вероятно, догадывалась, что я все расскажу мистеру Ллисъу. Я отчасти ожидал, что, когда приеду домой, Кроликов уже не будет. Нет, правда, я даже *надеялся*, что они съедут. Тогда я получил бы карт-бланш ничего не делать, а я очень хотел ничего не делать.

Мое желание не сбылось. Их «Додж» стоял на подъездной дорожке, а майор Кролик подстригал бирючиновую изгородь, покуривая при этом трубку. Вечер был теплым, поэтому он повесил свой пиджак на садовые вилы и работал в жилетке. Он радостно помахал мне, когда я вылез из машины, и я заметил Конни, поливавшую большой огород, который уже занял почти весь

газон. Если она и переживала из-за того, что ее арестовали и целый день допрашивали, она не подавала виду. Но помимо внешней беззаботности Конни, меня ждал еще один сюрприз. Тоби Маллет был занят тем, что перекрашивал дверь моего гаража.

— Мистер Нокс, я так извиняюсь за то, что измазал ваш гараж неприличными словами позапрошлой ночью, — заискивающим тоном сказал он, как только меня увидел. — Я был очень пьян и не полностью отдавал отчет в своих действиях. Папа объяснил мне, что я неправ, и я пришел загладить вину.

— Правда? — с толикой сомнения сказал я. Способность извиняться и искренне раскаиваться не входила в особенности характера Маллетов. — Ты что, хочешь снова увидеться с Пиппой?

— Нет! — сказал он, потрясенно выпучив глаза и бросив очередной беспокойный взгляд в сторону дома Кроликов. — В смысле, нет, *спасибо*, но все в прошлом. Она уже узнала о том, что я спал с Арабеллой из клуба верховой езды?

— А она просила тебя нагнуться, чтобы дать тебе в глаз?

Он помотал головой.

— Значит, не узнала.

Обсудив, в какой цвет покрасить дверь гаража поверх уже нанесенной грунтовки, он поспешно убрался восвояси, бросив на Хемлок Тауэрс еще один трусливый взгляд. Что-то явно происходило.

Я открыл дверь ключом, вошел в дом, проверил почту в прихожей — в основном счета и реклама, — а затем подпрыгнул от страха, обнаружив, что Док уже ждет меня в кухне.

— Пожалуйста, не надо так делать, — сказал я, — возникать из ниоткуда как черт из табакерки. Это очень неприятно.

— Извини, — сказал он, — но мне нужно поговорить с тобой о ярме на моей шее.

— О чем?

— О моей боевой подруге. О той-кому-нужно-подчиняться. Ну, ты понял, о супруге моей.

— Слушай, — сказал я, ожидая неприятностей, — все это — огромное недоразумение.

— О, я знаю, — с улыбкой сказал он, кладя мне на плечо могучую лапу. — Конни объяснила мне, что произошло, и мы хорошенько посмеялись. Я могу говорить с тобой прямо?

— Конечно.

Он опустил глаза и задумчиво постучал когтями по линолеуму.

— Я стреляю уже не так метко, как прежде, и рано или поздно окажусь на рассвете на каком-нибудь туманном болоте, глядя в дуло пистолета, который будет держать какой-нибудь самоуверенный молодой кролик с твердой рукой. А мои секунданты будут уверять меня, что все хорошо, хотя я буду знать, что это не так.

Он уселся за кухонный стол.

— Я не хочу оказаться одним из тех жалких бывших альфа-самцов, которые живут в одиночестве с такими дырявыми ушами, что в них капусту можно отжимать, и где каждая дырка — вечное напоминание о любви, за которую он боролся, но в итоге потерял.

— Я не совсем понимаю, к чему это.

— Ты с Конни, похоже, на короткой ноге, и я бы хотел, чтобы ты держал меня в курсе тех ее интрижек, которые, как ты считаешь, могут оказаться чем-то *по-настоящему* серьезным. Я знаю, до весеннего брачного сезона еще полно времени, но в наши дни жен начинают отбивать все раньше и раньше. Если я буду предупрежден заранее, то смогу отогнать соперников жесткими речами, деньгами или молчаливым проявлением мужской агрессии и таким образом избежать вызова.

— Я понял, о чем ты, — сказал я, — но мне не

очень хочется шпионить за твоей женой.

— Когда любишь, это не шпионство. Я бы попросил Бобби, но эти двое неразлейвода, а Кент… В общем, этот мальчишка — неисправимый копатель. Ты знаешь, что, когда он рядом, мне приходится прятать все лопаты?

— Удивительно.

— Вот именно, — сказал Док, готовясь уходить. Он заметно повеселел. — Удивительно. Ты ведь будешь рассказывать мне про Конни, верно? Мне нужно как-то сохранить брак, при этом *не* дерясь на дуэлях.

— Сделаю, что смогу.

— Молодчина, — сказал Док. — Кстати говоря, ты не видел Бобби? Пока я был в Херефорде и забирал Конни из застенков, она собрала вещи и ушла.

— Нет, — сказал я, сообразив, что она могла узнать о раскрытии личности Харви и догадаться, что ее, наверное, станут допрашивать следующей. Мне показалось странным, что наши дочери вместе скрываются от Крольнадзора.

— Вот и хорошо, — сказал он, улыбнулся мне, прыгнул в дверь и меньше чем через десять секунд продолжил возиться в саду.

Я услышал новости о том, что «Две ноги — хо-

рошо» проводят демонстрацию у Колонии № 1, когда делал себе запеканку на обед. Примерно двести сторонников превосходства гоминидов собрались у входа в колонию, разозленные тем, что обыкновенным трудящимся людям отказывают в минимальных социальных благах, в то время как кроликов переселяют «в роскошное место». И хотя демонстрация была воинственной и громкой, она не была незаконной, и полиция с Крольнадзором, похоже, не собирались ее разгонять. Учитывая связи мистера Ллисъа с «Две ноги — хорошо», я не мог не подумать, что на самом деле это не демонстрация, а просто осада и способ не дать преподобной Банти перемещаться по стране и распространять, по словам Сметвика, «опасные призывы к мятежу».

Я только поставил запеканку в духовку, когда раздался звонок в дверь. Я подумал, что это может быть Конни и что она звонит из вежливости, но это была не она. Это были Виктор и Норман Маллеты.

— А, — настороженно сказал я, — добрый вечер.

— Добрый вечер, Питер. Что случилось с твоим глазом?

— Напоролся им на гвоздь.

— Ох. Мы можем войти?

— Вообще-то нет. Вы сказали, что у меня есть сорок восемь часов, чтобы съехать, а затем сдали меня с потрохами Крольнадзору. У меня есть еще восемь часов, чтобы не выполнить ваше требование, так что до этого времени можете оставить меня в покое.

Виктор и Норман переглянулись.

— Думаю, наши слова о сорока восьми часах, чтобы съехать, были выдернуты из контекста, — сказал Виктор. — Думаю, *на самом деле* мы имели в виду, что у тебя есть сорок восемь часов, чтобы остаться.

— Это не объяснение, а полный бред.

— Да… Мы как раз пришли, чтобы все прояснить.

— Хорошо, тогда позвольте-ка мне спросить: каков был контекст, когда твой сын намалевал на двери моего гаража «зайцеблуд»?

— Он же извинился и все закрасил, — сказал Виктор. — Если посмотреть на это с положительной стороны, тебе еще и гаражную дверь покрасили.

— Ты прав, — сказал я. — На самом деле я должен вам спасибо сказать. Слушайте, я пятьдесят лет живу в этой деревне. Я здесь родился. Я знаю

всех, кто здесь живет, и все знают меня. И хотя Муч Хемлок немного заносит вправо, я думал, мы все можем жить дружно вне зависимости от политических взглядов. Но стоило появиться семейству кроликов, и все начали сходить с ума.

— Ну, да, — сказал Виктор, — об этом мы и подумали. Норман и я решили, что мы… поторопились, осудив тебя и Кроликов, и нам бы хотелось принести извинения.

— Извинения словами или действиями? — с подозрением спросил я, поскольку первые встречались не в меру часто, а последние пора было заносить в Красную книгу.

— Действиями, естественно.

— Хорошо, — сказал я. Мне стало жутко интересно, чем это закончится, ведь братья Маллеты славились по всему графству своими пустыми словами. — Вы принесете исчерпывающие извинения Кроликам, перестанете враждовать с ними, если к вам заявится кто-нибудь из АКроПаСК или из «Двуногих», вы дадите им от ворот поворот… а еще вы сделаете майора Кролика председателем приходского совета Муч Хемлока.

Требования были нелепыми, и я искренне ожидал, что они рассмеются мне в лицо. Но они этого не сделали.

— Это можно устроить, — сказал Виктор, контролировавший совет почти что с начала времен.

— И, — продолжил я, гадая, насколько далеко у меня получится зайти, — миссис Кролик перережет ленточку на городском фестивале Муч Хемлока на следующих выходных.

— Это невозможно, — сказал Норман. — Миссис Грисвольд и священник *всегда* проводят открытие. Но хотя перерезание ленточки — идея явно безумная, я, пожалуй, мог бы поставить миссис Кролик заведовать палаткой с выпивкой.

— Я думал о чем-нибудь более важном, — ответил я, поскольку по давней традиции на палатку с выпивкой ставили новичков-волонтеров, сумасшедших или тех, кто оказался в немилости в деревне. Место было даже менее престижным, чем у игр «Пропихни полпенни» или «Ударь крота». — Как насчет того, чтобы она разыграла лотерею?

Виктор и Норман рассмеялись — мы все понимали, что идея абсурдная. Миссис Фадж-Ригби заведовала лотереей по меньшей мере с шестидесятых, и она набросилась с кулаками на последнего человека, предложившего ей «взять перерыв».

— Ладно, — сказал я. — Мне пришла блестящая идея, — как насчет того, чтобы она судила овощи в палатке домашних заготовок?

Виктор и Норман переглянулись.

— Договорились, — сказал Виктор.

Мы пожали друг другу руки, и Виктор с Норманом, еще день назад бывшие моими заклятыми врагами, снова стали моими друзьями. Вероятно, благодарить стоило мистера Ллисъа, попросившего их оставить меня в покое, чтобы ничто не мешало моим усилиям поймать с поличным подсадную крольчиху. Я закрыл за ними дверь, а затем увидел в окно, как они уходят, похлопывая друг друга по спине и считая, что хорошо справились с задачей. Они были такими с тех пор, как я впервые узнал о них лет в восемь, и за годы ни на йоту не изменились. Они всегда пытались одурачить других ради собственной выгоды… и у них никогда это не получалось.

Попрыгунья Констанция

Прыжки были кроличьим спортом и главной программой Кроличьих Игр: прыжки в длину, прыжки в высоту, марафон по прыжкам, прыжки на короткую дистанцию и синхронные прыжки. Выглядело это всегда немного странно, поскольку до Очеловечивания кролики прыгали по-другому, а теперь, из-за причуды феномена, превратившего их в людей, скакали почти как кенгуру.

На следующее утро я взял больничный — мой глаз все еще сильно болел. Мой сон постоянно прерывали кошмары, в которых мистер Ллисъ хватал меня челюстями за горло и сдавливал так сильно, что я не мог дышать.

Сделав себе кофе и пожарив тост, я включил радио, чтобы послушать новости и узнать, что произошло в Колонии № 1 за ночь. Ответ, как оказалось, был такой: «почти ничего». «Две ноги — хорошо» оставались у ворот до двух часов ночи, скандируя свой фирменный гимн: «Беги, беги, кролик, да береги ушки, за тобой идет фер-

мер с большой-большой пушкой». Несмотря на явный оскорбительный тон и призывы к насилию, уже проводившиеся судебные слушания постановили, что слова взяты из «шутливой песенки, написанной до Очеловечивания», имеют исторический прецедент и, значит, считаются допустимыми. Итогом всей этой движухи стало то, что Колония № 1 оказалась закрытой на вход и выход, и, как сказал официальный представитель Крольнадзора, должна была оставаться таковой до тех пор, «пока не будет обеспечена безопасность кроличьего населения».

Около девяти кто-то позвонил в дверь, и за ней оказалась Конни, сиявшая, как солнышко, и улыбавшаяся. Она была одета в спортивный топ, короткую юбку и новые «Найки», а у основания ее ушей сидела спортивная повязка.

— Привет! — бодрым голосом сказала она. — Не хочешь попрыгать?

— Прости, что?

— Попрыгать. Я тренируюсь для Херефордширского двойного марафона по прыжкам. Он в следующем месяце, а я давно не занималась и подзабыла, как держать скорость и ритм. Если каждый раз прыгать слишком высоко, то быстро устанешь, а если слишком растянуть прыжок,

то можно неудачно приземлиться. Мне нужно прыгать со средней скоростью в двадцать четыре мили в час, чтобы побить свой личный рекорд или хотя бы попытаться прибежать к финишу в первой пятерке.

— Ладно, — сказал я.

— Но сначала я должна тебе кое-что сказать. Помнишь, я рассказывала тебе о дуэльных пистолетах?

— Да, но это неважно. Я не буду драться на дуэли с твоим мужем.

— Преподобная Банти считает, что будешь, — сказала она, — и она редко ошибается.

— Почему она вдруг так мною заинтересовалась?

— Она всеми интересуется. Так ты помнишь стишок, который я тебе рассказала?

— Это тот, где «с крокодилом на ручке пистолет стреляет кучно, а с маленькой пташкой всегда дает промашку»?

— Да, но вот в чем дело, он больше не использует пистолет с маленькой пташкой.

— Не использует?

— Нет. Он заменил его на пистолет с резным изображением кролика.

— Пушка с ушками?

— Да. Но ее брать не стоит.

— Не стоит?

— Нет. У пушки с ушками косая мушка.

— А у пташки что?

Она тяжело вздохнула, словно разговаривала с идиотом.

— Повторяю еще раз, так что слушай очень, очень внимательно: у пушки с ушками косая мушка, но с крокодилом на ручке пистолет стреляет кучно.

Я повторил более или менее правильно, а потом сказал:

— Но смотри, я ведь не могу драться с ним на дуэли, если ты не дашь согласие на наш союз.

— Я знаю, — сказала она, — преподобная Банти это тоже предвидела.

— А она что-нибудь полезное предсказывает? Результаты скачек, например?

— Постоянно, но пользоваться этой информацией для обогащения было бы неэтично. А теперь вернемся к прыжкам. Поскольку ты человек и потому наделен самыми слабенькими мышцами ног, ты никогда за мной не угонишься, так что предлагаю тебе ехать рядом на машине. Я проложила маршрут длиной почти ровно в восемь миль. Если я смогу проскакать круг за двадцать

минут, то у меня будет шанс обогнать Пенелопу Кролик. Она слишком много о себе мнит, и нужно бы сбить с нее спесь.

— А Док как к этому относится?

— Если бы он знал, уверена, он бы совершенно не возражал.

— Правда?

— Ну почти.

— Тогда ладно.

Я решил взять «Остин-Хили», поскольку это кабриолет, и, когда я выехал задом из гаража, Конни разложила на капоте карту, чтобы показать мне маршрут. Из Муч Хемлока в Косой Анкерболт шла почти прямая дорога. Конни предложила поехать по ней, а затем свернуть налево у церкви Святого Юлиана Целителя Отекших Миндалин, потом три мили двигаться по трассе вдоль неиспользуемой железной дороги, приехать в Сионский Капок, откуда, свернув у старого церковного амбара, мы сможем вернуться в Муч Хемлок через Слиптонский Шлепанец.

— Я дам тебе фору, — сказала она. — Если можешь, держись скорости в двадцать четыре мили в час.

У моей машины был точный спидометр, так что я поехал в указанном ею направлении, ста-

раясь двигаться с одной и той же скоростью. Она вскоре догнала меня и стала держаться рядом, совершая мощные прыжки по полю сбоку от дороги. Она мастерски перепрыгивала стены, ограды, небольшие рощицы, овец и иногда коров. Когда она находилась в верхней точке прыжка, казалось, что она просто парит в воздухе рядом со мной. Затем она приземлялась и, с энергичным толчком и резким выкриком, напоминавшим мне стоны теннисисток во время удара, снова взлетала в воздух. Там у нее была одна или две секунды, чтобы поговорить.

— Я очень хочу извиниться за то, что произошло, — сказала она, пролетая над насухо сложенной стеной. — Я не хотела, чтобы тебя приволокли на допрос в Крольнадзор. Ты ведь им сказал, что ничего не было, верно?

— Так ничего и не было, — сказал я. Мне пришлось повысить голос, чтобы перекричать попутный ветер. — А что ты сказала Доку?

— То же самое, — сказала она, совершая еще один прыжок. — Он *безумно* подозрителен, всегда сильно нервничает перед брачным сезоном, да и характер у него взрывной, так что я сказала ему, что о тебе и речи быть не может, потому что ты, ну…

— Неинтересный?

— Я вообще-то сказала, скучный.

— Спасибо. Он хочет, чтобы я за тобой шпионил.

Она приземлилась прямо перед рядом деревьев, прыгнула, затем мастерски свернулась калачиком и с треском ломающихся ветвей и рвущейся листвы пролетела через кроны.

— Он боится, что потеряет тебя на дуэли с другим самцом, — сказал я. — Говорит, что не хочет, чтобы единственным напоминанием о тебе осталась дыра в ухе.

Думаю, этого Конни не знала.

— Он так и сказал?

— Почти так.

Она приземлилась, вскрикнула и перемахнула через небольшое стадо коров, которые выглядели так, словно они только что осознали, что сегодня вторник и им придется пересмотреть свои планы. У церкви в Косом Анкерболте мы свернули налево — Конни для этого пришлось совершить серию прыжков по кладбищу, а затем она исчезла за чайными и догнала меня, проскакав по относительно ровной заброшенной железной дороге. Я рассказал ей, что Флемминг и Куницын сначала пытались заставить меня дать показания против

нее, но затем вмешался Старший Руководитель.

— Это мистер Ллисъ снял с нас все обвинения.

Она посмотрела на меня, поморщилась, затем приземлилась, издала еще один резкий вскрик и перемахнула через беспечно брошенный зерноуборочный комбайн, пролетев в считаных дюймах над ним. Затем она замедлилась и наконец остановилась у небольшой поросли деревьев, которая обозначала границу поля со зреющей пшеницей.

— Как мои успехи? — спросила она, оборачивая свои уши холодным полотенцем из холодильной камеры, которую она оставила в моей машине.

— Двадцать две минуты и восемнадцать секунд, — сказал я, глядя на свой секундомер.

— Есть еще над чем поработать, — пожав плечами, сказала она, и я заглушил двигатель. Затем Конни повернулась и направилась вдоль поля, опоясанного рядом плакучих берез. Это было приглашением присоединиться к ней, и я, посмотрев по сторонам и никого не увидев, вылез из машины и пошел за ней. Она вела лапой по верхам пшеницы, колыхавшейся на легком ветру, и мы шли по тропинке, которая вела нас к далекому шпилю Клагдэнгл-он-Эрроу мимо амбара Кинтли — полуразрушенного строения, которое в былые

дни было излюбленным местом подростков. Оно находилось достаточно далеко, чтобы скрыться от глаз взрослых, но не так далеко, чтобы до него нельзя было добраться на велосипедах. Здесь я впервые поцеловал девушку — Исадору Фэйрфакс, ныне вторую миссис Маллет, — и здесь же Норман в порыве ярости ударил Джеймса Брайанта длинной балкой от подмостков — эпизод, который, как мы всегда считали, стал причиной многочисленных эпилептических припадков Джима и его ранней смерти в двадцать два года.

— Ну, — сказала Конни, — так и почему же мистер Ллисъ снял обвинения?

— Он хотел, чтобы ты и я продолжили общаться, как и до этого. Он сказал, что ты…

— Что?

— Что ты… подсадная крольчиха. Что ты переехала в дом напротив, чтобы соблазнить и использовать меня. Возможно, чтобы при помощи моего служебного допуска получить доступ к серверам Крольнадзора.

Она остановилась, повернулась ко мне, озадаченно склонив голову набок, и ее уши упали вперед.

— Ты тоже так думаешь?

— Я не знаю, что думать. У меня есть допуск,

ты — крольчиха, через месяц начнется Переселение…

— Я всегда думала, что мы можем быть вместе, Питер, с самой первой нашей встречи в университете. Не знаю как, почему и правда ли это возможно, но глубоко внутри я всегда это чувствовала.

Я тоже это чувствовал, но не знал, стоит ли оно того, чтобы рисковать жизнью на дуэли. Док был военным, а я пару раз выигрывал соревнования по стрельбе. В школе я стрелял из пистолетов.22 калибра, но дуэль на тяжелых кремневых пистолетах — это же совсем другое дело. Я вряд ли смогу победить. Возможно, в этом и заключался их план.

— Что еще сказал мистер Ллисъ? — спросила она.

— Что я должен дать нашим отношениям развиться и посмотреть, что я смогу выведать о тебе, о планах по гражданскому неповиновению и срыву Переселения, и, в особенности, о преподобной Банти. Он сказал, что если я не стану сотрудничать, то он вырвет мне глаз. Я согласился ему помочь, но теперь рассказываю тебе, чтобы ты поняла — я не крыса.

— Я рада, — сказала она. — Спасибо.

Она остановилась у входа в амбар. Дубовая перемычка сгнила и отчасти обвалилась, и несколько кирпичей угрожающе висели над входом.

— Заходи, — сказала она.

— Знаешь, что, — с большим трудом сказал я, — я правда не думаю, что это хорошая идея.

— И я уважаю тебя за это, — сказала она, — но это не то, о чем ты думаешь. Я хочу, чтобы ты кое с кем встретился.

— С кем?

— Верь мне.

Внутри нас ждали мужчина-человек и крольчиха, оба сидевшие на остатках телеги для сена. Когда я играл здесь, будучи ребенком, она была почти целой, но теперь от нее осталась лишь полуразвалившаяся рама. Подойдя ближе, я увидел, что человек — это Патрик Финкл из Агентства по поддержке кроликов. Он встал, когда мы подошли, улыбнулся и шагнул вперед, чтобы пожать мне руку. Его белоснежно-белая спутница-крольчиха была в очках в роговой оправе и одета в стиле Беатрис Поттер — голубой сарафан в цветочек и большой бант из такой же ткани между ее ушей. На них обоих были походные ботинки, а на земле рядом стояли два рюкзака.

— Здравствуйте, мистер Нокс, — сказал Фин-

кл. — Рад наконец-то с вами познакомиться. Я довольно часто вижу вас по пути на работу в Крольнадзор.

Он сжал мою руку между двумя своими — я почувствовал отсутствие больших пальцев, и от этого у меня по спине пробежал мерзкий холодок. Финкл был первым, кто отрезал себе пальцы, чтобы показать свою приверженность делу кроликов. И хотя кто-нибудь мог возразить, что большие пальцы и использование орудий труда были такой же характерной чертой нашего вида, как уши для кроликов, Финкл не просто лишил себя сноровки — он сделал заявление о нашей человечности и отказался от нее. Вмиг мое первичное отвращение превратилось в понимание и отчасти даже восхищение. Я глубоко вдохнул и выпрямился.

— Зовите меня Питер, — сказал я. — За один лишь разговор с вами мне грозит немедленное увольнение.

Он невесело улыбнулся.

— Я никому не скажу, если вы не скажете. Вы ведь хотите посмотреть на мои отрубленные пальцы, верно?

— Это так очевидно?

— Боюсь, что да. Не стесняйтесь, все этого хо-

тят.

Он поднял руки, чтобы я мог хорошенько рассмотреть их и удовлетворить свое любопытство. В те дни операции проводились настолько точно, что человек без больших пальцев мог выглядеть так, словно у него их *никогда* не было, но Финкл сам отрезал их себе ленточной пилой, и поэтому обрубки были неровными и разной длины. Крови он, должно быть, потерял немало.

— Не скучаете по ним? — глупо спросил я, не зная, как начать разговор с обрубленным человеком.

— Скучаю. Каждый день, — спокойно сказал он. — Но когда жертвуешь тем, что тебе не нужно, это даже жертвой нельзя назвать.

По последним подсчетам, около восьмисот человек обрубили себе большие пальцы. Все они жили в колониях или в прибежище на острове Мэн, приняв кроличьи устои. От такого шага разразились скандалы, и некоторых людей даже выкрадывали компании, спасавшие других из сект. Но каждый раз, когда появлялась возможность, обрубленные возвращались в колонии. Раз обрезав себе пальцы, человек делал свой выбор и больше не отказывался от него.

— А это, — сказал Финкл, поворачиваясь, чтобы

представить свою спутницу-крольчиху, — преподобная Банти Селестина МНУ-683, мой ментор, духовная наставница и возлюбленная спутница жизни.

— Ой! — сказал я, придя в замешательство, хотя не от того, что встретил ее, а от того, насколько мне, должно быть, доверяли, чтобы допустить это. — Здравствуйте.

Если я и ожидал ощутить при встрече с ней что-нибудь мистическое — ауру праведности, или духовности, или что-нибудь еще, — то я был разочарован. Она выглядела так же, как и любая другая Лабораторная крольчиха, хотя очки и выдавали ее родословную. Подопытное животное, жившее в клетке под номером МНУ-683, перед Очеловечиванием использовали для проверки того, как сильно шампунь раздражает глаза, и у всех ее потомков было слабое зрение, хотя я и не понимал, как такое могло передаться по наследству.

— Здравствуйте! — с сияющей улыбкой сказала она и взяла мою руку в свои лапы. — Рада с вами познакомиться. Батюшки, а что случилось с вашим глазом?

— Лис случился, — сказал я, — ничего страшного.

— Он угрожал вырвать его и съесть?

— Да.

Она поморщилась, затем начертала вокруг моего глаза круглый символ Лаго и положила на него лапу на несколько секунд. Я подумал, что это может быть какое-нибудь чудо или что-то в этом духе, но нет. Когда она подняла лапу, мой глаз чувствовал себя ничуть не лучше, чем прежде.

Закончив знакомство, мы все сели на остатки телеги. Вокруг нас радостно жужжали пчелы, а утро потихоньку становилось жарким. Преподобная Банти раздала нам жестяные кружки[61] с напитком «Вимто» и предложила сэндвичи с огурцом.

— Я бы сейчас такую громадную морковку могла съесть, — сказала Конни, которая только что пробежала расстояние, эквивалентное пятнадцати стометровкам.

— Я приняла обет воздержания, — сказала преподобная Банти, — и поэтому не взяла морковок. Прошу прощения.

— Ах, да, — сказала Конни, немного смутив-

---

[61] Примечания: 61

Кролики обычно избегали одноразового пластика. Зная, как сильно кролики любят их пирожные к чаю, компания «Туннокс» в щедром жесте отправила кроликам двести деревянных ящиков со своей продукцией.

шись. Она забыла, что кроличье духовенство отказывалось от «оранжевых наслаждений», дабы отстраниться от манящих соблазнов материального мира.

— Разве у нас нет персиков? — сказал Финкл. — И я, кажется, брал с собой фруктово-ореховый батончик.

— Подожди, — сказала преподобная Банти, копошась в своем рюкзаке. — Есть банановые сэндвичи, но они немного помялись, и, кажется, где-то был ореховый пирог…

— Итак, Питер, — сказал Финкл, когда мы все немного поели, — расскажите мне о сделке, которую вы заключили с мистером Ллисъом.

— Я только что рассказывал о ней Конни, — сказал я. — Как вы узнали?

— Все стало очевидно, когда Констанцию выпустили, — сказал Финкл. — Я не вижу другой причины для такой щедрости.

Я рассказал им все что знал, и они оба молча слушали, подавая голос лишь для того, чтобы задать вопрос или что-нибудь прояснить. Преподобная Банти попросила меня описать планировку Мегакрольчатника, и я, как мог, все изложил. А еще она спросила, какой у меня уровень допуска к мейнфрейму Крольнадзора.

— На один выше самого низкого, — сказал я, — но я не смогу к нему подключиться. Мистер Ллисъ и куница просто хотят узнать, что именно вы попросите меня найти, и воспользоваться этим, чтобы разгадать ваши планы.

— Хмм, — сказал Финкл, — надо полагать, мистер Ллисъ уже предположил, что вы все нам расскажете, так что *точно* его ходы просчитать трудно.

— Он очень хочет узнать, где вы находитесь, — сказал я преподобной Банти, — и его очень интересовала тема «завершения круга».

— Вот как, — сказала преподобная Банти. — Это очень интересно.

— Правда? — спросил я.

— Да, — сказал Финкл, — очень.

Я посмотрел на Конни, которая, как мне показалось, все еще думала о столь желанной «громадной морковке».

— В конечном счете, — сказал я, — мистер Ллисъ хочет заставить вас всех переехать в Мегакрольчатник безо всяких проблем, и он считает, что, если арестует преподобную Банти, все пройдет намного проще.

— Даже если он посадит Банти под замок, проблемы все равно будут, — сказал Финкл. —

Большой Кроличий Совет утвердил планы по гражданскому сопротивлению, так что каждого кролика придется тащить в Уэльс силком одного за другим. А это будет крайне дорогим удовольствием, не говоря уже о кошмаре в СМИ.

— Поскольку Сметвик и мистер Ллисъ поставили на кон Переселения собственные репутации, — прибавила преподобная Банти, — они захотят завершить его любыми возможными способами. А при поддержке более полутора тысяч лисов и десяти тысяч оперативников Крольнадзора ситуация может сложиться очень неприятная.

Я тоже это понимал, ничего нового они не сказали. Думаю, АКроПаСК рассчитывала, что если дело дойдет до борьбы, то врожденное неприятие конфликтов у кроликов и врожденная *склонность* к конфликтам у Крольнадзора все решат.

Разговор прервался на одну или две минуты, пока преподобная Банти резала почти не раздавленный пирог с орехами, но вскоре снова завязался. Мы узнали, что Банти выросла в колонии и творила чудеса с тех пор, как закончила среднюю школу, став главной претенденткой на роль новой главы духовенства после смерти предыдущей Банти — пятой после Очеловечи-

вания. Наша встреча была больше похожа на светскую беседу, а не на серьезное обсуждение, и в какой-то момент я спросил Финкла, не хочет ли он, чтобы я что-нибудь для них сделал.

— Вообще-то нет, — сказал он. — Я просто хотел с вами познакомиться. Узнать соседа Конни получше, посмотреть, что вы можете нам предложить. Теперь же я хочу, чтобы вы продолжали сотрудничать с мистером Ллисъом. Если хотите, можете рассказать ему об этой встрече. Поговорив со мной, вы не преступили закон, а лишь совершили маленькое должностное нарушение.

— Вы уверены? — спросил я, расстроившись, что не смогу им помочь.

— Мы уверены, — сказал Финкл. — Вы можете рассказать ему и про Банти тоже. Только перед этим дайте нам четыре часа, чтобы уехать.

— И все? — сказал я.

— И все.

Пока мы ели вкусный ореховый пирог, испеченный сыном мужа дочери сестры матери преподобной Банти, преподобная Банти и Конни рассказали нам о жизни в колониях, которые, несмотря на недостаток свободы и ограниченное пространство, были единственными местами в Соединенном Королевстве, где можно было

жить исключительно по кроличьим принципам социального равноправия.

— Они иногда бывают навязчивыми и зачастую непреклонными, — сказал Финкл, — но, пожив в обеих системах, я считаю, что страна, управляемая по кроличьим принципам, стала бы шагом вперед. Хотя, честно говоря, я не уверен, что наши мозги заточены под такой режим. Большинство людей, конечно, от природы рождаются порядочными, но некоторые запрограммированы быть полнейшими сволочами, и часто чаша весов склоняется в их сторону.

— Порядочные люди чаще всего готовы поддержать правое дело, — сказала преподобная Банти, — но дальше слов дело обычно не идет. Вы уничтожаете экосистему безо всякой на то причины, если только не считать ваше ложное чувство судьбоносности человеческой экспансии. Но пока вы не перестанете болтать о проблеме и не почувствуете искренние угрызения совести, ничего не изменится.

— Совесть — а по-другому это и не назвать — штука хорошая, — сказал Финкл. — Правильная, и она *работает*. Совесть — это чувство, позволяющее критически подойти к самому себе, а это ведет к озарению, раскаянию, возмущению

и, наконец, к осмысленному действию. Мы не ждем, что толпы людей смогут подняться и совершить этот непростой путь эмоциональной честности, — многие проходят этап озарения, но навеки застревают на раскаянии. Однако мы живем с надеждой.

— Я понимаю, — сказал я, чувствуя, что мне тоже еще предстоит совершить переход к раскаянию.

— Это еще одно доказательство того, что движущей силой Очеловечивания была сатира, — сказала Конни, — хотя если это так, то мы не знаем, кому она должна была пойти на пользу.

— Уж точно не людям, — сказал Финкл, — ведь сатира должна иронично подчеркивать недостатки, чтобы помогать кому-то стать лучше, а присутствие кроликов сделало людей только хуже.

— Может быть, в человека изначально заложена такая реакция на возможную угрозу, — предположил я, — хотя, честно говоря, я знаю множество людей, которые утверждают, что «не имеют ничего против кроликов», но при этом молчат и никак не пытаются противостоять окружающей их лепорифобии.

— Или, может быть, это просто комедия ради

смеха, и ничего более, — прибавила Конни. — Или еще более бестолковая сатира, вызывающая только пару смешков и небольшое или среднее возмущение, за которыми следует лишь еще больше разговоров и ноль действий. Такое… пустое остроумие.

— Может быть, небольшое дуновение в морально верном направлении — это большее, на что следовало надеяться, — задумчиво прибавил Финкл. — Возможно, этим и занимается сатира — не изменяет уклад целиком, но подталкивает коллективное сознание к справедливости и равенству. А ореховый пирог еще остался?

— Боюсь, я съел последний кусок, — сказал я, — но я спрашивал, не хочет ли его кто-нибудь.

— Ничего страшного, — сказал Финкл, глядя на свои часы. — Думаю, нам уже все равно пора отправляться в путь. Скажите, Питер, вы любите сов?

— Сов?

— Ну да. Знаете, птицы такие. Не шибко умные, с большими глазами, любят мышей?

— Да, пожалуй.

— Они — моя неизменная страсть, и мне нужен человек, который присмотрит за Олли, пока не закончится Переселение.

— У меня нет вольера.

— В моем трейлере есть передвижной. Я его вам отправлю. Ну что ж, до свидания, мистер Нокс. Очень рад был с вами познакомиться. И, Констанция? Передавай Доку мои наилучшие пожелания и скажи ему, что я все еще жду реванша за тот раз, когда он разгромил меня в пинг-понг.

Конни сказала, что передаст, и мы все снова пожали друг другу руки и лапы. Преподобная Банти сказала несколько слов на кроличьем, и после молитвы, во время которой мы все полминуты стояли на одной ноге, мы разошлись в разные стороны: преподобная Банти и Патрик направились к Клагдэнгл-он-Эрроу, а Конни и я вернулись туда, где я оставил машину.

— Что все это значило? — спросил я, когда мы снова подошли к «Остин-Хили».

— Финкл и преподобная Банти сказали, что хотят встретиться с тобой. Узнать… тебя получше.

— Зачем?

— Знаешь что, — сказала она, вдруг оживившись, — давай-ка поскачем по Слиптонской дороге до дома наперегонки. Готов?

Я запрыгнул в машину, прокричал: «Готов!», и мы рванули с места с визгом шин и с напряженным криком от Конни. Дорога домой заняла

десять минут, и, хотя «Остин-Хили» был быстрее Конни, она с высоты заранее видела все повороты, а мне на них приходилось сбавлять скорость. По дороге к Шлепанцу я немного оторвался, но, оказавшись в деревне, я вынужден был замедлиться. А Конни — нет. Она промчалась по маленькой деревушке за несколько прыжков, каждый безрассуднее предыдущего. Она даже запрыгнула в открытое окно верхнего этажа дома мистера Гамли, а потом вылетела из двери остекленного балкона с обратной стороны и очутилась на дороге в Муч Хемлок. Я поравнялся с ней на полпути туда, но затем она вырвалась вперед, когда мне пришлось притормозить, чтобы пропустить велосипедистов и лошадку.

Когда я добрался до дома, дверь была распахнута, и я нашел Конни в кладовке, где она сунула уши в морозилку.

— Перегрелась, — пояснила она. — Как же вам повезло, что вы потеете. Если бы я принадлежала к виду, желающему получить мировое господство, я в первую очередь обзавелась бы потоотделением, удобной обувью, грамотностью и умением вести бухучет по методу двойной записи.

— Конни, я могу тебе кое в чем признаться?

— Ты не согласен с важностью метода двойной записи?

— Нет, думаю, его преимущества бесспорны, — ответил я, набирая в грудь побольше воздуха и вдруг почувствовав желание опустить глаза в пол. — Речь… о твоем втором муже.

— О Дилане?

— Да. Я… был там в ночь, когда его неверно опознали.

Она замерла и пристально посмотрела на меня, склонив голову набок.

— Я все гадала, скажешь ты мне или нет.

— Подожди, ты что… Ты *знала*?

Она кивнула.

— Мы знали, что ты опознаватель, и знали, что ты сделал. Но я сказала, что знаю тебя и что ты не такой уж и плохой. Что ты просто слабохарактерный… и тобой легко манипулировать.

— Так, значит, наша дружба — это обман? Ты и правда подсадная крольчиха?

— Нет, — ответила она, — никакого обмана. Все способны измениться к лучшему. Можно делать что-то плохое, а потом реабилитироваться, восстановить справедливость для себя и для тех, кому ты навредил. Я знала тебя до того, как ты насовершал ошибок, когда ты еще мог делать что

хотел. Мне хочется верить, что частичка *того* Питера Нокса еще жива в тебе.

Я уставился на нее, не зная, что и сказать.

— Правда, я на тебя совсем не сержусь, — сказала она, поскольку я, очевидно, все еще не был убежден. — Мы знаем — ты говорил мистеру Ллисъу, что это не Дилан, и знаем, что твой протест отклонили. Ты мог бы сделать больше и думаешь, что все еще можешь. Ты можешь помочь нам, а мы, в свою очередь, можем помочь тебе. Это никакая не западня и не обман — это дружеское вмешательство. Ты понимаешь, что я пытаюсь сказать?

— Что меня можно исправить?

— Да, — сказала она, кладя лапу мне на руку, — тебя можно исправить.

— Так значит, — сказал я, помолчав, — ты была готова убить мистера Ллисъа в кафе у церкви Всех Святых просто ради мести?

— Нет, — сказала она, — нам ведь грозила ответная расправа. За убийство такого высокопоставленного лиса наказание для кролика было бы в десять раз выше обычного. Нет, я всего лишь хотела его заинтересовать.

Повисла еще одна пауза.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил я. —

Про меня, Дилана и про все остальное?

Она улыбнулась.

— Ты удивишься тому, сколько людей дружат с кроликами. И видишь это?

Она указала на свои длинные, изящные уши, покрытые тончайшим и мягчайшим пушком.

— Да?

— Они не только для украшения.

Кролик на прослушке

Из кроличьего словаря: Хиффнифф. Прямой перевод – «постановление», но более правильным, хотя и многословным, будет «предложение приступить к совместным действиям, направленным на благо крольчатника». Однако, если поставить ударение на последнее «ф», значение изменится на «любая одежда, надетая на женщину в ночь девичника».

Тогда я этого не знал, но пока я беседовал с Финклом и преподобной Банти, Пиппа с помощью Бобби благополучно добралась до Колонии № 1. Там она встретилась с Харви, но мне не довелось снова увидеть их, пока я сам не очутился в колонии в день Битвы за Мей Хилл. Мне предстояло стоять рядом с Конни и преподобной Банти и смотреть, как Пиппа и Харви покидают меня, пока вокруг падают артиллерийские снаряды и раздается резкий лай, визги и вопли взбудораженных лисов вперемешку с испуганными криками кроликов. Но все это ждало меня в будущем, и никто об этом пока не знал. Ну или, по

крайней мере, я не знал.

Ночью после разговора с Финклом и Банти я спал необычайно хорошо, и на следующее утро мой глаз, который еще прошлым днем был кроваво-красным, болел и видел очень смутно, почти зажил. Будучи в удивительно приподнятом настроении, я съел завтрак, принял доставку совы Финкла и ее передвижного вольера, а затем позвонил в отдел кадров Крольнадзора и сказал им, что «по личным причинам» буду временно работать неполный день. После этого я провел всю следующую неделю, притворяясь, будто у меня интрижка с Конни. Идея принадлежала ей, она хотела, чтобы мистер Ллисъ потратил на нас ценные ресурсы, которые иначе могли быть направлены на подготовку к Переселению. Я с радостью подыграл ей, ведь мне всегда нравилось проводить с ней время.

В первый день мы встретились в вестибюле отеля «Зеленый Дракон» и сняли комнату. Там мы провели час, играя в Скрэббл, а потом, не особо скрываясь, ушли с разницей в десять минут. Потом мы несколько раз встречались во «Всех Святых» за ланчем, катались на электричке в Бирмингем, чтобы посмотреть на выставку работ Вильгельма Хаммерсхёя, а на следующий день я

взял больничный и спрятался у себя в свободной комнате. Конни же тем временем отправила наши мобильные телефоны на «Кроличьем такси» аж в международный аэропорт Ливерпуль имени Джимми Тарбака. Она не сказала зачем, но я предположил, что она хочет создать впечатление, будто мы проводим разведку перед возможным побегом на остров Мэн. В тот вторник я даже попросил ее ходить по пятам за Стэнли Болдуином во время *Блицкнига*, где она показала немалый талант в расстановке книг на полках.

Когда я приходил в офис — обычно по вечерам, — я проводил время в допросной номер один, читая роман «Мадам Бовари», который мне одолжила Конни.

— Что-нибудь узнал? — спросил Адриан Куницын вечером шестого дня. Ко мне всегда приходил Куницын.

— Пока ничего, — сказал я.

— Старший Руководитель начинает терять терпение, — сказал Куницын. — Большой Кроличий Совет объявил, что колонии не станут переселяться, а эта ведьма Банти издала *хиффнифф*, говоря всем без исключения держаться, не переезжать и оказывать вежливое пассивное сопротивление всем, кто попытается их переселить.

— Я слышал, — сказал я, — в новостях говорили.

— Мистер Ллисъ и Сметвик последовали совету Генерального прокурора, и, поскольку из-за Закона о Переселении выселять их силой стало легально, передние зубы кроликов теперь приравнены к холодному оружию. «Владение зубами во время ареста» теперь равносильно «вооруженному сопротивлению», и нам позволено отвечать на такую угрозу применением любой силы, какую только сочтем необходимой. Даже превентивной. Так что передай это своим ушастым друзьям.

Заявление было настолько откровенно несправедливым, что я не собирался его комментировать.

— Я не могу повлиять на преподобную Банти, Кроличий Совет или любых других кроликов в колониях, — сказал я. — Если Конни попросит у меня какую-нибудь информацию или что-нибудь мне расскажет, я все вам передам. Уговор был такой.

— Уговор был, что ты нам поможешь, — сказал Куницын, — а пока я не вижу…

Он замолчал, когда дверь в допросную отворилась. Мое сердце ушло в пятки — внутрь вошел Старший Руководитель Ллисъ. Полагаю, мне сле-

довало ожидать, что он будет подслушивать наш разговор, но до этого момента я не понимал, что был не просто одной из ниточек в расследовании, а самой главной из них.

— Здравствуй, Питер, — сказал лис.

— Слушайте, я делаю то, о чем вы меня попросили, — возможно, чересчур отчаянно защищаясь, сказал я.

— Я знаю, знаю, — сказал мистер Ллисъ, как будто утешая. — Я здесь не для того, чтобы угрожать. Твой глаз останется на месте.

А затем он сел и долго сверлил меня немигающим взглядом, пока я беспокойно ерзал на стуле. Я рассказал ему о своей встрече с Финклом и через четыре часа после нее с преподобной Банти, чем хотя бы на пару дней завоевал доверие.

— Прошла почти неделя, — наконец сказал он, — и все это время ты очень сильно осложнял работу моих ребят.

— Я делаю, что могу. Если Конни ничего мне не говорит, то и рассказать мне нечего.

Несмотря на мою внешнюю робость, которую я преувеличивал по совету Конни, я на самом деле ощущал себя немного храбрее, наверное, потому что чувствовал — я еще нужен лису. Мистер Ллисъ открыл пасть, выковырял из зубов хрящик,

посмотрел на него, а затем сказал:

— Чья это была идея, отправить ваши мобильные телефоны на такси в аэропорт?

— Конни.

— Кролики тебя просили что-нибудь для них сделать?

— Нет.

— Ты слышал что-нибудь, что показалось тебе полезным?

— Нет.

— Тогда нам придется повысить ставки. Ты сегодня еще увидишься с Кроликами?

— Почти наверняка. Док сегодня впервые заседает в приходском совете, и они пригласили меня на обед после этого.

— Идеально. Я хочу, чтобы ты надел прослушивающее устройство. Спроси у них о Банти, о Переселении, о Финкле, об АгПоК — обо всем, что можешь. Я хочу слышать, что они говорят, понять их настрой. Расспроси их, и я также хочу услышать, что ты прикладываешь хоть какие-то усилия, чтобы нам помочь. А то мне кажется, что ты совсем не стараешься.

— Я… хочу что-нибудь получить взамен, — сказал я, беспокойно почесывая свой нос. — Если они узнают, что на мне прослушка, то они мо-

гут сделать со мной то же, что сделали с Тоби, только при этом уже не вернуть «в целости и сохранности».

— Мы тебя слушаем, — сказал Куницын.

— Моя дочь сейчас находится в Колонии № 1, которую осаждают «Две ноги — хорошо» и сотрудники Крольнадзора. Я хочу, чтобы ей и одному безымянному кролику дали беспрепятственно уйти на остров Мэн.

Мистер Ллисъ улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он, — договорились. Пиппа Нокс плюс один кролик. Записывай, Куница.

Я услышал, как Куницын бормочет себе под нос:

– *Ку-ни-цын*, сто раз уже говорил.

Я даже не сомневался, что мистер Ллисъ и когтем не пошевелит, чтобы помочь Пиппе или ее любимому кролику. Для него моя дочь уже перешла на сторону другого вида, и относиться к ней следовало соответствующе. Я попросил его лишь по одной причине — чтобы он не думал, что я надену прослушку просто так. Мистер Ллисъ обошел стол и сделал вид, что хочет пожать мне руку, но вместо этого схватил меня за голову и больно ударил ею о стол. Затем, помедлив, он сделал это еще раз, сильнее, а потом еще, и снова

сильнее. Я почувствовал, как у меня сломался один зуб.

— Черт, — сказал я, — это *очень* больно.

— Первый раз был для того, чтобы ты понял, — сказал он, — если обманешь меня, я найду тебя, где бы ты ни был, и выцарапаю и съем твой глаз, как и обещал. Второй раз был за то, что ты предал собственный вид.

— А третий? — спросил я.

— А третий, — сказал он, наклоняясь поближе, чтобы прошептать мне на ухо, — просто ради удовольствия.

Ужин и божественное начало

Постукивания задней лапой по земле были отличным способом невербального общения с радиусом действия приблизительно в четыреста ярдов. Что-то вроде кроличьего вай-фая. При помощи азбуки Морзе можно было передавать целые книги большой группе кроликов, занятых на конвейерной сборке. Отсюда пошла фраза «остуче́нно классная история».

С трепещущим сердцем я поехал прямо домой. Прослушивающее устройство, которое мне дал Куницын, было похоже на простую шариковую ручку Паркер. Мне нужно было лишь щелкнуть ею раз, чтобы включить, и еще раз, чтобы выключить. Он сказал, что батарейки хватит на шесть часов и передатчик работает в радиусе мили.

Впрочем, я вовсе не обманывал себя и не считал, что могу одурачить мистера Ллисъа. Он наверняка знал, что я расскажу Кроликам о прослушке, и понимал, что они дадут лишь ту информацию, которую *хотели*, чтобы он услышал. Кем же я стал — тройным или четверным агентом? Понять

было невозможно. Так что я перестал пытаться разобраться во всем этом и пошел кормить сову Финкла, смотревшую на меня пустыми глазами.

Часы показывали шесть вечера, когда раздался стук в дверь. Это был Док. Он пришел вернуть пылесос «Генри» и извиниться: «Прости, не знаю, зачем она продолжает их тырить, все равно уборкой занимаюсь я». А еще он хотел узнать, не схожу ли я посмотреть, как он позорится на собрании приходского совета. Я сказал, что ни за что это не пропущу, ведь собрания совета чаще походили на живое представление в кабаре, чем на первый уровень демократического самоуправления. До сельского зала собраний было недалеко, и мы пошли пешком, беседуя о том, как все его контракты на консультации по безопасности были отозваны или разорваны безо всякого на то объяснения.

— Переселение ставит палки в колеса всем кроликам, законно живущим вне колоний, — сказал он. — Чувствую, что нам недолго осталось гулять на свободе.

Со стороны казалось, что в приходском совете Дока приняли достаточно хорошо. Виктор несколько десятилетий был председателем, и, хотя Норман в совете не участвовал, он был там вместе с остальной публикой и сидел рядом со

мной. Я видел, как он едва заметно кивает головой, слушая убедительные аргументы Дока касательно лучшего подхода к ограничению скорости движения, и как можно с минимальными издержками обновить местную детскую площадку. Один неловкий момент возник, когда был прочтен пятнадцатый пункт повестки, относившийся к вкладу совета в «плату за переезд», которую поселок собирал, чтобы заплатить Кроликам и выгнать их. Демонстрируя настоящий профессионализм, Док самоустранился от обсуждения и вышел, чтобы покурить трубку, пока его не попросили вернуться, чтобы обсудить выделение дополнительных средств на уборку церковного двора перед возвращением судей из «Спик и Спан». Советник Уэйнрайт считал, что это произойдет в следующий вторник в три часа, хотя, когда его спросили, он не ответил, почему он так думает. Когда собрание закончилось и после него начались обычные пересуды, Виктору кто-то позвонил по мобильнику, и он вместе со своим братом быстро исчез.

Лишь позже я узнал почему.

— Думаю, все прошло довольно хорошо. Ты как считаешь? — сказал Док через час, когда мы возвращались из зала собраний.

— Они были вежливы, потому что им сказали так себя вести, — сказал я, — это ненадолго.

— Верно, — сказал Док, — но давай наслаждаться этим, пока можем, а?

Перед этим мне позвонила Пиппа и коротко сказала, что у нее все хорошо, что она в Колонии № 1 и Бобби с Харви о ней заботятся. Она просила не беспокоиться о ней, потому что нашла себя, место, где хотела жить, и кролика, с которым хотела эту жизнь разделить.

Я спросил Дока, связывалась ли Бобби с ним или с Конни, и он сказал, что нет.

— Конни всегда говорила, что Бобби немного своенравная, — сказал он, — и слишком много смотрела «Алло, алло!» в детстве, так что, думаю, она неизбежно должна была завязнуть во всех этих шпионских делах. Судя по всему, в подполье ее зовут Бриджит.

— Как думаешь, в Колонии № 1 ей грозит опасность? — спросил я, переживая больше за Пиппу.

— Кто знает? Все зависит от того, прикажут ли Сметвик и мистер Ллисъ принудительно освободить колонии, применив при этом все подвластные им силы. Я знаю, что граждане Британии не очень тепло относятся к кроликам, но, как ни странно, когда дело доходит до жестокого

обращения с животными, они могут очень заинтересоваться, хотя и ненадолго. Животные всегда были их слабостью.

Он остановился у автобусной остановки, повернулся и посмотрел на меня.

— Слушай, Питер, старина, — сказал он, — думаю, нам надо поговорить. Выложить все карты на стол и все такое. Я считаю, что ты крутишь интрижку с Констанцией, и если ты мне клятвенно не пообещаешь держать свои загребущие ручонки подальше от моей жены, то мне придется вызвать тебя на дуэль.

— Заверяю тебя, что между нами ничего нет, — сказал я.

— Она говорит то же самое, и я поверил ей тогда, после инцидента с простыней. Но, видишь ли, я попросил Кента включить отслеживание ее телефона, и она пару раз бывала в «Зеленом Драконе», а еще я видел вас двоих во «Всех Святых».

— Мы просто ходили пить кофе, — сказал я.

— Так всегда все и начинается. Кофе, ужин, совместная пробежка, корзинка очищенных морковок, Скрэббл. Что вы двое делали в том полуразрушенном сарае? Я целый час наблюдал, и вы из него так и не вышли. Я бы остался подольше, но мне нужно было возвращаться домой,

чтобы посмотреть крикет.

— Мы встречались с Патриком Финклом и преподобной Банти, — сказал я.

— О, *ну конечно*, — сказал Док, — и Виктор Льюис-Смит с Папой Римским тоже там были, да? Если хочешь быть с ней, Пит, то поступи порядочно, перестань выдумывать глупые истории и брось мне вызов. Ждать, когда его брошу я, — путь труса. Так поступают только куницы.

— Куницы тоже дерутся на дуэлях?

— Нет, но если бы дрались.

— Нет никакой интрижки, Док, честное слово.

Он пристально посмотрел на меня и моргнул.

— Хотелось бы мне тебе верить, — со вздохом сказал он. — Почему бы нам после ужина не пропустить по пинте в «Единороге» и не обсудить все?

— Хорошо, — сказал я, радуясь возможности на пару часов соскочить с этой темы.

Оставшуюся дорогу мы прошли молча, и, сунув руку в карман, я щелкнул ручкой Паркер, включив прослушивающее устройство.

— Двое в норе, — крикнул Док, когда мы вошли в дверь. Это было обычное кроличье приветствие.

— Привет, — сказала Конни, выглядывая из

кухни. — Как прошло собрание совета?

— Они мне прямо в рот смотрели, — сказал Док.

— Правда?

— Нет, не совсем. Сплошное притворство. Они меня всем сердцем ненавидят.

— Как и всегда, — сказала Конни.

Пока Док пошел накрывать на стол, я отправился на кухню и передал Конни записку, которую приготовил заранее. Она была написана большими печатными буквами, поскольку их зрительная кора была развита не так хорошо, как у нас, но читалась совершенно ясно:

НА МНЕ ПРОСЛУШКА.

Она указала на сообщение, сложенное на холодильнике из букв-магнитов:

Я ДОГАДАЛАСЬ.

Она улыбнулась, подмигнула мне и сжала мою руку.

Когда мы все расселись и Кролики прочитали молитву — на этот раз на кроличьем, поскольку, думаю, они считали, что я достаточно хороший друг и не обижусь, — Конни разложила рагу, и мы начали есть. Кролики изредка издавали сербающие звуки и клацали ложками о зубы — с их зубами пользоваться столовыми приборами

было непросто. За ужином мы немного поговорили о последнем эпизоде «Арчеров», где впервые в сюжете появился персонаж кролик: семья Гранди наняла кролика-пастуха по имени Тим, который был вовлечен в какую-то политическую интригу вне колонии. Кент сказал, что «Кролик-ТВ» намного лучше, даже несмотря на то, что вокруг сериала «Как глубока была моя нора» недавно разразился скандал.

— Из-за недавних перестановок основной состав актеров сократился всего лишь до шести тысяч, — пояснила Конни, — так что сюжет стал немного простоватым.

— Упростили все для малолетних кроликов, у которых внимания ни на что не хватает, — высокомерно прибавил Док. — Дети сегодня едва могут уследить за шестьюстами параллельными сюжетными линиями. Я лично считаю, что всему виной их увлечение настольными играми.

Конни, пытавшаяся, как я позже понял, привести разговор в нужное ей русло, упомянула, что в журнале «Фортеан Таймс» рассказывалось о лосе, застреленном охотником. Выяснилось, что позже у лося обнаружили обширную библиотеку романов Джорджа Элиота, критических оценок, биографий и поэтических сборников, а еще он

пытался написать диссертацию о том, что жизнь Элиота может быть рассмотрена с точки зрения притеснения страшненьких особей среди парнокопытных.

— По-моему, лоси довольно симпатичные, — задумчиво сказал Док, разливая всем добавки. — Им просто нужно держать голову высоко поднятой.

— У них же рога тяжелые, — сказал Кент, олицетворявший собой стереотип молодого человека, знающего абсолютно все на свете.

— Наверное, у них заниженная самооценка, — прибавила Конни. — Может быть, поэтому они всегда такие мрачные.

— Вы *правда* думаете, что произошло еще одно Очеловечивание? — спросил я. — Я часто слышу такие истории, но ведь это может быть просто очередная утка.

— Гоулберн, — хором сказали Конни и Док.

Эта тема становилась причиной споров с тех самых пор, как стали появляться первые истории, но Очеловечивание в Великобритании точно *не было* единственным. Они происходили либо очень редко, либо слишком часто — это зависело от того, как люди сами смотрели на такие события и насколько они доверяли свидетельствам теорий заговора. Через одиннадцать лет после

Очеловечивания в Соединенном Королевстве, неподалеку от австралийского городка Гоулберн, начали поступать сообщения о чересчур драматических явлениях, которые предшествовали всем предполагаемым Очеловечиваниям по всему земному шару: скачки напряжения, магнитные бури, воющие собаки, падающая с неба рыба, полная луна. Также поговаривали о вооруженной группе быстрого реагирования, появившейся в районе через два часа, из-за чего в Парламенте Австралии прозвучали вопросы: не приняло ли правительство тайный принцип «уничтожения при первом обнаружении» по отношению к потенциальным очеловеченным животным. Правительство отрицало сокрытие информации, и о произошедшем оставалось только гадать. Однако городские слухи рассказывали о «почти дюжине вомбатов размером с человека, в майках и шортах», которых бульдозерами закопали в братскую могилу вместе с горой пустых банок из-под пива. Единственным выжившим оказался баран меринос по имени Рэмбо, который дал несколько продолжительных интервью по телефону, перемежая свои рассказы о произошедшем приглашениями приехать в Гоулберн, потому что это «очень милое местечко».

Интервью резко прекратились в тот же день, когда за кулисами театра нашли какого-то застреленного барана. Доказательств тому, что он был *тем самым* очеловеченным, не нашлось, но местные, разозлившись из-за вмешательства властей и довольные полученной оглаской, все равно поставили ему памятник[62].

— Слухи появляются время от времени, — сказал Док, — но *достоверно* мы знаем только об Очеловечиваниях в Британии, Кении и Орегоне. Однако мы считаем, что могли быть и другие.

Только очеловеченным в Кении был присвоен статус людей. Но поскольку все они были слонами с периодом беременности в два года, их численность не могла вырасти слишком сильно, и угрозу они совсем не представляли. Как оказалось, они были забавными, очаровательными и хорошо играли на духовых инструментах. Фирьяли Слон, официальная представительница сообщества, стала министром внутренних дел, и, даже несмотря на скандал с нелегальными копиями мультика «Дамбо», ей прочили место премьер-министра.

Медведи в Орегоне обычно держались сами

[62] Примечания: 62

Кстати, он все еще там, у обочины дороги на въезде в город со стороны Канберры, после съезда с автотрассы Хум.

по себе, но недавно им было дано право Второй поправки, так что теперь они могли законно стрелять в охотников для самозащиты. Пользовались они этим правом довольно часто, что раздражало самих охотников. Они считали это «крайне несправедливым», ведь вооруженные медведи оказались гораздо более успешными охотниками, чем люди.

— Существует негласное правило, по которому очеловечившиеся уничтожаются при первом же появлении, — сказала Конни. — Никто не хочет, чтобы то, что произошло здесь, случилось где-нибудь еще.

— А кто-нибудь пытался проследить связь между Очеловечиваниями? — сказал я. — Понять, что их вызывает?

— Точно пока неизвестно, — сказал Кент. — Просто есть куча гипотез. В каком-то смысле это похоже на попытку объяснить сюжет «Остаться в живых».

— Может быть, за переездом в Мегакрольчатник тоже стоит другая причина, — задумчиво сказала Конни, — никак не связанная с ограничением свобод, рождаемости и эксплуатацией кроличьего труда.

— Например? — спросил я, продолжая по воз-

можности играть свою роль, — все-таки нас подслушивал Крольнадзор.

— Расселив колонии, они выманят оттуда преподобную Банти. Но она нужна им не для того, чтобы остальные кролики подчинились. Они подозревают, что это преподобная Банти стоит за всеми Очеловечиваниями. Что она — материальное воплощение Матери-Земли Геи, пришедшей, чтобы досадить доминирующим видам, чье самомнение — давайте это признаем — стало немного несоразмерно их умам.

Повисла такая тишина, какая обычно воцаряется, когда ваш друг, которого вы до этого считали рассудительным и разумным, вдруг заявляет, что Земля плоская.

— Не думаю, что это вероятно, — с усмешкой сказал Док. — Дорогая, Гея — это миф, такой же как Зевс, и Дионис, и Локи, и Йода, и…

— И Лаго? — сказала Конни.

Док замолчал.

— Вера, религия и духовные убеждения — это одно, — сказал я, — но сотворение человекоподобных животных из ничего — это совсем другое. Ты думаешь, что за всем этим стоит какая-то божественная сущность? Это кажется маловероятным.

— Вообще-то, — медленно сказал Кент, — если подумать, статистически шанс появления говорящих человекоподобных кроликов равен отношению 1 к 10^{89}. А это событие, хотя и не *совсем* невозможное, имеет примерно такую же вероятность, как и спонтанное превращение вселенной в творожный сырок. Тот факт, что мы все-таки существуем, говорит о том, что крайне маловероятные события *могут* случаться, а значит, появление Геи, решившей немного изменить мир, не такая уж и глупая идея.

— Ты выводишь математическое доказательство существования первозданной богини земли, основываясь на вероятности появления говорящих кроликов? — сказал я. — Разве, исходя из этого, не станет возможно вообще *все*?

— В мультивселенной, — сказал Кент, — все *и так* возможно.

— Ну все… с меня… хватит! — сказал Док, вскакивая на ноги. — Этот разговор становится слишком… слишком… *метафизичным*!

И он гневно вылетел из комнаты, бормоча что-то о стандартной модели.

— Док у нас скорее эмпирист, — пояснила Конни, а затем прибавила: — Кент, милый, ты не мог бы поставить нам кофе на огонь?

Кент послушно пошел на кухню.

— Слушай, — негромко сказала Конни, — преподобная Банти — ключ к переселению. Пока она остается на свободе, противостояние между кроликами и Крольнадзором будет долгим, и оно невыносимо дорого вам обойдется. У нас много еды, половина колоний переведены на товарное садоводство, а урожайный сезон еще далеко не закончен. Мы можем продолжать перемещать Банти, но рано или поздно они найдут ее, и поэтому мы разработали… план.

— План?

— Да.

Больше Конни не прояснила, поскольку к нам вернулся Док с наполовину съеденным яблочным пирогом. Тот явно пришелся ему по вкусу больше, чем разговоры о невероятном. Конни больше не упоминала преподобную Банти, но ей это было и не нужно. Думаю, она уже сказала все, что хотела, и тем, кому хотела — не мне, а Куницыну, Ллисъу, Сметвику и всем остальным, кто нас подслушивал.

— Ну что ты! — сказал Док, когда посуда была перемыта и я сказал, что мне, пожалуй, пора. — Еще же совсем рано. Не хочешь по-быстрому пропустить кружечку в «Единороге»? Заодно

поговорим о всяком… ну, ты знаешь.

Я надеялся, что он не станет поднимать эту тему чуть дольше, но притязания на чужих жен перед брачным сезоном были для кроликов серьезным делом.

— Ты уверен, что хочешь пойти в «Единорог»? Несмотря на свидетельства обратного, мы с тобой все еще изгои общества.

— И, пропустив кружечку с местными, — весело ответил Док, — мы это быстро исправим. Подожди здесь, я захвачу свою куртку.

Кризис дружелюбия

…Даже спустя восемь лет я все еще не уверен, были ли кролики зачинщиками Очеловечивания, его жертвами или просто частью масштабного плана, задуманного какой-то высшей силой. Даже сейчас у меня больше вопросов, чем ответов…

Когда мы вышли из Хемлок Тауэрс, солнце уже давно зашло за горизонт, небо стало темно-синим, звезды сияли ярко, а воздух был свежим — идеальный летний вечер. Мы молча пошли по переулку, свернули налево, потом направо, прямо на главную улицу. Док разговорился о том, как в армии его любили отправлять на задания на передовой, поскольку он мог подпрыгивать на двадцать футов и разведывать местность. Правда, была в этом и опасность — так он становился мишенью для вражеских снайперов, пусть и на короткое время.

— Вот эту видишь? — спросил он, указывая на дырку от пули в ухе, которая была меньше остальных.

— Тикрит?

— Киддерминстер. Субботними вечерами там бывает жарко. Погоди.

У него только что зазвонил телефон.

— Странно, — сказал он, глядя на экран, а затем приложил телефон к уху. — Да, пушистенькая моя?

Какое-то время он внимательно слушал, посмотрел на меня, а затем повесил трубку.

— Иди пока туда, — сказал он, — я буду пинту «Тухлого Епископа»[63], и возьми мне чипсов «Тирреллс» с морской солью.

И он поскакал обратно в направлении своего дома. Я какое-то время нерешительно постоял на месте, но потом двинулся дальше — все-таки я уже почти пришел. Через несколько минут я оказался в баре «Единорог», оформленном в стиле семидесятых, с заляпанными пивом коврами и репродукциями картин Джона Констебла на стенах, выцветшими и превратившимися в зеленые пятна разной насыщенности.

Когда я вошел, в баре стало тихо, что насторожило меня. Если бы кто-то играл на фортепьяно, то музыка бы остановилась. Посетителей было

---

[63] Примечания: 63

Это популярная марка настоящего эля. Кажется, ее все еще продают.

около дюжины. Виктор Маллет сидел вместе со своим братом и двумя другими людьми, которые показались мне смутно знакомыми. Все присутствующие молча смотрели на меня. Наша недавняя «сердечная дружба» испарилась так же быстро, как и возникла.

Я подошел к стойке.

— Дженис, полпинты «Гиннеса» и пинту «Тухлого Епископа», пожалуйста.

— Сейчас будет.

Она начала неторопливо наливать «Гиннес», а затем потянулась за «Епископом».

— Для кого «Епископ», Питер? — спросил Норман с другого конца бара.

— Для вашего нового председателя приходского совета, — ответил я.

— Этот пост освободился десять минут назад, — сказал Виктор, — равно как и место в палатке с выпивкой на деревенском фестивале.

— Мы договорились не на палатку с выпивкой, а на оценку овощей, — напомнил я.

— Да без разницы. Это все не важно, Питер, старина. Я мог бы пообещать ей и лотерею, и церемонию открытия — ей все равно было не суждено в этом поучаствовать.

Я почувствовал, как градус дружелюбия в баре

снизился еще больше. Жители поселка держались вместе, так уж было заведено. И это было здорово, когда речь шла о сборах пожертвований на починку крыши церкви или о конкурсе «Спик и Спан», но только не тогда, когда их общий гнев обращался в вашу сторону. Я вытащил из кармана ручку «Паркер» с прослушивающим устройством и положил ее на стойку.

— Майор Кролик к тебе не присоединится, — сказал Норман. — Можешь вылить эль, Дженис.

Дженис посмотрела на меня. Мы с ней были давними друзьями. Когда нам было девять, я давал ей списывать у меня домашку, потому что знал, что дома ей житья не давали.

— Наливай, Дженис.

Дженис продолжила наливать, и в баре повисла тягостная, зловещая тишина.

— Слушай сюда, Питер, — сказал Виктор, — когда-то мы были хорошими друзьями, и мы снова ими станем. Когда все вернется на круги своя, для тебя будет место в нашем поселке. Садись, пей свой «Гиннес» и… не торопись.

Сначала я не понял, что он хочет сказать, но затем мой взгляд упал на столик в дальнем углу, где некогда засиживался пьянчужка Дикки, пока его пристрастие не свело его в могилу. Сейчас на

столе стоял недопитый стакан с виски, дымящаяся сигара «Собрание» в пепельнице и сложенная газета «Лис и друзья».

Я поднялся на ноги, и Виктор сделал то же самое.

— Питер, — посерьезнев, сказал он, и, как ни странно, то был первый и единственный раз, когда он проявил ко мне хоть толику сочувствия и заботы, — не вмешивайся. Только не сюда. Закрой на это глаза.

Я направился к двери, но путь мне преградил Норман, с силой толкнувший меня в грудь. Он был грузным мужчиной, а я, несмотря на мой рост, весил меньше, и растянулся на полу. Другие посетители бара потрясенно ахнули. Одно дело давить на кого-то морально, другое — начинать настоящую драку.

Я и подумать не успел, как уже вскочил на ноги и как бешеный бросился на Нормана. Я замахнулся кулаком туда, где, как мне казалось, должно было находиться его лицо, и вложил в удар всю свою силу. К моему удивлению, удар и правда прилетел ему по подбородку, причем приложил я его довольно крепко. Повезло, наверное, ведь раньше я никогда ни с кем не дрался. Мы оба вывалились из двери на улицу. Я поднялся на ноги и

помчался в сторону Хемлок Тауэрс, слыша позади голос Виктора: «Отпусти ты этого дурака, Норм». Пока я бежал, его слова звенели у меня в ушах.

Следуя примеру Кроликов, я вбежал в дом без стука, оправдывая себя тем, что мое присутствие может сдержать действия мистера Ллисъа или смягчить их до простых угроз. Я ввалился в обшитую дубом прихожую и обнаружил там невозмутимо стоящих Дока и Конни. Мистера Ллисъа нигде не было видно.

— Здравствуй, — с улыбкой сказал Док. — Сколько я тебе должен за «Епископа»?

— Мистер Ллисъ в поселке, — сказал я, задыхаясь после бега.

— Знаешь, а мне ведь почудилось, что я учуял запах «Олд Спайс», — сказал Док, по-видимому, даже не встревожившись.

— Вас это не пугает?

— Констанция мне все рассказала. Она, знаешь ли, состоит в Подполье.

В его голосе прозвучали нотки гордости.

— И Бобби, и Харви, — сказал я, — и Пиппа теперь, наверное, тоже. Слушайте, по пути сюда я видел у дороги чьи-то незнакомые машины. Думаю, рядом ошиваются опера Крольнадзора, и незнакомые мне люди в «Единороге» были похо-

жи на скучных представителей среднего класса, так что они вполне могут оказаться членами «Две ноги — хорошо». Вы в большой опасности, и вам нужно уходить. Я не думал, что они начнут действовать *настолько* быстро.

— Мы не станем убегать, — сказала Конни. — Все закончится здесь и сейчас. Он спросит меня, что я знаю о планах преподобной Банти и о ее передвижениях. Я ничего ему не скажу, и дело с концом.

— У тебя нет ни единого шанса, — сказал я. — Христа ради, он же *лис*! Четырехлапая клыкастая машина для убийства кроликов!

Уши Дока и Конни встали торчком, когда с верхнего этажа раздалась череда быстрых постукиваний.

— На заднем дворе между стручковой фасолью и кабачками, — сказал Док, без труда поняв, что им настучал Кент, стоявший в дозоре. — Они любят подкрадываться и нападать неожиданно, чтобы перед прыжком нас парализовало страхом. Думаю, это их заводит. И лисиц, — прибавил он. — Думаю, их в особенности.

— Пожалуйста, — сказал я, — вам нужно уходить. Он убьет всех вас. Кента, и Бобби, и всех, кого вы знали.

Наверху раздалась еще одна череда быстрых постукиваний, и Док с Конни переместились так, что теперь они стояли рядом со мной, в дальней части прихожей, лицом к двери в кухню. Задняя лапа Конни беспокойно дрожала. У нас на глазах дверь в кухню слегка приоткрылась, и оттуда, принюхиваясь, осторожно высунулся щетинистый нос. Мы стояли примерно в двадцати футах от него, и Док занял оборонительную позицию в паре ярдов перед нами справа.

— Здравствуй, Док, — сказал мистер Ллисъ.

— Здравствуй, Торквил.

— Давно не виделись.

— Недостаточно давно. Что-то я не видел тебя на встречах нашего полка.

— Для меня это позади, — сказал мистер Ллисъ. — Если жить прошлым, так в нем и останешься. У твоей жены есть информация о Банти, которая мне нужна. И она мне ее даст. Мы можем сделать все по-хорошему, или дело примет крайне неприятный оборот.

— Насколько помню, дела между твоим и моим видом только так и делаются.

Голос Дока звучал уверенно. Полагаю, в армии он сталкивался и с большей опасностью. Но я не думаю, что он видел, с какой скоростью умел

передвигаться мистер Ллисъ. Он мог пересечь прихожую, свернуть шеи им обоим и оставить их тела в компостной яме прежде, чем они сообразят, что он переступил порог.

Когда Конни придвинулась ближе ко мне и обняла одной рукой со спины, я почувствовал, как она дрожит. Я снова ощутил ее землистый запах, а ее усики защекотали мне шею.

— Мистер Сметвик считает, что расправы с расчлененкой вредят нашему имиджу, — сказал мистер Ллисъ. Из кухни все еще торчал лишь его нос, — так что я готов отказаться от по праву положенного мне развлечения и предлагаю тебе сделку: я допрашиваю Констанцию в свое удовольствие, а ты и мальчишка наверху свободно уходите.

— У меня есть предложение получше, — сказал Док. — Ты сейчас же уносишь свою облезлую рыжую задницу вон из моего дома, и мы обо всем забываем.

Мистер Ллисъ хрипло усмехнулся.

— Предложение только одно, — сказал он. — Мистер Нокс, ты там?

— Я здесь, — сказал я.

— Ты был дураком, мистер Нокс, но по крайней мере ты увидел кроликов такими, какие они на

самом деле: вредители, желающие захватить, установить свое господство, а затем ассимилировать нас в свою культуру. Я пощажу тебя, Нокс, но если у тебя не крепкий желудок — а я сомневаюсь, что это так, — то тебе стоит уйти.

— Я остаюсь, — сказал я, *не таким* храбрым голосом, каким хотелось бы.

Мистер Ллисъ снова повел носом по воздуху.

— Ты предупрежден. Когда на меня нисходит кровавая пелена, я редко себя сдерживаю. Последнее предложение, Док: отдай мне свою жену, или я уничтожу всех твоих родных и близких. В живых не останется ни одного кролика, который бы тебя хотя бы *знал*.

Я посмотрел на Дока. Он покачивался из стороны в сторону, готовясь к нападению. Он был самым большим и сильным, так что мистер Ллисъ наверняка прикончит его первым. Конни все еще стояла за мной, крепко прижимаясь. Я чувствовал тепло ее тела и ее сердце, что бешено колотилось под мягкой шубкой.

— Хочешь знать мой ответ, Торквил? — сказал Док. — Вот он: твоя жена, мать, сестра, тетушка и бабушка… *все сношаются, не дождавшись брачного сезона*.

Конни потрясенно ахнула.

— Это что, оскорбление? — прошептал я.

– *Самое худшее*, — прошептала она в ответ.

В один миг произошло сразу несколько событий. Дверь распахнулась от толчка, и за ней показался мистер Ллисъ. Он словно преобразился. Его глаза были огромными и кроваво-красными, а его пасть распахнулась, обнажив острые, мокрые от слюны зубы. Он издал зловещий гортанный звук, и шерсть у него на загривке встала дыбом. Это было самое ужасающее зрелище, какое я когда-либо видел, *включая* тот раз, когда он чуть не выдрал мне глаз. Я понял, что *тот* страх был лишь пробой настоящего. Комок ледяной желчи стал у меня поперек горла, и уши Дока распластались у него по спине.

Короткий миг мистер Ллисъ наслаждался нашим ужасом, а затем я заметил перед собой руку Конни в перчатке, держащую дуэльный пистолет Дока с жаворонком. У меня была лишь секунда, чтобы это осознать, а затем полыхнула вспышка, раздался резкий грохот, и голова мистера Ллисъа исчезла с его плеч, разорвавшись фонтаном крови и шерсти. Кусочек его черепа прилип к противоположной стене рядом с выключателем, а один желтый глаз отскочил от ковра и подкатился к ведру с углем. После этого лис рухнул на

колени, но не повалился вперед. Из-за трупного окоченения, охватывавшего очеловеченных лисов необычайно быстро, он остался стоять на коленях, все еще держа руки поднятыми вверх, выглядя при этом не угрожающе, а *умоляюще*… и без головы.

– *Sic semper tyrannis*, ничтожный ты кусок дерьма, — сказала Конни.

Секунду я беспомощно смотрел на труп мистера Ллисъа, на кровь, неохотно выплескивавшуюся из его разорванной шеи и стекавшую на его твидовый пиджак. Конни перестала держаться за меня и опустила пистолет.

— Это было *очень* рискованно, — сказал Док. — *Никогда* не цельсяв голову, если у тебя всего один заряд.

— Я тебя поняла, — сказала Конни, — но я получила *такое* удовольствие, да и промахнуться с такого расстояния было невозможно.

Я сделал первый вдох с момента выстрела и почуял наполнивший комнату резкий запах пороха. Док, Конни и я молча смотрели на обезглавленное тело мистера Ллисъа, пока я наконец не обрел дар речи.

— Подумай об ответной расправе, — сказал я. — *Что ты наделала?*

– *Я* ничего не наделала, — сказала Конни, передавая мне дуэльный пистолет. — Убийство совершено в порыве страсти. У нас с тобой была интрижка, и ты защитил меня от нападавшего. На пистолете твои отпечатки, и ты покрыт копотью от выстрела и кусочками лиса. Мой муж, бесконечно благодарный, прощает нас обоих.

— Погоди-ка, — сказал Док, — так интрижка у вас все-таки была?

Констанция несколько секунд сверлила его взглядом.

— А! — сказал он. — Теперь я понял. Я должен притвориться, что у вас была интрижка.

И тут до меня дошло.

— Так *это* и есть ваше дружеское вмешательство? — спросил я. — Это я *так* должен сделать что-то хорошее?

— Я тебе уже говорила, — ответила Констанция, — всех можно исправить. Один плохой поступок не должен определять человека на всю жизнь, если есть возможность искупить свою вину.

Она улыбнулась.

— И я тебя сейчас так люблю, Пит. Если выпутаешься из этой передряги, можешь попытаться меня отбить.

— Я так и знал! — победно заявил Док. — Дуэль все-таки *будет*!

— Если я из этого выпутаюсь, — сказал я.

— Верно, — сказала Конни, раскрывая раскладной нож и подходя к мистеру Ллисъу, чтобы отрезать один из его когтей. — Торквил Ллисъ был главным идейным вдохновителем Переселения. Теперь, когда его нет, возможно, у нас появится время на новые переговоры. Скоро сюда прибудет Крольнадзор, — прибавила она, насаживая коготь лиса на кожаный шнурок, — так что от тебя одного зависит, что будет дальше.

За мое короткое знакомство с Кроликами, думаю, я отчасти понял, что такое настоящее угнетение. Решение было элементарным: либо тысячу или более кроликов разорвут на кусочки, либо я отсижу в тюрьме за убийство.

— Ты перехитрила лиса, — сказал я.

— Нет, — сказала Конни, — *мы* перехитрили лиса.

Она повесила кожаный шнурок с лисиным когтем мне на шею и убрала его под рубашку.

— Вот так, — сказала она, — теперь тебе никогда не придется покупать ни единой стопки бренди из одуванчиков. Кент? Неси сову.

С лестницы послышался звук шагов, и появился

Кент с совой — с той же самой, которую Финкл доставил к моему дому.

— Что здесь делает сова? — спросил я.

— Ты принес ее с собой, — сказала Конни. — Повтори вслух, чтобы сам понял.

— Я принес с собой сову.

— Вот и хорошо. Удачи.

Снаружи дома раздался визг шин, захлопали двери автомобилей, затем послышался топот ног. Док, Конни и Кент вдруг очутились на полу, похожие на три испуганных комка коричневой шерсти. Прижав уши к спинам, они безудержно выли, а их сердца бешено колотились.

Куницын первым ворвался в дверь. Он обнаружил меня, все еще стоящего с дуэльным пистолетом в руках, и Старшего Руководителя Торквила Ллисъа, мертвого, на коленях, со все еще поднятыми вверх руками. Под ним медленно собиралась лужа крови. Тогда я этого не заметил, но одно ухо мистера Ллисъа прилипло к моему пиджаку.

— Ох, Питер, — сказал Куницын, оглядывая место преступления и печально качая головой, — безмозглый, безмозглый ты кретин.

Флемминг вбежала внутрь и остановилась, когда увидела, что осталось от Старшего Руко-

водителя.

— Черт, — сказала она, — ох, черт, — она гневно посмотрела на меня. — Нокс? Какого хрена ты творишь?

— Я принес сову, — глупо выпалил я.

— Молодец, — сказал Куницын. — Флемминг? Обыщи дом.

Флемминг, все еще глядя на тело мистера Ллисъа, коротко сказала что-то по рации, и в прихожую вошли другие сотрудники Кральнадзора. Выслушав ее указания, они разошлись по дому — наверх, в подвал, в гостиную, на кухню, в бильярдную. Меня заковали в наручники, а пистолет завернули в пакет для улик. Что необычно — и вскоре мне предстояло узнать зачем, — на месте преступления оказался фотограф, сделавший ряд быстрых и подробных снимков. Кролики тем временем, ссутулившись и опустив уши, изображали из себя глупых, робких и жалких существ. Спектакль получился впечатляющий.

— Все чисто, — сказала Флемминг, когда агенты закончили обыск и им приказали удалиться, забрав мобильные телефоны и ноутбуки Кроликов. Агент Куницын тогда сказал Флемминг отвести меня в машину и держать там, прибавив, что мне «нужно понять — у всех действий есть

последствия». Меня вывели из дома, когда Куницын и еще один агент начали брать у Кроликов показания.

— Пригни голову, — сказала Флемминг, помогая мне забраться на заднее сиденье «Рэндж Ровера».

— Что там говорили насчет действий и последствий? — спросил я, когда она сама села в машину.

— А я почем знаю, — сказала она. — Сейчас всем заправляет куница. Зачем ты это сделал, Питер? В смысле, я понимаю, как крольчиха могла так легко тебя обольстить, но чтоб поднять пистолет на лиса? Да еще и на Старшего Руководителя? Для этого нужны такие стальные яйца, каких, я думала, у тебя нет.

— Это что, комплимент?

Она уставилась на меня в зеркало заднего вида.

— Просто наблюдение.

Я вздохнул и посмотрел на Хемлок Тауэрс. Я жил по соседству всю свою жизнь и на протяжении полувека почти каждый день видел этот дом. Был внутри примерно две дюжины раз при разных хозяевах, но визит, закончившийся смертью лиса, стал для меня последним.

— Он сказал, что сделает с ней перед тем, как убьет, — просто сказал я. — Я не мог этого допустить.

— Тебе нужно было просто уйти, — сказала Флемминг, не впечатлившись моим объяснением. — Мистер Ллисъ был крупнейшим авторитетом. Тебе повезет, если ты выйдешь на свободу до своего семидесятилетия.

— Да, — негромко сказал я. — И это будет справедливо.

Еще примерно три часа мы оставались в машине снаружи, и я наблюдал, как в дом приходят и уходят различные сотрудники Крольнадзора. Через час сорок пять минут лиса вынесли в объемистом мешке для трупов, и я отчасти предполагал, что сюда явится Сметвик, чтобы своими глазами посмотреть, где был убит его верный организатор Переселения. Но он не приехал. Наконец, когда все мероприятия были проведены, оставшиеся сотрудники Крольнадзора покинули дом и ушли. Последним вышел Куницын, и я мельком увидел Конни, закрывшую за ним дверь. Последовала короткая пауза, а потом дверь снова открылась, и Док выставил за порог сову. Она секунду глядела по сторонам, затем моргнула и улетела прочь.

Куницын вынул мобильник, поговорил по нему несколько секунд, а затем забрался в машину. Флемминг собралась завести двигатель, но он жестом остановил ее.

— Мы чего-то ждем? — спросил я.

Куница не ответил, а вместо этого развалился на пассажирском сиденье, положив задние лапы на торпеду и противно заскрипев когтями по винилу. Приблизительно через двадцать минут начали подъезжать машины. Такие, какими обычно владеют благоразумные люди. «Пассаты», «Короллы», несколько «Ауди», минивэны — в некоторых сзади даже стояли детские кресла, а на бамперах были налеплены наклейки, призывающие к ядерному разоружению. Машины остановились, припарковались, и из них вышли люди. Их лица были скрыты масками свиней, какие носили «Две ноги — хорошо», и они медленно, но верно рассредоточились вокруг Хемлок Тауэрс.

— Я не против, если с кроликами приключится какой-нибудь несчастный случай, — сказала Флемминг, когда она догадалась, что происходит, — но когда мы позволяем бандитам выполнять за нас грязную работу…

— Расслабься, — сказал куница, — он бы хотел

именно этого.

Он утешительно похлопал ее по руке, явно давая понять, о чем речь. Куницын не просто собирался это допустить, он все организовал. Массовых расправ не будет, но и презумпция невиновности семейству Кроликов не светила. Он повернулся и уставился на меня своими маленькими черными глазками.

— Это и есть последствия твоих действий, Нокс, — сказал он. — Это — твоя вина.

Затем он кивнул Флемминг. Она снова покачала головой, завела машину и проехала мимо растущей толпы сторонников превосходства гоминидов в свинячьих масках и со стеклянными бутылками, заткнутыми тряпками. Думаю, я даже видел Виктора Маллета, который что в свинячьей маске, что без нее, выглядел почти одинаково.

— Вы совершаете большую ошибку, — сказал я, когда машина, отъехав от небольшой толпы, набрала скорость.

— Это ты совершил большую ошибку, — сказал он, — ты и Кролики.

Он снова замолк, так и не поняв значения моих слов. Его ошибка заключалась в том, что он бросил вызов Констанции Кролик. Если ее семья

еще не сбежала по туннелю Кента, скорее всего, временно прикрытому сложенными в подвале кирпичами, они скоро это сделают. Ведь раз Конни могла перехитрить лиса, обвести вокруг пальца куницу для нее было проще простого.

Кролик-адвокат и Леминстерская тюрьма

Тюрьмы «в стиле телевизионных сериалов» стали естественным развитием больниц «а-ля ситкомы семидесятых», где пациенты никогда не бывали серьезно больны, а медсестры были пышногруды и говорили только неприличными намеками. А еще все они крутили романы с докторами, которые, в свою очередь, были поголовно красивы, умны, образованны и обаятельны. И мужественны.

Меня отвезли в центральное отделение полиции Херефорда. Куницын оставил Флемминг следить за моим оформлением, вероятно, потому, что его, куницу, недолюбливали местные полицейские. Куницына часто арестовывали за пьянство, а находясь под мухой, он был несносен и хамил всем и каждому.

Меня передали дежурному сержанту, который опросил меня и убедился, что я действительно Питер Нокс; что я не пьян и нахожусь в своем уме; что я действительно подозреваюсь в совер-

шении преступления; что я понимаю все, что мне говорят; что за преступление меня нужно взять под стражу; и что я не собираюсь причинять себе вред.

Меня сфотографировали, взяли отпечатки пальцев, личные данные, а затем всю мою одежду запаковали в большой пакет для улик, который подписали и запечатали. Мне выдали свежевыстиранную одежду — тренировочные штаны, футболку и свитер. В целом полицейские вели себя тактично и вежливо, но ведь и я не доставлял им хлопот и был человеком, таким же, как и они. Они даже предложили мне поесть, но я отказался. Я не был голоден. Я думал, что не смогу уснуть, но все-таки уснул и хорошенько выспался.

После того как я позавтракал хлопьями и чаем, меня отвели наверх, чтобы встретиться с адвокатом, назначенным на мое дело.

— Вам повезло, — сказал дежурный сержант, — «Спенлоу и Джоркинс» согласились предоставить юриста.

— Да? — сказал я. Эта адвокатская контора была хорошо известна не только в Херефорде, но и в Шропшире, и в Глостершире. Им много раз удавалось защитить клиентов, которые явно были виновны, и, хотя они не *всегда* добивались

оправдательного приговора, они точно могли добиться уменьшения срока.

Встретив своего адвоката, я сильно удивился, но, поразмыслив об этом позже, решил, что удивляться было нечему. Меня ждал невысокий Домашний кролик, одетый в костюм и галстук. Он нервно сжимал свой портфель и таращился на меня сквозь круглые очки в стальной оправе. Он был бело-коричневым, а у его левого уха отсутствовала верхняя треть.

— Здравствуйте! — радостно сказал он, сжимая мою руку своими лапами. — Лэнс де Ежевичный из «Спенлоу и Джоркинс».

— Здравствуйте, — сказал я, заметив, что его недостающее ухо завершалось рядом дырочек, словно его перфорировали, прежде чем оторвать. — Что случилось с вашим ухом?

— Ой, — дружелюбно сказал он, — это легко объяснить: никогда не деритесь на дуэли автоматическим оружием. Теперь: мистер Джоркинс *специально* поручил ваше дело мне, поскольку считает, что я могу глубже других проникнуть в его суть.

— Вот как, — сказал я. — И вы можете?

— Что могу?

— Проникнуть в суть моего дела?

— Честно говоря, нет, — признался он. — Это мое первое дело.

— Первое убийство?

— Нет, — сказал он, — первое уголовное дело. Я только на прошлой неделе выпустился из Стэнфордского юридического факультета.

— Стэнфорд? Впечатляет, — сказал я, испытывая облегчение, несмотря на его неопытность. — Как вам удалось отправиться в Штаты на обучение?

— Вы меня не поняли, — извиняющимся тоном сказал он, — речь не о *том самом* Стэнфордском юридическом, а о юридическом факультете онлайн-колледжа, расположенного в Стэнфорде — маленькой деревушке в Бедфордшире. Курсы оказались легче, чем я ожидал. Мне даже почти не пришлось учиться.

— Как долго и сколько?

— Две недели и двести фунтов. Смотрите.

И он достал из своего портфеля оформленный в рамочку сертификат, на котором я заметил несколько грамматических ошибок.

— Не поймите меня неправильно, — сказал я, — но, думаю, мне понадобится более опытный адвокат.

— Это невозможно. *Сама* Генеральный прокурор попросила, чтобы вас защищал адвокат-кро-

лик. Она сказала, что это будет справедливо и под стать обстоятельствам, а также даст кроликам-юристам «возможность блеснуть».

Я мысленно вздохнул. Правящая верхушка делала все возможное, чтобы я сел за решетку, а в качестве бонуса решила одновременно дискредитировать кроликов-адвокатов.

— Ладно, — сказал я, — что теперь нужно делать?

— Вообще-то, — сказал он, — я надеялся, что вы сами мне подскажете. Вас раньше когда-нибудь арестовывали по подозрению в убийстве?

— Нет.

— Жаль, — сказал он, слегка опечалившись. — Нам бы это помогло разобраться в порядке действий. Но ничего страшного, — прибавил он, — вас всего лишь будут допрашивать, и я видел несколько эпизодов сериалов «24 часа задержания» и «Злоключения за границей», так что, думаю, вам стоит почаще говорить «без комментариев» и думать, кого лучше подкупить.

— Я не собираюсь давать взятки, мистер де Ежевичный.

— Ланселот, — сказал он, — но вы можете звать меня Лэнс.

Меня допрашивал полицейский, не работав-

ший в Крольнадзоре, — дружелюбный детектив по имени Стэнтон. Проигнорировав совет Лэнса, я ничего не стал отрицать и во всем признался. Да, у меня была интрижка с миссис Кролик, которую я много лет знал. Да, я знал, где в их доме лежал пистолет. Да, раньше Док уже показывал мне, где держит порох, пули и капсюли, и да, я нажал на курок, когда мистер Ллисъ пригрозил убить Констанцию.

— Значит, вы признаетесь в том, что убили мистера Ллисъа? — сказал детектив Стэнтон.

— Поскольку я застрелил мистера Ллисъа из-за того, что защищал от него Констанцию Кролик, — пояснил я, — это стоит назвать самозащитой.

— Гениально, — из уголка рта пробормотал Лэнс. — Хорошо придумано.

Но детектив Стэнтон сразу же опроверг мое заявление.

— По закону лис имеет право убить кролика, так что заявление о самозащите не пройдет, если только вы не думали, что мистер Ллисъ собирается напасть на *вас*.

Он спросил меня, считал ли я, что моя жизнь была в опасности, и мне пришлось признать, что нет, не считал.

— Если бы миссис Кролик была вашей собствен-

ностью, — сказал Лэнс, отрывая взгляд от книжки под названием «Ваши права и закон», — то ваши действия можно было бы классифицировать как «защита собственности».

— Но тогда ваша реакция должна была быть *пропорциональной*, — сказал детектив Стэнтон, — а я не уверен, что суд сочтет убийство пропорциональным ответом на *угрозу* убийства вашей домашней питомицы-крольчихи.

— Констанция не была ничьей собственностью, — сказал я.

Я продиктовал свое признание, подписал его и через три часа был обвинен в убийстве.

Наутро второго дня до меня дошли новости из Муч Хемлока о Доке и Конни. Я прочитал о них в газете, которую мне принес Лэнс. Писали, что грандиозный пожар, спаливший Хемлок Тауэрс, стал «трагическим результатом череды недоразумений», и большинство газет рассматривали это с точки зрения «огромной потери для всех заинтересованных в сохранении архитектурного наследия», запоздало признавших Хемлок Тауэрс доселе нетронутым памятником.

Сообщали, что «мирная и спокойная» сходка началась, когда у дома собрались сторонники лисов, желавшие провести бдение при свечах

и проститься с уважаемым членом сообщества лисьих, который столько сделал, чтобы найти осуществимое решение кроличьего вопроса. Скорее всего, заявил представитель «Двуногих», вид стольких свечей напугал Кроликов, которые ответили «множеством враждебных действий». Из-за этого скорбящим пришлось уйти в безопасное место, а потом в результате «прискорбного стечения обстоятельств» дом случайно загорелся.

«У нас имеется достоверная информация о том, что источник возгорания мог принадлежать самим Кроликам, — сообщил анонимный источник из «Две ноги — хорошо». — Они могли наполнять бутылки коктейлем Молотова и случайно поджечь его спичками. Точно сказать невозможно».

Несмотря на отсутствие доказательств этого и наличие множества свидетельств обратного, никто не прикладывал особенных усилий, чтобы опровергнуть эти новости. Сообщения о людях в свинячьих масках тоже яростно отрицались, и, судя по всему, несколько несвоевременно сломавшихся машин заблокировали все подъезды к дому, из-за чего пожарные не смогли вовремя приехать на место. Они начали тушить пожар лишь тогда, когда тот совсем разгорелся и даже перекинулся на соседний дом, — хотя

тот и стоял аж в сорока ярдах от Хемлок Тауэрс. Свидетельства местных жителей были скудны, поскольку большинство, судя по всему, смотрели последнюю серию «Холби Сити» и либо не знали, что начался пожар, либо видели его издалека и решили, что это просто «детишки балуются с костром».

Меня не столько раздражали расхождения в фактах и утрата моего собственного дома, сколько то, что всем, похоже, было все равно. «Ехидный левак» сообщил о пожаре на шестой странице, но из-за недостатка фактов и из-за того, что Переселение занимало почти все пространство, выделенное под статьи про кроликов, о нападении на Хемлок Тауэрс позабыли менее чем через двадцать четыре часа.

А вот про меня никто забывать не собирался. Ежедневное издание «Нейтральный Взгляд» назвало Мистера Ллисъа «любимым многими, уважаемым слугой народа и заслуженным героем войны», а «Чистая Правда»: — «преисполненным рвения и решимости лисом, без остатка посвятившим себя интеграции видов». Газета «Британец» пошла еще дальше, назвав его «истинным патриотом Британии, жестоко отнятым у отечества одним низменным выродком», а «Ладлоуский

Горн» воспевал его как «неустанного борца за интересы кроликов».

— Переселение, — сказал Найджел Сметвик, произнося речь на поминальной службе по мистеру Ллисъу, — не будет сорвано из-за трагической смерти хорошего друга и преданного слуги Ее Величества, единственной целью которого было помочь кроликам найти собственный дом, где они могли бы радоваться жизни и работать. В память об усердных трудах мистера Ллисъа мы ускорим сдачу проекта «Мегакрольчатник». Через месяц кроликов, не вызвавшихся переехать туда добровольно, начнут переселять силой. Уровень принуждения будет зависеть от их покорности.

Вечером второго дня меня перевезли через дорогу, чтобы я мог ненадолго предстать перед Херефордширским мировым судом. Присутствие полиции было значительным, поскольку убийство Старшего Руководителя разгневало множество лепорифобов, как умеренных, так и отъявленных. Думаю, наименее оскорбительным выкриком в мой адрес было «шлюшка Нокси», но я слышал и другие, в основном грубо повторявшие граффити, намалеванное на двери моего гаража.

Я признал свою вину в убийстве, и слушание по этому делу, а также по второму обвинению в интимной связи, было назначено на следующий месяц, чтобы стороны обвинения и защиты могли подготовить свои доводы в отношении приговора. Мне дважды пришлось обсудить процедуру суда с Лэнсом. Он сказал, что нам стоит попытаться найти кроликов на роль присяжных, но я объяснил ему, что, поскольку я уже признал свою вину, присяжные будут не нужны. Кроме того, кролики, не будучи людьми, все равно не могли ими быть.

— Да, я понимаю, — сказал Лэнс, — но все равно считаю, что идея хорошая. А я могу кричать «протестую»? Всегда хотел это сделать.

— А у вас есть против чего протестовать? — спросил я.

Лэнс немного подумал.

— Сегодня утром завтрак в гостинице был не очень.

После часа бумажной волокиты меня отвезли в Леминстерскую тюрьму Ее Величества. Ехал я в маленьком фургоне с единственным окошком, которое находилось высоко и было сильно затонировано. По пути я мог разглядеть лишь кузовы высоких грузовиков, телеграфные столбы

и опоры мостов, но не более того.

Меня снова оформили, выдали вещи, и, когда я посмотрел короткую, но забавную сценку тюремного театрального кружка о том, как не оказаться заколотым в душе, ко мне вышел сам комендант.

— Здравствуйте! — жизнерадостно сказал он. — Квентин Праттс, комендант тюрьмы. Можете звать меня просто «Кум». Могу вас заверить, что ко всем заключенным здесь относятся достойно, с уважением и безо всяких предубеждений. Вы ведь Питер «Зайцеблуд» Нокс, верно?

— Называйте меня просто Нокс, Кум.

Мы направились в часть здания, где содержались арестанты. Позади нас шел охранник, державшийся на расстоянии.

— В моей тюрьме царит спокойствие, — сказал комендант, — и поскольку причиной вашего заключения стала известная любовь к кроликам, я должен спросить, нужно ли мне изолировать вас ради вашей же безопасности?

Я надолго призадумался, тщательно все обдумывая. Хотя так *и правда* могло быть безопаснее, меня совсем не радовала компания, в которой мне пришлось бы оказаться. В изолированном корпусе содержались в основном банкиры, любившие поговорить об обеспеченных долговых

обязательствах и кредитных дефолтных свопах. Чего никто не ожидал после обвала 2008 года, так это того, что второй крупнейшей группой после кроликов в тюрьмах станут обезумевшие банкиры-инвесторы, коррумпированные представители рейтинговых агентств и изворотливые бухгалтеры крупных компаний[64]. Сидеть вместе с ними мне совсем не хотелось. Так что я решил попытать счастья с обычными заключенными.

— Нет, сэр.

— Вот и хорошо. Несколько сторонников превосходства гоминидов отбывают у нас срок за всякие безобидные выходки, которые почему-то сочли незаконными, и, учитывая ваше прошлое, вам стоит их избегать. Еще у нас сидят примерно шесть дюжин кроликов, — прибавил он, — и они те еще смутьяны. Я не потерплю у себя никакого межвидового панибратства. Кролики держатся сами по себе, и нас это устраивает. Поняли?

— Понял.

— Хорошо.

Мы вошли в крыло «Д», посреди которого стояли диванчики и несколько столов для пинг-понга. Камеры располагались на двух уровнях, и на

---

[64] Примечания: 64
Вот бы и в реальной жизни было так же.

балконе верхнего я увидел охранников, облокотившихся на поручни, крутивших в руках ключи и внимательно следивших за нами.

— Это первая из экспериментальных тюрем «в стиле телевизионных сериалов», — сказал комендант. — Они спроектированы так, чтобы заключенные не чувствовали себя угнетенными жестокой устаревшей системой лишения свободы, а чтобы им казалось, словно они участвуют в реалити-шоу.

— Я о таком слышал, — сказал я, с любопытством глядя по сторонам.

— Планировка тюрьмы — лишь один из ТВ-стереотипов, которые применяются здесь, в Леминстерской тюрьме, — сказал комендант. — Вы увидите, что тюрьма ровно такая, какой вы ее себе представляли: охранники в целом злые и грубые, за исключением одного мямли, которым легко манипулировать. Заключенные — не те, что почти никогда не задумываются о последствиях, имеют проблемы с психикой или принадлежат к маргиналицированным меньшинствам. Вместо них здесь сборная солянка из различных социально-экономических групп вперемешку с региональными стереотипами. И вместо того, чтобы переживать о превратностях судьбы,

из-за которых они попали сюда и покатились по наклонной к депрессии и наркозависимости, они предпочитают философствовать о жизни в ироничной и интеллектуальной манере.

— И это работает?

— Уровень рецидивизма снизился на восемьдесят шесть процентов, — сказал он, — так что да, похоже, работает. Да и заключенные переносят сроки проще, если, конечно, они не попадают на «месяц сурового реализма» — тогда у нас становится мрачно и опасно, начинаются бунты, и людей закалывают заточками. Но он у нас только что прошел, так что в ближайшие месяцев десять вы в относительной безопасности.

— Какое облегчение.

— Не радуйтесь раньше времени. Небольшие потасовки, отражающие широкие проблемы нашего общества, могут разразиться в любой момент. А еще через восемь недель у нас будут «выходные для тюремного побега». Они бывают раз в два года, так что, если хотите поучаствовать, вам придется зарекомендовать себя правильным людям.

— Спасибо за наводку.

— Рад помочь. Кролики сидят в крыле «К», и вы будете видеть их на прогулках. В основном

они — серийные копатели[65], что ставит перед нами непростую задачу. Скорее всего, они захотят подружиться с вами, но здешние кролики отличаются от тех, что на воле. Они притворятся вашими друзьями из-за того, что вы убили лиса, но не нужно с ними спутываться и никогда не берите у них морковку. Задолжаете морковку, и вам придется плясать под их дудку, а вы не хотите плясать под кроличью дудку. Ладно, всего хорошего.

Все это время я нес свои вещи — одеяло, жестяную кружку, рулон туалетной бумаги, — и следовавший за нами охранник провел меня в мою камеру.

Я с облегчением обнаружил, что мне не придется ее ни с кем делить.

Я разложил вещи, отлил и лег на свою койку, ожидая, что меня захлестнет тревога. Этого не произошло, вероятно, из-за того, что в детстве я посещал ужасную среднюю школу, которая, как я теперь понял, оснастила меня полезными навыками, действующими даже в такой ситуации.

---

[65] Примечания: 65

Наказание за преступления, связанные с копанием, никогда не превышали года заключения, но из-за предвыборных обещаний Сметвика, выразившихся в правиле «шесть дыр — и тебе кирдык», рецидивистов сажали пожизненно.

Через час я вышел из своей камеры, чтобы поужинать. Взяв поднос, я сел за пустой стол. Однако долго сидеть одному мне не пришлось — к моему столу подошли двое. Они выглядели вполне прилично и с интеллигентным видом беседовали о том, как они скучали по своим «Ага», и «Вольво», и бадминтону, и опере. На руках у них были вытатуированы слова «глуповатые и совершенно бесхитростные» — часто повторяемая цитата Беатрис Поттер, сказанная о кроликах. Им даже в голову не приходило, что эти слова могли относиться и к ним самим. Как бы там ни было, татуировки выдавали в них членов «Две ноги — хорошо».

— Вы — Питер Нокс, не так ли? — спросил первый, когда они сели по обе стороны от меня.

— Не-а.

— Да вы это, вы. Тот, кто убил мистера Ллисъа, верно?

— Слушайте, мне не нужны неприятности.

— Это понятно, — ответил он, наклоняясь поближе, — но нам не нравятся люди, встающие на сторону кроликов. С самого зарождения жизни люди самосовершенствовались, проходя по непрерывной цепочке эволюционных преобразований, и так достигли пика эволюционного

совершенства. Это достижение далось нам с трудом, и мы будем защищать его от всех посягательств.

Я решил, что сейчас не лучшее время указывать на роковую логическую ошибку в его рассуждениях, а вместо этого повторил то, что однажды сказала подруга Пиппы, Салли:

— Все живое едино, и не существует объективных аргументов, которые бы указывали на то, что у нас больше права на жизнь, чем у лишайника.

Они оба уставились на меня и несколько раз моргнули.

— Не несите чепуху, мистер Нокс. Это наша планета, и мы будем делать с ней, что пожелаем. А вы просто… отступник своего вида.

— Это слово неприменимо вне религиозного контекста, невероятный ты *придурок*.

Мне бы хотелось похвастаться тем, что последнюю фразу сказал я, но это не так. Ее произнес один из двух *других* заключенных — самый большой из них, — которые только что подошли. Они были мускулистыми, лысыми, бородатыми, и оба выглядели так, словно могли без труда смять руками трактор. Среди их татуировок, коих было много, не было ни Элмеров Фаддов, ни антикроличьих лозунгов, а лишь обычные символы:

кельтские завитушки, черепа, даты рождения их детей. Что важно, они смотрели на сторонников лиса так, как мне бы страшно не хотелось, чтобы они смотрели на *меня*.

— В другое время, Нокс, — сказал один из шовинистов, и они ушли, ворча о том, что в столовой никогда не подавали кашу из киноа, и как сильно они скучали по модным конкурсам от «GQ».

— Паразиты из верхушки среднего класса. И все-то им должны, — садясь, сказал первый из новоприбывших. — Тристан Ривз сел на шесть лет за то, что сбивал лейблы на печках «Рэйберн» и выдавал их за марку «Эй-Джи-Эй», продавая ни о чем не подозревающим покупателям. А его дружок Джереми Финк-Гроттл подделывал членские билеты Национального фонда.

— Вот так, — сказал я, — преступления белых воротничков.

Оказалось, что татуированные заключенные с, как сказали бы в Муч Хемлоке, «грубой манерой общения», ломали принятые обществом стереотипы и не видели никакой проблемы в моей дружбе с кроликами.

— Моя сестра встречалась с кроликом, пока его разрешение на работу не аннулировали, — продолжал заключенный, которого, как я выяснил,

за его любовь к морским ракушкам звали «Моллюск» Маккей. — Славный малый, да и о Стейси хорошо заботился. Я сам-то в этом никакого вреда не вижу — люби, кого хочешь. Да и, если честно, я вообще за все, против чего выступает этот выскочка Сметвик.

— Да, — сказал его друг с ливерпульским акцентом, — мы-то видим, что ты нормальный мужик. Друг кроликов — наш друг.

Его, как я узнал, звали «Костолом» Маллой из-за предыдущего места работы, где он молол костяную муку для производителей кормов для домашних животных. Они оба сидели за то, что приняли на работу незарегистрированных кроликов и незаконно платили им больше максимальной оплаты труда. Их обоих шесть или семь раз предупреждали и дважды судили. Однако они все равно продолжали это делать, пока им не дали тюремный срок.

Когда я все это узнал, мы с ними сдружились. В основном им было интересно узнать, что со мной произошло, и они согласились, что да, за убийство и интимную связь вполне могли дать двадцать лет. А затем они спросили, каково это было.

— Каково убить лиса? — спросил я.

— Да нет, — сказали они, — мы про другое.

Первые три дня прошли относительно спокойно, а на четвертый я лишился обоих больших пальцев на руках. Ривз и Финк-Гроттл пришли в мою камеру, сунули мне в рот кляп, а затем отпилили оба пальца болторезом. Я помню лишь, как они отрезали первый, а после я потерял сознание. Меня нашли через час в луже крови и поспешно доставили в больницу.

Защитник Ланселот де Ежевичный

Всего в коллегию адвокатов было принято три кролика. Дольше всех – шестнадцать лет – продержалась крольчиха, которая затем была вынуждена уйти из-за принятых против кроликов законов. «Если бы все сложилось иначе, – говорил бывший Генеральный прокурор и сторонник кроликов лорд Джефферсон, – она бы стала лучшим судьей, какого когда-либо порождала эта страна».

Ко дню суда мои руки более или менее зажили. Нападавшие спустили мои отрезанные пальцы в унитаз, так что хирурги предложили ряд операций, чтобы переставить мизинец или большой палец ноги на место обрубка, но положительный исход никто не гарантировал, так что я попросил их зашить все как можно аккуратнее, и дело с концом.

Лэнс несколько раз интересовался, не хочу ли я отложить вынесение приговора. Я спросил его, изменит ли это хоть что-нибудь, и он сказал, что,

наверное, нет. Слухи о моем увечье разлетелись, и, хотя самые бескомпромиссные лепорифобы и сторонники лисов считали, что я получил по заслугам за убийство мистера Ллисъа, большинство сочло такое необычное наказание несоразмерно жестоким, ведь мне и так грозило пожизненное заключение. Единственной радостью моего заключения стало то, что без меня *Блицкниг* дважды не уложился в установленное время, и его пришлось перевести в разряд «специальных мероприятий».

Мое слушание проводилось в Глостерском суде. Я не получал никаких вестей от Пиппы, поскольку все вышки мобильной связи вокруг Колонии № 1 были отключены, как и все проводные линии. Впрочем, она смогла передать мне сообщение. Внутри пустотелой морковки, оставленной в моей камере, была спрятана мелко написанная записка, призывавшая меня «не падать духом» и сообщавшая, что Пиппа и все остальные «в порядке».

По новостям передавали, что отказ кроликов ехать из Колонии № 1 стал головной болью для Сметвика и Крольнадзора. Новым Старшим Руководителем назначили лисицу. Ее звали Джосамин ллъис — с двумя маленькими «л»,

как будто двойной согласной в начале фамилии ей было недостаточно, — и газеты сообщали о напряженных отношениях в высших эшелонах Крольнадзора. Были проведены длительные и жаркие дискуссии между старейшинами Колонии № 1, командой, занимавшейся Переселением, самим Сметвиком, ллъис и Большим Кроличьим Советом.

В том, что достигнуть соглашения не удалось, обвинили неуступчивость кроликов. Кроличий представитель сослался на «ряд невыполненных обещаний» в прошлых переговорах с людьми, на что Сметвик возразил, что «тогда мы, возможно, и соврали, но сейчас точно говорим правду». Поскольку такой маневр всегда срабатывал с людьми, он резонно ожидал, что и кролики на него поведутся. Патовая ситуация была готова обостриться, поскольку на данный момент внутри и вокруг Колонии № 1 расположились полторы тысячи лисов и несколько тысяч сотрудников Крольнадзора. Жесткий запрет на перемещения, введенный за день до смерти мистера Ллисъа, все еще был в силе: в колонию никого не пускали и никого не выпускали.

— Хорошие новости, — сказал Лэнс, когда утром, в день моего слушания, мы вместе сели

на скамью защиты. — Я нашел кассеты с сериалом «Судья Джон Дид» в «Оксфаме», дважды посмотрел его от начала до конца и сделал конспект. И позвольте вам сказать, — прибавил он, преисполненный уверенности, — нет *ничего*, что я бы не знал о процедурах правовой системы Великобритании.

— Хорошо, — сказал я, не разделяя его уверенности. — Вы ведь знаете, что «Судья Джон Дид» — самая *нереалистичная* судебная драма британского телевидения?

— Да ну? — сказал Лэнс, искренне удивившись. — Тогда с вашей защитой может возникнуть парочка проблем… но я уверен, что мы прорвемся. Так, теперь, — сказал он, — кто из них судья?

— Она еще не пришла. Вы ее узнаете, потому что она будет в парике, и всех попросят встать.

Я глубоко вздохнул и огляделся. Места для публики были полностью заняты, но там присутствовали лишь двое кроликов, и оба были мне незнакомы.

После того как мы встали, приветствуя судью, а затем снова сели, началась обычная вводная часть, во время которой Лэнс рисовал в своем юридическом блокноте морковку. Когда его по-

просили подтвердить мое признание вины, он вдруг встал.

— Я прошу суд снять с моего подзащитного все обвинения.

Представлявший обвинение прокурор тоже встал.

— Обвинение будет решительно протестовать против любого послабления.

— Вы меня не расслышали, — сказал Лэнс. — Я прошу *не* послабления по обвинению в убийстве, а полного снятия всех обвинений. Мой подзащитный также желает заявить, что он не виновен по обвинению в интимной связи, так что суду придется предоставить убедительные доказательства, исключая показания свидетелей, которые либо мертвы, либо имеют ярые предубеждения против кроликов, что очевидным образом доказывается их причастностью к организации «Две ноги — хорошо». Список участников этой группировки я приложу в качестве первого доказательства защиты. Что же касается признания моего подзащитного, мы вернемся к нему позже, когда я докажу, что он дал его под давлением, хотя полиция и не имела к этому никакого отношения.

Когда Лэнс де Ежевичный закончил свою

короткую речь, повисла тишина. Протоколисты переглянулись и пожали плечами, а два прокурора на стороне обвинения недоверчиво уставились на Лэнса.

— Честно говоря, вы меня заинтересовали, мистер де Ежевичный, хотя и не убедили, — сказала судья, — но я выслушаю ваши аргументы.

Лэнс поблагодарил судью и продолжил:

— Убийство может быть совершено лишь одним человеком по отношению к другому человеку. Нам известно, что мистер Ллисъ имел двойной таксономический статус, из-за чего в рамках данного дела он считается человеком, и я бы хотел оспорить эту презумпцию. Поскольку он находился в доме Кроликов с целью их убийства, из этого следует, что в вечер его гибели мистера Ллисъа нужно считать лисом, ведь, если он им не был, то, по закону, он не имел права убивать кроликов, равно как и человек не имеет права убивать очеловеченных кроликов. Закон предоставляет нам эту защиту.

Он выдержал паузу.

— В таком случае раз жертва по закону была лисом, значит, мой подзащитный всего лишь человек, застреливший лиса, что разрешено законом 1854 года «Об уничтожении вредителей в

сельской местности».

Представитель обвинения снова встал.

— Мы согласны с тем, что, с точки зрения закона, для убийства кроликов мистер Ллисъ должен был считаться лисом, а для того, чтобы признаваться жертвой убийства, человеком. Но мы утверждаем, что в момент убийства мистер Ллисъ был человеком, поскольку он еще не совершил никаких деяний, из-за которых мог бы считаться лисом в глазах закона.

Однако Лэнс еще не закончил.

— Вопрос заключается не в желании — причем произвольном — моего уважаемого коллеги признать лиса человеком или лисом. Вопрос в намерении. Если мистер Ллисъ вошел в дом семейства Кроликов с единственной целью вселить в них ужас и убить, то его необходимо считать лисом, а в таком случае его убийство не может считаться преступлением.

— Формально адвокат защиты прав, — сказал представитель обвинения, — но поскольку мы не знаем, какие намерения были у мистера Ллисъа, когда он вошел в дом Кроликов, невозможно доказать, что он находился там, чтобы их убить. Возможно, он хотел допросить Кроликов или сделать предупреждение. Или просто попросить

стакан воды.

— Лис не заходит в дом кролика по иной причине, — сказал Лэнс, — однако я согласен с тем, что узнать его помыслы невозможно. Но согласно ли обвинение с тем, что намерения жертвы непосредственно влияют на его таксономический статус?

— Мы согласны, ваша честь, — сказал прокурор.

— Хорошо, — сказал Лэнс. — Тогда на основании этого я хотел бы заявить, что и намерения *лица, совершившего преступление*, также влияют на таксономический статус жертвы. Я утверждаю, что мистер Нокс находился в том доме, чтобы поохотиться на лисиц, и, согласно заявлениям стороны обвинения, мистер Ллисъ должен быть таксономически классифицирован как лис, и, следовательно, его убийство человеком не наказуемо законом.

Слова Лэнса, похоже, скорее позабавили, а не разозлили сторону обвинения.

— Неужели сторона защиты, — высокомерно начал прокурор, — действительно хочет убедить суд в том, что их подзащитный собирался поохотиться на лисиц? Мне вряд ли нужно напоминать защите, что суд опирается не на домыслы и фан-

тазии, а на твердые доказательства. Обвиняемый в своем признании никак не упоминает лисью охоту, и принять такую аргументацию можно лишь с очень большой натяжкой. На фотографиях, представленных в качестве доказательств, рядом с обвиняемым нет ни своры собак, ни коня, ни охотничьего рога, да и одет он не для охоты.

В зале суда раздались смешки, но кролики, сидевшие на местах для публики и ловившие каждое слово Лэнса, не издали ни звука.

— Ах да, — сказал Лэнс, — то признание, которое я упоминал раньше. Мистер Нокс боялся покушения на свою жизнь со стороны группы сторонников превосходства гоминидов «Две ноги — хорошо». Широко известно, что они ненавидят кроликов и недолюбливают всех, кто убивает лисов. Также, несмотря на все, что вы читали в СМИ, существуют веские косвенные улики, указывающие на то, что именно они сожгли дотла дом Кроликов, подожгли дом мистера Нокса и убили семейство Кроликов в их собственном доме. Более того, они угрожали мистеру Ноксу наказанием, которому, как известно, обычно подвергают людей, вставших на сторону кроликов: им отрезают большие пальцы, чаще всего болторезом. Эта угроза, как суд может наглядно убедиться, была

приведена в исполнение, несмотря на то, что мистер Нокс согласился во всем признаться. Таким образом, его признание не заслуживает доверия и должно считаться недействительным.

Последовала короткая пауза. Кто-то вошел в заднюю дверь зала суда, вышел вперед и передал записку младшему из прокуроров. Он прочел записку, после чего встал.

— Если суд не возражает, — сказал прокурор, — я только что получил шокирующие сведения, имеющие отношение к сегодняшнему заседанию. Представитель защиты, мистер Лэнс де Ежевичный, не обладает профессиональной квалификацией, позволяющей ему представлять людей в суде. Таким образом, он совершил мошенничество, дав заведомо ложные сведения о себе, и должен немедленно покинуть зал суда и ожидать заведения уголовного дела.

Я видел, что, когда Лэнс только начал говорить, младший прокурор стал строчить под столом сообщения, и понял, что происходит. Лэнс не просто так притворялся некомпетентным дурачком.

— Мы бы также хотели попросить прервать заседание, — сказал старший прокурор, — до тех пор, пока мистер Нокс не сможет найти подходящего представителя.

Лэнс, однако, ни капли не смутился.

— Мой диплом о юридическом образовании, — громко и четко сказал он, — был предоставлен суду. Также у обвинения было достаточно времени, чтобы проверить данные о моей квалификации, чего сделано не было. Мое присутствие нужно здесь лишь для того, чтобы дискредитировать защиту и дать моему подзащитному максимально возможный срок. Мне позволили представлять мистера Нокса, и даже настаивали на этом, с одной-единственной целью — чтобы я потерпел неудачу.

Я ждал, что судья вмешается, но она этого не сделала.

— Но в свете обвинений моего уважаемого коллеги, — продолжал Лэнс, — я прошу суд представлять мистера Нокса не в качестве адвоката, а в качестве «друга Маккензи»[66].

— Это же смешно, — сказал прокурор. — Статус и квалификацию мистера де Ежевичного нужно рассматривать отдельно, и я вынужден снова самым настойчивым образом попросить отложить слушания.

---

[66] Примечания: 66

Человек, не имеющий юридического образования, который может помогать одной из сторон в суде. Посмотрите историю бракоразводного процесса четы Маккензи 1970 года.

Повисла тишина, и все уставились на судью, которая, в свою очередь, посмотрела сначала на Лэнса, а затем на обвинителей.

— Суду неприятно узнать, что мистер де Ежевичный не имеет законного права здесь выступать, — сказала она, — и, поскольку он все-таки явился сюда в качестве адвоката защиты, я заявляю о неуважении к суду и назначаю ему штраф размером в один фунт, который должен быть оплачен до конца этого дня. Что касается его просьбы стать другом Маккензи, я не вижу причин отказывать ему в этом. Напротив, мы обязаны это допустить. Я также должна предупредить сторону обвинения, что я приняла к сведению замечания мистера де Ежевичного, и суд наведет справки. Если его жалоба окажется оправданной, я намереваюсь выдвинуть обвинения против всех, кто пытался воспрепятствовать правосудию. Вы меня поняли?

— Да, ваша честь, — сказал представитель обвинения.

— Хорошо, — сказала она. — Мистер де Ежевичный? Пожалуйста, продолжайте.

Лэнс прочистил горло и подытожил уже сказанное: что я дал признание под давлением и угрозами — это было очевидно из-за отсутствия

у меня больших пальцев, — и что я находился в доме Кроликов, чтобы поохотиться на лисиц.

— Да, действительно, — сказал старший прокурор, — любопытный вопрос лисьей охоты. Не потрудится ли защита предоставить суду доказательства этому смехотворному утверждению, учитывая, что в доме не было ни лошадей, ни собак?

На этот раз никто не смеялся, и Лэнс вытащил из папки несколько фотографий.

— Прошу суд обратить внимание на фотографии места преступления номер 8, 17, 34, 26 и 38. На всех них можно отчетливо видеть сову. Я также хотел бы обратить ваше внимание на фотографию 78, сделанную следующим утром, на которой виден сгоревший дом мистера Нокса, а также отчетливо виден вольер. Еще у меня имеется подписанный чек, представленный в качестве второго доказательства защиты, который показывает, что данный вольер был доставлен мистеру Ноксу за неделю до происшествия.

Он остановился, чтобы сделать глоток воды.

— В законе 2004 года «Об охоте» ясно сказано, что для загона лисицы можно использовать хищную птицу. Хищная птица, принесенная самим мистером Ноксом, присутствовала в Хем-

лок Тауэрс, когда мистер Нокс занимался вполне законным делом — уничтожал вредителей. Я снова прошу суд снять с моего подзащитного все обвинения и отпустить его на свободу.

— Этих снимков не было в заявленных перед заседанием доказательствах, — сказал представитель обвинения, — что говорит о вопиющем нарушении процессуальных норм.

— Согласна, — сказала судья. — Я снова вменяю мистеру де Ежевичному неуважение к суду и увеличиваю его штраф на еще один фунт. Что же касается снятия обвинений с мистера Нокса, я нахожу аргументы мистера де Ежевичного вескими, и, учитывая неоднозначный таксономический статус мистера Ллисъа, я больше не вижу достаточных оснований полагать, что мистер Ллисъ в момент убийства был человеком. На основании этого я снимаю обвинения в убийстве. Касаемо обвинений в «интимной связи», я нахожу, что признание мистера Нокса, в свете нападения на него в тюрьме, нужно считать сомнительным, и потому оно не может быть признано судом. Без него я не вижу оснований для обвинения и потому снимаю его тоже.

Среди людей в зале пронесся коллективный вздох недовольства, а кролики разразились трое-

кратным «ура». Следующие слова судьи были адресованы Лэнсу.

— Мистер де Ежевичный, на сегодняшнем заседании я была так же впечатлена вашими способностями, как и разочарована попытками стороны обвинения подорвать верховенство закона. Предупреждаю вас, мистер де Ежевичный, что в будущем вам не стоит подавать о себе ложные сведения, поскольку другие судьи могут оказаться не столь снисходительны. Считайте это формальным выговором. Мистер Нокс, вы свободны и можете идти.

Судья после этого встала, встали и присутствующие, и через десять минут я уже моргал, стоя на ступенях снаружи суда.

— На данный момент мой подзащитный не дает комментариев, — сказал Лэнс, когда мы стали пробираться через толпу репортеров к ожидавшему нас «Кроличьему такси» — на этот раз прелестно страшненькому «Форду Гран Торино» 1973 года.

— Нффиффр хрфф ниффрх? — спросил таксист, пожилой, заеденный вшами кролик с одной-единственной дыркой в ухе, причем такой огромной, что на дуэли он, должно быть, дрался гаубицей.

— В Колонию № 1, — сказал Лэнс, — и побыст-

рее.

Таксист действительно поехал «побыстрее», хотя и очень относительно: он разогнался аж до сорока миль в час, что было лишь на 12,62 мили в час меньше исторического рекорда скорости для кроликов-водителей. Думаю, тогда я и понял, как им удается так долго держать свои машины в сохранности.

— Это разве разумно? — спросил я. — Наверное, я последний человек, которому стоит приближаться к колонии Мэй Хилл.

— Вам нужно быть там, — сказал Лэнс.

— Почему?

— Потому что Банти предвидела, что развязка близко… и нам понадобится любая помощь.

Кроличья Колония № 1

После составления трехмерной карты лабиринтов Колонии № 1 под ней обнаружилась целая сеть туннелей, причем, удивительным образом, пустот там было больше, чем земли. Это дало начало новому ответвлению математики, которой позже воспользовались, чтобы значительно улучшить амортизирующую пену.

Мы молча выехали из Херефорда в сторону Росс-он-Уай, и я не говорил до тех пор, пока мы не проехали Хэрвуд Энд.

— Вы впечатляюще выступили в суде, — сказал я. — Спасибо.

— Не благодарите меня, — сказал он, — благодарите преподобную Банти и мистера Финкла. Это они придумали весь план. Я лишь бойко и уверенно повторил слова.

— Вы и правда собираетесь учиться на юриста? — спросил я.

— Может быть, — сказал Лэнс, — но одних кроликов-юристов будет недостаточно. Чтобы

другие поняли нашу точку зрения, нужны еще и кролики-судьи. Когда все правовые системы планеты настроены против любых животных-нелюдей, добиться успеха почти невозможно. Нам бы хотелось вам помочь — у Кроличьего Пути все-таки масса преимуществ, — но, возможно, люди просто не созрели для того, чтобы делить с кем-то планету.

— Зачем вообще мне помогать? — спросил я. — В смысле, вы же могли просто оставить меня отбывать мое пожизненное и ухом не повести.

— Верно, — сказал Лэнс, — но второй круг Лаго символизирует восстановительное самоправосудие — ответственность за собственные ошибки, за выбор и его последствия, за проступки. Вы не убивали мистера Ллисъа и поэтому не должны отправляться в тюрьму. К счастью, перехитрить британскую правовую систему относительно легко. Ваши миллиардеры постоянно это делают. Нам вообще кажется, что Лондон — это одна большая схема по отмыванию денег, привязанная к впечатляющей системе общественного транспорта и нескольким музеям, где, даже в самых честных из них, лежит больше награбленного, чем в съемном гараже одного моего приятеля Чалки в Уорчестере.

Мы немного поболтали, и я узнал, что сегодняшнее выступление Лэнса в суде было его первым *уголовным* делом, но не первым гражданским иском. Суд еще не вынес постановление по его запросу, который заключался в том, можно ли считать чек из зоомагазина на имя Ежевички — домашнего предка Лэнса — доказательством того, что он проживал здесь до Очеловечивания. Если да, то достаточно ли такого документального свидетельства, чтобы дать британское гражданство примерно пятидесяти тысячам кроликов, носившим фамилию де Ежевичный.

— И что, так можно? — спросил я.

— С точки зрения закона все обоснованно, — сказал он, — но АКроПаСК все время подтасовывает карты на правовом поле, так что, наверное, ничего не получится.

Пока мы ехали, таксист включил радио, и в новостях я был гвоздем программы. Почти все сходились во мнении, что «нечистый на руку кролик-адвокат» воспользовался «лазейкой в законе», чтобы «отмазать» меня. Юристы-лисы уже вовсю трудились, чтобы закрыть эту лазейку, а также начались разговоры о том, чтобы подать апелляцию на решение судьи, которая, очевидно, потворствовала «отвратительно предвзятой кро-

личьей повестке, направленной против людей». Как бы там ни было, похоже, эта история еще не закончилась.

Когда мы приблизились к Колонии № 1, то увидели, что к ней стянули внушительную военную силу. Среди деревьев были припаркованы грузовики и танки, а по полям вокруг рассредоточились артиллерийские установки, приведенные в боевую готовность.

— Дальше я вас отвезти не могу, — сказал пожилой таксист, поскольку дорога к колонии была перегорожена баррикадой примерно в миле от главного входа. Тут же стояла внушительная толпа людей, судя по всему, разбивших лагерь мира. На виду красовались транспаранты, провозглашавшие равенство прав всех животных, поддержку вегетарианства и заботу об экологии. Были и другие плакаты, с антилисьими лозунгами, хотя и всего лишь пассивно-агрессивными — все-таки злить лис было неразумно. Полицейские тоже были здесь. Они стояли со скучающими лицами, опираясь на свои противодемонстрационные щиты, а вокруг на шезлонгах сидели лисы, слушавшие Карузо по заводному граммофону, потягивавшие вино «Кьянти» и игравшие в криббидж.

— Вам нужно взять с собой вот это, — сказал Лэнс, передавая мне закрытую картонную коробку длиной, шириной и высотой примерно в фут.

— Что это?

— О, просто припасы, — сказал он, — жизненно важные для нашего дела.

— Ладно, — ответил я, немного забеспокоившись. — Но как же я попаду внутрь?

— Идите прямо к входу, — сказал он. — Полагаю, они не посмеют вас и тронуть.

Я сжал обе его лапы своими беспалыми ладонями. Так было даже удобнее, и мы как будто становились ближе, словно наши руки и лапы, а вместе с ними и наше взаимопонимание, соединялись целиком и полностью.

— Прощайте, Питер, — сказал Лэнс с чувством приближающегося конца, — было весело. Может быть, мы с вами еще увидимся по ту сторону.

— О чем это вы?

— Еще увидите.

Я вышел из машины, которая неторопливо отъехала, и подошел к барьеру, где нервно гоготали несколько полицейских. Как правило, они держались подальше от Крольнадзора. Чем дальше стоишь от тех, кого поливают грязью, тем меньше шансов испачкаться.

— Простите, сэр, — сказал старший офицер, кажется, инспектор, — сейчас вход в Колонию № 1 запрещен.

— Меня зовут Питер Нокс, — сказал я. — Мне нужно поговорить с руководящей лисицей.

Инспектор либо не следил за новостями, либо не понял, какое это имеет отношение к делу, либо ему просто было все равно. Так что он просто с нажимом повторил то, что уже сказал: что колония закрыта.

К счастью для меня, неподалеку стояли военные, и старший по званию бригадир подошел и отозвал инспектора на пару слов. Слов оказалось намного больше, так как разговаривали они минут пять. Наконец инспектор позвонил куда-то по мобильнику, несколько раз кивнул, а затем снова подошел ко мне.

— Вас разрешено пропустить, — сказал он, — но в сопровождении военных, а не полиции. Они отправили за вами машину.

Затем он наклонился ко мне поближе и негромко сказал:

— Между нами, сэр, будь я на вашем месте, я бы развернулся и пошел туда, откуда приехал. Не оборачивайтесь, не раздумывайте и не останавливайтесь, пока не окажетесь дома, в

безопасности, вместе со своей семьей.

— У меня нет семьи. По крайней мере, там.

— Тогда советую вам ее найти. Что в коробке?

Я опустил глаза на картонную коробку, которую мне дал Лэнс.

— Я не знаю.

Он забрал у меня коробку, передал второму полицейскому, который ее открыл, заглянул внутрь, затем снова запечатал и вернул мне.

Я стоял на месте, пока не подъехала машина — военный полноприводный внедорожник с двумя вооруженными бойцами в кузове, похожими на спецназовцев. Ну или на то, как я себе *представлял* спецназовцев, — они были увешаны оружием, как рождественская елка гирляндами. Но они не были угрюмыми или задумчивыми, а напротив, говорили вполне жизнерадостно.

— Питер Нокс, верно? — сказал первый, указывая на мои руки. Бинты сняли уже неделю назад, но кожа там все еще была розовой, а шрамы, аккуратно заштопанные в «Скорой помощи», походили на тонкие красные застежки-молнии.

— Это я, — ответил я.

— Я слышал, вы перехитрили лиса, — сказал второй. — Снимаю шляпу. Что в коробке?

— Я не знаю.

Я повернулся, чтобы посмотреть на КПП, откуда мы только что уехали, и увидел, как полицейские поспешно расходятся по своим грузовикам, а их место занимают военные. Я заметил, что где-то несколько танков завели свои двигатели — над этими местами поднялись большие клубы черного дыма.

— Нам дали добро на операцию «Заячий хвост», — сказал первый офицер, слушавший передачу по шлемофону.

— «Заячий хвост»? — спросил я.

— Принудительное Переселение, — сказал солдат и подмигнул мне.

— И в чем вы собрались их переселять? — спросил я, глядя по сторонам. Мы въехали на просторную парковку у главного входа в Колонию № 1. Вокруг не было ни одного автобуса. Ни на парковке, ни на подъездной дороге. Я с содроганием понял, что никакого Переселения не будет и в помине. Несмотря на то что вечер был теплым, я вдруг похолодел.

Внедорожник остановился у бронированной техники — на этот раз у бронетранспортеров, укомплектованных лисами, — и, что было еще более зловеще, у нескольких бульдозеров. Меня проводили к большой палатке, табличка у ко-

торой гласила: «Штаб командования». Пока мы шли, я видел, как гражданские и полицейские продолжали садиться в свои машины и уезжать, а прямо за штабной палаткой какой-то младший офицер бросал бумаги в костер, полыхавший в железной бочке. Меня проводили в шатер, проверили картонную коробку, которую мне дал Лэнс, и сказали ждать. Я воспользовался возможностью, чтобы осмотреться. На стене висела большая карта Колонии № 1 с наложенной поверх схемой подземных туннелей — тех, которые были известны. В небольшой группе присутствующих я разглядел Найджела Сметвика, говорившего с какими-то лисами, и нескольких высокопоставленных военных офицеров. Лисица, которая, похоже, была здесь главной, посмотрела на меня, а затем жестом пригласила подойти.

— Джосамин ллъис, — сказала она, пожимая мне руку. — Вы перехитрили лиса и заслуживаете от меня хотя бы минимального уважения.

Как по мне, внешне она почти ничем не отличалась от мистера Ллисъа, разве что была на дюйм пониже, да и с мехом порыжее. Чтобы помочь людям различать их по полу, лисицы носили за ухом цветочек, и я был готов поклясться, что точно такие же можно было купить в магазинах

аксессуаров «Клэрс» менее чем за фунт.

— На этот раз вы избежали правосудия, — сказал Сметвик, — но это еще не конец. Что вы здесь делаете?

— Меня попросили прийти.

— Зачем?

— Думаю, чтобы помочь.

Мисс ллъис и Сметвик переглянулись.

— Вы можете попытаться помочь, — неприятно улыбаясь, сказал Сметвик, — но, если вы войдете туда и все начнется, вы и все люди, которые окажутся внутри, будете признаны незаконными комбатантами, материально поддержавшими противоправный мятеж, в ходе которого против рабочей группы, желавшей лишь помочь законному переселению, была применена чрезмерная сила.

— Вы собираетесь убить их всех, не так ли? — необычайно расхрабрившись, сказал я. — Все сто пятьдесят тысяч душ.

— Нам очень не хочется этого делать, — без толики искренности сказала мисс ллъис, — но как только падет Колония № 1, остальные четыре быстро подчинятся нам. Кролики подобны непослушным детям, мистер Нокс, и иногда их нужно наказывать. С социальной и экономической то-

чек зрения Мегакрольчатник выгоден всем, и он *будет* использован.

— Дорогая Джосамин иногда бывает немного грозной, — сказал Сметвик. — Для человека с улицы подобные действия властей могут показаться непонятными, и хотя обычно граждане Соединенного Королевства на нашей стороне, общественное мнение — тварь изменчивая. Вы считаете, что сможете вернуть кроликов за стол переговоров?

Судя по тому, что я узнал о кроликах за последние два месяца, ответ был однозначный — нет. Но я хотел попасть внутрь, а другого способа у меня все равно не было. К тому же мне льстило, что он думал, будто я могу сыграть во всем этом какую-то роль.

— Я могу попытаться.

— Замечательно! — сказал Сметвик, передавая мне свою визитку. — Если до восьми часов вечера вы мне не позвоните, я передам командование лисам. Уверен, вы хорошо понимаете, что это значит. Все-таки исторически лисы очень вольно толкуют понятие «сдержанности».

Он похлопал меня по плечу, а затем постучал по коробке, которую я держал.

— Что в коробке?

— Думаю, что-то для кроликов.

Он поманил к нам опера из Крольнадзора, который забрал коробку, поставил ее на небольшой столик, заглянул внутрь, снова закрыл и принес обратно.

— Скажите, — сказала мисс ллъис, провожая меня по пустырю до главных ворот, — зачем все-таки Торквил Ллисъ пришел в дом Кроликов в тот вечер?

Внушительные двустворчатые ворота охранял один-единственный часовой, а административные здания по обе стороны от главного входа были темны и пусты. Я посмотрел на часы. Только что пошел седьмой час. До операции «Заячий хвост» оставалось еще два.

— Он думал, что Констанция Кролик имеет отношение к Подполью и знает местонахождение Банти.

— А она знала?

— Скорее всего, нет.

— К рассвету Банти будет у нас под стражей, — сказала мисс ллъис, — даю вам свое слово.

— Вы никогда ее не поймаете, — сказал я. — Она каждый раз оказывалась на три шага впереди вас. Это не я перехитрил лиса, а она — и она снова это сделает. Ваши дни сочтены, как и дни мистера

Ллисъа. И знаете что? Вы даже понять не успеете, как все произошло.

На кратчайший миг я увидел, как глубоко под нахальной самоуверенностью высокоразвитого хищника по чертам мисс ллъис промелькнуло сомнение. Ощущение… собственной *смертности*.

— Ерунда, — сказала она. Уверенность вернулась к ней быстро. — Сделайте, что можете, чтобы установить мир. Вступить в бой было бы весело, да и выплаты за каждого убитого озолотят всех нас так, как мы и мечтать не смели… но, если смотреть шире, зачистка не выгодна никому.

— На удивление милостивая точка зрения для лисицы.

— Вовсе нет. Зачистка Колонии № 1 лишь усилит решимость кроликов в других колониях, а не ослабит ее. Так что нам придется убить и их тоже. А если все пройдет по плану Сметвика и мы зачистим всех, неужели вы думаете, что люди с радостью примут нас в свое общество и дадут спокойно наслаждаться пенсией? Нет. Нас пригласили за господский стол лишь для того, чтобы сделать грязную работу и, если все полетит к чертям — а когда-нибудь так и случится, — чтобы под боком был козел отпущения, на которого можно указать пальцем. Вина людей, как всегда,

будет возложена на лисов, обстоятельства, а впоследствии и на саму историю.

— Сметвик действительно этого хочет? — спросил я. — Уничтожить их всех?

— Если Переселение не удастся и удар будет нанесен, то да. Но слушайте, — продолжала она, — мне, как и всем лисам, нравится убивать кроликов, однако коммерчески нам гораздо выгоднее их послушание, а не уничтожение. Так что, как ни странно, да, я хочу, чтобы вы попытались и добились мира. У вас два часа. Хорошего вам вечера, мистер Нокс.

Посмотрев в глазок, стражник отодвинул засов и открыл небольшую дверь, прорезанную в одной из створок больших ворот. Я набрал в грудь побольше воздуха, постоял секунду, а затем впервые вошел в Колонию № 1.

Начало конца

«Битвой» ее назвали для того, чтобы казалось, будто стороны были одинаково сильны и что в ее исходе были какие-то сомнения. Пойди сражение по плану, более правдиво было бы назвать его «бойней». Но оно пошло по-другому.

Шагнув за ворота, я остановился и внезапно осознал, что вошел в мир, который до недавнего времени был для меня закрыт. Я все еще чувствовал себя здесь чужаком и понимал, что никогда не стану «своим», но еще я знал, что Пиппа и Конни будут где-то неподалеку и что я не одинок.

Я огляделся, ожидая увидеть столпотворение кроликов, вооруженных всем, что было под рукой, но рядом никого не оказалось. Пространство между первыми воротами и вторыми, куда тягачи с прицепами обычно привозили компоненты и увозили собранные товары, было пусто. Я подошел ко вторым воротам, которые, как я заметил, были приотворены.

— Есть кто? — сказал я, просовывая голову в дверь. Судя по всему, там никого не было, так

что я шагнул внутрь. Слева и справа от меня находились колл-центры и заводы, а вперед уходила единственная магистраль, ведшая к многочисленным рядам земельных наделов, под которыми располагалась сеть туннелей. За ними возвышался сам Мей Хилл, на вершине которого торчала округлая рощица деревьев, прерывавшая горизонт. В воздухе висел пьянящий запах лугового рагу, и ветерок доносил до меня далекие звуки джаза.

— Это Питер Нокс? — послышался вблизи голос Дока. — Твои силуэт и походка дают мне только 42 % уверенности.

Я сказал, что я действительно Питер, и он вышел из тени.

Я улыбнулся, но вместо того, чтобы пожать мне руки, он обнял меня.

— Значит, ты выбрался из Хемлок Тауэрс, — сказал я.

— Подпалил себе усы, когда вернулся в туалет на первом этаже за картиной Киффина Уильямса, — сказал он. — Чуть не забыл ее. Дурак. Но в остальном я жив-здоров. Слышал, тебе большие пальцы оттяпали?

Я показал ему свои руки.

— Вот что бывает, когда играешь с ножница-

ми, — широко улыбаясь, сказал он.

— Пиппа здесь? — спросил я.

— Цела и невредима. Мы следили за твоим судом по радио. Ну и мозги у этого Лэнса де Ежевичного, да?

— Лучшие. Он сказал, что вам нужна моя помощь.

— Да, верно. Иди за мной и коробку возьми.

Мы направились в сторону молельни Лаго.

— Когда они собираются напасть? — спросил Док.

— Ровно в восемь.

— Да, мы слышали так же. Главное, чтобы они напали первыми, а мы защищались. Тогда можно будет сопротивляться как угодно.

Он постучал по своим передним зубам коготком, и они зазвенели, как дорогой фарфор.

— У них есть пушки, — сказал я, — большие.

— Я знаю, — сказал он. — Никто особо и не ждет благополучного исхода, хотя у Констанции и преподобной Банти есть еще несколько козырей в рукавах. Умные крольчихи эти двое, умнее меня. Кстати говоря, — сказал он, — мы еще не решили вопрос с нашей дуэлью. Констанция дала добро, так что ты сам хочешь бросить мне вызов, или мне тебя вызвать? По традиции, это должен де-

лать муж-претендент, то есть ты, но я не гордый.

— Разве сейчас время и место для этого? — спросил я. — И потом, ничего не было.

— Даже если и не было, — со вздохом сказал он, — я видел, *как* вы друг на друга смотрите. Ты думаешь, что в этом нет никакого вреда, но если ты возжелал яичницу с беконом, то ты уже позавтракал в душе своей.

— Как забавно и глубоко.

— Это К. С. Льюис, — задумчиво сказал он. — Великолепный писатель, но с одним грешком: ты знал, что во всем цикле про Нарнию нет ни одного говорящего кролика? Он, очевидно, не считал, что мы этого заслуживаем. И даже не напоминай мне про Лапушку Гуса или кролика «Дюрасел» — унизительно стереотипные персонажи, просто невероятно оскорбляющие наше достоинство. Братец Кролик и Багз Банни больше всего похожи на настоящих кроликов, хотя в кино и театре золотой стандарт — это Харви. Идеальное соотношение сострадания, образованности и беззаботности.

— Я этого не знал, — сказал я, радуясь, что он хотя бы пока позабыл о дуэли. — А что насчет кролика Роджера?

— Моего дядюшки? Он заведует кальянной

в Россе, где обычно читают Вольтера.

— Нет, я о фильме.

— А… Насчет него вопрос пока остается открытым. Кролики-психологи целые конференции по нему проводят, и мы до сих пор не можем понять, что он видел в Джессике. Так у тебя есть дуэльный пистолет или ты хочешь взять мой второй?

— Меньше чем через два часа на вас спустят всех лисиц, которых только найдет Крольнадзор, а за ними в бой пойдут тысячи оперативников и британская армия, — сказал я. — Ты *правда* думаешь, что нам нужно драться на дуэли *сейчас*?

– *Mais oui*, мой маленький бесшерстный друг. Ты влюблен в мою жену, так что нам с тобой нужно во всем разобраться. Не бойся, я хорошо стреляю. Ты выстрелишь и сильно промахнешься, я выстрелю и промахнусь самую малость. Честь будет восстановлена. Все просто. Держи.

Он распахнул пиджак, под которым оказались два пистолета, засунутые за пояс.

— Заряженные, — сказал он, — и, поскольку вызов бросаю я, ты выбираешь.

Я посмотрел на пистолеты. У одного на ручке был серебряный крокодил, а у другого в цевье был изящно врезан перламутровый кролик. «У пушки с ушками косая мушка, но с крокодилом

на ручке пистолет стреляет кучно». Если бы я сам стрелял плохо, все это не имело бы значения. Но в школе я выигрывал соревнования на пистолетах.22 калибра, однажды представлял графство и занял третье место.

— Ты поэтому хотел, чтобы я приехал в Колонию № 1? — спросил я.

— Незаконченное дело, — сказал он, — так что отчасти да.

Он не ошибался в том, что я был влюблен в Конни. Думаю, я всегда ее любил, и, думаю, она чувствовала то же самое. Но она и Док были воителями, бесстрашными и целеустремленными, беззаветно преданными своему делу. Они друг другу подходили. Кроме того, Док был хорошим кроликом, и ради его чести я должен был пойти на это, так что я выбрал пушку с ушками и кривой мушкой. Раз уж я собрался проиграть дуэль, то нужно было дать Доку все шансы выстрелить метко.

— Подожди минутку, — сказал я, сообразив, что для победы в кроличьей дуэли нужно было попасть по ушам своего соперника, не убив его. — У меня же нет ушей… ну, достаточно больших.

— Я об этом подумал, — сказал Док, доставая из кармана своего пиджака и протягивая мне

сложенный поварской колпак.

— Если ты не против, — сказал он, явно в восторге от мысли о дуэли, — мы не станем искать туманное болото и ждать рассвета, а покончим с этим сейчас. С двадцати шагов, согласен?

Я надел поварской колпак, мы встали спина к спине, разошлись, а затем повернулись друг к другу. У пистолета.22 калибра отдачи почти не было, но дуэльный пистолет, из которого я никогда раньше не стрелял, был заряжен тяжелой пулей, и отдача должна была направить выстрел вверх. И потом, у меня была пушка с кривой мушкой. Я никак не мог по нему попасть.

— Ты первый! — крикнул Док, держа пистолет опущенным. Он почти превратился в сплошной силуэт с длинными торчащими ушами и большим пузом.

Я взвел курок, прицелился Доку прямо над головой и выстрелил. Из дула пистолета вырвался огонь, но, к моему неудовольствию, заряд был слабее, чем я ожидал, и моя рука оказалась тверже, чем я думал. Я увидел, как на самой верхней кромке правого уха Дока появилась засечка — пуля слегка задела его.

— Хороший выстрел, сэр! — воскликнул Док. — Моя очередь.

Я задержал дыхание, когда он направил на меня пистолет, а затем в самый последний миг он отвел его влево и выстрелил. Пуля, не причинив вреда, вошла в дверной косяк магазина, продававшего подержанные кальяны. Он опустил пистолет и улыбнулся.

— Честь восстановлена, — сказал он. — Конни твоя. Поднимай свою коробку, и я отведу тебя в молельню. У нас есть для тебя очень важная работа.

Когда он зашагал прочь, мне пришлось побежать, чтобы догнать его.

— Что это сейчас было? — сказал я. — Ты *нарочно* выстрелил мимо.

— Вовсе нет, — возмущенным тоном сказал он, — как тебе в голову могло прийти, что я так опорочу мое доброе имя. Кроме того, — прибавил он, — я вызвался добровольцем, чтобы вечером повести первую волну против нападающих, так что сегодня для меня все кончится. Некоторым из нас не суждено вернуться домой.

Он остановился и повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Вокруг трутся всякие недостойные самцы, и я бы хотел, чтобы у вас с Конни был шанс. Я знаю, что она тебя любит и всегда любила, и она

захочет, чтобы ты отправился домой с ней. Она будет этому рада, и я буду рад знать, что она в хороших руках.

Он протянул лапу, и я вернул ему пистолет.

— Я пятнадцать лет работал на Крольнадзор, — сказал я. — Я помогал им в их чудовищных делах. Я не хороший человек.

— Но ты доказал, что *можешь* им быть, — сказал Док, — вот что важно. Ты снял вину с Констанции, и тысяча кроликов сохранили свои жизни. Ты исправился, Питер. Не каждому это дано. Считай, что тебе повезло.

Мы подошли к круглой двери молельни Лаго.

— Ладно, — сказал он, — вот здесь нам и понадобится твоя помощь.

— Ты хочешь, чтобы я обратился к Большому Кроличьему Совету? — сказал я. — И попытался в последнюю минуту заключить какую-нибудь сделку? Я могу передавать сообщения между вами и Сметвиком, и, пожалуй, у меня даже есть кое-какие соображения.

— И в мыслях такого не было, — сказал он, почему-то сочтя мои слова забавными. — Кролики гораздо умнее тебя пытались и потерпели неудачу на этом поприще. Ты здесь не для того, чтобы помочь нам, спасти нас, повести нас к свободе

или как-то еще поделиться своей мудростью. Никаких заезженных до дыр клише про «гоминида-спасителя» сегодня не будет. Спасибо, но нам своих проблем хватает.

— Тогда что я должен делать?

Док открыл дверь молельни. За ней оказался просторный зал, внутри которого находилось примерно двести кроликов — все они были стариками, детьми или просто инвалидами. Также там затесалась кучка людей, но Пиппы среди них не было. Столы были составлены в пять рядов по семь в длину, и в центре каждого находилась большая стопка разрезанного хлеба. Перед каждым рабочим местом на столах стояли упаковки маргарина из одуванчиков, а в воздухе витали сплетни на английском и кроличьем.

— Ты будешь готовить сэндвичи, — сказал Док. — Важно, чтобы перед нападением все поели.

— Вы привезли меня в колонию, чтобы делать сэндвичи с огурцом?

— Каждый вносит свой вклад по своим способностям. Кроме того, у нас почти закончились салфетки. Нельзя подавать сэндвичи с огурцом

на тарелках без салфеток[67]. Так просто не делается.

Я открыл коробку, которую мне дал Лэнс, и действительно, она была доверху забита салфетками. Красивыми. Белоснежными. Ажурными.

— Здравствуйте, мистер Нокс, — сказал Кент, который, похоже, был здесь главным, — вы можете заняться нарезанием огурцов. Это гораздо удобнее делать, когда у вас есть пальцы — даже без больших вы намного ловчее нас. Мы можем резать, но не *тонко*, а секрет по-настоящему вкусных сэндвичей с огурцом заключается именно в этом.

Я повернулся, чтобы попрощаться с Доком, но он уже ушел. Думаю, он специально исчез тихо. Наш разговор завершился, и мы достигли взаимопонимания. Мне было не суждено ни увидеть его снова, ни узнать, что с ним случилось. Скорее всего, он встретил свою смерть с бо#льшим мужеством, чем я когда-нибудь смогу найти в себе. Я занял место рядом с девушкой, у которой тоже не было больших пальцев. Она вежливо кивнула, дала мне острый нож, и я начал резать, хотя и не

---

[67] Примечания: 67

Если вы не знакомы с традицией английского чаепития, речь идет о круглых салфетках с узорами, на которых подаются пирожные и сэндвичи.

без труда. Я лишь недавно потерял пальцы, и это был первый нож, который я держал в руках с тех пор, как с меня сняли арест.

— А вы подготовились, — с улыбкой сказала она.

— Простите?

— Поварской колпак надели.

Позже я узнал, что мы были одной из двадцати шести рабочих групп, готовивших сэндвичи с огурцом — любимый перекус кроликов в моменты неопределенности, когда нужно было успокоить нервы. Морковки ели чаще для удовольствия и в качестве повседневной пищи, а листья одуванчиков, когда хотели просто поболтать — в качестве аналога чашки кофе со слойкой. Редькой спасались от похмелья, пастернак ели, когда нужно было набраться сил, а репу, когда в кладовке больше ничего не оставалось. И они пили чай галлонами, но его готовил кто-то еще.

Я работал полтора часа и нарезал, наверное, несколько сотен огурцов. Готовые сэндвичи, посыпанные солью и с отрезанными корками, отправлялись к кроликам-официантам, которые клали их на подносы и курсировали туда-сюда между нами и бойцами. Мы работали несколькими сменами, так что всем удалось выйти наружу,

сказать защитникам пару слов в поддержку и попрощаться. Доходившие до нас вести не сулили ничего хорошего. В воздухе было замечено множество дронов, и кто-то видел дополнительные единицы артиллерии, которые заняли позиции и остались ждать в боевой готовности. У главных ворот сосредоточились танки и бульдозеры, а пехота выстроилась за танками на случай, если у кроликов окажется оружие, о котором они не знали. И везде впереди всех стояли *лисы*, сотни и сотни ворчащих, воющих и фыркающих от предвкушения убийц, превратившихся в кровожадный ковер рыжей ненависти.

Большую часть этого я узнал намного позже, когда собирал сведения для своей книги. Сметвик первым предложил, а затем умолял применить огнеметы для зачистки лабиринтов нор, поскольку кролики, говорил он, «полны сюрпризов». К чести командира армии, он сказал Сметвику: «Если хочешь выкинуть подобный фортель, старик, то можешь отправить туда своих людей. Но в мою смену мучить кроликов никто не будет. Я не собираюсь обходить постановления МУС[68] на основании таксономической классификации

[68] Примечания: 68

Судя по всему, он имел в виду Международный уголовный суд, а не «Манчестерское управление снукера».

лишь для того, чтобы меня схватило за шкирку Королевское общество защиты животных. Будем применять только обычное вооружение. Любые перегибы будут под твою ответственность, так что не забывай об этом».

Хотя я был занят и охвачен необычным всеобщим чувством неизбежности, подспудно я думал о своем собственном выживании, то есть о том, чтобы сдаться первому встречному человеку. Я знал, что лисы, скорее всего, захотели бы отомстить. Они бы наверняка узнали меня хотя бы потому, что на моей шее все еще висел лисий коготь.

Битва за Мей Хилл

С тех пор люди приняли кроличий «Круг Полноты Жизни», и движение до сих пор растет. Кто-то говорит, что ради этого кролики и пришли – чтобы дать нам новую веру, новый подход к жизни. Как и все, я стараюсь придерживаться Пяти Кругов настолько, насколько это позволяет моя человеческая сущность.

— Отдохните, мистер Нокс, — сказал Кент, когда я взялся за последний огурец. — Почему бы вам не отнести поднос маме? Она на вершине холма вместе с преподобной Банти и командирами.

Я взглянул на часы. Половина восьмого. Тридцать минут до нападения.

Я загрузил поднос, снял поварской колпак и вышел из молельни в колонию. Все было тихо, вокруг лишь сновали официанты с подносами, разносившие сэндвичи с огурцами и предлагавшие еще чаю. Кролики выстроились у входов шеренгами глубиной до десяти, готовые обороняться, когда прибудет первая волна лисов.

Я направился к вершине Мэй Хилл, где, чтобы

наблюдать за битвой, расположилось командование. Мне понадобилось время, чтобы добраться туда, и, когда я прибыл, было уже без пяти восемь.

— Я принес перекусить, — сказал я, когда разговоры на время прервались. Я заметил, что вокруг одни крольчихи, все Дикие, и все говорили на кроличьем. Конни заметила меня и подошла вместе с преподобной Банти, чтобы поесть.

— То, что нужно, — сказала Конни, быстро съедая один за другим несколько сэндвичей. — Рада, что ты пришел. Я слышала, Лэнс хорошо справился.

Я это подтвердил, а затем поблагодарил их обеих за то, что оставили мне лазейку. Преподобная Банти сказала, это меньшее, что они могли сделать, но когда я сказал, что оставлю их руководить битвой, Конни попросила меня остаться.

— Ты должен быть здесь, — просто сказала она. — Вы с Доком все решили на дуэли?

Я кивнул.

— И?

— Он дал мне выиграть.

— Я думала, что он может так поступить.

— Эта битва, — сказал я, — вы можете в ней победить?

— В традиционном смысле нет, — сказала Конни, — но иногда, когда играешь на перспективу, можно проиграть битву и выиграть войну.

— А убийство мистера Ллисъа что-нибудь изменило?

— Оно показало, что лисов может и должна настигать справедливость. Мистер Ллисъ убил более трех тысяч кроликов — это только те, о которых мы знаем, — и он бы не остановился.

— Но разве он не был всего лишь исполнителем? — спросил я. — Разве убирать нужно было не Сметвика?

— Мы старались получить отсрочку и одновременно с этим накалить обстановку. Все должно происходить вовремя. Ты еще увидишь.

Они продолжили обсуждать тактику, и я стоял рядом, чувствуя себя лишним и бесполезным.

— Привет, пап.

Ко мне по коротко стриженной траве холма подбежала Пиппа.

Я обнял ее, и она сказала, что она здесь с Харви. Тот помахал мне из-за стола связистов, расположившегося под дубом. Перед ним стояла примерно дюжина полевых телефонов, которые иногда звонили. На них отвечал клерк, который потом записывал сообщение на бумажке и пере-

давал ее адьютанту преподобной Банти.

— Они не смогут победить, — сказал я Пиппе.

— Думаю, они об этом знают, пап… но ведь многое зависит от того, что ты понимаешь под победой.

— Но ты-то в порядке?

Она посмотрела на Харви, затем снова на меня и улыбнулась самой лучезарной улыбкой.

— Я никогда не была так счастлива.

Я собирался сказать ей, что давным-давно хотел это от нее услышать, но меня прервал мощный взрыв, превративший половину ворот в руины. Наступление началось. Послышался громкий треск координированного артиллерийского огня, и залп снарядов влетел в колонию, взрываясь промеж грядок с огурцами и фасолью. Я услышал рев танковых двигателей, въехавших в разрушенные ворота вслед за бульдозерами. Но страшнее всего были возгласы, гиканье, крики и лай воодушевленных лисов и вопли испуганных кроликов.

Пока мы смотрели и слушали, стоя среди столбов дыма, поднимавшегося вверх и стелившегося по холму, у северных ворот раздался второй взрыв, и еще один залп артиллерии разнес сады, обнажив освещение туннелей внизу.

Я видел, как Конни смотрит сквозь клубящийся дым на богатую, плодородную землю Глостершира. На его мягкую почву и густую траву. Лето еще не закончилось, и вечерами до сих пор было достаточно светло, чтобы кролики могли всласть попрыгать. Конни повернулась к преподобной Банти, и они обе согласно кивнули.

— Я завершу круг, пока не пострадали слишком многие, — сказала Банти. — Я думала, что наше присутствие в этом мире хотя бы заставит людей остановиться и подумать, но, похоже, этому не бывать. По крайней мере, пока. Возможно, это еще случится. Будем надеяться. Вам лучше попрощаться.

Конни повернулась ко мне.

— Для нас все плохо складывается, Пит. Нам нравилось кататься на машинах, разговаривать и смотреть телевизор, да и носить одежду и ужинать в ресторанах было просто здорово. Но эта ненависть, этот страх, эта жадность. *Они же просто бессмысленны.* Вы пытаетесь построить мир двадцать первого века, думая и рассуждая как неандертальцы.

— Думаю, такова наша природа.

— Я не согласна, — ответила она. — Люди прекрасно понимают, как нужно себя вести, и часто

так и делают. Но как же становится грустно, когда одно правильное действие тонет в бесконечных разговорах, ведущихся не ради того, чтобы найти путь вперед, а ради оправдания мелочной зависти и бестолковых предрассудков. Если вы собираетесь говорить, то говорите по существу, пусть ваш разговор будет полезным и прогрессивным, а не отвлекает внимание и попусту тратит ваше время на то, чтобы оправдать неоправданное и отложить настоящий диалог, который все равно должен состояться.

Иногда, чтобы сказать, как быть хорошим человеком, нужен не человек. Сметвик, АКроПаСК, «Двуногие» и все те, кто обвинял кроликов в неразумном перенаселении, зашли в своем лицемерии до предела, хотя на самом деле им стоило обвинять самих себя. Не кролики были кроликами, а мы сами.

— Что за круг вы завершаете? — спросил я, когда молельня стала жертвой прямого попадания и окуталась огненным взрывом.

— Мы возвращаемся домой, — просто сказала она. — Пока что мы сделали все, что могли.

Я посмотрел на Пиппу, крепко прижимавшуюся к Харви, и понял, в чем состоял их план. Какая бы сила ни дала кроликам человечность, она же

с легкостью могла ее забрать. Очеловеченные кролики действительно возвращались домой, в свое исходное состояние.

Они видели достаточно. *Они собирались обратиться вспять*.

Конни крепко сжала мою руку своими лапами.

— Пойдем со мной? — сказала она. — Я не могу обещать, что у нас будет интеллектуальная жизнь, и в ней точно не будет булочек, малинового джема, «Панорамы» и фильмов братьев Коэн. Но мы сможем скакать по лугам сколько захотим — а это уже здорово, — и мы с тобой будем вместе.

Я посмотрел вокруг. Почувствовав, что круг вот-вот завершится, кролики начали отступать с передовой, и я видел, как показался первый танк. Он на миг замер, а затем выстрелил, и снаряд просвистел у нас над головами и прорвался через кроны деревьев.

— Я не уверен, что из меня получится хороший кролик, — сказал я. — И потом, я недостаточно сделал, чтобы это заслужить. Я не убивал мистера Ллисъа, я всего лишь взял на себя вину, а в том, чтобы поступить правильно, нет ничего храброго, благородного или особенного. Я мог сделать гораздо больше раньше, причем по своей воле.

Но не сделал.

— Ты сделал *хоть что-то,* — сказала Конни. — Крошечные перемены происходят благодаря крошечным действиям.

— И «крошечного» достаточно?

— Большинство могут сделать лишь это. Не всем нам быть революционерами, но если с проблемой борется достаточно людей, то они могут что-то изменить. Так ты пойдешь?

— Кто-то должен рассказать эту историю, — сказал я. — Тебе придется вернуться домой одной.

— Тогда, быть может, в другой раз?

— Да, — сказал я, — быть может, в другой раз.

Она улыбнулась и поцеловала меня, прямо там, среди свистящих снарядов, пролетавших над нашими головами, и испарений бездымного пороха. Только что заработали гаубицы, и грохот разрывающихся боеголовок заполнил воздух.

— Прощай, Питер, — сказала она, бросая взгляд туда, где над горизонтом взошла полная луна. — Я вернусь и найду тебя. Не сразу, но я это сделаю.

Я открыл рот, чтобы попрощаться, но она и остальные кролики уже исчезли. Не *полностью*, конечно же, — они лишь вернулись в то состояние, которое сами для себя выбрали, отказавшись от всего, что делало их людьми. Я посмотрел себе

под ноги и увидел ее — маленькую крольчиху с коричневой шубкой, размером не больше кошки. Она была накрыта упавшим в грязь летним платьем, тем же самым, в котором она пришла в библиотеку много недель назад, невинно хлопая глазами и прося книгу «Крольчиха и предубеждение». Она, казалось, испугалась и припустила прочь, скача из стороны в сторону так, словно от этого зависела ее жизнь, и вскоре скрылась из виду в мохнатом ковре других паникующих кроликов, стремящихся убраться восвояси. Наступление быстро заглохло, когда Крольнадзор сообразил, что враг исчез и они обрушивают всю свою мощь на обычных полевых кроликов. Я стоял там, чувствуя себя опустошенным, потерянным и сломленным. Все, что я сам о себе думал, все, что, как мне казалось, символизировала моя страна, оказалось неправильным. Я не был особенным, и в конечном счете я ничего не изменил. Я был соучастником преступлений, совершенных против кроликов, и я предал собственное чувство природной справедливости. *Я думал, что был хорошим парнем.* Я не был прощен, я не изменился, я остался таким же порочным человеком, каким был до того, как Конни случайно вернулась в мою жизнь. Единственной разницей между мной то-

гда и теперь было то, что я все это осознал. Теперь судить Питера Нокса нужно было по тому, что он сделает с этим знанием в грядущие месяцы и годы. Я довольно долго стоял там, прислушиваясь к недоуменным крикам лисов и к тому, как стихает и замолкает артиллерийская канонада.

— Нокс? — сказал незнакомый мне лис. Он только что взбежал на вершину холма, безуспешно разыскивая кроликов. — Тот самый, который убил Торквила?

С ним пришли еще пятеро. Они были раздеты до пояса, и их рыжий мех казался еще ярче в отблесках пламени, охватившего всю колонию.

— Да, — сказал я, больше ничего не отрицая, — Питер Нокс, бывший опознаватель Херефордширского отделения Крольнадзора.

Они двинулись на меня, но я не шевелился. Смысла все равно не было. Я знал, как быстро могут передвигаться лисы.

— Как же мы сейчас повеселимся, — сказал первый лис, широко оскалившись и обнажив влажные от слюны клыки. — Я всегда хотел узнать, каково это — убить человека. Но ты не переживай. Это расплата не только за Торквила, но и за все те охоты.

Я не стал говорить, что никогда не участвовал

в охоте на лис, а вместо этого пробормотал «виновен по всем пунктам» и закрыл глаза.

Круг завершился не только в Колонии № 1. К тому моменту, когда взошла полная луна, каждый очеловеченный кролик вернулся домой. Несмотря на это, Найджел Сметвик приказал продолжать наступление на тот случай, если это какая-то кроличья уловка. Уловки не было, и пресса осмеяла его за «войну против кроликов», а потом вернулась к другим темам вроде внезапной отмены сериала «Катастрофа», или обсуждения того, какой Доктор Кто лучше — старый или новый, или кто что про кого сказал в Твиттере. К концу месяца Корпус королевских инженеров заминировал туннели, и все колонии превратились в дымящиеся развалины. Через год землю расчистили и снова отдали под сельское хозяйство.

В качестве прощального жеста и чтобы опровергнуть клеветников, говоривших, что у кроликов нет чувства юмора, кролики забрали лисов с собой. И сделали они это как раз вовремя, по крайней мере для меня. Мои пятеро палачей перевоплотились в шаге от меня и быстро убежали в кусты, сбитые с толку и напуганные. Однако, в отличие от кроликов, у лисов остались воспо-

минания об их прошлой жизни, и они много раз пытались проникнуть в эксклюзивные рестораны и гостиницы Лондона. Ресторану «Савой» пришлось нанять егеря, который за шесть недель прикончил пятьдесят восемь из них, и теперь в Глайндборне можно часто увидеть лисиц, с тоской смотрящих на исполнителей из леска поблизости.

Не все животные перевоплотились. Через три года Фирьяли Слон избрали президентом Кении, и на протяжении последних шестнадцати лет она замечательно справляется с этой работой. Сейчас ее пример слоновьей политической системы преобразует Африку. В Соединенном Королевстве обратное Очеловечивание не затронуло далматинца и барсука, которые, как я слышал, до сих пор продолжают свое комедийное шоу «Пятна и полоски», все еще несмешное, но по-прежнему оригинальное. Выжившие морские свинки через десять лет были условно-досрочно освобождены, менее чем через неделю снова нарушили закон и теперь снова сидят. Адриан Куницын сменил имя на Артур Булстроуд, но ему это не помогло: его и всех остальных куниц до конца года нашли мертвыми при подозрительных обстоятельствах. Гусеница все еще находится в Музее естественной

истории, и ей или ему еще предстоит перевоплотиться в бабочку. Что же касается пчел… Никто не знает, что стало с пчелами.

Последствия

Возвращение вызвало столько же вопросов, сколько и Очеловечивание. Шли годы, и возможность нового Очеловечивания будоражила умы всех тех, кто познал молчаливую простоту Кроличьего Пути. С каждым полнолунием появляется новая надежда. Мы наблюдаем, и мы ждем.

Питер Нокс, «Пришествие кроликов», 326 страниц, издательство «Hodder & Stoughton», дата первой публикации – октябрь 2028

Когда вымещать ненависть на кроликах стало невозможно, Найджел Сметвик обратил свой гнев на «всех непохожих». Сторонники АКроПаСК последовали его примеру и при помощи простой подмены понятий быстро и эффективно изменили конституцию партии и ее заявленную миссию. Сметвик проиграл на следующих выборах, поскольку после исчезновения кроликов его идеи о «превосходстве гоминидов» стали не такими актуальными. Он ушел из политики, но остался активным участником ток-шоу. Идеи раздора

всегда можно монетизировать.

Служба по надзору за кроликами была расформирована, а сотрудники уволены с щедрыми выплатами. Из-за чьей-то оплошности приказ о моем увольнении не прошел, и мне заплатили, как и всем остальным. Я так и не вернулся в Муч Хемлок, но, насколько знаю, там все осталось по-прежнему. Подполковник Слокомб взял на себя мои обязанности по Скоростному Библиотекарству и стал новым мистером Мейджором. Он все еще использует мою систему кодов, за что я ему благодарен. По сей день Муч Хемлок так и не выиграл конкурс «Спик и Спан».

Я получил страховые выплаты за мой сгоревший дом, продал землю и переехал в Рейадер, где я купил себе большой дом с участком и с видом на Мегакрольчатник. Я занялся составлением подробной пятидесятипятилетней хроники Очеловечивания и, похоже, лучше всего подходил для этой задачи. Из всех людей, живших в пяти колониях на момент Возвращения, семьдесят шесть решили не уходить. Для своей книги я опросил шестьдесят восемь из них. Людей, решивших пойти с кроликами, было около четырех тысяч, но результаты подсчетов разнятся. Их официально объявили «пропавшими без вести».

Патрик Финкл и Пиппа были среди них.

Когда участок Мегакрольчатника продавался, я выкупил входную зону, административные здания и сорок акров земли под норы, где впоследствии основал Музей Очеловечивания. Ему уже девять лет, и на данный момент он является пятой по популярности среди туристов достопримечательностью центрального Уэльса. Первой стала заново открытая железнодорожная ветка, по которой сейчас ходит паровой ретропоезд.

Конни понадобилось два года, чтобы найти меня и поселиться в моем саду. Я с легкостью узнал ее по разноцветным глазам — одному лиловому, цвета колокольчиков, и одному коричневому, цвета свежего лесного ореха, — но если в ней и осталось хоть что-то от прошлой жизни, я этого не видел. Она вела себя так же, как и обыкновенный дикий полевой кролик. Харви присоединился к ней через неделю. Его было легко опознать по отсутствию ушей, а вместе с ним — *всегда с ним, всегда вместе*, — пришла крольчиха поменьше. Ее было бы невозможно отличить от других кроликов, если бы не одна-единственная сережка на правом ухе — подарок от меня на ее восемнадцатилетие, который она никогда не снимала. Она двигалась неуверенно, но это не мешало

ей кормиться едой, которую я им оставлял, а ее мускулистые передние лапы компенсировали другие слабости. Я страшно по ней скучал, но это был ее выбор, остаться с Харви и полностью принять Кроличий Путь, и я уважал ее решение.

Кролики были любопытными, но приручить их не удавалось, и колония остается там и по сей день. Та, кого я однажды знал как Констанцию, жила дольше всех. Бывало, она приходила ко мне на террасу и вопросительно смотрела на меня, пока я готовил завтрак, но убегала, стоило мне открыть дверь.

Этого и следовало ожидать. Все-таки она была всего лишь кроликом.

Благодарности

Прежде всего я в долгу перед моим агентом Уиллом Фрэнсисом и редактором Кэролин Мейс, которые положительно восприняли первый, сильно недоработанный черновик «Вечного кролика». Им хватило дерзости увидеть, что в основной идее что-то есть и из нее может получиться что-то добротное.

Множественные отсылки к фильму «Придворный шут» — моя дань уважения классической картине; но я должен заметить, что стишки о дуэльных пистолетах — это переделанный диалог Марты Рэй и Боба Хоупа из фильма «Никогда на отчаивайся», адаптированный под сцену о «пилюле с ядом». Я также позаимствовал строчку из рассказа Спайка Миллигана и фильма Мела Брукса — двух титанов комедии, которые, я надеюсь, меня простят.

Информация о кроликах была взята из «Википедии» и прекрасной книги Локли «Частная жизнь кролика». Я извиняюсь перед всеми жителями Херефордшира, неустанно борющимися с неравенством в этом мире и считающими, что их

в какой-то степени несправедливо оболгали. Я же должен был куда-то поместить действие книги.

Моя благодарность команде издательства «Hodder» и особенно Лили Купер за их бесконечную поддержку. Также я благодарю остроглазых Шарону Селби и Оливию Дэвис.

Обложка оригинального издания была нарисована Биллом Мудроном из Портланда, штат Орегон. Другие примеры его работ можно посмотреть на сайте: https://www.billmudron.com/, и он с радостью обсудит возможность заказа.

Наконец, Оззи, упоминание которого не должно удивить моих читателей. Хотя он уже не так охотно бегает за палкой, он все еще ходит на прогулки с не меньшим энтузиазмом, чем собаки вдвое моложе его. Я ценю его дружбу больше, чем дружбу с многими людьми.

Джаспер Ффорде
Февраль 2020